

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО - ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

2

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Передовая — За большевистскую бдительность	1
И. Дворкин — Изменение в советской Конституции и II интернационал	15
М. Каммари — «Философия права» Гегеля	26
В. Светлов — Проблема классов у Адама Смита и Рикардо	57
О. Розенблюм — К вопросу о логике «Капитала» Маркса	80
И. Луппол — К вопросу о политических взглядах Ж.-Б. Робинэ	102
Е. Ситковский — Э. Б. де Кондильяк и его «Трактат об ощущениях»	121
А. Максимов — «Философия природы» Гегеля	139
О. Лепешинская — Фило- и онтогенез у детки	177

С НАУЧНОГО ФРОНТА

С. Саркисов — Работы Института мозга при ученом комитете ЦИК СССР . . .	192
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ф. Константинов — О книге Луппола «Дени Дидро»	200
А. Реуэль — Программные документы коммунизма	221

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

1935 г.

Март—апрель

№ 2

СОДЕРЖАНИЕ

...едовая — За большевистскую бдительность! (1). И. Дворкин — Именины советской Конституции и II интернационал (15). М. Каммари — «Философия права» Гегеля (26). В. Светлов — Проблема классов у Адама Смита и Рикардо (57). О. Розенблюм — К вопросу о логике «Капитала» Маркса (80). И. Луппол — К вопросу о политических взглядах Ж.-Б. Робинза (102). Е. Ойтковский — Э. В. де Кондильяк и его «Трактат об ощущениях» (121). А. Максимов — «Философия природы» Гегеля (139). О. Лепешинский — Фило- и онтогенез клетки (177). С НАУЧНОГО ФРОНТА: С. Саркисов — Работы Института мозга при ученом комитете ЦИК СССР (192). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ: Ф. Константинов — О книге Луппола «Дени Дидро» (200). А. Реуаль — Программные документы коммунизма (221).

За большевистскую бдительность!

Рабочий класс Страны советов под руководством нашей партии во главе с товарищем Сталиным добился в строительстве социализма огромных достижений, которые привели к коренным изменениям как в экономике, так и в соотношении классовых сил нашей страны. Все эти достижения тов. Молотов резюмировал на VII съезде советов в одной краткой, но выразительной формуле: «Россия нэповская стала Россией социалистической».

Основной итог нашей борьбы в области промышленности заключается в том, что наша страна стала индустриальной и металлической, капиталистические элементы в промышленности ликвидированы, а материальное и культурное положение рабочего класса на этой основе из году в год неуклонно растет.

В области сельского хозяйства: кулачество разбито и в основном ликвидировано, завершена в основном сплошная коллективизация, навсегда покончено с нищетой в деревне, а основные массы трудящихся крестьян, пришедшие в колхозы, превратились в непосредственных строителей социализма. Растущие совхозы и МТС оказывают величайшую помощь в деле большевизации колхозов, в развитии социалистического земледелия и животноводства.

В области товарооборота: частнокапиталистический сектор ликвидирован, развернута советская (государственная, кооперативная, колхозная) торговля стала единственным видом торговли в нашей стране.

В области внешних взаимоотношений: СССР освободился от иностранной импортной зависимости; теперь Советский союз не только прекратил импорт сложных машин и черного металла, но стал вывозить (экспортировать) из СССР целый ряд промышленных товаров, раньше бывших предметом ввоза.

В результате этих успехов в области промышленности, сельского хозяйства и товарооборота произошло коренное изменение в соотношении между социалистической собственностью, частной и частнокапиталистической.

Коренной итог этих изменений в экономике СССР состоит в том, что капиталистический сектор уже ликвидирован, мелкотоварный сектор отнесен на второстепенные позиции, а социалистический сектор является безусловно господствующим; социалистическая собственность стала единственной основой советского строя.

Эти изменения в области экономики повлекли за собой и коренные изменения в соотношении классовых сил в нашей стране. В результате развернутого социалистического наступления по всему фронту наша партия и страна добились крупнейших успехов по пути ликвидации капиталистических элементов и классов вообще. Экономическая база из-под классового врага выбита, классовый враг разбит. Сделан крупный шаг вперед по пути к ликвидации классовых различий между рабочим классом и крестьянством. С победой колхозного строя непосредственными строителями социализма являются не только рабочие, но и подавляющее большинство трудящихся масс крестьянства, вступивших на колхозный, социалистический путь развития.

Все эти изменения в экономике страны и в соотношении классовых сил сделали возможным внесение некоторых изменений в советскую Конституцию.

Но было бы грубейшим извращением большевизма и указаний товарища Сталина успокаиваться на достигнутых успехах, «почивать на лаврах», впадать в оппортунистическое благодушие и самоуспокоение, полагать, что классовая борьба в нашей стране уже закончена.

Классовый враг разбит, но еще не добит. Классовые различия между рабочим классом и крестьянством еще не ликвидированы, социалистическая переделка трудящихся масс крестьянства далеко еще не завершена, живучи еще пережитки капитализма в сознании людей.

То обстоятельство, что мы находимся на одном из последних этапов переходного периода, вовсе не снимает того общего, что характеризует переходный период от капитализма к социализму; это общее и основное, характеризующее переходный период, а именно «борьба между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом», целиком относится и к данному этапу социалистического строительства.

Данный период является периодом борьбы за окончательное уничтожение остатков капиталистических элементов в нашей стране. Остатки эксплуататорских классов до конца еще не ликвидированы; не ликвидированы не только в том смысле, что в нашей стране сохранились еще «недобитки»

классового врага, но и в том смысле, что «процесс рождения новых капиталистических элементов еще окончательно не прекратился, так как в стране имеется еще мелкое, раздробленное крестьянское хозяйство, имеются ремесленники, кустари, лжеартели» («Правда» от 29/III с. г.).

Кроме того нельзя забывать, что Ленин считал классовой борьбой не только борьбу против эксплуататорских классов и их недобитых элементов. Ленин рассматривал в качестве новых, особых форм классовой борьбы в эпоху пролетарской диктатуры руководство и социалистическую переделку рабочим классом трудящихся масс крестьянства; воспитание в рабочих массах социалистической трудовой дисциплины Ленин также рассматривал как своеобразную форму классовой борьбы в переходный период.

Правые оппортунисты пропагандируют контрреволюционную теорию затухания классовой борьбы в нашей стране; извращая ленинское учение о диктатуре пролетариата, они пытаются представить дело таким образом, будто классовая борьба в нашей стране «отпадает» по мере сокращения частнокапиталистического сектора. Партия во главе с товарищем Сталиным давно разоблачила эту антиленинскую теорию правых оппортунистов. Товарищ Сталин неоднократно подчеркивал, что чем быстрее мы продвигаемся вперед, тем острее классовая борьба:

«Не бывало еще в истории таких случаев, чтобы умирающие классы добровольно уходили со сцены». Именно потому, что умирающие классы становятся слабее, говорил товарищ Сталин, они чувствуют последние дни своего существования и вынуждены сопротивляться всеми силами, всеми средствами.

Враги диктатуры пролетариата и социализма не прекратили своей борьбы и сопротивления, они лишь изменили тактику борьбы.

Классовый враг не решается сейчас на открытую борьбу: он разбит и изолирован. Но это не означает, что он примирился с положением и прекратил сопротивление. Наоборот, классовая злоба и ненависть его усилились; нельзя забывать неоднократных указаний товарища Сталина, что чем безнадежнее положение врагов советской власти, тем острее их сопротивление, тем меньше они стесняются в средствах борьбы. Эти люди не могут повернуть колесо истории назад, не могут изменить направление нашего развития или остановить ход социалистического строительства, но они еще могут напасть и причинить огромный вред партии, рабочему классу и социалистическому строительству, если наши организации не повысят революционной бдительности и не изгонят из практики имеющие еще место в отдельных организациях оппортунистическое благодушие и самоуспокоенность. В предсмертных судорогах классовый враг может принять любой облик: он готов прикинуться другом советской власти и партии, для того чтобы ослабить нашу бдительность и нанести нам удар из-за угла. Убийство тов. Кирова подлыми подонками зиновьевской контрреволюционной группы, скатившейся на фашистские позиции, указывает, в какие формы могут вылиться злоба и месть классового врага и как классовый враг использует для своей подлой, контрреволюционной деятельности малейшее ослабление клас-

совой бдительности. Занести руку над головой тов. Кирова, одного из любимых вождей партии и рабочего класса, могли только самые отъявленные и злостные враги диктатуры пролетариата и социализма.

Товарищ Сталин в начале 1933 г. в речи об итогах первой пятилетки предупреждал о неизбежности обострения классовой борьбы во второй пятилетке и возможности оживления на этой основе деятельности осколков контрреволюционных, оппозиционных элементов, для борьбы с которыми необходимо дальнейшее повышение революционной бдительности.

«Надо иметь в виду, — говорил товарищ Сталин, — что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против советской власти. Нет такой пакости и клеветы, которую бы эти бывшие люди не возвели на советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных, оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв.

Вот почему революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо теперь большевикам»¹⁾.

На XVII партийном съезде товарищ Сталин вновь возвращается к вопросу о революционной бдительности. «Врагов партии, оппортунистов всех мастей, национал-уклонистов всякого рода разбили, — указывал товарищ Сталин. — Но остатки их идеологии живут еще в головах отдельных членов партии и нередко дают о себе знать».

«Почва для таких настроений, несомненно, имеется в нашей стране хотя бы потому, что у нас все еще существуют некоторые промежуточные слои населения как в городе, так и в деревне, представляющие питательную среду для таких настроений... Все еще существует капиталистическое окружение, которое старается оживлять и поддерживать пережитки капитализма в экономике и сознании людей в СССР и против которого мы, большевики — должны все время держать порох сухим»²⁾. И на ряде ярких примеров товарищ Сталин показал, что «остатки идеологии разбитых антиленинских групп вполне способны к оживлению и далеко еще не потеряли своей живучести»³⁾.

Вот почему необходимо дальнейшее повышение классовой бдительности на всех участках социалистического строительства.

Важнейшим средством повышения революционной бдительности является дальнейшее укрепление всех органов, всех звеньев системы пролетарской

¹⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 510. Изд. 1934 г.

²⁾ Там же, стр. 579—580.

³⁾ Там же, стр. 581.

диктатуры. Некоторые изменения нашей Конституции и расширение советского демократизма являются одним из важнейших мероприятий по дальнейшему укреплению диктатуры пролетариата. Рост советской пролетарской демократии, вовлечение трудящихся в управление государством Ленин и Сталин всегда рассматривали как могучее средство усиления и укрепления органов Советского государства. Как указывал в своем докладе на VII съезде советов тов. Молотов, «в предлагаемом сейчас изменении избирательной системы виден рост силы пролетарского государства и его уверенность в победе». «Советская власть черпает свои силы в росте активного участия масс во всем государственном управлении, в усилении массового контроля за работой всего государственного аппарата снизу до верха... Имея в своих руках такой аппарат, как Советское государство, и проявляя действительную революционную бдительность в отношении классового врага, ненависть которого ввиду наших успехов не знает никаких пределов, рабочий класс СССР вместе с колхозным крестьянством добьется полной победы своего дела» (доклад тов. Молотова об изменениях в советской Конституции. Разрядка наша).

Дальнейшее вовлечение широких трудящихся масс рабочих и колхозников в советский государственный аппарат, дальнейшее расширение советского демократизма обеспечивают массовый контроль над всеми советскими и хозяйственными органами и являются лучшим орудием для обезвреживания происков классового врага.

Важнейшее значение в деле повышения революционной бдительности имеет также знание и тщательный подбор людей.

Важнейшим мероприятием партии является поэтому создание отделов партийных кадров и секретариатов в 63 городских комитетах партии, имеющих целью улучшение организационной и пропагандистской работы.

Отделы партийных кадров ставят своей важнейшей задачей не только подбор и проверку наличных партийных кадров, но также создание и воспитание новых кадров руководящих партийных работников. «Надо, — говорил товарищ Сталин в беседе с делегацией металлургов в декабре 1934 г., — беречь каждого способного и понимающего работника, беречь и выращивать его. Людей надо заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбванное плодородное дерево».

Рабочий класс и колхозное крестьянство выдвинули за последние годы новый, пришедший от станка и трактора актив, полный энтузиазма в работе и самоотверженно преданный партии и делу социализма. Яркие выступления на II съезде колхозников-ударников воочию показали нам этих знатных людей страны — неисчерпаемый резервуар мощи партии и Советского государства.

Эти массы энтузиастов социалистической стройки, в особенности наша, советская молодежь, нуждаются в систематическом большевистском воспитании. Нельзя забывать, что, не зная истории героической борьбы революционного пролетариата, истории ленинской партии, ее борьбы с врагами

рабочего класса и их оппортунистической агентурой, не зная тактики, приемов их борьбы, иногда и преданные делу социалистического строительства, некоторые молодые товарищи попадают на удочку классового врага.

Вот почему идеологическая вооруженность, в первую очередь коммунистов и комсомольцев, вооружение знанием именно основ марксистско-ленинской теории, глубоким, всесторонним знанием истории нашей партии является одной из важнейших задач в повышении революционной бдительности. Эта работа по повышению идеологической вооруженности членов партии и комсомола многообразна и многостороння. Стройная и целостная программа ее была намечена товарищем Сталиным на XVII съезде партии.

Товарищ Сталин наметил следующие «задачи в области идейно-политической работы:

- 1) Поднять теоретический уровень партии на должную высоту;
- 2) Усилить идеологическую работу во всех звеньях партии;
- 3) Вести неустанную пропаганду ленинизма в рядах партии;
- 4) Воспитывать парторганизации и окружающий их беспартийный актив в духе ленинского интернационализма;
- 5) Не замазывать, а критиковать смело отклонения некоторых товарищей от марксизма-ленинизма;
- 6) Систематически разоблачать идеологию и остатки идеологии враждебных ленинизму течений».

Все эти задачи в области идейно-политической работы имеют первостепенное значение для всего последующего этапа нашего развития, для преодоления пережитков капитализма в сознании людей, для разрешения всех задач, стоящих во второй пятилетке.

Прежде всего должно получить практическое осуществление указание товарища Сталина на необходимость поднятия на должную высоту теоретического уровня нашей работы. Это повышение теоретического уровня ни в коем случае не должно быть превращено в чисто академическое, схоластическое штудирование теории в отрыве от практики социалистического строительства и классовой борьбы. Марксизм-ленинизм должен изучаться членами партии и комсомола как теория, дающая «силу ориентировки, ясность перспективы и уверенность в победе нашего дела» (Сталин). Усвоение большевистской стратегии и тактики партийной борьбы, выковавшихся в процессе долгого исторического развития партии, знание методов и форм борьбы партии с классовым врагом должны быть важнейшей составной частью теоретического образования и политического воспитания. Отсюда то исключительно важное значение, которое получает сейчас для повышения теоретического уровня изучение истории партии, а также истории мирового революционного движения.

Имеющее исключительно важное значение постановление пленума ленинградского городского комитета ВКП(б) от 29/III 1935 г. «О задачах партийно-организационной и политическо-воспитательной работы» совершенно правильно выдвигает на первое место «изучение истории партии, являющееся ключом к усвоению учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, и в особенности изучение послеоктябрьского пе-

риода деятельности нашей партии, имеющего решающее значение в жизни и работе партии».

Изучение стратегии и тактики нашей партии в борьбе с контрреволюционным троцкизмом, зиновьевщиной, правым оппортунизмом, «левачеством», разного рода оппозиционными и контрреволюционными группировками, изучение вместе с тем тактики, методов и уловок классового врага является важнейшим орудием, вооружающим членов партии в их борьбе со всякими происками классового врага и его агентуры, антипартийных группировок.

«К истории нашей партии,—как указывал тов. Каганович,—часто подходят формально, более или менее добросовестно излагают хронологию, вырывают отдельные факты, описывают более или менее верно отдельные события, но связи между этими фактами и событиями не вскрывают. Нужно диалектическое изучение истории партии, нужно понимание закономерностей развития, нужно, дальше, заострение внимания на главных и основных вопросах, на решающих этапах нашей революции.

Мы должны воспитывать членов партии, комсомол; мы должны поднимать новые и новые слои рабочего класса, воспитывая их на изучении истории нашей большевистской партии. А эта история не есть, как это думают многие историки-схематики, история безвозвратно прошедшего прошлого, канувшего в неизвестность вчерашнего дня. Вся наша история есть программа, стратегия и тактика, организация героической борьбы лучших, передовых элементов нашего класса за победу диктатуры пролетариата, за уничтожение классов, за коммунизм»¹⁾.

Задачи, стоящие перед партией и страной, требуют дальнейшего повышения уровня общетеоретического образования коммунистов и членов комсомола. Для правильного понимания истории нашей партии, ее стратегии и тактики необходимо также глубокое знание и международного революционного движения и понимание закономерности капитализма и специфических черт нашей советской экономики. Нужно знание философских основ марксизма-ленинизма, изучение материалистической диалектики как метода, от начала до конца пронизывающего исторический путь и борьбу нашей партии. Нельзя забывать, что борьба Ленина и Сталина за диалектический материализм на протяжении всей истории партии является важнейшей составной частью большевистской борьбы за идейную монолитность партийных рядов, за принципиальную выдержанность программы и тактики большевистской партии.

¹⁾ Л. М. Каганович «За большевистское изучение истории партии». Речь, произнесенная 1 декабря 1931 г. на собрании, посвященном десятилетию Института красной профессуры (стр. 14. Партиздат. 1932. Разрядка наша).

Как совершенно правильно указал тов. Постышев в своем недавнем выступлении на заседании пленума киевского городского партийного комитета (от 22/II 1935 г.), «нам нужно сейчас более серьезное и более глубокое знание членами партии и комсомола большевистской истории нашей партии, истории борьбы партии с разными антиленинскими течениями и группировками, истории международного революционного движения, истории Коминтерна. Нам нужно более серьезное знание и действительное понимание членами партии и комсомола закономерностей капитализма и особенно его империалистической эпохи. Нам нужно серьезное и глубокое изучение членами партии и комсомола опыта социалистического строительства в СССР. Нам нужно, чтобы актив — партийный и комсомольский — стал более глубоко осваивать философию марксизма. Нам надо, короче говоря, значительно повысить уровень марксистско-ленинского образования членов партии и комсомола и в первую очередь партийного и комсомольского актива».

Поднятие теоретического уровня членов партии требует и значительного повышения качества теоретической и научно-популярной работы научно-исследовательских институтов. Перед всем марксистско-ленинским теоретическим фронтом, перед нашими марксистскими научно-исследовательскими учреждениями со всей остротой встает вопрос о необходимости разработки ряда теоретических проблем, выдвинутых практикой социалистического строительства, и ликвидации таким образом все еще продолжающегося некоторого отставания нашей теоретической работы от практики. Теоретическое освещение закономерностей борьбы и социалистического строительства на современном этапе, освещение основных особенностей развития социалистического общества, освещение вопроса о взаимоотношении классов на новом этапе, путей укрепления диктатуры пролетариата и развития советской демократии, вопросов культурной революции и уничтожения пережитков капитализма в сознании людей, проблем литературного творчества, новых задач науки в СССР — освещение всех этих вопросов является неотложной и важнейшей задачей теоретического фронта. В частности, перед работниками философского фронта стоит задача дальнейшей разработки проблем материалистической диалектики и исторического материализма на основе изучения истории развития и борьбы нашей партии, на основе богатейшего опыта социалистического строительства в СССР и классовой борьбы на международной арене.

Не менее важное значение имеет указание товарища Сталина об «усилении идеологической работы во всех звеньях партии». В целом ряде организаций имеет место такое положение, когда основное внимание партийных организаций и парткомов поглощается хозяйственными вопросами, когда они подменяют собой советские и хозяйственные органы, забывая свои основные партийно-организационные и политико-воспитательные задачи. Пар-

тийная деятельность всех звеньев партии должна быть, по указаниям ЦК ВКП(б), насыщена идеологической работой. В этом отношении важную роль должны играть общепартийные собрания парторганизаций. Опыт показал, что в некоторых парторганизациях эти собрания не созывались по несколько месяцев, что повестка их нередко бывала загружена хозяйственными вопросами и текущими делами. Тщательная подготовка партийных собраний, докладов на них должна стоять в центре внимания партийных организаций.

Видную роль должен сыграть партийный актив, работа с которым в некоторых партийных организациях за последнее время, вопреки большевистским традициям, стала отодвигаться на второстепенный план. Еще 17 декабря 1934 г. Центральный комитет партии указал на необходимость обсуждения решений ЦК на активах городских организаций, на недопустимость превращения партийного актива в придаток пленумов обкомов и горкомов.

Важное значение для развития идеологической работы должна получить правильная постановка постоянной партийной информации, систематическое чтение членами партии газет.

Важнейшей задачей партийных организаций, как указывает товарищ Сталин, должна быть неустанная пропаганда ленинизма. Правильная и широкая помощь пропагандистской работе требует, однако, внимания к тем условиям, в которых эта пропагандистская работа протекает. Важно здесь прежде всего обеспечить нужный подбор пропагандистов. Ленин, придавая огромное значение составу преподавателей, писал в свое время товарищам, обучавшимся в школе на Капри: «Во всякой школе самое важное — идейно-политическое направление лекций. Чем определяется это направление? Всецело и исключительно составом лекторов...»¹⁾.

Между тем обследование, произведенное на ряде наших крупных предприятий и учебных заведений, показало, что подбор преподавательских и пропагандистских кадров происходит зачастую случайно, без достаточной проверки их пригодности.

В нашей преподавательской и пропагандистской работе все еще имеет место неумение связать теоретические вопросы с актуальными задачами социалистического строительства, неумение конкретизировать теоретические вопросы на современном материале, неумение заинтересовать слушателей, отсутствие должных методических навыков. Так например на заводе им. Молотова шесть пропагандистов из семнадцати оказались людьми, которым нельзя доверить идейное воспитание членов партии. Преподавательская и пропагандистская работа нередко доверялась бывшим троцкистам, зиновьевцам, правым уклонистам, протаскивавшим в рабочую среду свои антиленинские взгляды и контрреволюционные теории.

Совершенно недопустимо положение, когда, скажем, на горьковском заводе «Двигатель» руководитель кружка объясняет наше движение к коммунизму «развитием сознания» или доказывает, что труд в коммунистиче-

¹⁾ Ленин. Т. XIV, стр. 118.

ском обществе станет «развлечением», он будет «ненужен»; или, например, на Ижевском сталелитейном заводе руководитель кружка предлагает слушателям объяснить «сущность борьбы партии с демократическим централизмом», смешивая руководящие принципы построения нашей партии с оппозиционной группой «демократического централизма», и т. д.

Вреднейшим явлением в преподавании и пропаганде марксистско-ленинской теории являются отрыв теоретических вопросов от практики борьбы и социалистического строительства и схоластические методы преподавания. Пленум ленинградского городского комитета партии должен был констатировать, что за последнее время наблюдаются «тенденции отрыва пропаганды ленинизма от боевых политических задач», что «в пропагандистской работе сильны несвойственные большевизму академические и схоластические навыки», механическое переписывание планов и вопросов руководителя, заучивание на память ответов на эти вопросы, зубрежка по учебникам, отсутствие живой беседы со слушателями, живых примеров, поясняющих слушателям сущность марксистско-ленинской теории, взятых из истории их предприятия, из местных условий.

Нередки случаи, когда на пропагандистской работе используются явно негодные учебники, например троцкистский учебник Волосевича (на заводе Электросталь); в отдельных случаях сами руководители семинаров готовятся только по учебникам и не идут дальше учебников Ингулова, Волина и т. д., не привлекают к своей работе основных произведений Ленина и Сталина (завод «Серп и молот»).

Тов. Постышев в своем выступлении «О некоторых задачах марксистско-ленинского образования» совершенно правильно заострил вопрос о качестве и методах работы пропагандиста и преподавателя общественных наук. Пропагандист, указывал тов. Постышев, должен обладать теоретическими знаниями, должен выработать в себе партийную принципиальность, непримиримость, острое классовое чутье; он должен всячески пополнять свое общекультурное развитие — знание литературы, театра и пр. Пропагандист должен знать и учитывать местные условия, в особенности в национальных республиках; он должен хорошо знать условия работы и того предприятия, на котором он ведет кружки. В качестве важнейшей задачи тов. Постышев выдвинул необходимость «борьбы за ясный, понятный язык пропаганды», «борьбы против упрощенства и поверхностности в партийной учебе», против сухой зубрежки, натаскивания, превращения партучебы в «политбой» и т. п.

Чрезвычайно важное значение имеет также выдвинутая товарищем Сталиным необходимость воспитания членов партии и беспартийного актива в духе ленинского интернационализма. Борьба на два фронта — с великодержавным шовинизмом и местным национализмом — должна последовательно проводиться в нашей идеологической работе в национальных республиках и областях. Чистка партии, имевшая место в среднеазиатских республиках, выявила целый ряд фактов отсутствия бдительности и извращений в национальной политике. Выявилось, что некоторые коммунисты, живущие больше десятка лет в Средней Азии, не знают и не желают изучать языки корен-

ных национальностей. В научных и учебных учреждениях в ряде мест свили себе гнездо различные великодержавные, контрреволюционные, фашистские теории.

В ряде мест идеология местного национализма — национал-шовинизма — оказала сильное влияние на многих членов партии, теоретических работников. Так например работники Комитета науки в Узбекистане доказывали, что марксизм неприменим к объяснению жизни Востока в силу его «особой самобытности».

Общеизвестны также вскрывшиеся недавно факты засоренности целого ряда государственных и в особенности культурных учреждений местными националистами на Украине.

Чрезвычайно важное значение поэтому имеет постановка пропаганды на национальном языке. Буржуазные националисты тесно смыкаются с контрреволюционными троцкистами и наоборот; только после разгрома и разоблачения троцкистско-националистского блока на Украине значительно выросла украинизация образования и пропаганды.

Идеологическое вооружение членов партии, указывал товарищ Сталин, достигается также в процессе самокритики, в процессе смелой критики отклонений некоторых товарищей от марксизма-ленинизма. Здесь следует иметь в виду тесную связь теоретических ошибок с политическими ошибками и извращениями. Ленин неоднократно отмечал, что из небольших теоретических разногласий, если на них настаивать, в дальнейшем могут развиваться серьезнейшие политические разногласия. Самокритика невзирая на лица должна сопровождать всю нашу теоретическую работу, должна быть основным методом нашей теоретической и педагогической работы.

На данном этапе особенно важное значение для идеологического вооружения членов партии имеет систематическая работа по разоблачению идеологии и остатков идеологии враждебных классов и враждебных ленинизму течений. Необходимо подвергнуть самому всестороннему разоблачению всю антипартийную и антисоветскую деятельность представителей контрреволюционной зиновьевской группы: Каменева, Зиновьева, Сафарова и др.

Разоблачению должны быть подвергнуты также работы целого ряда представителей теоретического охвостья троцкизма, зиновьевщины. Троцкистские установки протаскивались в работах целого ряда «историков». Так, в нашей литературе уже подвергалась критике брошюра бывшего троцкиста Пригожина об общественно-экономических формациях.

Пригожин выхолащивал подлинное противоречивое развитие каждой общественно-экономической формации, выхолащивал противоречие между основными классами, игнорировал борьбу крестьянства против феодально-помещичьего строя. Отрицая марксистско-ленинское учение о классовой борьбе как основной движущей силе каждого классового общества, Пригожин явно проводил буржуазную позицию в понимании всего хода исторического развития.

Аналогичные извращения вскрыты сейчас и в постановке антирелигиозной работы в Ленинграде. Под покровительством зиновьевца Моторина

и его друга Покровского в Ленинградском музее истории религии подбирались «свои» кадры и протаскивались разного рода антимарксистские теории. Так, возникновение религии объяснялось географическими причинами, отрицалась классовая сущность религии и т. п.

В области литературной теории по линии аналогичных извращений шла двурушническая деятельность троцкиста Горбачева. Следует отметить также контрреволюционные, антимарксистские выступления некоторых буржуазных историков и теоретиков литературы. Так например проф. Преображенский в одной из своих лекций в Московском государственном университете доказывал, что античная демократия в рабовладельческом обществе была по своему характеру выше советской демократии.

Издательство «Академия» выпустило книгу «Песни французской революции», где наряду с революционными песнями опубликовало большое число контрреволюционных песен и пасквилей на Французскую революцию 1789 г.

Следует отметить также известное оживление в лагере механицизма и меньшевистствующего идеализма. Напомним хотя бы подвергшуюся уже критике работу Л. Аксельрод о диалектике Маркса и Гегеля, в которой автор в основном остается на старых, механистических позициях в своем понимании Гегеля и в своей оценке материалистической диалектики. Целый ряд серьезных ошибок допущен также в новом учебнике по диалектическому и историческому материализму тов. В. Сарабьяновым (и это несмотря на его решительное отмежевание в настоящее время от механицизма).

Следует отметить, что эти извращения марксизма-ленинизма часто имеют место в педагогической работе в вузах, в преподавании диалектического материализма, экономической теории, истории и т. д. В целый ряд вузов, на этот чрезвычайно важный участок работы с молодежью, проникли различные «бывшие» оппозиционеры, контрреволюционные троцкисты, зиновьевцы, правые и «левые» оппортунисты, что свидетельствует о притуплении партийной бдительности в ряде вузов. Засоренность некоторых наших высших учебных заведений классово чуждыми элементами еще довольно значительна. Так, проверка выяснила, что в Московском педагогическом институте им. Бубнова учились сыновья крупных торговцев, лишенных избирательного права; комсоргом, руководителем молодежи, оказалась дочь белогвардейского офицера. В одном из педагогических вузов в число студентов проник поп. В Москве, в Областном педагогическом институте, вел антисоветскую агитацию некий «профессор» Финдеев, пользуясь покровительством заведующей учебной частью, бывшей меньшевички Крупениной. В Историко-философском институте некий «историк» партии Егоров позволял себе клеветать на партию; явно меньшевистские, контрреволюционные установки развивал в вопросах экономической географии профессор Дахшлегер. В Институте им. Баумана руководитель кафедры социально-экономических дисциплин «профессор» Александров также протаскивал буржуазные теории в вопросах политической экономии. В Инженерно-экономическом институте преподаватель Вакс пропагандировал фашистскую расовую теорию. В Институте

новых языков Данилов рекомендовал по русскому языку пособия с явно троцкистско-зиновьевскими установками.

В Ленинграде, в Педагогическом институте им. Герцена,—под крылышком директора института, двурушника, бывшего троцкиста Каценбогена,—в лекциях отдельных преподавателей также протаскивались фашистские и троцкистские «теории». Так например Неопиханова позволяла себе клеветать на советскую школу; профессор психотехники Болтунов пытался протаскивать свои контрреволюционные взгляды о якобы интеллектуальном превосходстве служащих над рабочими.

Случаи притупления революционной бдительности были в Киевском университете, в одесском, саратовском, в чувашском и других пединститутах. В Свердловском индустриальном институте кафедрой диамата руководил троцкист Алексеев, который при преподавании умышленно опустил тему «Ленинский этап в развитии марксистской философии», выхолащивая партийность в философии, совершенно обошел критику махизма, богдановщины и контрреволюционного троцкизма и т. д.

Все указанные факты говорят о необходимости повысить наше внимание к педагогической работе в вузах, добиться решительного проведения в преподавательской работе принципа партийности теории.

Указанные серьезные недостатки в методах нашей пропаганды и вузовского преподавания связываются еще с одной очень большой проблемой — со сравнительно низким общекультурным уровнем преподавателей, пропагандистов, студенчества. Обследование ряда предприятий показало, что пропагандисты редко бывают в театре, почти не читают произведений художественной литературы, не знают экономической географии, не умеют ориентироваться на карте. В Саратовском государственном университете неграмотность и некультурность обнаружены не только среди студентов — коммунистов и комсомольцев, но и среди преподавателей, часть которых пришлось освободить от работы. Так например ассистент кафедры философии Саратовского педагогического института Башкиров, член ВКП(б), по данным проверки, «плохо ориентируется по карте, не знает, где Беломорско-Балтийский канал, не читал ничего из новинок художественной литературы». Другой преподаватель, Стрельщикова, не читает журнала «Большевик», не знает экономической географии и т. д.

В связи с общим повышением идеологической работы необходимо правильно уяснять то огромное значение, которое могут и должны получить в классовой борьбе литература, искусство, театр, кино. Общеизвестны значительные достижения советской литературы за последние годы: в «Поднятой целине» Шолохова, в романах Эренбурга, Гладкова, Шухова и других она дала ряд произведений, ярко отразивших новые процессы, происходящие в экономике нашей страны, в большевистской толще, в рабочем классе. Бесспорны также высокие достижения советского кино в таких мастерских произведениях, как «Чапаев», «Юность Максима», «Крестьяне» и т. д. Однако советской литературе было бы ошибочно занять на этом основании позицию самоуспокоенности и благодушия. Тов. А. М. Горький на последнем пленуме правления Союза советских писателей совершенно правильно отме-

тил в порядке самокритики: «Не удалось нам отобразить людей этой кулацкой психологии в одном типе, в одном крупном образе... Мы не отметили этого в драмах и рассказах с должной силой. Мы аргументируем идеями, а они аргументируют делом».

В нашей идейно-теоретической работе мы должны смелее привлекать примеры из произведений литературы и искусства. Мы должны использовать наше кино в научно-учебных целях и в целях преподавания марксистско-ленинской теории. Это, конечно, сложная, нелегко разрешимая задача. Однако и здесь можно было сделать определенные шаги и этим значительно повысить насыщенность нашей педагогической работы конкретно-политическим содержанием.

В преподавании материалистической диалектики видное место должно занять усвоение и пропаганда новейших достижений советской науки. Работы современных советских физиков, касающиеся расщепления атомного ядра, дают ряд ярких примеров и проявлений основных законов материалистической диалектики: закона единства противоположностей, перехода количества в качество и т. д. Наша страна праздновала 50-летний юбилей крупнейшего ученого-почвовед акад. Вильямса. Работы Вильямса о процессах почвообразования представляют также интереснейший материал, подтверждающий диалектический материализм и дающий ряд ярких примеров преподавателю.

Только таким путем, положив в основу своей работы историю партии и ее борьбы как решающее звено, связывая пропаганду ленинизма с практикой социалистического строительства, используя в этой пропагандистской работе достижения советской науки и советского искусства, вся наша идеологическая работа сможет получить должный размах и стать могучим оружием нашей классовой борьбы за полную победу над капитализмом.

Изменения в советской Конституции и II интернационал

И. Дворкин

Постановления февральского Пленума ЦК ВКП(б) о необходимости внесения некоторых изменений в Конституцию СССР и решения VII съезда советов по этому вопросу имеют всемирноисторическое значение. Дальнейшая демократизация «избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов равными, многостепенных — прямыми, открытых — закрытыми» и «уточнение социально-экономической основы Конституции в смысле приведения Конституции в соответствие с нынешним соотношением классовых сил в СССР» знаменуют наступление нового периода советской демократии, означают дальнейшее вовлечение многомиллионных масс трудящихся в социалистическое строительство — в управление хозяйством, в управление государством.

Это решение имеет огромное значение для рабочего класса и трудящихся всех стран, для единого фронта борьбы с фашизмом и с буржуазией.

Международная социал-демократия после Октябрьской революции 1917 года и ряда революций, прокатившихся по континенту Европы после поражения Германии в мировой войне, помогла буржуазии спасти свое господство в капиталистических странах. Применяя все возможные средства, она удержала под своим влиянием большинство рабочего класса. Решающей была политика германской социал-демократии — наиболее крупной партии II интернационала, кое-как вновь склеенной после краха 1914 года. Ставя перед собой задачу спасения капиталистического строя, социал-демократия Германии, Австрии и других стран вошла в правительство, чтобы, опираясь на вооруженные отряды буржуазии, разгромить революцию пролетариата. Социал-демократии это удалось. Но, конечно, такая удача объясняется не только тем, что социал-демократия вместе с буржуазией громила пролетарскую революцию, применяя все средства насилия. Социал-демократия опиралась при этом на огромные организационные рычаги (профессиональные союзы, аппарат партийного чиновничества и т. д.), которые были созданы еще до войны.

Огромную роль в удержании буржуазного господства сыграл прямой обман социал-демократией широчайших пролетарских масс. Вспомним 1918—1920 годы. Укрепившаяся пролетарская диктатура в России вынуждена была вести ожесточенную гражданскую войну против классов, разбитых революцией. Страна, получившая в наследство разрушенное четырехлетней империалистической войной хозяйство, напрягая все свои силы, отбивала интервенцию международной буржуазии, боролась против русских помещиков и капиталистов.

Какие аргументы выдвигали тогда германские, австрийские, французские, итальянские и другие социал-демократы против «русского пути» —

пролетарской диктатуры? Их «аргументы» были: «Вы хотите идти большевистским путем? Посмотрите на Советскую Россию. В ней уничтожена демократия, страна в тисках голода и разрухи. Идти советским, большевистским путем — значит получить и у нас такие же результаты».

Социал-демократия удерживала под своим влиянием значительные массы рабочих прямой и наглой ложью. Недавно переведенные на русский язык и опубликованные «Протоколы I всегерманского съезда советов», заседавшего в декабре 1918 года, с исключительной яркостью показывают всю цепь «аргументов», которыми социал-демократия удерживала рабочих от свержения буржуазии и установления советского строя.

Сейчас же после ноябрьской революции 1918 года стихийно возникли по всей Германии советы. Это было прямым и непосредственным результатом влияния пролетарской революции в России. В этот период социал-демократия вынуждена была признать существование советов. Все ее старания были направлены на то, чтобы не допустить установления советской власти и превращения советов в государственную организацию. «Независимцы» доходили даже до того, что соглашались признать советы как органы, существующие параллельно буржуазному парламенту. В протоколах Всегерманского съезда советов шаг за шагом восстанавливается картина чудовищного обмана рабочих, который пускали в ход тогда социал-демократы. Гильфердинг на Съезде заявил, что можно «достаточно преимущественным обложением... создать социалистическое общество, в котором имущественные различия должны быть выравнены»¹).

Каутский в брошюре «Диктатура пролетариата» на словах признавал, что «советская организация есть одно из важнейших явлений нашего времени». В то же время он решительно заявлял, формулируя мнение меньшевиков всех стран, что советы не смеют стать государственной организацией. Ленин отвечал на это: «Сказать советам: боритесь, но не берите сами в руки всей государственной власти, не становитесь государственными организациями — значит проповедывать сотрудничество классов и «социальный мир» пролетариата с буржуазией. Смешно и думать о том, чтобы такая позиция в ожесточенной борьбе могла привести к чему-либо, кроме позорного краха»²). Подобный крах политики «независимцев», политики «сидения между двумя стульями», как называл ее Ленин, наступить не замедлил. Социал-демократия Германии поспешила, как только это оказалось возможным, ликвидировать советы, подавив восстание рабочих под руководством партии. Разгромив советы, германская социал-демократия обеспечила победу «чистой» демократии, т. е. диктатуры буржуазии в ее демократической форме, правда, ненадолго. Меньше чем через полтора десятка лет веймарская демократия уступила дорогу фашистской диктатуре, предварительным тщательнейшим образом расчистив последний путь. Диалектика истории такова, что ликвидацию буржуазной демократии в Германии и замену ее фашистской формой диктатуры буржуазии подготовила своими руками партия, объявлявшая себя наиболее последовательной защитницей демократии «вообще».

Основным мотивом в аргументации социал-демократии против пролетарской диктатуры и советской власти были рассуждения о том, что демократия и диктатура исключают друг друга, что единственный путь перехода к социализму — демократия. Социал-демократы внушали рабочим, что можно обойтись без гражданской войны, что пролетарская революция разрушает хозяйство, что она неспособна его восстановить. «Путем демократии, — аргументируют они перед рабочими, — мы достигнем социализма, не много медленней, зато наверняка».

¹) «I всегерманский съезд рабочих и солдатских советов» «Советское законодательство», стр. 227. 1934.

²) Ленин. Т. XXIII, стр. 362.

Престарелый ренегат Карл Каутский в своей книге «Диктатура пролетариата» твердил о том, что только демократия ведет к социализму, понимая под демократией буржуазную демократию. Ленин, отвечая Каутскому, писал тогда: «Буржуазная демократия, будучи великим историческим прогрессом по сравнению с средневековьем, всегда остается — и при капитализме не может не оставаться — узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных»¹⁾.

Каутский защищал буржуазную диктатуру под флагом демократии от диктатуры пролетарской. Демократия вообще, парламентаризм — таковы фетиши, при помощи которых Каутский обманывал европейских рабочих. Ленин в книге «Государство и революция» и в брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский» разоблачил ложь этих ссылок, показал, как Каутский и другие вожди социал-демократии отказались от марксизма в коренных вопросах: государства, классовой борьбы, буржуазной и пролетарской демократии. Недавно опубликованные подготовительные работы Маркса к «Гражданской войне во Франции» прибавили ряд новых, необычайно ярких страниц критики буржуазного парламентаризма к тому, что уже было опубликовано раньше: «В период парламентарной республики государственная власть сделалась, наконец, неприкрытым орудием войны в руках класса присвоителей против производящих народных масс»²⁾.

Тот самый парламентаризм — буржуазную демократию, которую «марксист» Каутский объявлял единственной формой построения социализма, — за 47 лет до этого Маркс характеризовал как инструмент гражданской войны буржуазии против пролетариата. «Парламентарная республика партии порядка — это не только царство террора господствующего класса: государственная власть становится в ее руках открыто признанным инструментом гражданской войны капиталиста и помещика, их государственных паразитов, против революционных стремлений производителя... В анонимном царстве республики, где сочетаются воедино способы угнетения минувших режимов... где они пускаются в ход без всякой пощады, различные группы господствующего класса справляют настоящую оргию ренегатства... Таким образом, эта наиболее жестокая форма классового господства есть вместе с тем его наиболее ненавистная и возмущающая форма. Используя государственную власть только как инструмент гражданской войны, она может удерживать эту власть только посредством увековечения гражданской войны»³⁾.

Маркс разоблачает буржуазный парламентаризм, называя его настоящей оргией ренегатства, наиболее жестокой формой классового господства, наиболее ненавистной формой буржуазной власти. Социал-демократические идеологи — изменники пролетариата — много лет спустя ответили на это фактическим разгромом пролетарских восстаний под флагом защиты демократии, всей своей деятельностью подтвердили характеристику, данную марксизмом буржуазной демократии.

От имени «чистой» демократии социал-демократия метала громы и молнии против советов.

Социал-демократия утверждала, что советы и советская власть устраняют «свободы». На это Ленин тогда отвечал: «Есть ли хоть одна страна в мире, из числа наиболее демократических буржуазных стран, в которой средний, массовый рабочий, средний массовый батрак или деревенский полупролетарий вообще (т. е. представитель угнетенной массы, громадного большинства населения) пользовался хоть приблизительно такой

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXIII, стр. 346.

²⁾ Архив М. и Э. Т. III (VIII), стр. 419.

³⁾ Там же, стр. 447.

свободой устраивать собрания в лучших зданиях, такой свободой иметь для выражения своих идей, для защиты своих интересов, крупнейшие типографии и лучшие склады бумаги, такой свободой выдвигать именно людей своего класса на управление государством и на «устройство» государства, как в советской России?

Смешно и думать, чтобы господин Каутский нашел в любой стране хоть одного из тысячи осведомленных рабочих и батраков, которые усомнились бы в ответе на этот вопрос. Инстинктивно, слыша обрывки признаний правды из буржуазных газет, рабочие всего мира сочувствуют Советской республике именно потому, что видят в ней пролетарскую демократию, демократию для бедных, а не демократию для богатых, каковой является на деле всякая, даже наилучшая, буржуазная демократия¹⁾.

Опираясь на идеологию «чистой» демократии, используя метод парламентского оглушения масс, социал-демократия спасла буржуазное господство в послевоенный период. Она всемерно скрывала тот факт, что не может быть демократии вообще, что «чистая демократия», которую она проповедывала, является на деле демократией для буржуазии, отрицанием демократии для пролетариата, что пролетарская диктатура является единственной формой действительной демократии, потому что это демократия для бедных, открывающая грандиозные источники для действительного вовлечения масс в управление государством. Именно это устанавливала советская Конституция. Поэтому ненависть к последней, являющейся выражением и закреплением новой формы демократии — демократии пролетарской, — характерная черта всей послевоенной идеологии социал-демократии.

Социал-демократия пыталась утверждать, что те различия в выборных правах рабочих и крестьян, которые были введены в советскую Конституцию, приведут к «антагонизму» между рабочими и крестьянами. «Советская Конституция, — писал Карл Каутский в своей книге «Большевизм в тупике», — может сеять лишь зло и вызвать резкий антагонизм между крестьянами и рабочими. Только демократия (буржуазная! — И. Д.) может создать условия для нового расцвета государства и для восстановления общности интересов между крестьянами и рабочими»²⁾.

Советская Конституция до VII съезда советов действительно устанавливала некоторое неравенство выборов между рабочими и крестьянами. Это было основано на том, что рабочий класс является руководителем, что он осуществляет революцию в интересах трудящегося человечества. Большевики всех мастей стремились доказать, что на основе советской Конституции неизбежен разрыв между рабочими и крестьянами. По их стопам шли троцкисты, доказывающие невозможность построения социализма в одной стране вследствие якобы антагонистичности интересов рабочего и крестьянина и неизбежности разрыва между ними. Этим аргументом о «несправедливости» советской Конституции, устанавливающей некоторое неравенство в выборах между рабочими и крестьянами, меньшевики всех стран все время пытались доказать недемократичность советской системы. Эта наглая ложь была опровергнута всем ходом развития нашей страны. Известное неравенство в избирательных правах рабочих и крестьян было следствием того, что крестьянин занимался мелким производством, по своей организованности далеко отставал от рабочего класса, что он еще не вступил на путь социализма.

«Меры такого рода, — писал Ленин, — как неравенство рабочих с крестьянами, конституцией вовсе не предписываются. Конституция их записала после того, как они были введены в жизнь. Даже не большевики выра-

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXIII, стр. 350—351.

²⁾ Каутский «Большевизм в тупике», стр. 149. Берлин. 1930.

ботали конституцию Советов, — ее выработали до большевистской революции меньшевики и эсеры против себя. Они выработали ее так, как выработала жизнь. Организация пролетариата шла гораздо быстрее, чем организация крестьянства, что делало рабочих опорой революции и давало им фактически преимущество. Дальше стоит задача: от этих преимуществ переходить постепенно к их уравниванию¹⁾).

Решение ЦК и постановление VII съезда советов отменяют это некоторое неравенство в избирательном праве именно потому, что изменилось соотношение классовых сил в стране, потому, что крестьяне через колхозы втянуты в непосредственное участие в социалистическом строительстве.

Сейчас для пролетариата всех стран становится ясным обман, распространяемый социал-демократией о нашей Конституции в отношении неполного равенства в избирательном праве. Это «неравенство» было выражением того, что «организация пролетариата шла гораздо быстрее, чем организация крестьянства», выражением того, что рабочие являются опорой революции. Теперь, когда подавляющее большинство крестьянства организовано в колхозы, когда разгромлено кулачество, отпадает необходимость в известном неравенстве в избирательном праве и в условиях существования этого неравенства.

Изменения в советской Конституции в направлении ликвидации такого неравенства — факт огромного значения, который вместе с величайшими успехами социалистического строительства должен окончательно убедить трудящиеся массы в том, что советская Конституция, советская система, советская власть и только они — действительная, а не фальшивая, не мнимая демократия, какой является буржуазная.

В то время как в Советском союзе происходил и происходит грандиозный процесс вовлечения в социалистическое строительство и в участие в управлении и в руководстве пролетарским государством миллионов рабочих и крестьян, — капиталистические страны идут от буржуазной демократии к фашизму. В условиях всеобщего кризиса капитализма механизм буржуазной демократии перестает действовать; он все в меньшей и меньшей степени способен выполнять те задачи, которые ставит перед ним буржуазия: укрепление буржуазного господства и удержание власти в руках эксплуататоров.

В наиболее «классической» форме фашизм победил в Италии. Не случайно поэтому господин Муссолини является кумиром всей международной буржуазии: ведь это он указал путь расправы с пролетарской революцией, дал «образец», как удушить пролетариат, загнать коммунистическую партию в подполье, лишить трудящиеся массы всякой возможности легальной борьбы с буржуазией. Итальянский фашизм показал, как можно, развернув широко социальную и национальную демагогию, в новой форме — фашистской — привлечь многочисленные мелкобуржуазные массы городов и деревень на сторону крупного капитала. Опираясь на «черные рубашки», Муссолини сумел осуществить фашистский переворот в Италии, истребить и заточить в каменные мешки десятки тысяч передовых пролетариев. Правда, это было достигнуто уничтожением всех конкурирующих с фашизмом буржуазных партий, но все же было достигнуто.

По стопам Италии пошла Польша. Пилсудский, опираясь на сочувствие мелкобуржуазных масс, преимущественно городских, завоевал власть. Правда, там сохранился парламент, но его значение свелось лишь к тому, что он, состоя из сторонников Пилсудского, послушно выполняет все требования финансового капитала. Новая конституция Польши, принятая недавно, означает усиление власти президента. И без того иллюзорные «права» парламента теперь уничтожены почти полностью. Вообще фашистская диктатура не всегда отказывается от использования парламента, обращая и вы-

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 146.

боры в парламент и деятельность самого парламента в комедию. Парламент не имеет никаких прав и никаких обязанностей: он служит лишь ширмой для прикрытия всех подлостей и мерзостей фашистской диктатуры. Сохраняя в отдельных случаях видимость парламента, фашизм уничтожает парламентаризм, систему буржуазной демократии с ее обманом масс, избирательным правом и борьбой различных буржуазных партий, заменяя парламентаризм открытой террористической диктатурой буржуазии. Фашизм означает банкротство демократической парламентарной идеологии. Обострение классовых противоречий лишает буржуазию возможности широко маневрировать, прибегая к парламентской лжи и обману. Буржуазная демократия становится бессильной справиться с рабочим классом. Естественно, что буржуазия отказывается от этого оружия, становящегося все менее и менее эффективным, и прибегает открыто к методам фашистской диктатуры.

Какова же позиция самой социал-демократии? Она была и продолжает оставаться носительницей идеологии парламентаризма и буржуазной демократии. Обман масс фетишем буржуазной демократии продолжает оставаться ее функцией.

Судьбы германской социал-демократии являются в этом отношении классическими. В Германии при помощи и в недрах веймарской республики и демократии выросла фашизм. Он мобилизовывал безграничной демагогией и обманом миллионы мелких буржуа под знамена финансового капитала. Аппарат буржуазной демократии всемерно содействовал росту фашизма так, как это было в интересах фактических хозяев страны — финансового капитала.

Политика «меньшего зла», фетиш конституционализма служили в руках вождей социал-демократии аргументом для оправдания поддержки правительства Папена—Шлейхера, являвшегося подготовительным этапом на пути к фашистской диктатуре. Напомним, что социал-демократические вожди профсоюзов и орган центрального комитета германской социал-демократии «Форвертс» приветствовали приход к власти правительства Гитлера как правительства «конституционного», т. е. пришедшего к власти путем демократии. Фашистская диктатура — детище веймарской конституции. И это прекрасно понимает Гитлер, формально оставив всеобщее избирательное право и рейхстаг, превратив и то и другое в чистую комедию. Чудовищным террором, безграничным насилием германский фашизм достигает желаемого результата — выборов Гитлера в президенты и в «вожди государства» и рейхстага, состоящего исключительно из штурмовиков и фашистских вождей. Но это — лишь явное доказательство того, что и буржуазная демократия и фашизм — лишь разные формы диктатуры одного и того же класса.

Германский фашизм, придя к власти, разгромил выпестовавшие его буржуазные партии и социал-демократию. В то же время приход фашизма к власти в Германии, где социал-демократия была тогда массовой партией и руководила профсоюзами, насчитывавшими много миллионов членов, означал банкротство социал-демократии, полный крах ее политики и не мог не привести к разгрому этой партии, к беспримерному разброду в ней. Только в последнее время социал-демократия Германии пытается наладить нелегальный аппарат, сплотить небольшие социал-демократические группы, которые сохранились в отдельных местах.

Победа фашизма в Германии и Австрии снова поставила перед II интернационалом и его партиями проблему демократии и диктатуры. В период 1929—1932 годов, который совпал с развитием мирового экономического кризиса, с одной стороны, и с успешным выполнением первой пятилетки в СССР — с другой, характерен резким обострением борьбы социал-демокра-

тии против пролетарской диктатуры. Гильфердинг, Бауэр, Каутский и другие вожди социал-демократии вели прямую и неприкрытую травлю СССР, противопоставляя демократический рай буржуазного государства диктатуре пролетариата. Причем между фашистской диктатурой и диктатурой пролетариата в СССР они ставили знак равенства; временные трудности социалистического строительства, связанные с индустриализацией страны и коллективизацией, они использовали для того, чтобы клеветать на Советский союз, уверять рабочие массы в том, что большевизм и фашизм — одно и то же. Эта гнусная клевета должна была, по замыслам вождей социал-демократии, подготовить массы психологически к возможной и подготовлявшейся интервенции против Советского союза.

Установление фашистской диктатуры в Германии и банкротство германской социал-демократии, с одной стороны, успехи СССР, превращение нашей страны в страну индустриальную, сплошная коллективизация, постоянное и непрерывное улучшение положения трудящихся масс страны социализма в обстановке непрерывного ухудшения положения рабочих и крестьян в странах капитала — с другой, содействовали разоблачению этой клеветы.

Идеология фашизма с ее отрицанием буржуазной демократии есть доведение буржуазной демократии до ее логического конца — до смены ее фашистской диктатурой. Фашизм противопоставил идеологии буржуазного парламентаризма «аристократический принцип». «То мировоззрение, — писал Гитлер в своей книге «Моя борьба», — которое отвергает демократический принцип массы и ставит своей задачей отдать власть над всем миром в руки лучшей нации, т. е. в руки самых лучших людей, логически должно применить тот же аристократический принцип внутри самого данного народа... Другими словами, оно должно обеспечить наибольшее влияние и подлинное руководство за самыми лучшими головами в данном народе. Это значит, что такое мирозерцание все строит не на принципе большинства, а на роли личности... Вся организация общества должна представлять собой воплощенное стремление поставить личность над массой, т. е. подчинить массу личности».

Если оставить в стороне бред насчет того, чтобы «отдать власть над всем миром в руки лучших людей из нации», как две капли воды похожий на бредовые идеи японских фашистов, говорящих об установлении власти японского империализма над всем миром, то суть приведенного положения Гитлера сводится к следующему: буржуазная демократия стала опасной для господства капитала. Отсюда необходимо уничтожение «демократического принципа массы», так как предоставление пролетариату легальных возможностей организации стало уже опасным для буржуазного господства. На смену буржуазной демократии должен придти «аристократический принцип». Требуется уничтожить всякие остатки буржуазной демократии, а на ее месте построить фашистское государство, в котором финансовый капитал ничем не стеснен.

Как же реагировали вожди германской социал-демократии на победу фашизма в Германии? Какова аргументация социал-демократии насчет демократии и диктатуры сейчас, после германского, австрийского и испанского опыта? В рядах социал-демократии и II интернационала происходит острая борьба, ярко выразившаяся на конференции II интернационала в 1933 году. Политическую линию наиболее реакционной, наименее стесняющейся части социал-демократии — правой части — выражает Каутский. Его брошюра, опубликованная в конце 1933 года, «Neue Programme», свидетельствует о том, что эти люди ничего не забыли и ничему не научились. «Мы были и остаемся, — вещает Каутский¹⁾, — демократической партией. Де-

¹⁾ Каутский. «Neue Programme», стр. 9.

мократия—наше важнейшее требование». Демократия остается мечтой Каутского.

Буржуазная демократия породила фашистскую диктатуру, ее выпестовала—как же быть дальше? Каутский на это отвечает: «Начать сначала!» «Социал-демократия была в Германии у власти слишком мало времени, чтобы иметь возможность подготовить социализацию. Это является причиной, почему в 1919 году мы не пришли к социализации»¹). Все дело, видите ли, только в том, что чисто социал-демократическое правительство было у власти в Германии слишком недолго. Каутский умалчивает насчет того, что социал-демократия и после 1919 года участвовала в правительстве, и не в одном, а в ряде правительств. Он притворяется не понимающим простой вещи, что крах веймарской республики есть банкротство всей социал-демократической политики, которая оправдывала веймарскую конституцию, утверждая, что она более правильный путь к социализму, чем пролетарская диктатура. Каутский продолжает попрежнему лгать, считая буржуазную демократию путем достижения социализма. Он продолжает клеветать на СССР, на пролетарскую диктатуру. Он скорбит о том, что действительность опровергла социал-демократические утопии о классовом мире, обеспечивающем спокойное господство буржуазии «обычными», «нормальными» методами буржуазной демократии. «Война и внутренняя междоусобица всегда были неблагоприятными для социал-демократии»²). Он снова и снова воспекает прелести буржуазной демократии. Он против вооруженного свержения фашистской диктатуры на том основании, что «преимущество числа есть единственное решающее оружие, которым располагает пролетариат в больших, решающих битвах... Да, мы потеряли демократию, но наша первая и важная задача — снова ею завладеть»³).

Итак, цель — возвращение демократии, ее восстановление; средство — «число», т. е. «демократическое» голосование. Но Гитлер уничтожил всякие остатки демократии! Не беда, божественное орудие «числа» — спасение от всех зол.

Но такая позиция перед лицом разгула фашистской диктатуры в ряде стран означает полный отказ от всякой борьбы с фашизмом, означает задачу еще верящих в социал-демократию рабочих на растерзание фашизму и фактическое признание фашистской диктатуры. И Каутский утешает рабочих тем, что фашистская диктатура не выйдет за пределы Германии. «Фашизм не переступит Рейна и тем более Северного моря. Во Франции, Англии, Америке он останется лишенной значения политической сектой, и идея социалистической диктатуры получит там такую же судьбу»⁴).

Германский, австрийский, испанский опыт учит рабочие массы стран капитала, что выход не в демократии, которая является капиталу лишь прикрытием для ограбления рабочих масс, а в пролетарской диктатуре. Чтобы удержать рабочие массы под своим влиянием, ряд социал-демократов выступает с лозунгами социалистической диктатуры для завоевания демократии на том основании, что фашизм иначе, как методами диктатуры, не свергнешь. Вот что писал во время дискуссии по поводу социал-демократической программы в 1933 г. Б. Ирлен. «Мы, — заявляет Ирлен, — за диктатуру, но эта диктатура ничего общего с пролетарской диктатурой не имеет... Где остается в этом случае различие между демократическим социализмом и большевизмом, спрашиваем мы. Различие остается в целях, к которым стремятся оба движения. В то время как большевизм точно так же, как фашизм,

¹ Каутский. «Neue Programme», стр. 14.

² Там же, стр. 31.

³ Там же, стр. 34.

⁴ Там же, стр. 45.

хотя и на другой основе, принуждает людей к несвободе, демократический социализм... принуждает людей к свободе»¹⁾.

Итак, пролетарская диктатура попрежнему ставится на одну доску с фашизмом, а если социал-демократия и вынуждена сейчас из боязни потерять всякое влияние в массах говорить о необходимости насильственного свержения фашистской диктатуры, то только для того, чтобы «принудить массы к свободе». Иными словами, социал-демократия остается и, конечно, не может не оставаться целиком на позициях защиты буржуазного строя, прокламируя лишь свое стремление к буржуазной демократии.

С точки зрения тех процессов, которые происходят в рядах социал-демократии, любопытен 35-й номер социал-демократического журнала «Zeitschrift für Sozialismus». Вернер Воркер в этом номере журнала пытается свалить вину за победу фашизма в Германии, Австрии, Италии, Испании на рабочий класс. Опираясь на теорию Фуллера, он доказывает, что значение штаба как в классовой борьбе, так и в международной войне свелось к минимуму. Отсюда вывод: не социал-демократия виновна в поражении германского рабочего класса, а... рабочий класс виноват в поражении социал-демократии. «Реформизм в последние годы находился в состоянии отступления. Пролетариат же, взятый как класс, не был готов следовать другой дорогой, кроме реформистской... Идеализация класса наступает тогда, когда в нем видят постоянную революционность». Рабочий класс не был «ни в состоянии наступления, ни в состоянии обороны, а был в состоянии пассивности»²⁾. Виноват не только рабочий класс — виновата и социал-демократическая масса, «которая не была активной», но только не социал-демократические вожди.

Большого признания своего банкротства трудно ожидать. Виновато, оказывается, не социал-демократическое руководство и не социал-демократическая партия, которые подготовили фашистскую диктатуру. Демократия была идеальной формой, но вот фашизм грубо свергнул демократию по вине рабочего класса. Ни социал-демократическая партия, ни ее руководство, ни ее штаб тут не при чем.

Но для свержения фашизма, для «возвращения к демократии» необходимо насилие. И социал-демократия вынуждена сейчас говорить о диктатуре, чтобы снова и снова ввести массы в заблуждение. На деле же она никакой революции не хочет и больше всего боится диктатуры пролетариата. Отсюда стремление уклониться от самой постановки вопроса о диктатуре и демократии.

Характерна статья Роберта Гримма в январском номере (1935 г.) журнала социал-демократической партии Швейцарии «Rote Rewue». «Исторические испытания, — пишет Гримм, — открыли глаза широким кругам партии на вопрос о демократии и диктатуре, но решающее не в демократии и не в диктатуре — решающее во влиянии на государственный и общественный аппарат. В соответствии с данными историческими условиями это влияние может быть осуществлено или на пути мирного подъема или на пути революционного, насильственного действия. Старый спор — демократия или диктатура — нашел свой конец благодаря урокам истории... Состояние демократии влечет за собой состояние фашистской диктатуры, поскольку по всем линиям господствует капитализм... Разногласия возникают лишь тогда, когда обсуждается вопрос, какими средствами отразить фашизм и защитить демократию».

Попытка уклониться от постановки вопроса: пролетарская диктатура или буржуазная в ее демократической или фашистской форме — опять, не-

¹⁾ Цит. у Каутского «Neue Programme», стр. 28—29.

²⁾ «Zeitschrift für Sozialismus» № 35, стр. 538.

смотря на все желания отвернуться от вопросов, поставленных историей, вынуждает этих господ заявить, что задача заключается в защите буржуазной демократии от фашистской диктатуры там, где фашизм еще не победил, и в отказе от действия в тех странах, где фашизм победил.

Весь ход дискуссии в рядах социал-демократии о судьбах «демократического социализма» свидетельствует о полном маразме и банкротстве этой идеологии перед лицом исторических фактов. Тяга масс к единому фронту вынуждает социал-демократических руководителей маневрировать, соглашаться в отдельных странах на единый фронт с коммунистами, подтверждая в то же время всей своей политикой, что они рассматривают единый фронт как тактический маневр, которым можно попытаться удержать массы под своим влиянием.

Новый период советской демократии, изменения в Конституции в соответствии с изменением классовых сил в СССР нанесут новый удар разползающейся социал-демократической идеологии. «Советский союз все больше подходит к полной отмене всяких ограничений всеобщего избирательного права» (Молотов). Замена многостепенных выборов прямыми, не вполне равных — равными, открытых — закрытыми разоблачит теперь перед самыми отсталыми массами трудящихся всего мира смысл борьбы социал-демократии против СССР — страны пролетарской диктатуры. Для наиболее отсталых масс станет ясно, что единственный путь действительной демократии, демократии народных масс, демократии для бедных, — это путь пролетарской диктатуры. Решение Центрального комитета нашей партии и VII съезда советов о дальнейшей демократизации избирательной системы нашей страны откроет глаза даже этим отсталым массам.

Всемирноисторическое значение решения ЦК нашей партии и Съезда советов, принятого по предложению товарища Сталина, не могут не понимать вожди социал-демократии. В мартовском номере журнала «Der Kampf» Отто Бауэр признает огромное значение изменений советской Конституции. В то же время Бауэр продолжает старую политику. Он попрежнему за легализацию антисоветских партий, попрежнему скорбит о том, что советский суд сурово наказал убийцу и пособников к убийству тов. Кирова. Эта гнусная позиция свидетельствует, что «одобрение» изменений в советской Конституции на деле означает у Бауэра стремление прикрыть перед массами свое банкротство, удержать быстро падающее влияние любой ценой.

Изменения в Конституции будут в сильной степени содействовать успехам единого фронта, окончательно разоблачая буржуазно-демократические иллюзии, которые еще имеются в массах, в частности в тех странах, где еще сохраняются демократические формы диктатуры капитала. Перед лицом величайших успехов СССР и закрепления этих успехов в Конституции еще более вырастет авторитет СССР среди трудящихся масс всего мира, усилится движение масс на поддержку СССР. Новые миллионы людей поймут, что единственный путь действительной демократии — пролетарская диктатура.

Несомненно, что в рядах социал-демократических партий имеется огромное количество левых рабочих, искренно желающих борьбы против буржуазии и стремящихся к единому фронту. Изменения в советской Конституции явятся серьезнейшим доводом для левых социал-демократических рабочих, борющихся за осуществление единого фронта. Поведение большинства лидеров социалистической партии Франции и других стран свидетельствует о том, что они рассматривают единый фронт как маневр, посредством которого можно попытаться удержать под своим влиянием левеющие массы. Расширение советской демократии усилит позиции рабочих — последовательных сторонников единого фронта — и откроет глаза на действительность отсталым рабочим массам.

Демократия во многих капиталистических странах привела к фашистской диктатуре. Там, где еще есть остатки буржуазной демократии, они все больше и больше отступают перед фашистскими методами, к которым все чаще вынуждена прибегать буржуазия перед лицом обострения классовой борьбы. Но это доказывает наиболее острым, еще охваченным демократическими предрассудками трудящимся массам всех стран, что буржуазная демократия и фашизм — две стороны одной и той же монеты. Действительная демократия означает уничтожение буржуазии, свержение капитала, переход на советский путь. Таков международный смысл изменений в советской Конституции, принятых VII съездом советов.

„Философия права“ Гегеля¹⁾

М. Каммари

Вопросы государства и права поставлены сейчас в центре внимания советской общественности великими, подлинно всемирноисторическими решениями Пленума ЦК ВКП(б) и VII съезда советов о некоторых изменениях в советской Конституции.

Эти решения, принятые по инициативе гениального теоретика и вождя нашей партии товарища Сталина, открывают новую, великую страницу в истории мировой пролетарской революции, пролетарского государства и пролетарской демократии. Мы идем к высшей ступени пролетарской демократии, разворачивая ее до конца, в то время как буржуазия в условиях все углубляющегося всеобщего кризиса капитализма все решительнее расправляется с жалкими остатками своей «демократии», все судорожнее хватается за методы фашизма, этой открытой террористической диктатуры финансового капитала.

В своем прекрасном докладе на VII съезде советов тов. Молотов дал глубокий теоретический анализ тех огромных классовых сдвигов, которые коренным образом изменили лицо СССР. Россия наповская превращена в Россию социалистическую.

Отсюда необходимость некоторых изменений в советской Конституции.

Конституция — основной закон государства, выражающий господство определенного класса и определенное фактическое соотношение классовых сил в стране. Это отнюдь не простое выражение «духа народа», как этому учили Монтестье и Гегель и что и сейчас попугайски твердят их жалкие эпигоны. Корни конституции и их основы гораздо глубже, что понимал еще социалист-утопист Сен-Симон. Он говорил, что «закон, который устанавливает власти и форму правления, вовсе не так важен, не имеет такого влияния на благополучие народов, как тот закон, который устанавливает владение и порядок пользования собственностью... Представительная форма правления — только форма, а вся суть в собственности; вот, следовательно, где надо искать конституцию, которая служит истинным основанием социального здания».

И действительно, для всех рабовладельческих, феодальных, буржуазных государств, какова бы ни была их форма, частная собственность была основой конституции и основой господства этих классов. Она как источник эксплуатации об'являлась священной и неприкосновенной. И, наоборот, Конституция Советского государства об'явила священной и неприкосновенной общественную социалистическую собственность как основу окончательного

¹⁾ Доклад, прочитанный в Институте философии Коммунистической академии 13 февраля 1935 г.

уничтожения эксплуатации человека человеком, основу уничтожения остатков капитализма в экономике и сознании людей. Она есть основа советского строя, на ее основе только и можно построить общество без классов и без эксплуатации.

Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин неоднократно подчеркивали значение и роль не только государства, но и его конституции, устанавливаемой победившим классом.

Советская Конституция — это не только прочно завоеванная и записанная всемирноисторическая победа пролетариата и трудящихся над эксплуататорами, это — мощное орудие пролетарской борьбы.

Советы — государственная форма диктатуры пролетариата и высший тип демократии, демократии подлинной, пролетарской, социалистической, которая, по словам Ленина, в миллион раз демократичнее всякого самого демократического буржуазного государства. Огненными буквами революция пролетариата начертала на скрижалях советской Конституции великую историческую миссию пролетариата и его государства: уничтожение частной собственности, классов и классовой эксплуатации, создание социалистического, бесклассового общества. Под руководством ленинского ЦК нашей партии и его вождя товарища Сталина мы к этому идем, развивая, развертывая последовательно советскую, пролетарскую демократию.

В противоположность этому буржуазная демократия дышит на ладан, отражая кризис капиталистической экономики и изменившееся соотношение классовых сил в капиталистическом мире.

«XIX век и начало XX века, — указывал в своем докладе тов. Молотов, — прошли под знаком развития буржуазной демократии и парламентаризма... За последние два десятка лет положение в корне изменилось. Препятствием уверенности в силе капиталистического строя уже у многих нет. Тревога за завтрашний день растет у буржуазных классов. Никто уже не думает не только о расширении, но и о сохранении буржуазно-демократических прав и свобод»¹⁾, которые могут быть использованы трудящимися массами в интересах своей революционной борьбы. «Фашизм, непримиримо враждебный даже буржуазной демократии и буржуазному парламентаризму, широко входит в моду и в политике буржуазного управления и в теории государства»²⁾.

Решения пленума ЦК ВКП(б) и VII съезда советов обязывают нас по этому развернуть работу по вопросам Советского государства и права, противопоставить процессу фашизации буржуазного государства и права в целом ряде стран — завоевания Советского государства и права, советской Конституции. На основе исторического подхода и конкретного анализа развития государства и права и соответствующих правовых и политических учений необходимо развертывать эту работу. Эта работа совершенно необходима для разъяснения массам трудящихся коренного различия между буржуазным и пролетарским государством, буржуазной и пролетарской демократией, для разоблачения современных фашистских и социал-фашистских теорий государства и права, для выяснения массам, почему и как надо осуществить учение марксизма-ленинизма о сломе буржуазного государства и установлении диктатуры пролетариата.

С точки зрения задач революционной практики мы должны подойти и к «Философии права» Гегеля.

¹⁾ Молотов «Об изменениях в советской Конституции», стр. 26—27. Парт.-издат. 1935.

²⁾ Там же.

Мы должны следовать указанию Л. М. Кагановича «изучать Гегеля по-большевистски», взять от него то, что нужно большевикам, и подвергнуть все беспощадной критике и выбросить хлам, навозную кучу абсолютного идеализма.

Выход в свет первого русского издания «Философии права» Гегеля заслуживает особого внимания нашей научной общественности вследствие той роли, которую она играла в классовой борьбе раньше и продолжает играть и сейчас.

1. Историческое значение „Философии права“ Гегеля

Два обстоятельства делают особо необходимым внимательное изучение «Философии права» Гегеля и критики ее Марксом и Энгельсом.

Во-первых, критика Марксом «Философии права» Гегеля была важнейшим моментом в возникновении и формировании марксизма; она была объявлением пролетарской революционной борьбы против буржуазного строя, означая переход Маркса с позиций революционной демократии и идеализма на позиции пролетарского коммунизма и диалектического материализма (окончательно этот переход произошел в 1844 г.). И позже Маркс и Энгельс противопоставляли свое учение о государстве, праве, частной собственности и морали гегелевскому учению.

Во-вторых, при рассмотрении и критике «Философии права» Гегеля в наше время, при выяснении действительной исторической роли и классовой сути философии Гегеля мы должны иметь в виду современные попытки идеологов фашизма и социал-фашизма открыто или контрабандным путем использовать наиболее реакционные стороны и элементы гегельянства против революционного марксизма, поставить философию Гегеля и особенно его учение о праве и государстве на службу террористической диктатуре финансового капитала. В фашистской и социал-фашистской литературе все чаще практикуется противопоставление фашистскими и социал-фашистскими теоретиками идеалистической философии права марксизму, полное отрицание прогрессивных для эпохи Гегеля сторон его философии.

Марксизм — в противоположность фашистским теоретикам — подходит исторически к философии государства и права Гегеля, выясняя ее историческое значение и роль в классовой борьбе, в общем развитии правовых и политических учений буржуазии.

Промышленный переворот в Англии, буржуазная французская революция и последовавший затем период наполеоновских войн и вызванных ими национально-объединительных и освободительных стремлений в Германии и других странах были фактами общеевропейского значения. Идеология идущей к власти буржуазии получила свое выражение в философии классического немецкого идеализма и в его высшем пункте — в философии Гегеля.

Гегель был идеологом немецкой буржуазии, идущей к власти, но имевшей уже перед собой опыт борьбы буржуазии передовых стран (Англии и Франции). Этот опыт нашел отражение в философии Гегеля и в положительной и отрицательной формах и в прогрессивных и в консервативных сторонах его философии.

Только сопоставляя философию права Гегеля с немецкой действительностью, с конкретным соотношением и борьбой классов в Германии, ее внутренней и международной обстановкой, можно понять классовую сущность и теоретическое значение этой философии.

Начиная с семилетней войны (1756—1763 гг.) в Германии резко усиливается процесс «освобождения» крестьян от земли, «своз» крестьянских дворов, «смещение» наследственных арендаторов (ласситов) на худшие уча-

стки, увеличение помещичьих латифундий за счет крестьян. Этому не могли помешать, конечно, эдикты Фридриха II об «охране крестьянства» (т. е. «охране» того резервуара, откуда Фридрих II брал свое войско) от революционного возмущения. Капитализм проникает в земледелие, часть помещиков переходит к более выгодным экономически капиталистическим методам эксплуатации крестьян.

Военный разгром Пруссии Наполеоном в 1806 г. привел и прусское дворянство к пониманию того, что без уступок крестьянству, хотя бы незначительных или временных, нельзя удержаться у власти. В первое десятилетие XIX в. под влиянием внутренних процессов и давления извне (влияние революции и революционных идей 1789—1794 гг. и борьбы с Наполеоном) происходит отмена отдельных феодальных повинностей и отношений. Эдикт 1807 г. устанавливает выкуп наследственными арендаторами и чиншевиками своих повинностей деньгами и хлебом в размере 25-кратной стоимости ежегодных платежей (правда, после победы над Наполеоном I этот эдикт помещики фактически положили под сукно).

Крупная немецкая и особенно прусская буржуазия, слабая по сравнению с помещиками, связанная с государственными заказами, нуждающаяся для развития промышленности в протекционизме, и не думала о революционной борьбе. Она сознательно шла на соглашение с дворянством и его государством: она чувствовала, что по пятам за ней идет ее будущий могильщик — пролетариат, уже показавший себя в период Французской революции и после нее.

Пролетариат Германии, однако, еще был тогда «классом в себе», он выделялся уже из массы крестьян и ремесленников, но находился в бесправном, крепостном состоянии. Известны нищета и крепостное состояние силезских ткачей, нищета, вошедшая в пословицу. Ткачи платили ткацкий оброк помещику за право ткачества, эксплуатировались скупщиком и капиталистом. Ткачи пытались бороться: под давлением безвыходной нужды и под влиянием Французской революции в 1792 г. они поднялись и начали устанавливать цены и диктовать их по-плебейски торговцам на рынках. Брожение шло среди кустарей, горнорабочих и текстильщиков Саксонии и в рейнско-вестфальской промышленности (железодельной, каменноугольной и др.).

Здесь капитал господствовал, вытеснял и разорял ремесленников, кустарей, создавал мануфактуры и даже машинное производство, беспощадно эксплуатируя рабочих; дети работали по 10—12—14 час. в день и в ночных сменах, на что обратил внимание даже покровитель Гегеля, министр народного просвещения Альтенштейн. Словом, шло «физическое и нравственное вырождение» трудящихся, о чем и пишет Гегель. В пролетариате, развивающемся в условиях мелкобуржуазной страны, где всюду еще господствуют феодальные отношения, патриархальщина, партикуляризм, цеховщина, — в этом пролетариате Гегель видел лишь бедноту, вырождающуюся физически и нравственно, или опасную «чернь», возмущающуюся против государства и «богатых».

Положение буржуазии и ее идеологов обусловило особое развитие литературы и философии в Германии конца XVIII и начала XIX веков.

«Немцы размышляли в политике о том, что другие народы делали. Немецкая философия есть идеальное продолжение немецкой истории», — писал Маркс. Немецкая буржуазия была революционной больше в мыслях, в философии и трусливой на практике. Имея в виду этот факт, Маркс называл философию Канта «немецкой теорией французской революции». Он объяснял невиданное ни в одной стране развитие идеалистической философии тем, что идеологи немецких буржуа не имели условий для борьбы против

старого режима в политике¹⁾, что они переживали «свою будущую историю в мыслях, в философии». Объявляя войну тогдашним немецким порядкам как «анахронизму» и яркому выражению старого феодального режима, подчеркивая, что эти порядки находятся «ниже уровня истории, ниже всякой критики», Маркс бичевал трусость немецких буржуа, которые «разделяли с новыми народами реставрации, не разделяя их революций». Маркс подчеркивал, что немецкий народ во главе с буржуазией находился «в обществе свободы только в одном случае — в день ее погребения»²⁾. Только пролетариат Германии, говорил Маркс, явится освободителем немецкого народа, уничтожая всякое рабство! Как гениальны оказались эти прогнозы молодого Маркса, данные еще в 1843 г.!

Немецкая крупная буржуазия в эпоху Гегеля да и позже не пошла дальше известного приспособления старого государственного строя прусской монархии к своим политическим и экономическим требованиям. Она не шла дальше требования конституционной монархии, двухпалатной системы, избирательных прав с высоким имущественным цензом, ограничения произвола чиновников. Вот почему и Гегель — идеолог этой буржуазии — шел на примирение с феодализмом, доходя до прямого прислужничества перед прусско-юнкерской монархией³⁾.

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что ход развития классовой борьбы за период 1789—1831 гг. вместе с тем отразился и в эволюции взглядов самого Гегеля. В 1789—1795 гг. Гегель находился под влиянием Французской революции, которое затем ослабело, но оставило известные следы и на его дальнейших работах и даже на его «Философии права». Будучи еще учеником богословской школы, Гегель пишет в своем дневнике лозунги: «Да здравствует свобода!», «Против тиранов!», «Да здравствует Жан-Жак!» (Руссо. — М. К.). Как передают биографы Гегеля, он спорит с отцом на эти темы несмотря «на коренное нерасположение» последнего к идеям революции. В 1795 г. в письме к Шеллингу Гегель высмеивает интриги при княжеских дворах, мечтая о времени, когда «человечество будет относиться к себе с уважением». Он пишет: «Исчезает тот ореол, которым окружены головы притеснителей и земных богов, философы приводят доказательства в пользу этого достоинства, народы сумеют проникнуться сознанием его, будут не требовать, а сами возвращать и вновь присваивать себе свои попранные права. Религия и политика были заодно: первая учила тому, чему учил деспотизм, — презрению к человеческому роду (этому учат и в теории и на практике теперь фашисты. — М. К.), его неспособности к чему-нибудь доброму, к какому-нибудь самостоятельному существованию». В 1797 г. в своем «Воззвании к вюртембергскому народу» Гегель требует уже только реформы конституции, критикуя произвол и своекорыстие чиновничества.

¹⁾ Само собой ясно, что критика религии левыми гегельянами и Фейербахом, а еще раньше критика старой метафизики Кантом, Фихте, Гегелем была идеологической формой политической борьбы.

²⁾ Маркс — Энгельс. Собр. соч. Т. I, стр. 400.

³⁾ Поэтому можно, конечно, сказать, что в «Философии права» Гегеля намечалась уже идея прусско-юнкерского пути развития капитализма, но рассматривать всю философию Гегеля как идеологию этого пути развития было бы неверно исторически и теоретически. Рассматривать всю философию Гегеля только под этим углом зрения и забывать его отношение к французской революции 1789 г. — значит модернизировать философию Гегеля в духе, желательном для фашистов, и подводить его целиком под политику Бисмарка или немецких либералов периода 1848 г., приписывать ему то, что сложилось позднее. Поскольку же Гегель действительно был выразителем идеи прусско-юнкерского пути развития капитализма, особенно в своей «Философии права», он был им как идеолог буржуазии, а не феодалов. Неправильно изображать также Гегеля сторонником политики «Священного союза». — М. К.

Буржуазные позиции Гегеля получили свое выражение и в его отношении к Наполеону I. К Наполеону Гегель всегда относился с уважением и еще в 1808 г. называл его «великим парижским учителем государственного права», «гениальным полководцем», «мировым духом» на белом коне. Кодекс Наполеона и в «Философии права» оценивается как положительное явление, фактически закрепившее завоевания буржуазии в эпоху революции.

Но «Философия права» вышла в свет в 1820 г., в годы реакции, когда Гегель был уже официальным философом прусской монархии, совершил значительный сдвиг вправо по сравнению с периодом 1789—1795, 1801—1808 и даже 1816 гг.

И здесь Гегель, выступая против якобинского террора, за конституционную сословную монархию, за ограничение свободы печати и т. д., не отрекается, однако, от основных завоеваний буржуазии, несмотря на то что они добыты революционным путем.

Отношение Гегеля к различным политическим учениям, к «исторической школе» права, к Руссо, Монтескье, Канту, Фихте также дает возможность точнее определить политическую позицию Гегеля.

Выразителями феодального режима в Германии являлись тогда в области государства и права так называемая историческая школа права (Гуго) и представители так называемого феодального романтизма (фон Галлер). Историческая школа права была позднее охарактеризована Марксом как школа, «узаконяющая подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего, школа, объявляющая мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый и прирожденный исторический кнут»¹⁾.

С этими феодальными теоретиками полемизирует Гегель в своей «Философии права», выступая как идеолог буржуазии. Гегель высмеивает основные положения исторической школы права, указывая, что их доводы доказывают лишь обратное тому, что они хотят доказать: «Если показывают, что возникновение того или другого института при определенных обстоятельствах вполне целесообразно и необходимо, и этим достигают того, чего требует историческая точка зрения, то, если считать это оправданием самой сути дела, из этого следует как раз обратное, а именно: так как этих обстоятельств теперь уже нет, то данный институт тем самым потерял свой смысл и свое право на существование»²⁾. Гегель обнаруживает острое историческое чутье, во всех областях жизни и знания пытаясь провести свой историзм, свою идею диалектического развития.

С этой исторической точки зрения Гегель выступает как идеолог буржуазии против защиты и оправдания монастырской собственности и других феодальных институтов как «излишних и нецелесообразных» или прямо «безнравственных». Эти законы, говорит Гегель о законах Солона, Лициния и т. д., «носят временный, преходящий характер», установлены мудростью правителей и законодателей, считающихся «с положением вещей и обстоятельствами времени», и мудрость эта «должна быть оценена историей»³⁾ и признана философией.

Еще резче выступает он против учения о праве Галлера, который открыл «естественный божественный закон», по которому «более сильный господствует, необходимо должен господствовать и будет господствовать».

Но критика Гегелем исторической школы права и феодального романтизма ведется с позиций буржуазного объективизма и историзма. Историзм Гегеля в конечном счете капитулирует, ибо этого требовали классовый

¹⁾ Маркс. Собр. соч. Т. I, стр. 401.

²⁾ Гегель. Т. VII, стр. 27.

³⁾ Там же, стр. 29.

интерес буржуазии, защита «разумности» буржуазного строя и прусского государства против «черни».

Вот почему Гегель отрывает свое «философское» обоснование государства и права «посредством понятия» от конкретно-исторического изучения правовых и государственных форм. Последнее, говорит Гегель, есть «историческая проблема познания», а не задача «философии права». Как в качестве исходного принципа в предисловии, так и на протяжении всей работы Гегель проводит этот разрыв исторического и логического, требуя не смешивать развития «из исторических оснований... с развитием из понятий»¹⁾.

Гегель сочувственно и положительно отзывается о «знаменитом» «Духе законов» Монтескье. Гегеля с Монтескье роднит не только целый ряд общих идей, ибо идеи Монтескье развиваются Гегелем, но и то, что оба они обосновывали конституционную буржуазную монархию типа английской монархии, где король царствует, а не управляет, где буржуазия управляет. Гегель считает «истинно философской точкой зрения» указание Монтескье на исторические элементы в «положительном праве». «Законодательство вообще и его частные постановления, — говорит Гегель, — нужно рассматривать не изолированно и абстрактно, а как взаимно зависимые моменты некоторой целостности, в связи со всеми другими особенностями, составляющими характер определенной нации и определенной эпохи»²⁾. Гегель развивает также идею Монтескье о влиянии географической среды на «дух народов» и ход всемирной истории, говоря о «географической основе всемирной истории» как арене развертывания всемирного духа.

Развивая эти идеи Монтескье в духе абсолютного идеализма, Гегель утверждает, что так как «государство как дух некоторого народа есть вместе с тем проникающий все его отношения закон, нравы и сознание его индивидуумов, то государственное устройство определенного народа зависит вообще от характера и ступени развития его самосознания»³⁾. Отсюда Гегель делал вывод, что каждый народ обладает таким государственным устройством, «которое ему впору и подходит ему», что оно «не создается лишь отдельными лицами», а представляет продукт веков, «идею и сознание разумного в той мере, в какой оно развито в данном народе»⁴⁾.

Но Гегель хочет найти «разумное» в жалкой действительности прусской бюрократическо-помещичьей монархии и примириться с ней. Тут сказываются не только буржуазная ограниченность философии Гегеля, все пороки его идеалистической диалектики, но и изрядная доля филистерства, прислужничества перед прусской монархией, что Маркс и имел в виду, говоря о «нечистой совести» Гегеля.

Теория Монтескье о разделении властей была направлена против абсолютизма и единодержавного господства феодалов. Гегель критикует эту буржуазную теорию, и здесь, конечно, сказались как новые исторические условия, в которых находилась буржуазия в эпоху Гегеля, так и консервативные стороны в идеологии самого Гегеля.

Консервативная и реакционная сторона философии Гегеля особенно сказалась в критике им идеи равенства, которая получила свое развитие в учении Руссо, а также в различных утопически-социалистических и коммунистических теориях, нашедших практически политическое выражение в борьбе классов во время Великой французской революции. Гегель не отрицает формального равенства буржуазной демократии — равенства перед

¹⁾ Гегель. Т. VII, стр. 26.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же. Т. VII, стр. 299.

⁴⁾ Там же.

законом. Но он против «равенства» и общности собственности. Гегель считает правильным, что Руссо, Кант и Фихте в основу государства полагали «волю». Их ошибка, по Гегелю, лишь в том, что они рассматривали эту волю как сумму единичных волей, как их соглашение, что Руссо выводил государство из «общественного договора».

Когда эти абстракции, пишет Гегель, стали руководить государственной властью во время революции, то сперва, правда, получилось «поразительное зрелище — ниспровержение всего существующего и данного для того, чтобы создать строй великого, действительно существующего государства совсем сначала и из мысли»¹). Но так как в основу хотели положить абстракции, т. е. «мниморазумное», то это привело к «ужаснейшим и вопиющим событиям», — говорит Гегель, имея в виду террор якобинской диктатуры.

Гегель преодолевает субъективно-идеалистическое учение Канта и Фихте о государстве, праве и морали на основе объективного и абсолютного идеализма. Он критикует разрыв должного и действительного, свободы и необходимости, субъективной воли и объективного мира, он вскрывает формально логические основы категорического императива Канта и т. д. с точки зрения идеалистической диалектики.

В противоположность французским просветителям и Канту Гегель провозглашает, что их «царство разума» (которое было всего лишь идеализированным царством буржуазии) не должно быть пустой абстракцией должного (как у Канта), а действительным и вечным, разумным государством. Гегель отмечал роль насилия и даже тирании в истории и в создании «положительного права», но считал это обстоятельство «чем-то случайным», не касающимся «его природы»²). Идея права «недостижима», она оправдывает насилие и гнет имущих классов над трудящимися.

Гегель критикует Руссо, Канта, Фихте (а также идеи кантианца Фриса как размазю «сердца, дружбы и вдохновения») за субъективно-идеалистическое атомистическое понимание общества, государства, права и морали. Идеи Руссо, по Гегелю, сеют «смуту» и «путаницу» в умах и ведут к разрушению государства. Несмотря на всю свою критику механицизма, атомизма, субъективного идеализма, несмотря на обожествление государства как мистического, «объективного», «всеобщего» духа, стоящего над индивидуальным и субъективным сознанием человека, Гегель не мог, конечно, и не думал отказываться от буржуазного индивидуализма, от «свободы личности» и частной собственности. Гегель исходит из абстрактного индивида, из его абстрактной воли, обосновывая «разумность» частной собственности как реализованной свободы личности. При этом, само собой разумеется, Гегель наделяет «личность» свойствами буржуа. Идеалистическая диалектика Гегеля всюду исходит из абстрактного (из абстрактной мысли «бытия и ничто» в логике, из абстрактной воли в «Философии права»).

Выступая против учения Платона об общности имущества³) (у рабовладельцев), Гегель еще резче возражает против коммунистической общности имущества и идей равенства. Рассуждения о равенстве собственности он считает пустой болтовней. Неравенство есть «стихия природы» и «гражданского общества». «Равенство собственности неосуществимо», ибо неравенство возникает, по Гегелю, «с естественной необходимостью» из неравен-

¹) Гегель. Т. VII, стр. 265. Разве не прав Энгельс, утверждая, что о Великой французской революции Гегель всегда отзывался «восторженно», даже и в 1820 г.

²) Там же, стр. 26.

³) Идеал «возвышенного» Платона взят из кастового устройства рабовладельческого, древнего Египта, иначе говоря, из азиатского варианта рабовладельческого способа производства и государства.

ства природных дарований и неодинакового трудолюбия. Поэтому равенство имуществ было бы «несправедливостью». Буржуазный характер критики Гегеля здесь ясен без комментариев.

Марксизм-ленинизм противопоставляет всем этим идеям Гегеля свое учение о равенстве как уничтожении классов, частной собственности и эксплуатации человека человеком. Это учение блестяще развивает товарищ Сталин, оно практически осуществляется в СССР, разбивая все буржуазные теории и схоластические измышления.

Анализ развития философии Канта, Фихте и Гегеля, их учения о праве показывает, что немецкая государственная правовая философия, как писал молодой Маркс в 1843 г., получила в работах Гегеля «свою самую последовательную, самую содержательную и законченную формулировку», что здесь оно возвышается уже своей универсальностью «до степени науки»¹⁾. Но философия государства и права Гегеля, конечно, не была подлинной наукой. Это была лишь одна из высших ступеней развития буржуазной философской политической правовой мысли в Германии. Маркс начал поэтому свою глубокую и гениальную критику немецкой действительности и соответствующего ему «буржуазного политического сознания» («немецкой идеологии») с критики «Философии права» Гегеля. Маркс и Энгельс не остановились подобно левым гегельянкам и Фейербаху на критике религии, ибо они считали критику религии лишь предпосылкой всякой другой критики. «Критика религии есть в зародыше критика той юдоли плача, священным ореолом которой является религия».

«Критика неба» обращается таким образом в критику земли, «критика религии — в критику права, критика теологии — в критику политики»²⁾. А критика политики обращалась в критику буржуазной экономики.

Беспощадно раздвигается Маркс с мыслью Гегеля, что якобы реформация Лютера снимает необходимость для Германии такой революции, какой была французская революция 1789 г. Но Маркс своей критикой показывает всю ограниченность и самой классической буржуазной революции. Маркс связывает свою критику и свою теорию с революцией пролетариата, «уничтожающей всякое рабство».

Маркс рассматривает критику «Философии права» Гегеля как критику прусско-юнкерского государства и буржуазного строя. Диалектика Маркса исторически при своем возникновении связана с диалектикой Гегеля, но вместе с тем она представляет ее прямую противоположность. Марксизм противопоставил свое учение о частной собственности, семье, государстве и праве гегелевскому учению как наиболее развитой и последовательной форме классического идеализма.

В своем замечательном введении к «Философии права» Гегель провозглашает принцип изображать то, что есть, изображать действительность так, как она есть. А Маркс еще в 1843 г. доказал, что Гегель изображает действительность «не такой, как она есть»³⁾. Действительность Гегель ставит на голову, изображая отношения семьи и гражданского общества как «воображаемую деятельность идеи»⁴⁾. Маркс прямо обвиняет Гегеля в «логическом пантеистическом мистицизме»⁵⁾. У Гегеля, говорит Маркс, «идея»

¹⁾ Чтобы конкретно обосновать эти положения молодого Маркса, нужно написать марксистскую историю правовых и политических учений. Пока она не написана, и мы вынуждены ограничиться лишь постановкой этого вопроса. — М. К.

²⁾ Маркс — Энгельс. Собр. соч. Т. I, стр. 400.

³⁾ Там же, стр. 538.

⁴⁾ Там же.

⁵⁾ Там же.

вместе с понятием творит все, понятие является «богом-сыном в боге-отце — «идее»¹⁾.

Выступая против субъективного идеализма Канта и Фихте, Гегель подчеркивает, что идея права не есть только «понятие» и нечто «субъективное». Идея-де есть «единство понятия и реальности». Вместо того чтобы представить идею права отражением реальных правовых и экономических отношений, Гегель, напротив, реальные правовые отношения изображает как результат развития правовой идеи. Гегель требует конкретности, а сам направляет усилия «не на то, чтобы наполнить абстрактное мышление конкретным содержанием политических определений, а на то, чтобы испарить содержание существующих политических определений и превратить их в абстрактные мысли»²⁾.

В идее права и государства Гегель видит «повторение истории логического понятия», подводя различные политические категории под логические понятия общего, особенного и единичного и т. п. Гегеля занимает, следовательно, не «логика деда», а «дело логики».

Критика «Философии права» Гегеля и вместе с тем критика всего буржуазного строя привели Маркса еще в 1843 г. к выводу, что «правовые отношения наравне с формами государства не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, но скорее коренятся в материальных условиях жизни, совокупность которых Гегель по примеру англичан и французов XVIII в. назвал «гражданским обществом», и что «анатомию гражданского общества надо искать в политической экономии»³⁾. Таким образом Маркс пришел к своему гениальному открытию — материалистическому пониманию истории.

В то время как Гегель обосновывал частную собственность, исходя из «свободной воли» индивида, Маркс показал, что «в общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка»⁴⁾.

Государство и право суть орудия классового господства и классовой борьбы. Они исторически возникли и развивались в процессе развития классового общества, разделения труда, частной собственности и обмена, классов и классовой борьбы. Государство и право являются производными от экономических отношений и классовых интересов, они орудие господствующих классов. Правовые отношения Маркс называл «волевыми» отношениями, поскольку они складываются, проходя через волю создавших их классов.

Государство «есть орган классового господства», орган подавления одного класса другим, государство и право есть организация «порядка», который узаконяет и упрочивает это подавление, «умеряя» столкновение классов путем разоружения и подавления одного класса другим. Политический строй есть концентрированное выражение экономики. Право всегда есть право экономически и политически господствующего класса, орудие проведения его политики, возведенная в закон воля господствующего класса. Основой права являются отношения людей к средствам производства, собственность на средства производства, или, выражаясь юридическим языком, имущественные отношения. Всякое правовое отношение имеет определенное

¹⁾ Маркс — Энгельс. Собр. соч. Т. I, стр. 544.

²⁾ Архив Маркса — Энгельса. Кн. III, стр. 153. Изд. 1927 г.

³⁾ Маркс. Предисловие к «К критике политической экономии», стр. 45. Изд. 1933 г.

⁴⁾ Там же.

экономическое содержание. И обратно: в классовом обществе, при наличии частной собственности на средства производства экономические отношения необходимо облекаются в правовую форму.

В целом ряде мест «Капитала» и других своих работ Маркс противопоставляет это свое, материалистическое понимание права гегелевскому, идеалистическому пониманию. Так например, говоря о движении товаров на рынке и объясняя материальные корни идеологии юридического фетишизма, согласно которой «воля» товаровладельцев «обитает» в вещах, Маркс говорит: «Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу, как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу, как лица, воля которых обитает в этих вещах... Следовательно, они должны признавать друг в друге частных собственников. Это юридическое отношение, формой которого является договор, — все равно, выражен ли он законно или нет, — есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического или волевого отношения дано самим экономическим отношением»¹).

Таким образом гегелевской мистификации свободной личности, которая «вкладывает свою волю в вещь» и делает своей частной собственностью, приходит конец. Реальные отношения, мистифицированные Гегелем, получают материалистическое, т. е. единственно научное, объяснение.

2. Право, мораль, гражданское общество и государство в понимании Гегеля

«Философия права» Гегеля есть часть его философии, изображающей развитие мира как развитие абсолютной идеи. Абсолютная идея, по Гегелю, существует вечно, вне времени и пространства, в царстве «чистой мысли». В логике она разворачивает все свои категории как логическая идея и затем «отчуждает» себя от самой себя и непонятным образом превращается в свою противоположность, в природу. Природа Гегелем изображается как инобытие, или внешнее бытие (внеположность), идеи. «Снятая» природа есть так называемый «субъективный дух». «Снятие» у Гегеля есть и отрицание прежней ступени развития и ее сохранение в качестве момента целого, момента развития той же идеи. «Субъективный дух» есть не что иное, как мистифицированное Гегелем обыкновенное человеческое сознание, оторванное им от человека. «Субъективный дух» рассматривается Гегелем как сфера психологии и антропологии. «Снятый субъективный дух есть нравственный объективный дух, снятый нравственный дух — искусство, снятое искусство — религия, снятая религия — абсолютный идеализм Гегеля и конец развития «абсолютной идеи», — говорит Маркс.

Следовательно, предметом «Философии права» Гегель считает «объективный нравственный дух», или идею права.

Гегель определяет предмет «философской» науки о праве в отличие от исторической, «положительной» науки как «идею права — понятие права и его осуществление»²). Развитие правовых отношений он связывал со ступенями развития «идеи свободы», рассматривая и всю всемирную историю как «прогресс в сознании свободы, познаваемой в его необходимости».

«Каждая ступень развития идеи свободы обладает свойственным ей особым правом, так как она есть наличное бытие свободы в одном из ее определений»³). Идет ли здесь у Гегеля речь об исторических ступенях развития права, рабовладельческого, феодального, буржуазного? Нет, речь идет о «логических» ступенях и моментах развития самой идеи права или

¹) «Капитал». Т. I, стр. 41. Изд. 1932 г.

²) Гегель. Т. VII, стр. 23.

³) Там же, стр. 54.

«сознания свободы». Гегель возражает против метафизического противопоставления морали, нравственности, права и государства, устанавливая между ними единство.

Несмотря на вымученную идеалистическую конструкцию Гегель всюду и здесь пытается применить диалектику, впадая, однако, в самые кричащие противоречия.

Здесь ход развития начинается с «идеи абстрактного права», свободной воли и частной собственности. «Снятое частное право есть мораль¹⁾, снятая мораль есть семья, снятая семья — гражданское общество, снятое гражданское общество — государство, снятое государство — всемирная история»²⁾. Такова выраженная словами Маркса схема «Философии права» Гегеля.

Гегель подводит под понятие права не только гражданское, уголовное, государственное право, но и «мораль, нравственность и всемирную историю». Это, конечно, наиболее яркое выражение фетишизма юридического мировоззрения буржуазии с его теориями «правового государства» и т. д.

Хотя Гегель критикует Канта и видит в основе его понятия свободной воли и категорического императива чисто формально логическую попытку ограничить «произвол» отдельной личности, Гегель сам не в состоянии преодолеть индивидуализм, формализм и метафизику буржуазных учений о праве. Он принимает исходный пункт Канта и Фихте — волю абстрактной личности, — понимая, однако, под ней не произвол, но формальную, абстрактную возможность права, требующую своего воплощения в действительности.

«Абстрактная для себя, сущая воля есть лицо», — говорит Гегель. Способность воли абстрагироваться от отдельных вещей и действовать для достижения любой из них есть, однако, лишь произвол³⁾, формальная свобода. Абсолютно свободная воля имеет предметом самое себя.

По Гегелю, собственность и именно частная собственность является первым видом «свободы». Следовательно, содержание раздела об абстрактном праве сводится у Гегеля к обоснованию частной собственности в ее буржуазной форме. Сюда входит и собственность в непосредственной форме, «собственность как договор, и право в его нарушении, право как преступление и наказание»⁴⁾.

Маркс говорит, что «Гегель правильно начинает философию права с владения как простейшего правового отношения субъекта. Но никакого владения не существует до семьи или до отношения господства и подчинения, которые суть гораздо более конкретные отношения. Поэтому было бы правильно сказать, что существуют семьи, роды, которые еще только владеют, но не имеют собственности. Более простая категория (владение. — М. К.) выступает, таким образом, как отношение первичных семейных или родовых сообществ к собственности. В более развитом обществе она (категория владения. — М. К.) выступает как более простое отношение развившегося организма. Однако более конкретный субстрат, отношение которого есть владение, постоянно предполагается. Можно представить себе владеющим единичного дикаря. Но тогда владение не есть правоотношение»⁵⁾.

Эти положения Маркса разбивают идеализм и буржуазный индивидуализм гегелевского обоснования частной собственности, в котором собствен-

¹⁾ Не нравственность, как неграмотно переведено в издании Рязанова. Гегель различает мораль и нравственность, переводчик приписывает Марксу свое незнание этого различия, переводя одинаково и *die Moral* и *die Sittlichkeit* через «нравственность».

²⁾ Маркс — Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 674.

³⁾ Гегель. Введение в «Философию права», § 11—15.

⁴⁾ Гегель. Т. VII, стр. 59.

⁵⁾ Маркс. Введение к «Критике политической экономии», стр. 27.

ность выступает не как общественное отношение, но как абсолютное отношение личной воли.

И Маркс и Энгельс (в «Происхождении семьи, частной собственности и государства») указывали, что в доклассовом обществе, основанном на родовом строе и владении землей, родом и племенем, еще не существует права собственности, поскольку тут нет классовой эксплуатации, господства и подчинения. Тут вопрос о праве столь же нелеп, как вопрос о праве или обязанности на охоту, еду, сон и т. д.

Идеологи буржуазии делают незаконный «скачок» от первобытной коммунистической собственности (на дом, лодку, огород, от общего пользования или владения местами охоты, рыбной ловли) к частной, или современной капиталистической форме собственности. Этот «скачок» проделывал и Гегель. Он выводит понятие собственности из того, что «лицо вкладывает свою волю в вещь», «осуществляет» физический «захват» бесхозяйственной вещи и делает ее своей. А так как воля, вкладываемая в вещь, есть моя личная воля, то «собственность получает характер частной собственности¹⁾, а не общей.

✓ Маркс метко характеризует всю нелепость этого гегелевского «метода» обоснования частной собственности. «Ничего не может быть комичнее учения Гегеля о частной земельной собственности, — говорит Маркс. — Человек как личность должен сделать действительной свою волю как душу внешней природы и потому должен взять во владение эту природу как свою частную собственность. Если такое определение «личности» — человека как личности, — то отсюда следует, что каждый человек должен стать землевладельцем, чтобы осуществить свою личность. Свободная частная собственность на землю — факт совсем недавнего происхождения — представляет по Гегелю не определенное общественное отношение, но абсолютное отношение человека как личности к «природе», абсолютное право человека на присвоение всех вещей» (Hegel, Philosophie des Rechts, Berlin 1840, S. 79). Ясно во всяком случае, что отдельная личность путем одной только своей «воли» не может осуществить своей собственности на землю, раз ей противостоит другая воля, которая также желает воплотиться в том же самом клочке земли. Тут необходимы вещи совершенно иного порядка, чем простая добрая воля. Далее, абсолютно невозможно усмотреть, где же полагает «личность» границу осуществлению своей воли, реализуется ли бытие этой воли в целой стране или, быть может, необходима даже целая куча стран, чтобы путем присвоения их «манифестировать величие моей воли по отношению к вещам»²⁾. И Маркс далее цитирует Гегеля, показывая, что он попадает в «совершенный тупик».

Как же Гегель пытается выйти из этого тупика? Ведь Гегель сам вынужден констатировать наличие «общей собственности» в древнем Риме. Он отмечает, что «в римских аграрных законах идет борьба между общей и частной собственностью на землю».

Маркс и Энгельс показали, что вокруг вопроса о земле, принадлежащей роду и государству, «вращается вся внутренняя история республики»³⁾. Гегель же раздвигается с этим вопросом очень «просто», объявляя, что частная собственность «как более разумный момент должна была одержать верх, хотя и в ущерб другому праву...»⁴⁾.

В этой констатации разложения родовой общей собственности и победы частной собственности в древнем Риме нет, конечно, никакого науч-

¹⁾ Гегель. Т. VII, стр. 72, 73, 74, 79 и сл.

²⁾ Маркс «Капитал». Т. III. Ч. 2-я, стр. 125. Изд. 1929 г.

³⁾ Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 123. Изд. 1932 г.

⁴⁾ Гегель. Т. VII, стр. 73.

ного объяснения самого факта, почему именно, в силу каких экономических и исторических условий она, по словам Гегеля, оказалась легко «расторжимой общностью» и почему оставление в родовой собственности «моей доли» стало казаться делом произвола, а раньше не казалось им. Гениально научное, глубокое объяснение этому дали впервые Маркс и Энгельс.

Буржуазная ограниченность философии Гегеля, защита и фетишизация частной собственности приводят его к тому, что он хотя и очень решительно выступает против «общности имущества», но ничего, кроме моральных ламентаций, не может выдвинуть. Несправедливо-де лишать лицо права на частную собственность!!

Не лучше обстоит и с его возражениями против мелкобуржуазных и утопически-коммунистических теорий равенства имуществ. Требование равенства имущества в распределении земли (а также и всех остальных имуществ) есть, с точки зрения Гегеля, пустое моральное «благое пожелание», требование «абстрактного рассудочного тождества» и не может выводиться ни из разума, ни из природы. Природа ни справедлива, ни несправедлива, но она «за неравенство». Состояние собственника зависит-де от его трудолюбия¹⁾, и равенство было бы несправедливостью, а неравенство, наоборот, — справедливо.

Из указанного Марксом «тупика» буржуазного мышления Гегель так и не мог выбраться с помощью «понятия». Гегель вынужден был признать, что «из понятия нельзя ничего больше вывести» (кроме абстрактных рассуждений). Здесь «должно делать свои постановления положительное право»²⁾.

По этому поводу Маркс иронически замечает: «Это—в высшей степени наивное признание со стороны «понятия»; оно доказывает в то же время, что понятие, которое уже с самого начала объявляет абсолютными вполне определенные и принадлежащие буржуазному обществу юридические представления о земельной собственности, вообще ничего не понимает в действительном строении этого права собственности на землю. Вместе с тем здесь заключается признание, что с изменением потребностей общественного, т. е. экономического, развития «положительное право» может и должно изменять свои постановления»³⁾. В противоположность Гегелю Маркс и Энгельс прослеживают и объясняют происхождение и развитие частной собственности на землю в связи с развитием способов производства, выявляют классовую сущность этой собственности.

Буржуазная ограниченность Гегеля не означает, однако, что он не понимает исторических различий рабовладельческой, феодальной и буржуазной собственности. Он отмечает, что «собственность ленного владельца отличается от обычной (т. е. буржуазной. — М. К.) собственности, что он (владелец. — М. К.) является собственником лишь потребления вещи, а не ценности ее»⁴⁾.

Гегель стоит за «свободу собственности» и «свободу лица». Современные фашистские юристы доказывают, что вся земля: и помещичья и крестьянская — должна «считаться» народной общностью (на деле не будучи ею, а будучи в «ленном владении», т. е. в собственности помещиков и кулаков!). Гегель же показывает, что в ленном отношении находятся «в отношении друг к другу не два собственника, а собственник и пустой владелец» (помещик и крепостной. — М. К.): между ними нет отношения «общей собственности».

¹⁾ Гегель. Т. VII, стр. 75—76.

²⁾ Там же, стр. 80.

³⁾ «Капитал». Т. III. Ч. 2-я, стр. 126.

⁴⁾ Гегель. Т. VII, стр. 87.

Феодальная собственность, говорит Гегель, не соответствует «понятию» полной собственности и якобы именно поэтому «такие ограничения (ленные, заповедные имения) большей частью исчезают»¹⁾. Факт констатируется правильно, а вместо объяснения обычная мистификация «понятия...».

Чем же Гегель объясняет тот факт, что и рабовладельческая и феодальная формы собственности, которые он объявляет неразумными, существовали много веков, прежде чем утвердился буржуазная «разумная» собственность? Ведь уже христианство, по Гегелю, объявило «свободу личности»²⁾. Почему понадобилось больше тысячи лет, для того чтобы собственность стала свободной? Гегель все это «объясняет» медленностью развития мирового духа!

«Вот пример из всемирной истории, — говорит он, — показывающий нам, какой длительный срок нужен духу для того чтобы сделать шаг вперед в своем самосознании, — пример, который может быть противопоставлен нетерпеливости мнения»³⁾. У всемирного духа Гегеля темпы очень оппортунистические!

Гегель признает «свободный» наемный труд в качестве естественного и разумного. Он говорит, что «афинский раб имел, может быть, более легкие обязанности и более духовную работу, чем обыкновенно наша прислуга, и все же он был рабом, потому что весь объем его деятельности был отчужден господину»⁴⁾.

Гегель критикует «бессмысленность» лежащего в основании римского права деления на личное и вещественное право.

«Право, — говорит Гегель, — возникающее из договора, есть объективно не право на лицо»⁵⁾, а лишь право на вещь, на то, что может быть «отчуждаемо».

И здесь опять у Гегеля противоречие. Гегель утверждает в качестве неотчуждаемых прав «мою личность», свободу воли, нравственность, религию, но он не может обойти факта отчуждения всех этих неотчуждаемых прав в рабовладельческом и феодальном и даже в «разумном» буржуазном обществе, где капиталист «отчуждает» почти все время рабочего, покупает личность ученого, философа, художника и т. д., что так ярко разоблачили Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте» и в других своих работах.

Касаясь, далее, ряда конкретных договорных отношений, Гегель в частности выступает против кантовского «позорного» определения брака (как договора на взаимное пользование половыми органами)⁶⁾.

В разделе о преступлениях и наказаниях (о «неправде») у Гегеля особенно много крючкотворства в «понятии» преступления, из которого он хочет вывести чисто логическим путем необходимость наказания. И тут «логика дела» подменяется «делом логики». Преступление изображается как «бесконечное отрицательное суждение», наказание — как «отрицание отрицания» и т. д. «Само понятие, — говорит Гегель, — осуществляет возмездие»⁷⁾. Рассматривая наказание как возмездие за преступление, Гегель, однако, высмеивает крайности буржуазной теории возмездия. «Наказание

¹⁾ Гегель. Т. VII, стр. 88.

²⁾ Мы знаем, что именно христианство узаконяло рабство и поддерживало его. Оно узаконяло и крепостное право, а уничтожение рабства и феодализма происходило вопреки христианству.

³⁾ Гегель «Философия права», стр. 86.

⁴⁾ Там же, стр. 91.

⁵⁾ Там же, стр. 68.

⁶⁾ Но Кант цинически выразил лишь действительную суть и цинизм буржуазного брака (см. характеристику буржуазной семьи и брака у Энгельса в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»).

⁷⁾ Гегель. Т. VII, стр. 120.

не может состоять в эквивалентной ценности»¹⁾, — говорит Гегель. Теория количественного и качественного равенства между преступлением и наказанием приводит к абсурду: воровство за воровство, грабеж за грабеж, глаз за глаз, зуб за зуб, причем в конце концов ведь можно себе представить преступника одноглазым или беззубым. Как тогда быть Шейлокам буржуазного правосудия?

Мы не будем останавливаться здесь на таких специфических вопросах, как гегелевская критика буржуазных теорий наказания (теории «устрашения» Анс. Фейербаха и др.), на анализе им родовой кровной мести, отношении к драконовскому законодательству и т. д. Отметим лишь, что все доводы Гегеля против телесных наказаний и за смягчение наказаний кажутся нето курьезом, нето злой иронией, особенно если иметь в виду современную Германию.

Гегель не отрицал ни смертной казни, ни «правового принуждения», ибо «добром мало достигнешь против власти природы». Гегель обосновывал «право героев» ломать старые традиции и обычаи, основывать государства и т. д. Но тут же замечает: «В государстве нет больше места героям: последние встречаются только в период нецивилизованного (ungebildeten) состояния»²⁾.

Рациональный смысл этих глубоких и гениальных догадок Гегеля вскрыт Марксом и Энгельсом. Они показали, почему именно цивилизация положила конец героической эпохе первобытнокоммунистического родового строя, почему буржуазное общество мало героично и почему именно только современный коммунизм, пролетарская революция могут открыть новую героическую эпоху в истории человечества³⁾.

Переход от абстрактного права к морали Гегель совершает через указание на необходимость осознания преступником справедливости наказания. А это уже дело «внутреннего убеждения и морального умонстроения» личности, здесь государственное принуждение не может иметь места. В этом Гегель видит различие между абстрактным правом и моралью.

Мораль Гегель рассматривает как «право субъективной воли»⁴⁾. Эта воля, однако, абстрактна и должна стремиться к «объективности» и конкретности. Здесь Гегель рассматривает такие категории морали, как «умысел и вина», намерение и благо, добро и зло, совесть и т. д.

Среди хлама идеалистической схоластики и здесь можно найти ряд интересных мыслей и идей⁵⁾, особенно когда они направлены против Канта.

Так, в вопросе об умысле и вине Гегель показывает всю остроту этой проблемы для стилично развивающегося буржуазного общества. Гегель показывает, как развитие представления о сознательном умысле изменяет представление о вине; этого не было у древних (пример: Эдип в трагедии Эсхилла «Антигона», принявший всю вину на себя за убийство отца).

Кантовская теория морали отрывала субъективные намерения от практического поведения человека, должное от действительного. Гегель выступает против этого. Он отвергает софистические оправдания неблагоприятных

¹⁾ Гегель. Т. VII, стр. 121.

²⁾ Там же, стр. 112. Эту мысль Гегель развивает и в «Лекциях об эстетике», 3 Bd. 1928, стр. 348—349.

³⁾ Маркс «18 брюмера Луи Бонапарта». Предисловие к «К критике политической экономии» и Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

⁴⁾ Гегель. Т. VII, стр. 128.

⁵⁾ Еще молодой Маркс отмечал, что «Гегеля многократно порицали за его концепцию морали». Но он лишь обосновал мораль современного государства и современного права, и если «эта мораль не государственна, а государство не морально», то это не вина Гегеля. Бессознательная озоруха Гегеля в том, что он указал буржуазной морали «ее настоящее место» (Маркс—Энгельс. Т. I, стр. 633—634).

поступков ссылкой на хорошие намерения. Намерения хорошие, а последствия плохие. «Более высокая моральная точка зрения, — говорит Гегель, — состоит в том, чтобы находить удовлетворение в поступке, а не в том, чтобы застревать в разрыве между самосознанием человека и объективностью деяния»¹⁾. Так например положение «В великом достаточно одного того, что мы хотим его правильно в том смысле, — говорит Гегель, — что мы должны хотеть чего-то великого, но нужно также уметь совершать великое; в противном случае это — ничтожное хотение. Лавры одного лишь хотения суть сухие листья, которые никогда не зеленели»²⁾.

В этой связи Гегель развивает свою любимую идею о великих людях и обрушивается на некоторых историков — психологических камердинеров, стремящихся «унизить все великие деяния и личности, превращая в главное намерение и движущий мотив поступков те склонности и страсти (к славе, чести и т. п. — М. К.), которые тоже находили свое удовлетворение»³⁾, но не были главными и существенными. Для «камердинеров по своей психологии» героев не существует, но не потому, что великие люди не герои, а потому, что они камердинеры! Сказано крепко и правильно. Но только марксизм может дать научный, объективный критерий определения героев и великих людей, их исторической роли и т. д. Великие люди отнюдь не орудия и выразители всемирного духа, как изображает Гегель. Они принадлежат не только к определенной эпохе и народу, но и к определенным классам, созданы по их образу и подобию.

Гегель выступает против формализма кантовской этики.

«Делай с отвращением то, что велит долг», — так иронически формулирует Гегель точку зрения Канта. — «Долг ради долга». Подчеркивая, что понятие категорического императива основывается на «формальном тождестве воли без всякого содержания», на отсутствии противоречия воли с самой собой, Гегель показывает всю пустоту этого понятия.

Интересны гегелевские возражения против кантовского дуализма свободы и необходимости, против учения Канта о свободной воле, якобы не зависящей от внешнего мира и «доброй» самой по себе и т. п.

Воля «добра» не сама по себе, не от природы, возражает Гегель, а может лишь «посредством работы над собой стать тем, что она есть», посредством воспитания и самовоспитания. Во-вторых, «кто хочет что-нибудь делать в этой действительности, тот именно этим подчинился ее законам и признал право объективности»⁴⁾.

От субъективной сферы морали Гегель переходит к нравственности, под которой он понимает всю объективную совокупность экономических, политических и правовых отношений. Этика Гегеля, таким образом, не ограничивается субъективной областью, но получает свое объективное выражение в бытовых «нравственных отношениях».

В связи с этим Энгельс отмечал «удивительную бедность этики» Фейербаха в сравнении с этикой Гегеля: «У Гегеля этика, или учение о нравственности, есть философия права и обнимает: 1) отвлеченное право, 2) мораль, 3) область нравственности, к которой относятся: семья, гражданское общество, государство. Насколько идеалистична форма, настолько же реалистично содержание. Наряду с моралью оно включает в себе всю область права, экономики и политики. У Фейербаха — как раз наоборот»⁵⁾.

По форме Фейербах — реалист, исходит из природы и человека, но вне его понимания остаются реальные общественные отношения. Гегель же не

¹⁾ Гегель. Т. VII, стр. 141.

²⁾ Там же, стр. 144.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Гегель «Философия права», стр. 151.

⁵⁾ Энгельс «Л. Фейербах», стр. 32. Изд. 1934 г.

обходит этих отношений, а рассматривает и одновременно мистифицирует их посредством «идеи».

В отделе о нравственности Гегель рассматривает как последовательные ступени развития семью, гражданское общество и государство. Мы не имеем возможности остановиться на гегелевском понимании семьи и брака, положения и роли женщины в семье, на воспитании детей, «семейном имуществе» и праве наследования, на критике Гегелем этих отношений в семье рабовладельческой и феодальной, на педагогических идеях Гегеля и критике им системы воспитания Руссо, критике «играющей педагогики» и т. д.

Перейдем прямо к гражданскому обществу. Под гражданским обществом Гегель понимает, в сущности, буржуазное общество и его экономические отношения, отмечая, что «гражданское общество создано, впрочем, лишь в современном мире».

Гражданское общество, по Гегелю—это «мир явлений нравственности», здесь нравственность кажется утерянной. Вначале здесь все кажется господством хаоса и произвола, случайности; но это лишь «кажимость». «Конкретная личность» не может достигнуть своих целей «без соотношения с другими». Себялюбивые цели многих личностей создают «систему потребностей», всестороннюю зависимость и «переплетение», основанное на узах нужды «государство рассудка», как Гегель вслед за Фихте называет гражданское общество. Лицо — первый принцип — «опосредовано формой в общности» — другим принципом гражданского общества», — говорит Гегель, пытаясь увязать буржуазный индивидуализм своей «философии права» с признанием закономерности.

В гражданском обществе «кишмя кишащий произвол», но этот противоречивый процесс «управляется необходимостью», и можно познать законы этого процесса. Политическая экономия (в лице А. Смита, Сэя, Рикардо), указывает Гегель, делает «честь мысли, потому что она, имея перед собой массу случайностей, отыскивает их законы»¹⁾.

Гегель стоит на точке зрения классиков буржуазной политической экономии. Он подчеркивает, что, удовлетворяя свои потребности, человек вынужден производить для других. Общественное разделение труда делает частные потребности и средства «общественными потребностями, общественными средствами и способами удовлетворения». «Человек в своем потреблении имеет отношение преимущественно к произведениям людей»²⁾. На основе общественной «системы потребностей» развивается теоретическая и практическая культура (образование). Последняя приобретает посредством труда, состоит в потребности и «привычке вообще чем-нибудь заниматься». «Работа культуры» есть «тяжкий труд» переработки и преодоления материала и переработки себя. И здесь как и в других работах Гегель рассматривает процесс культурного развития как «освобождение и работу высшего освобождения»; он отвергает представление о культуре как о чем-то внешнем и гибельном (упрекая в этом Руссо с его критикой цивилизации). Идеологи загнивающего капитализма, воспевая гибель «культуры» вообще (Шпенглер), призывая «назад, к варварству», к средневековой, к мифологии, проповедуя антитехнизм, не имеют права ссылаться на Гегеля. Гегель — защитник буржуазного разделения труда и специализации («абстракции в производстве»). В механизации труда и специализации Гегель видит «полную необходимость» взаимной связи людей в гражданском обществе.

Задачу политической экономии Гегель видит в том, чтобы «изобразить отношение и движение масс продуктов в их качественной и количественной

¹⁾ Гегель. Т. VII, стр. 218.

²⁾ Там же, стр. 220 и 222.

определенности и запутанности»¹⁾. Таким образом Гегель остается целиком во власти идеологии товарного фетишизма, он видит отношение вещей там, где Маркс открыл общественное отношение людей.

Он идеализирует царство буржуазной конкуренции, когда пишет, что «способствуя осуществлению моей цели, я способствую осуществлению всеобщего, а последнее, в свою очередь, способствует осуществлению моей цели»²⁾. Ведь сам Гегель показывал, что в истории осуществляется не только то, что преследуют сознательно люди, а часто многое и сверх этого. Блестящую материалистическую переработку этой гегелевской постановки вопроса дал, как известно, Энгельс в своем «Л. Фейербахе».

Утописты-социалисты дали блестящую критику всех противоречий буржуазного строя. Гегель — идеолог этого строя, его защитник — видит некоторые из этих противоречий. Он вынужден констатировать, что «гражданское общество представляет нам в этих противоположностях (хаоса, произвола, необходимых и случайных потребностей, «общих» и частных интересов.—М. К.) и их переплетении картину столь же необычайной роскоши, излишества, сколь и картину нищеты и общего обоим физического и нравственного вырождения»³⁾. Гегель вынужден признать, что это неустрашимая для гражданского общества противоположность, ибо «лишения и нужда суть так же нечто безмерное», как и роскошь. И хотя Гегель утверждает, что «это запутанное состояние может быть приведено в гармонию через ставшее его господином государство»⁴⁾, однако и государство не уничтожает его.

Проблема общественных противоречий и в дальнейшем занимает Гегеля в связи с вопросом о причинах возникновения «черни». «Опускание жизни массы людей, — указывает Гегель, — ниже уровня некоторого известного существования, который сам собой устанавливается как необходимый для членов общества, и связанная с этим понижением уровня жизни потеря чувства права, правомерности и чести существования собственной деятельностью, собственным трудом приводит к возникновению черни, а это, в свою очередь, облегчает вместе с тем концентрацию чрезмерных богатств в немногих руках»⁵⁾. Гегель вместе с классиками буржуазной политэкономии близко подходит к проблеме закона заработной платы: «Низший уровень жизни, уровень жизни черни, устанавливается сам собой; этот минимум, однако, очень различен у разных народов»⁶⁾. Но все это разбавляется моралью, направленной против черни. «Бедность сама по себе никого не делает черной: черной делает лишь просоединяющееся к бедности умонастроение, внутреннее возмущение против богатых, общества, правительства». Гегель приписывает беднякам, проникнутым революционным возмущением, «избегание труда», сравнивает их с неаполитанскими «лаццарони» и т. д. Он отвергает различные филантропические буржуазные проекты решения проблемы борьбы с бедностью путем благотворительности, предоставления беднякам работы и т. п. «Если бы на богатые классы возлагалось бремя, — говорит он, — удерживать бессильную массу населения на их прежнем подобающем уровне существования, ...то существование нуждающихся было бы обеспечено, не будучи опосредствовано трудом, а это было бы противно принципу гражданского общества, равно как и чувству независимости и чести входящих в него индивидуумов; если же эти средства к существованию были бы опосредствованы трудом (доставлением работы), то увеличи-

¹⁾ Гегель «Философия права», стр. 217.

²⁾ Там же, стр. 212—213.

³⁾ Там же, стр. 213.

⁴⁾ Там же, стр. 214.

⁵⁾ Там же, стр. 254.

⁶⁾ Там же.

лась бы масса продуктов, между тем как слишком большое обилие этих продуктов и отсутствие потребителей, самостоятельно производящих соответственно потреблению, именно и составляет то зло, против которого борются и двояким образом его лишь увеличивают. В этом сказывается то обстоятельство, что при чрезмерном богатстве гражданское общество не достаточно богато, т. е. не обладает достаточным собственным достоянием, чтобы бороться с чрезмерностью бедности и возникновением черни»¹⁾). Примером служит для Гегеля Англия. Где выход? Наиболее прямым средством против всех этих зол (лени, расточительности, благодаря которым возникает якобы чернь) является, по Гегелю, «предоставление бедных их судьбе» — разрешение открытого нищенства. Цинично и откровенно!

Как жалки все попытки неогегельянцев и других идеологов фашизма прикрыться гегелевским учением о государстве и корпорациях и «доказывать» «ошибочность» положений Гегеля о противоречиях гражданского общества!

Нужны огромное филистерство и цинизм апологетов загнивающего капитализма, чтобы в нашу эпоху, когда все противоречия капитализма обострились до крайности и видны слепому, нужен цинизм социал-фашистов и фашистов, чтобы обманывать массы фразами о совершающемся якобы смягчении, исчезновении и примирении этих противоречий в фашистском и фашизирующемся буржуазном государстве. Какое убожество мысли обнаруживают такие люди, как Уэллс, не понимающие, например, до сих пор того, что «ни один капиталист никогда и ни за что не согласится на полную ликвидацию безработицы, на уничтожение резервной армии безработных, назначение которой — давить на рынок труда, обеспечивать дешевле оплачиваемые рабочие руки»²⁾).

Анализируя «защиту собственности судебным порядком», Гегель развивает буржуазную программу судоустройства. Сословие и корпорации Гегель выводит из разделения труда и подводит их под «логические моменты» общего, субстанционального и особенного, развивает теорию о гармонии и сотрудничестве классов; «корпорации» рассматриваются Гегелем как средство разрешения или смягчения противоречий гражданского общества... что и используют у него идеологи фашизма.

В учении о сословиях также проявляется буржуазная позиция Гегеля. Гегель хотя и называет помещиков и крестьян «субстанциональным сословием», но замечает, что у этого сословия «главное делает природа», а их «собственное трудолюбие есть нечто второстепенное». Гегель полагает, что это сословие сохраняет патриархальный образ жизни, живет религиозным простым «староаристократическим умонастроением», «мало думает», оно готово «терпеть от людей все», склонно не к свободе, а к подчинению. Другое дело — промышленное сословие, состоящее из фабрикантов, ремесленников и торговцев: оно якобы все «зависит от труда», надеется только на себя, имеет «чувство своего достоинства», «чувство свободы» и требует «правопорядка»³⁾).

Государство, по Гегелю, есть высшая ступень нравственности, «снимающая» все предшествующие ступени развития.

«Так как в ходе научного понятия, — говорит Гегель, — государство является как результат, а оно, между тем, оказывается подлинным основанием», то частная собственность, мораль, семья, гражданское общество снимаются как «первое опосредствование». Они оказываются лишь по видимости первыми.

¹⁾ Гегель. Т. VII, стр. 255.

²⁾ Сталин. Беседа с английским писателем Г. Д. Уэллсом. «Вопросы ленинизма», стр. 600. 10-е изд.

³⁾ Гегель. Т. VII, стр. 226.

«В действительности поэтому государство есть вообще скорее первое, лишь в пределах которого семья развивается в гражданское общество, и сама идея государства раскалывает себя на эти два момента»¹⁾.

Раз в дело вмешалась «идея», то тут, конечно, мистификация. Гегель ведь уверял нас, что «нравственная субстанция... есть действительный дух семьи и народа»²⁾. «Наряду с семьей корпорация составляет второй, вырастающий на почве гражданского общества нравственный корень государства»³⁾. Семья есть «первый базис государства», сословия — «второй базис»⁴⁾, так утверждал Гегель. А затем он переворачивает все на голову и изображает уже и семью и гражданское общество логическими моментами расколовшейся идеи государства.

Государство, по Гегелю, есть «действительность нравственной идеи», нравственный дух народа, «иероглиф разума»⁵⁾, «нравственное целое, осуществление свободы», осуществление же свободы «есть абсолютная цель разума». Государство, по Гегелю, — «есть дух, стоящий в мире и реализующийся в нем сознательно, между тем как в природе он получает действительность лишь как иной, чем он, как спящий дух»⁶⁾. Государство, говорит Гегель, «выше природы». «Мы должны поэтому почитать государство как некое земнобожественное существо и разуметь, что если трудно постигнуть природу, то еще бесконечно труднее постигнуть государство»⁷⁾. «Существование государства, это — шествие бога в мире»⁸⁾, его основанием служит якобы «сила разума, осуществляющего себя как волю». Итак, государство и воля эксплуататорских классов — это разум и власть бога. Государство обладает «наивысшей правотой», учит Гегель, свобода в ней достигает «наивысшего подобающего ей права». Индивид лишь постольку объективен, истинен и нравственен, поскольку он есть член государства: в этом его «высшая обязанность». Цель государства, утверждает Гегель, «не в обеспечении и защите собственности и личной свободы» — это цель гражданского общества, государство же есть «неподвижная абсолютная самоцель». Эта полная мистификация и обожествление эксплуататорского государства Гегелем размазываются теперь на все лады неогегельянами.

Но что это за «иероглиф разума», где существует такое «земнобожественное существо»? В чем секрет этого иероглифа? «При мысли о государстве, — говорит Гегель, — нужно иметь в виду не особенные государства... а скорее идею самое по себе, этого действительного бога»⁹⁾, ибо идея есть «вечное и необходимое бытие духа». А как же быть с действительными и особенными государствами и их историческим происхождением? Этот вопрос, говорит Гегель, «не имеет отношения к «идее государства». Это-де «историческая проблема» для научного познания, а не предмет «философии права». Разрыв исторического и логического, общего и особенного, сущности и исторических форм государства обнаруживает здесь ясно классовые корни философии Гегеля. Он хочет развить «идею государства», выяснить «сущность государства» не путем изучения конкретных особенных исторических типов и форм государства, а, наоборот, априорно «из идеи» выводит «мыслимое понятие» государства.

Характерно, как приходилось Гегелю обосновывать также подчинение церкви государству. Гегель указывал на грехи католической церкви, на то,

¹⁾ Гегель. Т. VII, стр. 262.

²⁾ Там же, стр. 189.

³⁾ Там же, стр. 260.

⁴⁾ Там же, стр. 224.

⁵⁾ Там же, стр. 306.

⁶⁾ Там же, стр. 268.

⁷⁾ Там же, стр. 294.

⁸⁾ Там же, стр. 268.

⁹⁾ Там же, стр. 268—269.

что она сожгла Джордано Бруно, преследовала Галилея. Галилею Гегель поет целый дифирамб. Католическая церковь преследовала науку и свободу мысли — вот что (хотя и в весьма абстрактной форме) утверждает Гегель. А государство (буржуазное, конечно) Гегель изображает как защитника «свободы мысли и науки». Коренные методологические пороки Гегеля, подмена логики дела «делом логики», игра биологическими аналогиями характеризуют всю «Философию права» Гегеля и особенно его учение о государстве. Мужчину Гегель сравнивает с животным организмом, женщину — с растительным. Семей он сравнивает с «чувствительностью», гражданское общество — с «раздражимостью», а государство — с «нервной системой»¹⁾. Он подменяет «логику дела» «делом логики», изображая «единство властей» в своем государстве. Законодательную власть он изображает как «всеобщность», исполнительную власть — как особенность, монарха же — как момент единичности.

Обосновывая наследственные права монарха, Гегель утверждает, что монарх становится монархом благодаря рождению. Выходит, что «подобно тому, как лошадь рождается лошастью, так и король рождается королем», но тогда «рождение предопределяло бы качество монарха, как оно предопределяет качество скота», тогда «высшими конституционными актами короля являются поэтому акты его половой жизни, ибо этими актами он производит короля», — высмеивая грубый эмпиризм Гегеля, его прислужничество монархии, писал молодой Маркс²⁾.

«Обосновывая» конституционную монархию, Гегель утверждает, что от монарха несправедливо требовать таких «объективных свойств», как «телесной силы и ума». «Монархи как раз не отличаются своей телесной силой или умом и, однако, миллионы людей дают им править собой»³⁾. На вершине благоустроенной буржуазной конституционной монархии, доказывает Гегель, может стоять и бесхарактерный человек. Он должен только уметь сказать «Да» и поставить точку над «i», сказать «Я хочу». Но он не может «действовать произвольно», он связан «содержанием совещания» и только подписывает свое имя под решениями. Меринг отмечает, что даже тупой Фридрих III «видел змею, притаившуюся под розами», и недоверчиво спросил об этом темном и двусмысленном месте «Философии права». «А что если я не поставлю точку над «i»? «Ловкие» правые гегельянцы своими разъяснениями придали этой двусмысленности Гегеля вполне «пристойный вид».

Фашисты подхватывают сейчас положение Гегеля, что «всякое действие, всякая действительность имеет начало и свое завершение в решающем единстве вождя». Но к вождям фашизма с соответствующими изменениями приложимы мысли Гегеля о монархе. Такими «объективными качествами», как умом, не отличаются и «вожди» фашизма.

«Вожди» фашизма считают, что можно обманывать массы и вообще нечего считаться с так называемым «общественным мнением», со свободами буржуазной «демократии» и т. д. Услужливые неогегельянцы и идеологи фашизма привлекают для оправдания этого реакционный хлам из Гегеля.

Но и здесь они прибегают к фальсификациям.

Гегель выступал реакционно, утверждая, что низы народа не знают, чего они хотят, что «общественное мнение» есть «неорганический способ обнаружения того, чего народ хочет и что он думает, что за народ думают великие люди и т. п. Но ведь тот же Гегель писал, что «общественное мнение содержит поэтому в себе вечные субстанциональные принципы справедливости, подлинное содержание и результат всего государственного строя,

¹⁾ Гегель. Т. VII, стр. 274.

²⁾ Маркс — Энгельс. Соч. Т. I, стр. 558, 563.

³⁾ Гегель. Т. VII, стр. 310.

законодательства»¹⁾. Нравственный дух народа, по Гегелю, проходит через все мнения, принимающие форму предвзвешенности, а также через истинные потребности и правильные тенденции действительности»²⁾. Гегель считал, что общественное мнение заслуживает почитания и уважения и презрения, обосновывая последнее «случайностью мнения» народных масс, ссылаясь на «пивных филистеров» и «политиков пивной». Нужно разоблачать реакционные тенденции Гегеля к ограничению «свободы печати», буржуазной демократии и без того ограниченной. Но вместе с тем нужно разоблачать и фашистов, фальсифицирующих Гегеля, «углубляющих» его реакционные тенденции.

Гегель говорил, что «великий ум поставил на общественное обсуждение вопрос, позволительно ли обманывать народ». Гитлеры говорят, что не только можно, но и должно обманывать народ, они мастера лжи, демагогии. Гегель дает хотя и уклончивый, но все же другой ответ. Он заявляет, что народ не дает обманывать себя относительно своей сущности и «своего духа», иначе говоря, своих коренных интересов, но обманывает себя сам относительно способа познания «своего духа». Разоблачая мистификацию Гегеля, мы говорим: «Классов обмануть нельзя насчет их коренных классовых интересов», но угнетенные классы, особенно мелкая буржуазия, часто обманываются другими и обманывают себя иллюзиями о путях и средствах достижения своих интересов.

В эпоху Гегеля были налицо и национально-освободительные войны революции 1789—1794 гг., наполеоновские войны и вызванные ими национально-освободительные движения, которые действительно вычистили много феодального гнилья из Европы. Марксизм ставит вопрос о войнах конкретно и признает прогрессивными войны буржуазной революции против феодализма. Гегель как идеолог буржуазии ставит вопрос абстрактно и наряду с прогрессивными войнами оправдывает и реакционные войны. Войны Гегелем оправдываются в целях внутренней политики для укрепления господствующих классов. Фашисты используют идеи Гегеля о народе «как государстве» и «абсолютной власти на земле»³⁾, критику им кантовского учения о «вечном мире» и «союзе народов». Гегель оправдывает войны «вообще», говорит о «нравственном» и «высоком назначении войны», сохраняющем «здоровье народов» и «предохраняющем народы от гниения». Выступая против «пустой» моральной болтовни Канта, которая «умолкает перед серьезными повторениями истории»⁴⁾, Гегель констатировал, что отношения между буржуазными государствами строятся не на морали, а на силе. Сила, правда, у Гегеля должна приобретать «правовую основу», ибо «европейские народы образуют одну семью» и модифицируют «международное право в том состоянии, при котором, в общем, господствует причинение зла». Высшим и абсолютным судьей над отдельными народами и государствами Гегель признает мировой дух, который проявляется сам в диалектическом развитии духов отдельных народов. Всемирная история есть «прогресс в сознании свободы», она развивается закономерно. Выразителями ступеней развития мирового духа являются всемирноисторические народы. Когда народный дух «познает себя», он находится в зените своего развития и начинает клониться к упадку. Осуществление им своей цели, точнее цели всемирного духа, «есть в то же время его гибель и возвышение другого духа, другого всемирноисторического народа, наступление новой эпохи во всемирной истории»⁵⁾.

¹⁾ Гегель. Т. VII, стр. 337.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же, стр. 349.

⁴⁾ Там же, стр. 346.

⁵⁾ Гегель «Философия истории». Т. XI, стр. 111. Нем. изд. Глокиера.

Гегель дает схему развития всемирной истории в виде четырех всемирных царств: восточного, греческого, римского и германского, — которые Гегель сравнивает с детским, юношеским, зрелым и старческим состоянием человека. Германскому царству, или «северному началу германских народов», согласно Гегелю, «мировой дух» поручает осуществить примирение «божественной и человеческой природы», объективную истину и свободу. Эта концепция Гегеля обосновывает буржуазный национализм. Но следует все же отметить, что в отличие от фашистов, усердно «углубляющих» и использующих этот национализм, Гегель выступал против антисемитизма, он отвергал буржуазный космополитизм лишь в том случае, когда он противопоставлялся «национальному государству». Он писал, что «человек обладает таким образом значением, потому что он человек, а не потому что он иудей, католик, протестант, немец, итальянец и т. д.»¹⁾. Фальсифицируют идеологи фашизма и гегелевское понимание роли личности великих людей в истории, отрицая закономерность истории, сводя все к расе, к ее мистической «крови» и непознаваемой душе.

Маркс и Энгельс в своем материалистическом понимании истории раскрыли мистификацию Гегеля. Они показали, что государство не есть действительность «нравственной идеи», а орудие господствующего класса, исторически и необходимо возникшее с появлением частной собственности и классов.

Уже в 1843 г. Маркс показал, что у Гегеля налицо разрыв между гражданским обществом и государством, политикой и экономикой («социальным строем»). Показывая, что «первичной конституцией» и «религией буржуазного государства» является частная собственность, что «не природа порождает царей и королей», а общественный строй, Маркс пришел к выводу, что основой политического строя государства является «гражданское общество», экономический строй.

У Гегеля противоречия гражданского общества принимали вид вечного закона природы. Маркс и Энгельс показали неопровержимо, что противоречия и запутанность «гражданского общества» имеют как и само общество преходящий исторический характер. Противоречия классов неизбежно вызывают появление государства, которое и является выражением того, что общество запуталось в неразрешимых противоречиях, что нужна сила, стоящая якобы над обществом, сила, однако, не могущая примирить противоречия и привести их к гармонии. Государство — лишь оружие господствующего класса для подавления угнетенного класса и удержания его в рамках «порядка» и «закона».

Наряду с «Философией истории» «Философия права» Гегеля содержит больше всего «антикварного», устарелого идеалистического хлама. И здесь Гегель больше всего замечателен попытками применения диалектики, постановкой некоторых вопросов, а не их конкретным разрешением. Тут ярко сказалась вся историческая ограниченность буржуазного мировоззрения. Гегель объявил, что «все действительное разумно, все разумное действительно». Отметим, что Гегель сам склонился к консервативному истолкованию этой знаменитой формулы, так мучившей нашего Белинского и не понятной ни прусским правительством, ни либералами. Маркс, Энгельс и Ленин дают ей блестящее диалектико-материалистическое революционное содержание²⁾. В руках большевиков и их вождей — Ленина и Сталина — эта формула стала действительно «алгеброй революции». Плеханов, много сделавший для популяризации общего революционного смысла этой формулы, не сумел применить ее по-революционному на практике. Он искал идею

¹⁾ Гегель «Философия права», стр. 229. См. также стр. 283.

²⁾ См., например, Энгельс «Л. Фейербах», Ленин, т. IX, стр. 201.

не в потустороннем мире, а в действительности. Благодаря этому он не обходился действительных отношений и, рассматривая их, высказывал много замечательного, хотя и мистифицировал неизбежно действительность при помощи идей. «Постичь то, что есть, — вот в чем задача философии», — говорил Гегель в предисловии. Но сам Гегель «не постигает» того, что есть; он «видимость временного и преходящего» выдает за вечное, устарелое и отжившее — за разумное. Действительное, помещичье, прусско-юнкерское государство он мистифицирует конструированной им «идеей государства». Гегель говорил, что он «дальше всего от того, чтобы конструировать государство, каким оно должно быть», но он изобразил отсталое прусско-юнкерское государство как «разумное внутри себя», как идеал вечного и абсолютного.

Гегель изменяет идее развития, диалектике, примиряясь с жалкой действительностью прусской монархии, не показывая всей глубины и классовой сущности ее противоречий, не показывая революционных сил этой действительности, ведущих вперед. Он цепляется за отжившее, увековечивает преходящее, отказывается от предвидения вырастающего нового, уподобляясь сам сове Минервы, которая вылетает только в сумерках. Гегель уверял, что «ничто недействительно кроме идеи», что содержание философии — это «познание бога» и «физической и духовной природы». Иногда метко критикуя поповщину, Гегель сам насаждает ее.

3. „Философия права“ Гегеля, фашизм и социал-фашизм

Уже Маркс и Энгельс вынуждены были вести борьбу с гегельянско-лассальянской теорией государства и права, имевшей хождение среди германской социал-демократии. Общеизвестна критика Марксом и Энгельсом лассальянских положений Готской программы.

Лассаль в качестве правоверного гегельянца пытался представить государство как надклассовую организацию, цель которой якобы состоит в положительном развитии и совершенствовании человека, обеспечении прав всех «сословий» и в том числе четвертого сословия — рабочего класса. В буржуазной демократии со всеобщим избирательным правом он видел «свободное народное государство» и высшее развитие свободы.

К рабочему движению Лассаль подходил с самой узкой, национальной точки зрения. Буржуазия хвалила лассальянцев за отказ от пролетарского интернационализма и за проповедь национализма. По стопам Лассалья шли в дальнейшем и ревизионисты и социал-фашисты.

Г. Кунов — открытый социал-шовинист — еще до войны 1914 г. проводит гегельянскую ревизию и национал-шовинистическую фальсификацию марксизма. В своей книге «Марксова теория исторического процесса общества и государства» Кунов сожалеет, что «Бауэр не уяснил себе теории общества и государства Гегеля — Маркса. Он принимает в существенных чертах теорию общества Канта — Штаммлера»¹). Кунов доказывает, что если раньше национальная культура и была классовой, то при империализме создается такая правомерная и хорошая «внутренне оправданная» ценность, как «подлинно национальное сознание», охватывающее якобы всех членов нации независимо от классов, причем и у пролетариата якобы национальное чувство сильнее классового, интернационального. Свою клевету на пролетариат софист Кунов «обосновывает» таким же жульническим

¹ Г. Кунов «Марксова теория исторического процесса общества и государства». Т. II, стр. 5, 1930 (Разрядка моя. — М. К.).

оправданием предательства социал-демократии в мировую империалистическую войну. Пролетариат, оказывается, сам под влиянием «национального чувства» добровольно пошел на империалистическую войну!

Кунов утверждает, что марксова теория классов связана якобы с представлением о «системе потребностей», с представлением, «восходящим к Гегелю»¹⁾. И так как Маркс якобы «исходит от Гегеля, то и он первоначально не проводит строгой разницы между сословием и классом»²⁾ как и Гегель. Далее оказывается, что Гегель принимает с оговорками библейское «учение об обществе, выросшем из семьи»³⁾, которое принимает и Кунов, заодно приписывая его и Марксу. Оказывается, что гегелевское понимание географической основы истории и «антропо-географическое представление Ратцеля ведет прямым путем к марксовому пониманию общества и истории»⁴⁾. Оказывается, что вообще в своем методе исследования Маркс исходит из Гегеля»⁵⁾. И Маркс и Гегель одинаково якобы понимают единство исторической возможности и необходимости, оба они «одинаково» настроены против фатализма. Различие лишь в том, что для Маркса диалектика есть только «метод исследования», а не «логика противоречий» и не «теория познания». Однако как же быть с категорическим заявлением Маркса и Энгельса, что их диалектика есть прямая противоположность диалектике Гегеля? Кунов вьется ужом и приводит это указание Маркса лишь для того, чтобы «замять» вопрос. «С одной стороны», диалектика Маркса исходит не из развития понятия, как у Гегеля, а «с другой стороны»: ведь диалектика Гегеля, по утверждению Маркса и Энгельса, «основана на наблюдении действительных переходов в процессе общественного развития»⁶⁾. Так марксизм обработан под куновского Гегеля!

Марксистское учение о государстве и праве Кунов фальсифицирует также под Гегеля. Государство, по Кунову, — это политическая форма организации общества вообще, «организация порядка». Что это буржуазный «порядок», который все социал-фашисты так или иначе защищают, Кунов, конечно, умалчивает. Производственные отношения, социальные отношения, правовые отношения, по Кунову, — все это «одно и то же», и потому якобы неправильно утверждать, что «производственные отношения определяют правовые». Кунов — реформист, сторонник постепенного развития; тут он извращает не только марксизм, но и диалектику Гегеля. Кунов противопоставлял Марксу-революционеру Маркса-ученого, заменяя марксистское понимание истории своим «империалистическим экономизмом».

Наблюдающееся сейчас усиление неогегельянской струи в немецком социал-фашизме отражает лишь процесс усиления неогегельянства в общем фронте буржуазной философии.

Социал-фашистские теоретики повторяют зады буржуазной социологии, но они находятся в авангарде контрреволюционной буржуазии, поставляя ей идеологическое оружие для борьбы с коммунизмом.

Вслед за поворотом ряда неокантианцев «к Гегелю», к слиянию или «синтезу Канта с Гегелем», «назад к Гегелю» спешат повернуть и неокантианские теоретики социал-фашизма. Таков, например, австромарксист Зигфрид Марк, дополняющий неокантианство неогегельянством, превращая диалектику Гегеля в «критическую диалектику».

¹⁾ Кунов «Марксова теория исторического процесса общества и государства», стр. 42 и 125.

²⁾ Там же, стр. 51.

³⁾ Там же, стр. 71.

⁴⁾ Там же, стр. 147.

⁵⁾ Там же, стр. 298.

⁶⁾ Там же, стр. 314.

Государство, по З. Марку, есть не орудие классового господства, а продукт господства стихийных трансцендентальных сил «общества» над человеком. Государство «слабо по отношению к социально-привилегированному», — говорит З. Марк, как будто буржуазное государство не есть орудие этих «привилегированных», т. е. клики империалистов. Государство, по мнению З. Марка, — «вечная категория или, точнее, представляет временно значимую ценность» и т. д., точь в точь как у Кунова, Каутского и т. п. Недаром З. Марк считает, что «заслугой неомарксистского направления под руководством Кунова и Реннера является вскрытие противоречий этой марксистской теории государства и подчеркивание положительной стороны государства для марксистского социализма»¹⁾. «Рыбак рыбака видит издалека!»

Марксистская теория классовой борьбы заменена З. Марком чисто фашистской националистической теорией государства. «Народность сильнее чем класс просто потому, что она коренится в элементарности, в естественном, в то время как класс означает общественный «искусственный продукт»²⁾. Буржуазное отечество есть, по Марку, «политическое выражение народности». Вслед за фашистами Марк говорит о государстве как о «жизненном сообществе» народа и его «законном и организационном выражении». З. Марк и сам пишет, что его учителем тут является «философ жизни» и неогегельянец Ганс Фрейер — основоположник «сверхфашизма». Разве может быть более яркое подтверждение тому, что «фашизм и социал-фашизм — близнецы, а не антиподы» (Сталин).

Другой социал-фашистский теоретик, Герберт Маркузе, пытается синтезировать Гегеля с «философией жизни» Дильтея³⁾. Он восторгается характеристиками «жизни» у Дильтея, ибо у него «историческое бытие есть духовное бытие, историческое происхождение есть духовное происхождение, исторический мир — «духовный мир»⁴⁾, ибо основное понятие «философии жизни» Дильтея сводится «к гегелевской онтологии». Историческая жизнь основана «на бытии духа», который-де только у Гегеля получил «онтологическое обоснование». Можно поэтому себе представить, как «критикует» Маркузе фашизм в своей статье «Борьба против либерализма в тотальном понимании государства»⁵⁾. Он «защищает» буржуазный либерализм Дильтея и Ницше от фашизма, но с позиций фашистской «Философии жизни».

Что особенно характерно для всех идеологов и фашизма и социал-фашизма, это то, что, всюду подбирая старый реакционный хлам гегелевского идеализма, они одновременно «подправляют» идеи Гегеля.

И то, что у Гегеля имело прогрессивный для его эпохи смысл, демagogически и жульнически превращается фашистскими идеологами в орудие кровавой политики империализма. Лассон, Кронер, Биндер, Глокнер, Ларенц, Шпенглер, Шпанн и др. подхватывают и раздувают гегелевское «обоснование» частной собственности, обожествление буржуазного государства и права в форме бюрократически сословной, полуфеодальной прусской монархии, «корпоративного строя», оправдание Гегелем «высшего права войны», идеи национального духа, «северного принципа германской нации» и т. п. Они из кожи лезут вон, доказывая, что именно террористическая диктатура фашиз-

¹⁾ S. Mark «Hegelianismus und marxismus», стр. 19. 1922.

²⁾ S. Mark «Marxistische Staatbejahung», стр. 34.

³⁾ Markuse «Hegels Ontologie und die Grundlegung einer Theorie der Geschichtlichkeit», 1932.

⁴⁾ Там же, стр. 366.

⁵⁾ «Zeitschrift für Sozialforschung». Н. 2. 1934. Париж.

ма и есть «шествие бога в мире» (Шпанн)¹⁾. Они доказывают, что фашистское государство — это «действительность нравственной идеи, причем оно не только средство, обеспечивающее нравственность своих граждан, но само по себе есть нравственная сущность»²⁾. При этом фашизм приспособляет свою идеологию и для «внутреннего» и «внешнего» употребления, для организации сознания буржуазии и «обработки» масс трудящихся.

Для масс в обилии преподносятся фразы о «национальном героизме», самопожертвовании и даже об особом «пруссаческом социализме». А для внутреннего употребления буржуазных и помещичьих кругов Биндер, Шпанн, Кронеры и т. д. пишут более откровенно. Они успокаивают буржуа и мелких буржуа, что социализм не играет никакой роли в их идеологии! «Вполне логично, — заявляет философ права Ю. Биндер, — что у Гегеля (и, разумеется, у Биндера и К°. — М. К.) социализм не играет никакой роли. Это находит свое объяснение не в том, что он, как это часто в неодобрительном смысле утверждают, был философ сытой буржуазии, что не соответствует истине, а только в том, что он впервые нашел правильное понятие государства, в котором эгоизм как движущий принцип буржуазного общества снят»³⁾.

Биндер изощряется в софистике, чтобы изобразить социализм как «царство необузданного эгоизма», а фашистское государство, эту тюрьму народов, — как высшее воплощение «нравственной идеи и свободы». Для приспособления к расовой теории государства изображается «природно-духовным «единством», народный дух — как «расовый», арийский дух», который воплощается в особенностях цвета волос, глаз или в устройстве «немецкого» черепа.

Кронер, — глава Гегельбунда, так же, как и Биндер, подпорченный неокантианством неогегельянец, — возглавил поход против диалектики Гегеля. Гегель в свое время высмеивал иррационализм, мистику, в которую впадал «здравый рассудок» метафизиков, сторонников формальной логики, отказывающихся понять движение и противоречия действительности, провозгласивших движение и противоречие «непостижимыми для понятия», непознаваемыми. За это Гегеля разносили Тренделенбург, Шопенгауэр, Бернштейн, М. Адлер и т. д. «Забыв» об этом, глава Гегельбунда расписывает с восторгом, что «Гегель, без сомнения, — величайший иррационалист. Ни один мыслитель до него не смог так иррационализировать понятие и в такой мере через понятие осветить иррациональное, как это сделал Гегель... Он иррационалист, потому что он диалектик», потому что диалектическое мышление «иррационально, сверхрационально, или антирационально»⁴⁾.

Что Гегель мистифицировал свою идею и этим затемнил, мистифицировал диалектику, — это, конечно, верно, но признавать в этом «заслугу» Гегеля может только мракобес, топчущий в навозе абсолютного идеализма рациональное зерно гегелевской диалектики. Гегель учил, что «философия именно потому, что она есть проникновение в разумное, представляет собой постижение наличного и действительного, а не выставление потустороннего начала». Гегель мистифицировал действительность — это, безусловно, так. Но что делает его жалкий

¹⁾ См., например, Шпанн «Die Gesellschaftsphilosophie». 1932. Шпанн доказывает, что суть всей системы Гегеля — это «математическое равенство»: «Логика — онтология — теология». Но от Гегеля он зовет еще дальше назад, к Фоме Аквинскому, Платону, Конфуцию и другим идеологам рабства.

²⁾ Binder «Verhandlungen des ersten Hegelkongressen von 22 bis 25 April, 1930, in Haag», S. 190

³⁾ Там же, стр. 191.

⁴⁾ R. Kroner «Von Kant bis Hegel». B. II, S. 271.

эпигон? Он устанавливает дуализм «мира и бога»¹⁾, ссылаясь как раз на высший авторитет «потустороннего начала». Он «доказывает», что бесклассовое общество и коммунизм не соответствуют «идее божественной справедливости» и что вообще не может быть «царства божия на земле», т. е. ненавистного Кронеру социализма, строящегося в СССР, и развивающегося во всем мире коммунистического движения.

Как фальсифицирует современное неогегельянство подлинного Гегеля, хорошо показывает и введение редактора сочинений Гегеля, пастора Лассона, к «Философии права» Гегеля. Смакуя и выпячивая всячески все реакционные стороны «Философии права» Гегеля, Лассон открыто отвергает гегелевское положение «о необходимой взаимосвязи между растущим благополучием и прогрессирующей бедностью», т. е. именно то положение, которое отражало историческое чутье Гегеля-диалектика, умевшего вопреки своей буржуазной ограниченности и идеалистической системе видеть противоречия действительности.

По мнению Лассона, Гегель «не мог принять в расчет наступившие с тех пор величайшие успехи в способах производства и средствах сообщения, на основе чего теперь с полной ясностью можно утверждать, что рост благосостояния ведет не к капиталонакоплению в немногих руках, а к постоянно расширяющемуся участию все большего и большего числа членов общества в национальном имуществе... Благодаря этим успехам ограничивается чрезмерность богатства и бедноты»²⁾.

Итак, обогащение Круппов и т. п., голод, нищета и безработица миллионов пролетариата — это не «накопление богатства в немногих руках» и не рост бедноты, а расширение участия всего общества в «национальном имуществе». Что заплет Лассон, когда немецкий народ действительно превратит богатство Круппа в «национальное имущество»?

Лассоны, Биндеры, Геллеры, Кронеры, Шпанны и К^о стараются превратить Гегеля в настоящего пруссак-солдафона и идеолога современных «военно-феодальных» и финансовых империалистических клик, но не всегда удачно, и иногда сами себя разоблачают. Так например такой «теоретик» фашизма, как Боймлер³⁾, считает Гегеля идеологом «либерализма», «мыслителем классицизма», ибо его диалектика воспроизводит «синтез просвещения и романтики» (!), что государство Гегеля — это «культурное государство», это «в государстве конкретизированный дух Веймара». Таковы «смертные грехи» Гегеля, с которыми боролся воспеваемый Боймлером «философ и политик европейского ранга», основоположник «героического реализма» Ницше! Для фашистов философия права Гегеля недостаточно реакционна.

Немецкие неогегельянцы пытаются поэтому сейчас сочетать Гегеля... с «расовой теорией» Гюнтера! В своем фашизированном бывшем «Логосе», а теперь «Zeitschrift für deutsche Kulturphilosophie» (Band 1, Heft 1, 1934) при сотрудничестве К. Ларенца и большой компании (Г. Фрейер, Н. Гартман, Э. Крик, Г. Риккерт, Шпрангер, Ротакер, К. Мюллер, Г. Нейман и т. д.) Г. Глокнер собирается дать «синтез» немецкого идеализма, соединить Гегеля с иррационализмом, с гуссерльянством, соединить воедино все реакционное, что можно выкопать у Лейбница, Вольфа, Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шиллера и соединить все это с реакционными идеями Лагарда, Герберта, Р. Вагнера и т. п.

В своей статье «Немецкая философия» Глокнер соединяет иррациональный немецкий «Gemüt» с «рационализмом рассудка», и эта его философия

¹⁾ R. Kroner «Kulturphilosophische Grundlegung der Politik». Berlin. 1931.

²⁾ Гегель «Философия права» в нем. изд., предисловие Лассона, стр. VII.

³⁾ Боймлер «Ницше — философ и политик» (в нем. изд.).

якобы отрицает субъективизм, релятивизм, «преодолевают противоположность идеализма и реализма», словом, в высшей степени «научна».

Не потому ли «философ» Глокнер так жарко молится богу! «Каждый народ, как учат Ранке и Гегель, стоит непосредственно (weltunmittelbar) перед богом!» — вещает Глокнер. Но «соль» статьи в том, что Глокнер открывает у немцев и немецких философов «две души»: «Две души живут в моей груди: именно душа крестьянина и душа солдата». Это надо понимать так, что империалист и солдафон в душе «охотится» за душой крестьянской, чтобы подчинить ее фашистскому государству и заставить ее воевать во имя бога-капитала. Глокнер зовет всех философов спуститься с абстрактных высот к «жизни», т. е. на службу к фашистскому государству, к пропаганде «расизма». Он зовет к признанию расовой теории Гюнтера!

Ученик Биндера К. Ларенц в своей статье «Народный дух и право» в том же журнале также пытается соединить Гегеля и его «народный дух» с «расовой теорией». «Кровь и дух суть полюсы человеческого бытия», — заявляет К. Ларенц и заставляет «кровь стать духом» и «дух — кровью». Он не «вульгарный» расовик. Нельзя же кровь понимать как нечто недуховное, ибо этому ведь противоречит — шутка ли! — вся история, — учит господин профессор.

К. Ларенц согласен со своим учителем Биндером, что «позитивизм и индивидуализм» не могут обосновать фашистской политики. Носителем «народной общности» и «правовой идеи» может быть, однако, не сам народ, а лишь «решения руководства», «воля законодателя». А что «волей законодателя» является воля Круппа, Стиннеса, Шахта и их верных псов, — об этом К. Ларенц умалчивает. Ларенц дарит немецкому крестьянину вместо отнимаемой у него земли и наследственного двора якобы новое понятие собственности.

Ларенц болтает о «связанности» крестьянина с двором, родом, почвой родины, «народной общностью» и т. д., попутно отмечая, что ядром нового понятия «собственности» является не «власть распоряжаться» землей. Для чего крестьянину, например, собственность как «власть распоряжаться землей», для чего арендатору — бедняку и батраку — зариться на собственность помещика, когда ему достаточно лишь быть хотя бы «духовно» членом «народной общности», связанным кровью с «почвой родины»? Надо проливать кровь за «родину» и поливать потом землю помещика. Ведь земля помещика и есть «почва родины»! Такова классовая сущность этой «философии».

Теоретики расизма (Розенберги) кричат о возврате к древнегерманским «правдам», к «обычному праву». Потомок балтийских баронов Розенберг открыл «миф 20-го века» и в нем доказал, что «при помощи римского права германские племена подверглись прививке чужого права и бесчестных идей» и отсюда все беды немецких рабочих и крестьян. Римское право предано проклятию § 19 Нац. соц. программы, обещавшим замену «пригодного при материалистическом устройстве мира римского права обычным германским правом».

При «материалистическом устройстве мира» признается, что люди должны есть, пить, одеваться, иметь жилища, а для этого заниматься материальным производством и лишь тогда они могут заниматься наукой, искусством, политикой и т. д. При спиритуалистическом, идеалистическом или фашистском устройстве государства рабочих и трудящихся заставляют обходиться без всех этих безбожных материальных потребностей. Пусть живут «национальной идеей» и любят «расовую душу»!

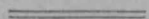
Какие основные факты следует иметь в виду при анализе современных течений в буржуазной философии и социологии в Германии? Во-первых,

официально господствующее положение расовых теорий (Гюнтеров, Гитлеров, Герингов, Розенбергов, Ленцев, Боймлеров и др.).

Во-вторых, несомненно усиление неогегельянства, поворот от неокантианства к неогегельянству, особенно в вопросах государства и права.

Это отнюдь не значит, что неокантианство и другие реакционные философские течения: эмпириокритицизм, махизм, «философия жизни» — перестали играть свою роль воинствующей реакции. Нет, все они сейчас продолжают «идеи» для обоснования фашистской политики. Они вливаются грязными, зловонными потоками в помойную яму, называемую «мировоззрением фашизма». Крикливый идеологический сумбур, противоречия и загнивание буржуазной идеологии, жалкие попытки новых «синтезов», т. е. склеивания реакционнейших идей для оправдания террористической диктатуры финансового капитала, пропаганда реакционных идей и мыслителей всех эпох, начиная с Конфуция, Платона, средневековых мистиков-попов Августина Блаженного, Мейстера Эккарта, Ф. Аквинского, антисемитов Лагарда, Хаустона, Чемберлена, Ницше, фальсификация идей великих мыслителей, погромная и бешеная, жульническая «критика» марксизма — таковы некоторые характерные, бросающиеся в глаза черты «современной» буржуазной идеологии. Диалектика классовой борьбы производит при этом удивительные превращения в отношении судеб и роли учений таких крупнейших мыслителей, как Спиноза, с одной стороны, и Гегель — с другой. Противоречивость их учений играет здесь, конечно, немалую роль. Плеханов, исходя только из этой противоречивости и исторической связи диалектики Гегеля с диалектикой Маркса, предсказывал оживление интереса буржуазии к Гегелю. Однако он совсем не предвидел реакционного и контрреволюционного характера этого «интереса».

После революции 1848 г. десятки лет идеологи буржуазии: неокантианцы, Шопенгауэры, Гартманы, Тренделенбурги — разносили диалектику Гегеля, третируя самого Гегеля как «мертвую собаку»¹⁾. Сейчас многие идеологи буржуазии зовут «назад, к Гегелю», копаются в его реакционном хламе, позорят имя великого мыслителя. Но великие мыслители не станут достоянием фашистов от того, что фашисты подбирают у некоторых из них, в том числе и у Гегеля, этот хлам. Только марксизм взял то, что было великого у Гегеля, — его диалектику, подверг ее критике и материалистической переработке, отбросил весь реакционный хлам. Пролетариат не пойдет «назад», он пойдет вперед под знаменем великого учения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, но он умеет воздать должное великим мыслителям прошлого несмотря на их слабости, ограниченность, защиту ими интересов враждебных ему классов.

¹⁾ См. о причинах этого Энгельс «Диалектика природы», стр. 88—89, его же «Л. Фейербах». Соч. Т. XIV, стр. 677—678 и Маркс Послесловие ко 2-му изд. I тома «Капитала».

Проблема классов у Адама Смита и Рикардо

В. Светлов

Фашистские идеологи утверждают, что классы и классовая борьба есть ложное измышление марксистов. Между тем в период поднимающегося капитализма ряд буржуазных экономистов и историков (Адам Смит, Рикардо, Тьерри, Минье, Гизо и др.) констатировали деление общества на классы, а некоторые из них признавали даже наличие борьбы между ними. На это указывает Маркс в своем знаменитом письме к Вейдемейеру: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни заслуга открытия классов в современном обществе, ни заслуга открытия их борьбы между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов».

То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими формами борьбы развивающегося производства, 2) что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура пролетариата сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы»¹).

Однако из приведенного письма ошибочно было бы делать тот вывод, что заслуга Маркса состоит лишь в доведении классовой борьбы до диктатуры пролетариата, а научная теория классов якобы создана полностью до Маркса.

Конечно, доведение классовой борьбы до диктатуры пролетариата есть самое главное, основное в марксизме. Исходя из этого, Маркс в указанном выше письме и выставляет на первый план вопрос о диктатуре пролетариата как самое важное для марксистской теории классов. Но в то же время не следует забывать, что вся теория классов у Маркса отлична от понимания классов у его буржуазных предшественников, что понимание последними классов и классовой борьбы страдало существенными дефектами, не было правильным и научным.

Ленин пишет: «Марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы»²). «В ряде исторических сочинений... Маркс дал блестящие и глубокие образцы материалистической историографии, анализа положения каждого отдельного класса и иногда различных групп или слоев внутри класса, показы-

¹ Маркс и Энгельс «Письма», стр. 68. Разрядка моя.—В. С.

² Ленин «К Марксу». Т. XVIII, стр. 14. Разрядка моя.—В. С.

вая воочию, почему и как «всякая классовая борьба есть борьба политическая»¹⁾.

В данной работе мы как раз и ставим своей задачей показать на примере разбора теории классов у Адама Смита и Рикардо всю буржуазную ограниченность их взгляда на классы по сравнению с марксистской постановкой этого вопроса. Но в то же время мы попытаемся доказать, что взгляд на классы у классиков буржуазной политической экономии не прошел бесследно для Маркса и Энгельса, а послужил одним из отправных пунктов для их собственной научной разработки этой проблемы.

Этим самым мы разоблачим, во-первых, Рязанова, который в своем предисловии к книге Рикардо «Начала политической экономии и податного обложения» утверждает, что «Рикардо... поставил впервые в самой отчетливой форме вопрос о классовой структуре капиталистического общества», что, мол, его экономическую теорию Маркс только «завершил» и «дополнил» (стр. XXIX).

Мало того, по Рязанову, выходит, что Рикардо к концу своей жизни начал вплотную подходить к мысли о «ненужности страданий» пролетариата, к тому выводу, что этих страданий «можно бы избежать при других условиях», т. е. Рикардо будто бы подходил к социалистическому мировоззрению и лишь «преждевременная смерть» помешала ему сделаться чуть ли не идеологом пролетариата (стр. XXXIV).

Во-вторых, мы должны будем подвергнуть критике «концепцию» «марксистствующего» профессора Солнцева, по мнению которого «учение А. Смита не внесло в развитие идеи общественных классов ничего положительного и оставалось совершенно без всякого влияния на ее движение», было «совершенно пустым звуком» и абсолютно никакого значения в разработке теории классов у Маркса не имело («Общественные классы», стр. 57).

Разбор проблемы классов именно у Смита и Рикардо мы выбрали потому, что социал-фашисты, в частности Каутский, черпают немало материала для своих ревизионистских утверждений как раз у этих мыслителей, не только не идя вперед от них в понимании классов, а даже подчас вульгаризируя их взгляды. Мы отнюдь не ставим перед собой задачу — изложить политическую экономию Адама Смита и Рикардо. Нас интересуют эти экономисты лишь как один из источников марксистской теории классов. И если мы будем касаться постановки ими отдельных экономических проблем, то лишь в той мере, в какой это связано с их пониманием классов.

**
*

Деятельность Адама Смита протекала в Англии во второй половине XVIII века (главный труд А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» вышел в 1776 г.). Рикардо также жил в Англии, но уже несколько в иное время (1772—1823 г.), и, в частности, его главная экономическая работа «Начала политической экономии и податного обложения», в которой он разбирает и проблему классов, появилась в 1817 г.

Мы видим, что хотя оба они жили в стране наиболее передового в то время капитализма, но деятельность Смита протекала в период перехода от мануфактуры к промышленному производству, в то время как Рикардо жил уже в условиях более развитого капитализма.

Данное обстоятельство не могло не привести к некоторому отличию в постановке проблемы классов между Смитом и Рикардо, о чем мы будем говорить ниже.

¹⁾ Ленин «К. Маркс». Т. XVIII, стр. 15. Разрядка моя. — В. С.

Англия, в которой жили Смит и Рикардо, является классическим образцом развития капиталистического способа производства, ибо в этой стране в результате «огораживания» произошла наиболее решительная ломка старых, феодальных порядков в земледелии, ибо в этой стране в более четкой форме произошло разделение населения на классы капиталистического общества.

Это положение не могло не сказаться на той картине расчленения капиталистического общества на классы, которую нам дают и А. Смит и Рикардо и о которой говорит сам Маркс, констатируя в то же время и их недостатки в этой области.

Смит и Рикардо были выразителями чаяний промышленной буржуазии, которая, после того как первоначальное накопление свое дело сделало, стремилась к быстрому капиталистическому накоплению через уничтожение всех остатков феодальных пут, мешающих свободному развитию капитализма, свободной конкуренции. В качестве одного из решающих факторов для развития национального богатства Смит и Рикардо выдвигают идею экономической свободы.

Эту экономическую свободу они рассматривают как естественный порядок, т. е. порядок, предустановленный природой. Причем сама экономическая свобода покоится у Смита и Рикардо на эгоизме людей, на личной инициативе.

Суть этого естественного эгоизма людей, по Смиуту и Рикардо, состоит в том, что каждый человек преследует свои личные интересы — такова его природа. Но так как каждый человек нуждается в помощи других людей, а эта последняя может быть ему оказана, если в ней будут заинтересованы другие люди, то личный интерес одного человека должен быть ограничен личными интересами других людей. Таким образом Смит и Рикардо не отрицают общества и общественных интересов, но они выводят их из природы индивида.

Понятно, что естественный порядок Смита и Рикардо есть не что иное, как отражение в абстрактной форме условий буржуазного общества. Естественные отношения людей, которые рисуют нам Смит и Рикардо, есть по существу буржуазные отношения с характерным для них индивидуализмом и ожесточенной конкурентной борьбой.

Перейдем к разбору их теории классов.

I

Что кладут в основу деления общества на классы Смит и Рикардо, и чем их взгляд на этот вопрос отличается от взгляда Маркса?

А. Смит в «Богатстве народов» пишет:

«Весь годовой продукт земли и труда каждой страны, или, что то же самое, вся цена этого годового продукта, естественно распадается, как уже было замечено, на три части: ренту с земли, заработную плату за труд и прибыль на капитал — и составляет доход трех различных классов народа: тех, кто живет на ренту, тех, кто живет на заработную плату, и тех, кто живет на прибыль с капитала. Это три главных, основных и первоначальных класса в каждом цивилизованном обществе...»¹⁾

¹⁾ А. Смит «Богатство народов». Т. I, стр. 269.

Таким образом общество у Смита делится на классы в зависимости от источника и формы дохода. Но мы сделали бы непростительную ошибку, если бы распределительную теорию классов у Каутского отождествили с теорией классов у А. Смита.

Каутский вульгаризирует эту теорию буржуазных экономистов, ибо он корни деления общества на классы видит только в распределении продукта, только в форме дохода.

Каутский говорит: «Все классовые различия, классовый антагонизм и классовая борьба находят для себя основание в способе распределения продукта» («Классовые интересы»).

Между тем Смит при делении людей на классы обращается не только к способу распределения дохода, не только к характеру дохода, не только к его форме (прибыль, рента, зарплата), но и к источнику этого дохода. Он говорит о том, что капитал—источник прибыли, собственность на землю—источник ренты, труд—источник заработной платы. Следовательно, Смит глубже Каутского подходит к классообразующей основе.

Но все же и Смит в этом вопросе остался на поверхности явлений: его теория классов является разновидностью распределительной теории. Это видно, например, из того, что он отождествил попа с рабочим, отнес их к одному классу, считая что их оплата имеет «тот же характер»¹⁾. Исходя из той же распределительной теории, он кулака-фермера, в том случае, если он сам работает, относил одновременно к двум классам, считая, что он на вложенный капитал как «капиталист» получает прибыль, а как «рабочий» — заработную плату. А огородника на этом основании считал даже представителем всех трех классов, ибо он мол, как землевладелец получает ренту, как капиталист — прибыль и как рабочий — зарплату²⁾. Смит не понимал, что если капиталистический фермер и работает сам, то своей основной целью он ставит получение прибыли, накопление капитала путем эксплуатации рабочих благодаря собственности на средства производства.

Распределительный характер теории классов обнаруживается у Смита и в том, что, по его мнению, закон стоимости действовал только при «первобытном состоянии» людей, ибо в этот период вся вновь созданная стоимость, по Смицу, принадлежала производителю. В условиях же капитализма, цена товара, по Смицу, обусловлена не стоимостью, ибо в таком случае вся вновь созданная меновая стоимость должна бы принадлежать рабочему (что Смит как идеолог буржуазии допустить не может), а доходами. Иными словами, естественная цена товара складывается у него из доходов трех классов: прибыли, ренты и заработной платы; товар должен быть обязательно продан по такой цене, которая дает эти три дохода. Тем самым цена товара обуславливается при капитализме, по Смицу, уже не сферой производства, а сферой распределения — доходами. Следовательно, этим подчеркивается, что первоначальной классообразующей основой является доход — распределение продукта. Здесь неправильная теория Смита смазывает, затушевывает эксплуатацию одного одного класса другим, присвоение классом капиталистов части труда рабочих. Здесь «дело представляется таким образом, как будто стоимость... и в особенности заключающаяся в товарах прибавочная стоимость не просто реализуется в обращении, но возникает из него...»³⁾, в то время как на самом деле процесс распределения есть продолжение процесса производства и подчинен ему. Следовательно, и классо-

¹⁾ А. Смит «Богатство народов». Т. I, стр. 143.

²⁾ Там же, стр. 61.

³⁾ Маркс «Капитал». Т. III, стр. 780, 7-е изд. Ленгиз. 1931. Разрядка моя.—В. С.

образующей основой является отношение людей к средствам производства, их место и роль в системе общественного производства, чем и обусловлена та или иная форма дохода. Всего этого Смит не понимал, когда излагал свою теорию классов, выдвигая второстепенный признак класса в качестве основного.

«Искать основного отличительного признака различных классов общества в источнике дохода, — пишет Ленин, — значит выдвигать на первое место отношения распределения, которые на самом деле суть результат отношений производства... Основной признак различия между классами — их место в общественном производстве, а следовательно, их отношение к средствам производства»¹).

Это основное отличие — этот основной признак класса — Смит как раз и игнорирует, скатываясь к ползуче-эмпирическому подходу в определении класса. Смит смазывает также такой важный классообразующий признак, как отношение эксплуатации, уже одним тем, что, по его мнению, стоимость создается не только рабочим, но и самой природой. «В сельском хозяйстве природа также работает вместе с человеком и, хотя ее работа не требует никаких издержек, ее продукт обладает своей стоимостью точно так же, как и продукт наиболее дорогостоящих рабочих»²).

Здесь, несомненно, сказалось влияние физиократов на Смита, хотя он и преодолевает их взгляды в ряде существенных положений.

В качестве доказательства распределительного характера теории классов у Смита можно привести и то его утверждение, что борьба между классами если и наблюдается в обществе, то имеет своим назначением борьбу не за средства производства, а за большую долю дохода.

При анализе определения классов у Смита мы не должны также забывать, что он подходит к этому вопросу натуралистически, утверждая, что деление на классы является делением «естественным», соответствующим природе человека, ибо естественными, по его мнению, являются три источника дохода, которые и приводят к делению людей на три класса.

Этим самым Смит увековечивает классы капиталистического общества, антиисторически подходит к ним. Посмотрим теперь, как Рикардо определяет классы, в чем он видит классообразующую основу.

Он пишет в предисловии к первому изданию своих «Начал»: «Продукт земли — все, что получается с ее поверхности путем соединенного приложения труда, машин и капитала, — делится между тремя классами общества, а именно землевладельцами, собственниками денег или капитала, необходимого для ее обработки, и рабочими, трудом которых она обрабатывается»³).

Первый класс получает свою долю продукта в виде «ренды», второй — в виде «прибыли» и третий — в виде «заработной платы».

Итак, три основных класса капиталистического общества делятся у Рикардо как и у Смита не только по форме дохода, не только по тождеству доходов, но и по источникам этих доходов.

Выше мы уже показывали, что Ленин деление на классы по источнику

¹) Ленин «Вульгарный социализм и народничество». Т. V, стр. 201. Разрядка моя. — В. С.

²) А. Смит «Богатство народов». Т. I, стр. 373.

³) Рикардо «Начало политической экономии и податного обложения», стр. XXXVIII. Разрядка моя. — В. С.

дохода считает разновидностью распределительной теории классов. О том же говорит и Маркс в конце недописанной последней главы III тома «Капитала», утверждая, что деление общества на основании «тождества доходов и источников дохода» кажется правильным лишь «на первый взгляд».

Однако в отличие от Смита у Рикардо доход класса является производным от стоимости. Он ренту, прибыль и зарплату сводит к частям стоимости, определяемой трудом, так как считает, что самый капитал (сводимый им к средствам производства) и земля не участвуют в создании новой стоимости, что капитал лишь переносит часть своей стоимости на новый продукт. Рикардо пытался, как говорил Маркс, «провозгласить, что причиной возникновения прибыли (читай: прибавочной стоимости) является производительная сила труда»¹).

Здесь Маркс констатирует, что Рикардо подходит до некоторой степени к пониманию прибавочной стоимости и эксплуатации одного класса другим. Но в силу каких причин производительная сила труда стала источником прибыли, а не источником обогащения самого производителя, почему последний должен ограничиться только необходимым минимумом зарплаты, — на все это Рикардо не дает ответа. Он «обходит» этот вопрос потому, что «инстинкт совершенно правильно подсказал этим буржуазным экономистам, что очень опасно слишком глубоко исследовать жгучий вопрос о происхождении прибавочной стоимости»²).

Вот почему Рикардо говорил лишь о зависимости величины прибыли от величины зарплаты, вместо того чтобы прямо говорить о зависимости прибыли от большей или меньшей степени эксплуатации пролетариата буржуазией. Это также подтверждает распределительный характер теории классов у Рикардо.

Следует отметить также, что теория классов как у Смита, так и у Рикардо есть механистическая теория, поскольку он исходным в своей теории общества считает отдельного индивида. Класс для Рикардо является не новым качеством, не единством индивидов, а простой суммой этих индивидов, связанных только общностью дохода. Нельзя пройти мимо того, что теория классов у Рикардо подобно Смиу является натуралистической теорией. Рикардо считал капитализм и классы капитализма естественным состоянием, соответствующим природе людей и потому вечным.

Перейдем теперь к тому, как Смит и Рикардо рассматривали каждый класс капиталистического общества в отдельности и взаимоотношение между ними.

II

Какие слои населения Смит относил к классу капиталистов? Из многочисленных указаний самого Смита убеждаемся, что он капиталистами считал всех лиц, владеющих капиталом, в форме ли средств производства, в форме ли денег, и получающих прибыль. Поэтому к данному классу Смит относил не только промышленную и торговую буржуазию, но и банкиров, и они, с точки зрения Смита, имеют естественное право на прибыль благодаря тому, что ссужают предпринимателя-капиталиста деньгами. К этому же классу капиталистов Смит относил, как мы уже видели выше, и капиталистических фермеров, т. е. сельскохозяйственную буржуазию, арендовавшую землю у лендлордов и обрабатывающую ее с помощью батраков.

Считал ли Смит капиталистов эксплуататорским классом, признавал ли он вообще эксплуатацию одного класса другим? На первый взгляд может показаться, что Смит в положительной форме разрешает этот вопрос. Он пи-

¹) Маркс «Капитал». Т. I, стр. 401. Разрядка моя. — В. С.

²) Там же.

шет: «Богатство его (капиталиста. — В. С.) более или менее велико в прямом соответствии... с количеством продукта труда других людей, который он благодаря своему богатству может купить или получить»¹⁾. Он говорит в другом месте еще более ясно: «Земельная рента и прибыль с' еда ю т з а р а б о т н у ю п л а т у, и два высших класса общества угнетают низший»²⁾. Но это не значит, что Смит кладет здесь основание теории эксплуатации — теории прибавочной стоимости. Смит, наоборот, оправдывает присвоение капиталистом продукта труда рабочего, считает это «естественным» правом капиталиста потому, что он авансирует капитал и заработную плату рабочему («благодетель» рабочих), потому, что он подвергает свой капитал «риску», вкладывая его в производство. Этим самым Смит создает, по существу, теорию естественного происхождения прибыли.

Смит вынужден сознаться, что прибыль качественно отличается от заработной платы, так как величина ее, по мнению Смита, определяется в конечном счете не трудом самого капиталиста, а вложенным в дело капиталом. Но, утверждая, что капитал — источник прибыли, а не труд рабочего, он тем самым отказывается от признания классовой эксплуатации. Это положение ясно показывает, что Смит не дал научной теории прибавочной стоимости. Мало того, вопреки своему первоначальному утверждению Смит считает, что никакого угнетения рабочих господствующими классами нет, ибо рост накопления капитала ведет и к росту заработной платы. К тому же, с его точки зрения, прибыль есть такой доход капиталиста, «из которого он черпает средства для своего существования»³⁾, забывая здесь, что не это является главным побудительным мотивом деятельности капиталиста.

Это затушевывание момента эксплуатации рабочих капиталистами проявляется у Смита и в том, что он не понимает самого происхождения капитала. С его точки зрения, капитал появился и увеличился в результате бережливости, в результате появления «запасов», а не путем отчуждения средств производства от производителя и его эксплуатации⁴⁾.

Смит не мог дать теории эксплуатации еще и потому, что он главным образом говорит лишь о присвоении капиталистом продукта, выработанного рабочим, а не о присвоении части труда рабочего. И это понятно: ведь у Смита мы не найдем понятия рабочей силы, т. е. такого специфического товара, который может создать большую продукцию, чем необходимо для восстановления этой рабочей силы и ее воспроизводства. Смит как и Рикардо рассматривает заработную плату как оплату всего труда рабочего, как цену его труда.

Весь приведенный нами материал показывает, что хотя Смит как-то подходил к признанию эксплуатации рабочего капиталистом, но в конечном счете на эту точку зрения, будучи апологетом буржуазии, стать не мог. Более того: он всячески раздул, выставил на первое место все те данные, которые, по его мнению, говорят об отсутствии эксплуатации рабочих капиталистами.

Недостаточно четким является и представление Смита о пролетариате, хотя и здесь он продвинулся вперед, подойдя к пониманию того, что и рабочий становится в условиях капитализма товаром. Он пишет: «Спрос на людей, как и спрос на всякий другой товар, необходимо регулирует производство людей, ускоряет его, когда оно идет

¹⁾ А. Смит «Богатство народов», стр. 87.

²⁾ Там же, Т. II, стр. 153.

³⁾ Там же, Т. I, стр. 62—63.

⁴⁾ Там же, стр. 346.

слишком медленно, задерживает, когда оно происходит слишком быстро»¹⁾. Эта теория, будучи очень далекой от определения рабочей силы как товара, все же была известным шагом вперед в понимании классовой природы пролетариата. Однако непонимание Смитом действительной природы капитализма, его противоречивого развития, при котором все более растут два полюса — богатство и нищета, — приводит к тому ошибочному утверждению, что с развитием капитализма материальное положение рабочих — их реальная заработная плата — абсолютно возрастает, в силу чего «положение рабочих, этой главной массы народа, становится наиболее счастливым и благоприятным»²⁾. В результате этого рабочие, по мнению Смита, начали уже «роскошествовать»³⁾. Поэтому Смит предлагает рабочему не буйствовать, не вести борьбу с хозяином, а наиболее интенсивно работать, так как это приведет к росту национального богатства и якобы вытекающему из этого улучшению материального положения рабочих (правда, Смит замечает вскользь, что рост богатства буржуазии идет несколько быстрее).

Чем же объяснить эту ошибку Смита, от которой в известной мере избавился Рикардо?

Это объясняется, на наш взгляд, отчасти тем, что в эпоху, предшествовавшую промышленному перевороту, ухудшение материального положения рабочих проявлялось не так сильно и остро, как после промышленного переворота. Но главная причина приведенной ошибки Смита лежит в буржуазном характере его взглядов. Смит не мог не видеть тех губительных последствий, которые принесло для большинства населения «огораживание», закабаление ремесленников скупщиками, начавшееся разорение их под влиянием конкуренции мануфактур, невыносимое положение самих рабочих на мануфактурах и т. д. и т. п. Правда, Смит не проходил абсолютно мимо факта пауперизации населения. Но он объяснял наличие бедных, нищих не экономическими причинами, а неправильной политикой государства, наличием закона о бедных, что говорит об идеалистическом подходе Смита к этому вопросу.

Социал-фашист Каутский возрождает эту буржуазную теорию Смита, когда утверждает, что развитие капитализма улучшает материальное положение пролетариата, и из этого делает такие же выводы: отказ от революции, отказ от классовой борьбы рабочих против буржуазии. Каутский проповедует теорию классового сотрудничества, развивает как и Смит тот взгляд, что пролетариат должен быть заинтересован в развитии капиталистического производства.

В отношении к рабочему классу мы видим у Смита, в сравнении с Рикардо, следы несколько большей гуманности, известную долю сочувствия к рабочим. Он, например, призывал капиталистов «прислушиваться к велениям разума и гуманности», принимать во внимание сохранение здоровья рабочих и создавать им определенные удобства.

Этот «либерализм» Смита по отношению к рабочим имеет своей социально-исторической основой также иные условия классовой борьбы в его время, и поэтому понятно, что у Рикардо, который жил в несколько иное время, этих гуманистических черт уже нет, несмотря на то что во времена Рикардо положение рабочих в результате промышленного переворота значительно ухудшилось.

Но у Смита элементы гуманности по отношению к рабочим имели ярко выраженный буржуазный характер. Он, например, требует повышения зарплаты рабочим, но с той целью, чтобы таким путем повысить

¹⁾ А. Смит «Богатство народов». Т. I, стр. 88.

²⁾ Там же, стр. 89—90.

³⁾ Там же, стр. 86.

производительность труда рабочего, «увеличить его трудолюбие», усилить интенсивность труда рабочего и этим самым обеспечить большую прибыль для капиталиста¹⁾. Смит требует соблюдения известной меры в интенсификации труда рабочего, так как «чрезмерное напряжение в течение четырех дней в неделю часто бывает действительной причиной безделья в остальные три дня» благодаря упадку сил у рабочего²⁾. Мы видим дальше, что свое требование увеличения зарплаты Смит аргументирует тем, что зарплата должна не только восстанавливать силы самого рабочего, но и способствовать его размножению, ибо иначе «раса этих рабочих вымерла бы после первого поколения»³⁾.

Итак, «жалость» Смита к рабочему основана на защите классовых интересов буржуазии.

Как Смит рассматривал класс землевладельцев?

В самом определении этого класса у Смита проявляются колебания, обусловленные его двойственным подходом к земельной ренте. С одной стороны, Смит понимает, что рента есть «вычет из продукта труда» (рабочего), «затраченного на обработку земли», вычет, идущий землевладельцу, «как только земля становится частной собственностью»⁴⁾. Здесь Смит стоит на буржуазной точке зрения, направленной против привилегий крупных землевладельцев. Но, с другой стороны, ту же ренту Смит рассматривает как естественное вознаграждение за пользование землей, затушевывая этим классовый характер ренты и момент эксплуатации рабочих. Мало того, Смит думает, что источником ренты является сама природа: «Эту ренту можно рассматривать как продукт тех сил природы, пользование которыми землевладелец предоставляет фермеру». Здесь, несомненно, сказываются остатки влияния физиократов на Смита. Есть у Смита и другие, тоже неверные варианты подхода к ренте. Смит понимает лишь, что продукт, полученный с земли, делится между тремя классами, в том числе и классом землевладельцев. Он понимает, что рента не связана ни с какими затратами капитала, и поэтому не отождествляет буржуазию и землевладельцев, но дальше этого он не идет.

Смит как и Рикардо не понимал, что класс землевладельцев есть класс, оставшийся от феодальной формации и трансформирующийся к тому же в класс капиталистов. Поэтому мы не найдем у него как и у Рикардо деления классов на основные и неосновные. Стремясь увековечить капитализм, они думали, что все три класса равно необходимы для капитализма. Правда, Смит, будучи представителем промышленной буржуазии, говорил, что землевладельцы «представляют собой единственный из трех классов, доход которых не стоит им труда и усилий»⁵⁾, так как землевладельцы не вкладывают в производство ни труда, ни капитала. Этот взгляд Смита выражает нежелание промышленной буржуазии делить свою прибавочную стоимость с землевладельцами. Но отсюда нельзя делать тот вывод, что Смит считал этот последний класс излишним и требовал его ликвидации. До такой мысли Смит, конечно, не дошел.

Как трактует каждый из трех классов капиталистического общества Рикардо?

Говоря о буржуазии, Рикардо так же, как и Смит, стремится показать видную роль, якобы осуществленную буржуазией в капиталистическом производстве. Хотя, как мы указывали выше, Рикардо в большей степени чем Смит подходит к признанию эксплуатации рабочих капиталистами, но все же

¹⁾ А. Смит «Богатство народов». Т. I, стр. 90.

²⁾ Там же. Т. I, стр. 91.

³⁾ Там же, стр. 76.

⁴⁾ Там же. Т. I, стр. 73.

⁵⁾ Там же, стр. 269.

он не дал научной теории прибавочной стоимости. Он игнорирует момент экспроприации средств производства у производителя, он подходит к прибыли догматически, не идя далее, к прибавочной стоимости, не видя также разницы между ними. Момент эксплуатации рабочих капиталистами у Рикардо как и у Смита затушевывается тем, что капиталисты якобы «имеют справедливое право» на получение прибыли¹⁾, ибо она является естественным «вознаграждением за хлопоты и риск, которым они (капиталисты. — В. С.) необходимо должны подвергаться при производительном употреблении своего «капитала». Рикардо считает, что прибыль является необходимым «поощрением» для лиц, владеющих капиталами²⁾, что прибыль капиталист получает «за дело». Маркс насмешливо называет теорию о праве капиталиста на прибыль «морально-назидательными соображениями»³⁾, т. е. отрицает всякое теоретическое значение этих утверждений.

Рассматривая зарплату как «цену за труд»⁴⁾, Рикардо также отходит от правильного понимания эксплуатации. Рикардо отходит от признания эксплуатации рабочих капиталистами и потому, что, по его мнению, все классы «содействуют» созданию нового продукта. «Преследование выгоды индивидуума (т. е. капиталиста. — В. С.), — по его мнению, — удивительным образом соответствует выгоде всех». Рикардо тоже почти не замечает жестокой эксплуатации рабочих, которая существовала в его время в Англии. Таким образом, хотя Рикардо ближе подходит к теории эксплуатации чем Смит, но и он дает лишь некоторый материал для создания научной теории прибавочной стоимости, так и не вскрыв ее сущности.

Как Рикардо относился к пролетариату?

Рикардо считал, что по мере развития капитализма прибыль падает, реальная зарплата остается стабильной, а рента растет. В этом своем утверждении Рикардо исходит из мальтусовского закона народонаселения и закона убывающего плодородия, против чего решительным образом возражал Маркс, утверждая, что реальная зарплата рабочих постоянно понижается под влиянием роста органического состава капитала и резервной армии безработных. Однако Маркс видит уже заслугу Рикардо в том, что последний не разделял оптимизма Смита в этом вопросе, считавшего, что материальное положение рабочих постоянно улучшается. Рикардо является сторонником умеренного размера зарплаты, низкого ее уровня, утверждая, что «нужда рабочего неизбежна и никакое законодательство не поможет горю»⁵⁾.

Мы видим, как здесь Рикардо идет от Смита вперед, утверждая, что положение рабочих при капитализме улучшено быть не может. Поэтому он откровенно заявляет: «Нет более нелепой политики, как насильственно регулировать денежную заработную плату сообразно с ценой пищи»⁶⁾.

Откровенность Рикардо по отношению к рабочим простирается еще дальше. Нации, т. е., по существу, классу капиталистов, по Рикардо, нет никакого дела до того, сколько рабочих обеспечено работой, нет дела до роста нищеты и вызванной этим роста смертности рабочих. «Если только ее («нации». — В. С.) чистый реальный доход, ее рента и прибыль не изменяются (в сторону понижения — В. С.), то не имеет никакого зна-

¹⁾ Рикардо «Начала», стр. 299.

²⁾ Там же, стр. 127.

³⁾ Маркс «Капитал». Т. III, стр. 782. 7-е изд. Ленгиз.

⁴⁾ Рикардо «Начала», стр. 13.

⁵⁾ Там же, стр. 109.

⁶⁾ Там же, стр. 108.

чения, состоит ли эта нация из десяти или двенадцати миллионов людей»¹⁾.

Вымирание части рабочих в результате нищеты и безработицы является, по мнению Рикардо, даже выгодным для буржуазии, так как это может повысить ее прибыль. Зачем, говорит Рикардо, употреблять в производстве 7 миллионов рабочих, когда и 5 миллионов рабочих дадут ту же сумму прибыли, что и 7 миллионов? Очевидно, он имеет в виду, что 5 миллионов рабочих при увеличении рабочего дня и усилении интенсивности труда путем ускорения хода машин, могут создать столько же прибыли, сколько и 7 миллионов рабочих.

Для Рикардо, следовательно, важно не то, что большое число людей будет трудиться и получать определенные материальные блага, а важна лишь высокая прибыль. Поэт Байрон как будто имеет в виду этот циничный взгляд Рикардо когда говорит:

«Нет. К черту все! Устройте лишь доход!

Их счастье, свет, их вера, цель забот,

Их жизнь и смерть — доход, доход, доход!»

Именно эту борьбу за увеличение дохода капиталиста, борьбу за «чистоган» во что бы то ни стало и проповедует Рикардо.

Маркс и Ленин видят заслугу Рикардо в том, что он своим цинизмом, своей откровенностью помог вскрыть тайну капиталистического производства и этим самым дал известный материал для создания теории научного социализма, так как открыто показал, что рабочему классу в условиях капитализма ничего хорошего ждать не приходится. Смерть от голода, отказ от рождаемости — вот что требует Рикардо от бедняков, от пауперизированного населения. Только таким путем возможен расцвет остального населения страны и прежде всего буржуазии.

Правда, в ряде мест Рикардо хочет смягчить краски, идеалистически объясняя нужду, голод «невежеством, ленью и варварством», выражающемся «в дурном управлении, необеспеченности собственности»²⁾, но он ни слова не говорит о главных виновниках — капиталистическом способе производства и самом классе капиталистов.

К концу своей жизни, в результате наблюдения за положением пролетариата после введения машин, Рикардо несколько изменил свой взгляд на положение пролетариата (исправив соответствующим образом главу «О машинах» в 3-м издании своих книг «Начала» в 1821 г.). Он начал несколько отходить от своей теории стабильной заработной платы, должен был констатировать значительное ухудшение положения рабочих в результате промышленного переворота, в результате введения машин, ибо закрывать на это глаза было уже нельзя.

Но от всего этого далеко до утверждения Рязанова, считавшего, что под влиянием этого открытия Рикардо стал чуть ли не социалистом. Рикардо предлагает рабочим примириться с ухудшением своего положения в результате употребления машин как с неизбежным злом и уж, конечно, ни о какой ликвидации капиталистического применения машин не говорит. Рязанов клеветает на Маркса, когда говорит, что Маркс не знал произведенного Рикардо изменения главы о машинах и поэтому не мог видеть той эволюции к социализму, которую якобы проделал к концу своей жизни Рикардо. Сам Маркс следующим своим утверждением опровергает Рязанова: «Все буржуазные апологеты, говоря о машинах, не отрицают того: 1) что машины то тут, то там, но постоянно делают излишней часть населения, выбрасывают

¹⁾ Рикардо «Начала», стр. 260.

²⁾ Там же, стр. 57.

на улицу часть рабочего населения. Они вызывают перенаселение, а поэтому и понижение заработной платы в некоторых сферах... 2) Еще менее эти апологеты отрицают рабство самих машинных рабочих и нищету вытесненных ими и исчезающих рабочих ручного труда или ремесленников»¹⁾.

Но, продолжает Маркс, они и в частности Рикардо «выдвигают увековечение наемного рабства» и благословляют машины за то, что они являются таким образом средством против возрастания заработной платы²⁾. Рикардо, таким образом, отнюдь не становится на точку зрения пролетариата, как это хочется Рязанову.

В вопросе о классе землевладельцев Рикардо тем отличается от Смита, что в своей теории ренты он не опровергает теории трудовой стоимости, а подтверждает ее, заявляя, что сама земля никакой новой стоимости создать не может. Этим самым Рикардо подходит к тому утверждению, что и землевладелец также присваивает себе часть продукта, выработанного рабочим. Рикардо как и Смит находился в оппозиции к землевладельцам, говоря что интересы последних «противоположны интересам всех других классов». Но несмотря на все это он как и Смит нигде не требует уничтожения земельной собственности и этим самым как бы подчеркивает, что класс землевладельцев имеет такое же естественное право на существование при капитализме, как и другие его классы.

Перед нами возникает теперь вопрос о причинах игнорирования Смитом и Рикардо мелкой буржуазии. Правда, Смит говорил вскользь о ремесленниках, но не понимал их места в капиталистическом обществе и отсюда причислял их к двум классам: капиталистам и рабочим, — руководствуясь своим распределительным подходом к классам.

На наш взгляд, такое игнорирование объясняется тем, что в Англии вследствие решительной ломки феодальных отношений свободное крестьянство было изгнано с земли и почти что исчезло. Энгельс в предисловии к английскому изданию «Развитие социализма от утопии к науке» пишет: «Сто лет спустя после Кромвеля английские иомены почти исчезли»³⁾. Смит и Рикардо в своем анализе классов исходили лишь из условий Англии и в силу этой национальной ограниченности не замечали других классов. Это объясняется также абстрактным, созерцательным подходом к капитализму у Смита и Рикардо, желанием представить его в «чистом виде», вместо того чтобы возможно правильное отразить его действительную классовую структуру.

Между тем во времена Рикардо, тем более во времена Смита, и в Англии существовали ремесленники, кустари, и немногочисленный слой крестьян. Маркс в «Капитале» говорит, что даже в его время в Англии «классовое расчленение не выступает еще в совершенно чистом виде. Даже и здесь средние и переходные ступени затемняют пограничные линии»⁴⁾. Это игнорирование Смитом и Рикардо мелкой буржуазии объясняется и тем, что они стремятся затушевать различие между частной собственностью, добытой личным трудом, и капиталистической собственностью, которая покоится на эксплуатации рабочей силы.

Перейдем теперь к разбору взглядов Смита и Рикардо на историю образования и развития классов.

¹⁾ Маркс «Теории прибавочной стоимости». Т. II, Ч. 2-я, стр. 237. Разрядка моя. — В. С.

²⁾ Там же, стр. 240.

³⁾ Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 377.

⁴⁾ Маркс. Т. III, стр. 834. 7-е изд. Ленгиз.

III

У Адама Смита мы найдем указание на существование «разных ступеней развития общества». Он делит развитие общества на следующие ступени:

1. Охотничья ступень, при которой «едва ли» была частная собственность, а если и была, то не превосходила «оплату двух—трех дней труда». Эту ступень общества Смит рассматривает как ступень «всеобщей бедности», когда не было также и государства.

2. «Пастушеский период развития», когда «впервые появляется неравенство «состояний», а также существует «власть и подчинение»¹⁾.

3. «Богатое и цивилизованное общество», т. е. капиталистическое общество.

Мы находим у Смита даже такое утверждение, что неравенство между людьми возникло вместе с неравенством состояний, вместе с появлением частной собственности и обмена (например класс землевладельцев появился, «как только земля становится частной собственностью»²⁾). Но он этой точки зрения не выдерживает и в вопросе о происхождении классов скатывается, в конечном счете, на идеалистическую и натуралистическую позицию. Он говорит: «некоторые люди» стали «несколько выше большинства их собратьев» потому, что они обладали «превосходством личных качеств, силы, красоты и ловкости тела, мудрости и добродетели, благоразумия, справедливости, мужества, выдержанности и ума»³⁾.

Совершенно ясно, что такое объяснение происхождения господствующих классов не выдерживает никакой критики.

Мы находим дальше рассуждения Смита о «феодалах», «крепостных крестьянах», «рабах» и «рабовладельцах», но все это отнюдь не значит, что он дал верную историю образования классов и их перехода в другие классы. Смит по существу не объясняет причину возникновения классов, не понимает, что классы появились благодаря развитию производительных сил, приведших в результате общественного разделения труда к росту производительности труда, появлению прибавочного продукта и как следствие всего этого — к частной собственности на средства производства и образованию классов. По Смицу же, еще до разделения труда и обмена появились «запасы» в результате того, что благоразумные люди «сберегали» продукт своего труда, постоянно его накапливали. Так образовался, по Смицу, капитал и, следовательно, класс капиталистов.

Мы видим, что Смит не понимал первоначального накопления капитала в результате насильственной экспроприации мелких производителей, в результате грабежа колоний и т. д. Правда, Смит признает, что после образования капитала рабочие попадают в зависимость от людей, имеющих капитал, но он не говорит о том, что пролетариат произошел из разорившихся крестьян и ремесленников, несмотря на то что этот процесс происходил интенсивно и в его время.

Таким образом, если мы у Смита и обнаруживаем историзм, то это, во-первых, мнимый историзм, а во-вторых, вулгарный, так как он произвольно делит общество на эпохи и произвольно отделяет одну от другой. Никакого сравнения с марксистско-ленинской теорией социально-экономических формаций такое деление выдержать не может.

Не выдерживает никакой критики приведенная нами выше история хо-

¹⁾ А. Смит «Богатство народов». Т. II, стр. 302—305.

²⁾ Там же. Т. I, стр. 73.

³⁾ Там же. Т. II, стр. 303.

зяйственного развития общества у Смита и потому, что он эту историю рассматривает идеалистически, не как необходимое, закономерное, действительное развитие экономики, а как уклонение, заблуждение от естественного общественного порядка, как неправильную политику государства и своей задачей ставит борьбу за «естественный» порядок, под которым он, конечно, понимает только капиталистический строй. Смит признавал существование бесклассового первобытного общества, но считал эту ступень развития общества неразумной, незакономерной, «неестественной» и утверждал, что, вероятно, уже там существовала частная собственность. Для Смита буржуазный способ производства, капиталистический строй являются единственно рациональным строем, и он беспощадно обрушивается на меркантилистов за их уклонение от этого необходимого строя. Этим самым анализ капитализма Смитом преподносится как анализ общества «вообще», а классы капиталистического общества как классы «вообще». Следовательно, его определение капиталистического общества и классов этого общества является абстрактным, метафизическим определением.

Это видно и из того, что, с точки зрения Смита, прибыль, рента и зарплата рассматриваются как вечные категории. Он, по существу, не видит качественного отличия общества докапиталистического от капиталистического, а видит только количественную разницу, заключающуюся в том, что в первом обществе зарплата равнялась всему произведенному продукту труда, а во втором — только его части. Точно так же Смит подходит и к образованию капитала как к накоплению запасов, сбережений уже в докапиталистическом обществе.

Исходя из этого, Смит рассматривает докапиталистические общественные отношения как неразвитые капиталистические отношения. Это говорит о наличии у Смита механицизма и в данном вопросе.

Если у Смита мы найдем кое-какие, правда, ненаучные, проблески историзма, то у Рикардо и этого нет. По мнению последнего, капитализм и его классы существуют извечно. Он считал, что уже в первобытную эпоху были классы, ибо там «все орудия, необходимые для охоты на бобра и оленя, могут принадлежать одному классу, а труд, применяющийся при охоте, доставляться другим классом»¹⁾.

Он в своем метафизическом подходе к обществу доходит до того, что даже палку первобытного дикаря считал капиталом, а самого дикаря — капиталистом. «Даже в том первобытном состоянии общества, — пишет он, — на которое указывает Адам Смит, охотнику нужен для своего промысла некоторый капитал»²⁾. Без капитала, по Рикардо, труд не может «произвести свое действие»³⁾, т. е. капитал существует вечно. Маркс по этому поводу иронически замечает: «Он (Рикардо. — В. С.) впадает в анахронизм, заставляет этого первобытного рыбака и первобытного охотника пользоваться при учете орудий труда таблицами процентных погашений, принятыми на лондонской бирже в 1817 г.»⁴⁾.

Рикардо как и Смит не понимает, следовательно, связи классов с определенной общественно-экономической формацией. Это увековечение капитализма, этот антидиалектический подход к нему проявился у Рикардо и в его отрицательном отношении к теории социалистического общества Оуэна и в увековечении им «священной», «неприкосновенной» частной собственности»⁵⁾.

¹⁾ Рикардо «Начала», стр. 10.

²⁾ Там же, стр. 9.

³⁾ Там же, стр. 54.

⁴⁾ Маркс «К критике политической экономии», стр. 127.

⁵⁾ Рикардо «Начала», стр. 142.

У Рикардо мы не только не найдем истории общества и ступеней его развития, мы не найдем у него и истории образования и развития капитализма и классов капитализма, так как у него общество с самого начала отлилось в капиталистическую форму. Если же мы это развитие и обнаружим, то лишь в вульгарно-эволюционном, механистическом смысле этого слова, как простое количественное увеличение одних форм дохода, уменьшение других и стабильное состояние третьих. Подход к капиталистическому обществу с точки зрения распределения доходов дает себя знать и здесь. Рассмотрим теперь взгляд Адама Смита и Рикардо на классовую борьбу.

IV

Смит признает имущественное неравенство между людьми и утверждает, что «богатство немногих предполагает нищету многих»¹⁾.

Смит признает, что это неравенство людей ведет к классовой борьбе, так как «обилие богача возбуждает негодование бедняков». Он говорит: «Интересы (буржуазии и рабочих.—В. С.) отнюдь не тождественны. Рабочие хотят получить возможно больше, а хозяева—давать возможно меньше. Первые стараются сговориться для того, чтобы поднять заработную плату, последние же,—чтобы ее понизить»²⁾.

И в то же время Смит наивно удивляется «негодованию» бедняка против богача, считает это неестественным, неразумным, ибо последний предоставляет, мол, работу бедняку. Богатство Смит считает законным, так как капиталист вкладывает в производство капитал, приобретенный «трудами многих лет». Если, мол, рабочий будет бережлив как и капиталист и будет таким же предприимчивым, то он так же сможет стать капиталистом. Правда, здесь же, противореча самому себе, Смит говорит, что богатство одних необходимо предполагает нищету других.

Мы видим, что Смит пытается констатировать источник классовых противоречий в экономике, и в этом его заслуга. Но он видит классовую борьбу лишь на поверхности экономики, в распределении, в «обилии богача», в борьбе за величину дохода, а не в борьбе за средства производства; к тому же он считает эту классовую борьбу неправомерной, но необходимой, он требует мира, сотрудничества между классами.

Если рабочие не будут содействовать развитию капитализма, то, угрожает Смит, рабочим грозит смерть и голод, ибо не может быть иного рационального общественного строя кроме капиталистического. И с грустью Смит продолжает: «Но хотя интересы рабочего связаны с интересами общества (синоним капитализма у Смита.—В. С.), он неспособен ни уразуметь эти интересы, ни понять их связь со своими собственными»³⁾.

Это положение Смит объясняет невежеством, необразованностью рабочих, непониманием ими своих собственных интересов, т. е. дает типичное идеалистическое, буржуазно-просветительское объяснение классовой борьбы. Надо, мол, просветить рабочих, доказать им, что их собственное благосостояние вытекает из роста благосостояния буржуа, и тогда классовая борьба прекратится.

Смит признает, что рабочие создают определенные организации для борьбы с капиталистами, что они в ответ на понижение цены труда хозяевами «всегда поднимают большой шум, а иногда прибегают даже к неприличным буйствам и насилиям». Все это он осуждает и рекомендует рабочим не создавать своих организаций и не бороться с капиталистами, так как, мол, «рабочие очень редко выигрывают

¹⁾ А. Смит «Богатство народов». Т. II, стр. 302.

²⁾ Там же. Т. I, стр. 74.

³⁾ Там же, стр. 270.

от бурного характера таких соглашений, которые отчасти благодаря вмешательству гражданских властей, отчасти в силу большого упорства хозяев и отчасти вследствие необходимости большинству рабочих сдаться, чтобы получить кусок хлеба, обычно кончаются лишь наказанием или разорением зачинщиков», так как «в своих столкновениях с рабочими хозяева обыкновенно имеют преимущества»¹⁾.

С большей откровенностью Смит признает противоречие между буржуазией и землевладельцами, и если он не оправдывает выступление пролетариата против буржуазии, то борьбу буржуазии с землевладельцами он все же считает необходимой. Смит видит противоречия между этими классами в вопросе о хлебных законах, в вопросе об участии буржуазии в управлении страной и т. д. Но он рассматривает эту борьбу буржуазии с землевладельцами лишь как борьбу за реформы. Смит — решительный противник всяких революций. Он пишет: «Потрясения, вызываемые войной, и политические революции легко иссушают источник того богатства, которое порождается одной только торговлей»²⁾. Смит в своем осуждении революции приводит в «Теории нравственных чувств» следующие слова Платона: «Употреблять насилие против своей страны столь же предосудительно, как прибегать к насилию против отца и матери» (стр. 304), и добавляет от себя: «Не может считаться гражданином человек, нежелающий уважать законов и повиноваться властям» (стр. 301). Смит осуждает английскую буржуазную революцию и особенно казнь Карла I³⁾.

Приведенный отрицательный взгляд Смита на революцию показывает реакционность английской буржуазии после английской буржуазной революции. Эта реакционность доходила даже до того, что буржуазия несколько позднее этих высказываний Смита была вместе с английским дворянством одним из инициаторов удушения Великой французской революции.

Свою теорию классового мира Смит старался подкрепить моральными принципами, идеей «симпатии» между людьми, противоречащей другой его идее, развиваемой в «Богатстве народов», — эгоистическому отношению между людьми.

Исходя из своей идеи сочувствия между людьми, Смит провозглашает: «главный христианский закон повелевает нам любить ближнего как самого себя»⁴⁾.

Этой своей теорией любви к ближнему, сочувствия к нему Смит как бы старался прикрыть эгоизм буржуа. Но он считает нужным ограничить сочувствие беднякам, поставить этому известные пределы. Он предостерегает против «преувеличенной симпатии к бедствиям».

Мало того, Смит как истый буржуа призывает рабочих к беспрекословному «подчинению людям, которые по требованию обстоятельств становятся нашими начальниками; к уважению, а иногда даже самому почтительному отношению к насилию»⁵⁾. Так Смит проповедует покорность рабочих перед насилием, идущим со стороны буржуазии.

Смит нравственные отношения между людьми и вообще все общественные отношения считает обусловленными богом. Существующий порядок «установлен творцом природы для благоденствия и совершенствования всего мира»⁶⁾.

¹⁾ А. Смит «Богатство народов». Т. I, стр. 76.

²⁾ Там же, стр. 433.

³⁾ А. Смит «Теория нравственных чувств», стр. 75.

⁴⁾ Там же, стр. 37.

⁵⁾ Там же, стр. 330.

⁶⁾ Там же, стр. 215—216.

Ленин очень ярко определяет классовую основу подобной морали, прикрывающей ее партийный характер идеей всеобщности. «... Буржуазия,—говорит он,—выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы»¹).

Когда мы рассматриваем проповедь Смита о классовом мире между буржуазией и пролетариатом, призыв к последнему подчиняться буржуазии, то мы не должны все это объяснять только буржуазным лицемерием. Нужно различать идеолога буржуазии эпохи под'ема капитализма, каковым был Смит, от идеолога буржуазии эпохи загнивания капитализма.

Смит не жил в то время, когда «классовая борьба между буржуазией и пролетариатом стала занимать первое место»²). Этот поворот, по Энгельсу, начался с лионских событий 1831 г. В эпоху же Смита и отчасти Рикардо буржуазия была еще убеждена, что ее личные выгоды совпадают с выгодами общества в целом, что никакой классовой борьбы пролетариата с буржуазией поэтому быть не должно, что возможен мир между ними, а выступления пролетариата против буржуазии являются плодом непонимания рабочим классом своей собственной выгоды от развития капитализма. К тому же во времена Смита острота конфликта между пролетариатом и буржуазией еще не обнаружилась с такой силой, как в позднейшую эпоху, и это позволяло ему верить в возможность классового сотрудничества.

Однако при Рикардо противоречия между пролетариатом и буржуазией в Англии стали выступать более резко. В качестве доказательства этого можно привести хотя бы выступление луддитов (1811—1816 гг.), экономические стачки рабочих и стремление рабочих к объединению в профессиональные союзы на почве стачечного движения, приведшее к изданию еще в 1799 г. закона, запрещающего рабочие коалиции. Английский историк С. Уолполь, например, пишет: «Вся внутренняя история 1816 г. (за год до выхода «Начал» Рикардо) представляет почти один только длинный каталог социальных волнений... Труд был вовлечен во всеобщий бунт против условий своего существования».

Все это не могло не найти отражения в понимании классовой борьбы у Рикардо. Он в отличие от Смита открыто говорит, что класс буржуазии находится в антагонистическом отношении к классу рабочих, ибо «повышение стоимости труда невозможно без соответствующего падения прибыли»³). В письме к Мак-Коллоху он говорит: «В вопросе о машинах интересы предпринимателей и рабочих сталкиваются очень часто». Рикардо открыто показал, что цель класса капиталистов состоит в стремлении получить большую прибыль за счет рабочего.

Маркс считает, что это открытие экономического противоречия классов у Рикардо имеет большое «научное значение», ибо им «в экономической формулируется, открывается историческая борьба и процесс развития в его корнях»⁴). Обнажение противоположности интересов между буржуазией и пролетариатом со стороны Рикардо говорит о его «научной добросовестности»⁵), выразившейся в том, что он, будучи апологетом буржуазии, все же не побоялся смело, открыто обнажить экономические корни классовой борьбы, «сознательно» взять «исходным пунктом

¹) Ленин «Задача союзов молодежи». Т. XXX, стр. 410. Разрядка моя.—В. С.

²) Энгельс «Анти-Дюринг» Собр. соч. М. и Э. Т. XIV, стр. 25.

³) Рикардо «Начала», стр. 18.

⁴) Маркс «Теории прибавочной стоимости», Т. II. Ч. 1-я, стр. 13.

⁵) Там же, стр. 210.

своего исследования противоположность классовых интересов»¹⁾.

Позднейший буржуазный экономист Кэри самым резким образом обрушивается на Рикардо за его открытое признание противоположности интересов буржуазии и пролетариата. Кэри пишет: «Система господина Рикардо есть система раздора... Она имеет тенденцию породить вражду между классами и нациями... Его книга — настоящее руководство для демагога, который стремится к власти при посредстве конфискации земли (agrarianism), войны и грабежа»²⁾.

Давыдов в своей статье, посвященной Рикардо и опубликованной в «Записках научного общества марксистов» (№ 1 за 1928 г.), исходя из приведенного утверждения Кэри, считает теорию Рикардо «руководством для сторонников социалистической мысли», «основой научного социализма». Это является глубокой ошибкой. Маркс в тех же «Теориях прибавочной стоимости», говоря о заслугах Рикардо в обнажении им антагонизма классов, в то же время говорит о «научной недостаточности» этой теории. В послесловии к I тому «Капитала» Маркс обвиняет Рикардо в том, что он метафизически подходит к пониманию самых классовых противоречий, рассматривая «противоположность классовых интересов» как «естественный закон общественной жизни», т. е. не видит развития этих противоречий, увековечивает их как и классы капиталистического общества, как и само капиталистическое общество. С точки зрения Рикардо, противоречие прибыли и зарплаты вечно будет существовать.

К большому недочету взглядов Рикардо следует отнести и то, что он не рассматривал классовые противоречия капитализма как выражение противоречий между общественным характером производства и частной формой присвоения.

Громящим недостатком в понимании классовой борьбы у Рикардо является и то, что здесь он попрежнему остался в рамках своей распределительной теории классов. По его мнению, классовая борьба между буржуазией и пролетариатом ведется за долю вновь созданного продукта, за долю вновь созданной стоимости, а не за средства производства, не за захват политической власти угнетенным классом — пролетариатом, не за диктатуру пролетариата. Революционной исторической миссии пролетариата как могильщика буржуазии Рикардо, конечно, не понимал. Он не понимал и того, что противоречия в сфере распределения есть лишь выражение противоречий в сфере производства. Такой узкий, поверхностный подход к классовой борьбе объясняется его антиисторизмом, непониманием преходящего характера капитализма и вообще классов и классовой борьбы. Благодаря той же метафизичности Рикардо не доводит классовую борьбу до самой ее острой формы — до революции. Он пишет: «Политическая экономия должна научить нас остерегаться каких бы то ни было потрясений (revulsions)» (из письма к Трауэру).

Нужно подчеркнуть также и то положение, что Рикардо вопреки своему признанию неизбежности, необходимости противоречий между классами в то же время старается всячески смягчить эти противоречия, даже устранить их. Он считает, что рабочий неправ, когда борется с буржуазией, ибо его зарплата стабильна, его положение не ухудшается. Страдает лишь капиталист, у которого прибыль имеет тенденцию к понижению. Мало того, Рикардо убеждает рабочего не бороться с буржуазией, а содействовать развитию капитализма, так как в этом случае рыночная цена труда будет несколько выше естественной цены труда, определяемой минимумом, необходимым для восстановления сил рабочего. Получается вопреки первоначаль-

¹⁾ Маркс. Послесловие к I тому «Капитала».

²⁾ Маркс «Теории прибавочной стоимости». Т. II. Ч. 1-я, стр. 13.

ному утверждению Рикардо, что с ростом капитализма положение рабочего не только не ухудшается, но может даже улучшиться. Это выставляется Рикардо в качестве аргумента за сотрудничество классов. Рикардо, далее, считает, что «преследование индивидуальной выгоды (буржуазией.—В. С.) самым удивительным образом соответствует выгоде всех».

По Рикардо, голод, нужда есть результат «невежества» и плохого государственного управления. Следовательно, выход из этого не в классовой борьбе, не в революции, а в просвещении и в изменении законов, т. е. здесь Рикардо открыто проявляет свой идеализм.

В своих «Замечаниях о парламентской реформе» и в произнесенной в палате общин 24/IV 1823 г. «Речи о подаче голосов при баллотировке» Рикардо открыто выражает свое презрение, ненависть к пролетариату за его борьбу с буржуазией. Он награждает там рабочих самыми неслестными эпитетами, называя их «подонками нашего населения», «грубой и жестокой чернью», «бешеной чернью»¹⁾, «самой низкой сволочью», и все за то, что рабочие начали возмущаться действиями депутатов парламента.

Рикардо открыто выставляет себя противником всеобщего избирательного права. «Я не поддерживаю, — говорит он, — требования относительно всеобщности избирательной свободы»²⁾.

Такова неприкрытая ненависть Рикардо к рабочему классу, высказанная им незадолго до своей смерти в процессе своей политической деятельности. Совершенно ясно, что эти мнения Рикардо отнюдь не подтверждают взгляда Рязанова, сделавшего Рикардо перед его смертью чуть ли не социалистом. Хорош «социалист», квалифицирующий рабочих как «бесстыдную, самую низкую сволочь»!

Все приведенные нами факты, не нуждаясь в подробных комментариях, достаточно ярко показывают всю буржуазную ограниченность теории классов у Рикардо. Смит и Рикардо вообще не понимали, что движущей пружиной общественного развития в классовых формациях является классовая борьба, которая в свою очередь есть выражение антагонистического противоречия производительных сил и производственных отношений в классовом обществе. Они не понимали, что борьба пролетариата и буржуазии является основным источником развития капиталистической формации. Они не хотят знать того, что и самый капитализм появился в результате классовой борьбы. Они не доходили до признания классовой борьбы как политической борьбы. Не найдем мы у них исторически меняющихся форм классовой борьбы. Понятно, что до международного характера классовой борьбы они также не доходили.

Рикардо как и Смит признавал наличие противоречий между буржуазией и землевладельцами, но видел их на поверхности экономических явлений, в противоречии между прибылью и рентой.

В своем оппозиционном отношении к лендлордам он обнаруживает известное колебание. «Нельзя отрицать, — пишет он, — что в бесчисленном множестве случаев интересы аристократии и народа совпадают... Но во многих важных случаях интересы эти противоположны, и поэтому мы принуждены понапрасну дожидаться хороших законов и хорошего правления»³⁾.

В результате этого двойственного отношения к власти лендлордов Рикардо приходит к компромиссному решению (что весьма типично для английской буржуазии), выражающемуся в том, что власть монарха и аристо-

¹⁾ Рикардо. Соч. Перев. Зибера, стр. 593. 1882.

²⁾ Там же, стр. 591.

³⁾ Там же, стр. 588.

кратов нужно сохранить, но подчинить эту власть «контрольным учреждениям», т. е. парламенту, большинство которого должна составлять буржуазия, а не аристократы, как это было до сих пор. Словом, он как и Смит борьбу буржуазии с землевладельцами понимал не как революционную борьбу, а как борьбу за реформы, т. е. по либеральному подходил к классовой борьбе.

В вопросе о государстве мы найдем у Смита ряд ценных мест. Например Смит утверждает, что государство возникло вместе с появлением частной собственности и классов и необходимо для охраны частной собственности: «Где нет собственности... там существование правительства не необходимо». «Поэтому возникновение ценной и большей собственности необходимо требует учреждения гражданского правительства». Эту охрану частной собственности Смит считает главной обязанностью государства. Смит считает дальше, что во главе государства встанут те, кто имеет «преимущество состояния»¹⁾. В конфликтах между хозяевами и рабочими государство всегда принимает сторону хозяев.

Такое приближение к признанию классовой природы государства объясняется тем, что в борьбе с феодальным государством идеологи буржуазии откровеннее подчеркивали классовую природу государства чем позднее, когда буржуазные идеологи абсолютно отказались от признания классовой сущности государства. Но мы все же не увидим у Смита прямого указания на то, что государство есть орудие господства одного класса над другим. Хотя он и говорит, что оно охраняет частную собственность, но пытается доказать, что эта охрана частной собственности выгодна всем классам, что она проводится «в интересах общей пользы общества». Он старается вопреки своим вышеприведенным недвусмысленным утверждениям представить государство как надклассовое и поэтому пишет: «Причинять какой-либо ущерб интересам одного класса граждан с единственной целью итти навстречу интересам другого противоречит, очевидно, той справедливости и равенству в обращении, которое обязательно для государя в его отношении ко всем различным классам его подданных»²⁾. Так Смит спешит замазать, затушевать свое признание классовой природы государства.

Нельзя пройти и мимо того, что самое государство Смит рассматривал идеалистически, как предустановленное богом. Тем же идеализмом веет и от его утверждения, что не государство создано людьми и для людей, а «они для государства»³⁾.

Крупным недостатком Смита и Рикардо в их взглядах на государство является и метафизический подход к нему, увековечение буржуазного государства, требование постоянного и беспрекословного «повиновения властям»⁴⁾. Они не понимали, что каждая антагонистическая формация имеет свое особое государство как орудие в руках господствующего класса для подавления трудящихся.

* * *

Разобранный нами выше материал достаточно ясно показывает, что ни у Адама Смита, ни у Рикардо—вопреки Рязанову—не может идти и речи о научной теории классов, в сравнении с разработкой этого вопроса у

¹⁾ А. Смит «Богатство народов». Т. II, стр. 303, 510, 304.

²⁾ Там же, стр. 245.

³⁾ А. Смит «Теория нравственных чувств», стр. 305.

⁴⁾ Там же, стр. 301.

Маркса и Энгельса. Главные недочеты, которые мы выше обнаружили у Смита и Рикардо, идут по линии метафизичности, абстрактности, созерцательности, натурализма, механицизма и ползучего эмпиризма. Все это подтверждает то положение, что и в вопросе о классах марксизм является «высшим развитием всей исторической и экономической науки Европы»¹⁾.

Не расстались классики политической экономики и с идеализмом. Хотя в отдельных случаях у них были попытки приблизиться к материалистическому объяснению общественных явлений (например они выставляли в ряде мест в качестве основы капиталистического общества его экономику), но несмотря на это основной вопрос философии применительно к обществу разрешался ими идеалистически. Мы у них не видим, например, того положения, что общественное сознание есть отражение общественного бытия, не найдем мы у них и правильного разрешения вопроса о соотношении между базисом и надстройками. Наоборот, у Смита, например, мы найдем прямо противоположный ответ: он всю общественную жизнь подчиняет моральным принципам и в конечном счете богу, а докапиталистическую экономику обуславливает неправильной политикой государства. О том же идеалистическом мировоззрении говорит и их ярко выраженный рационализм — преклонение перед разумом, признание его решающей роли во всех вопросах. С их точки зрения феодальный порядок должен быть подвергнут критике ввиду его неразумности, его уклонения от разумности, а не потому, что материальная, экономическая необходимость привела к сбрасыванию бывших для своего времени необходимыми феодальными отношений. Само поступательное движение человечества объяснялось ими как «прогресс разума», «успех просвещения», т. е. по-идеалистически.

Идеализм у Адама Смита и Рикардо состоит, далее, в том, что хотя они и рассматривали экономические категории и понятие класса как абстракции реальных капиталистических отношений, т. е. выводили их из реальных отношений и, следовательно, начинали будто бы с материальной основы общества, но раз они их увековечивали, то тем самым отрывали их от действительных, реальных отношений, превращали в абсолюты. Ленин говорит в одной из своих работ, что идеи у идеалистов имеют своим источником реальный мир, но эти идеи искусственно оторваны от материального мира, противопоставлены ему; мало того: этот мир должен подчиниться идеям. Точно так же получается у Смита и Рикардо. С их точки зрения, реальная экономика должна равняться по экономическим категориям, подчиняться им. Если они создали теорию трехклассового общества, то последнее, по их мнению, всегда должно делиться на эти три класса. Смит и Рикардо не понимали, что их политическая экономика, их теория классов есть лишь выражение современных им, исторически преходящих экономических отношений.

Маркс, критикуя в «Ницете философии» идеализм Прудона, на наш взгляд, критиковал и идеализм Адама Смита и Рикардо. Он пишет: «Экономисты изображают отношения буржуазного производства... как вечные, неизменные, неподвижные категории... Но раз мы упускаем из виду историческое развитие производственных отношений, для которых категории являются лишь теоретическим выражением... мы волей-неволей должны искать происхождения этих мыслей в движении чистого разума» (стр. 99—100). Так антиисторизм Смита и Рикардо приводит их к идеализму. О том же идеализме говорит и выведение ими капиталистических отношений и классов капита-

¹⁾ Ленин «Еще одно уничтожение социализма». Т. XVII, стр. 276.

листического общества из природы субъекта, из индивидуума, из его эгоистических интересов, заставивших его объединиться с другими людьми.

Идеализм у Смита и Рикардо обнаруживается и в их разрыве теории и практики, в их игнорировании многочисленных фактов классовой борьбы, в непонимании специфики развития капитализма и классовых отношений в других странах, в результате чего они почти ограничивались сферой общих рассуждений о капитализме и его классах, говорили о чистом, абстрактном капитализме, чистых, абстрактных классах капитализма, не спускаясь от этих абстракций к живой действительности.

Это показывает, что у этих экономистов не было и не могло быть материалистического понимания истории, созданного Марксом и Энгельсом.

Говоря о всех недостатках теории классов у Смита и Рикардо, мы должны помнить, что Маркс для большинства приведенных недочетов находит историческое объяснение, заключающееся в том, что, по условиям своего времени (неразвитость капитализма и отсюда недостаточная развернутость классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом по сравнению с последующим развитием капитализма, нахождение пролетариата на ступени «класса в себе» и т. д.), они не могли не дать буржуазно ограниченную теорию классов.

Нельзя забывать также и о социальных корнях этой ограниченности. Адам Смит и Рикардо были воинствующими идеологами поднимающейся буржуазии, что не могло не наложить отпечатка на их теорию классов.

Но все это отнюдь не значит, что их взгляды не подготовили никакого материала для дальнейшей разработки теории классов у Маркса. Такая точка зрения, развиваемая проф. Солнцевым, делает марксизм висящим в воздухе, каким-то надъисторическим учением, разработанным в стороне от развития научной мысли, ведет к отрицанию связи марксизма с его предшественниками. Для нас несомненно, что теория классов Смита и Рикардо не прошла бесследно для Маркса и Энгельса.

В чем же Маркс и Энгельс видели положительную роль теории классов Адама Смита и Рикардо?

Заслуга последних, по Марксу, состоит в том, что они дали экономическую анатомию классов и классовой борьбы, показали, что существование капиталистического общества и его классов основано на «экономических отношениях». Они одни из первых показали, что в основу общественной жизни должны быть положены не злая воля людей и не божественная воля, а «экономический интерес», «экономический эгоизм».

Адам Смит и Рикардо подходили даже к производственной основе деления общества на классы, но, захваченные миром внешней видимости, все же эту проблему не разрешили, так как выводили классы из отношений распределения.

Они дали более четкое деление капиталистического общества на классы чем физиократы.

Заслуга классиков политической экономии состоит, далее, в том, что они смогли (особенно Рикардо) близко подойти к обнажению противоположности классовых интересов, антагонизма между буржуазией и пролетариатом и показать экономическую основу этого антагонизма. Правда, и здесь они не проявили себя достаточно последовательными, ибо видели основу классовых противоречий в борьбе за величину дохода, а не за средства производства, ибо не довели

признание классовой борьбы до революции, до диктатуры пролетариата, ибо в ряде случаев проповедывали необходимость примирения классов.

Далее, Адам Смит и Рикардо справедливо признавали необходимым существование капитализма и его классов, но в то же время увековечивали этот капитализм с его классами, не видели их исторической, преходящей роли.

В своей теории классов Адам Смит и Рикардо идут значительно дальше вульгарных экономистов, которые или замазывали классовое деление капиталистического общества или вульгаризовали их распределительную теорию классов и затушевывали обнаруженный Рикардо антагонизм между классами.

Заслуга классиков буржуазной политической экономии заключается в том, что они близко подходили к открытию тайны капиталистической системы, рассматривая, в частности, рабочих как товар, показывая, что основой деятельности капиталистов является не улучшение материального положения рабочих, а увеличение прибыли.

На основании всех приведенных заслуг Адама Смита и Рикардо Ленин писал, что у них «были глубокие мысли относительно законосообразности и борьбы классов», что они «обогащали науку», «двигали науку вперед», «открывая закон стоимости и основное деление общества на классы»¹⁾.

Таким образом, теория классов у Адама Смита и Рикардо не могла пройти бесследно для Маркса и Энгельса: она явилась, несомненно, одним из теоретических источников марксистской теории классов и классовой борьбы.

Теория классов у Смита и Рикардо явилась для Маркса и Энгельса (наряду с теорией классов у буржуазных историков) тем материалом, на основании критической переработки и преодоления которого они создали свою научную теорию классов и классовой борьбы.

Конечно, мы не должны забывать, что главным источником, главной основой марксистской теории классов и классовой борьбы явилась сама практика революционной борьбы пролетариата, изучение Марксом и Энгельсом практики рабочего движения и непосредственное их участие в этой борьбе. Но наряду с этим значительную роль, несомненно, сыграл и такой теоретический источник, как изучение ими постановки вопроса о классах у Адама Смита и Рикардо.

¹⁾ Ленин «Еще одно уничтожение социализма». Т. XVII, стр. 275.

К вопросу о логике „Капитала“ Маркса

О. Розенблюм

В послесловии ко второму изданию I тома «Капитала» Маркс писал: «Мой диалектический метод не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность».

Попытаемся проследить эту противоположность методов Маркса и Гегеля.

1. Как Гегель „забыл и извратил“ первое начало познания

Исследование приходится начать, конечно, с «начала».

По Гегелю, начало науки «ничего не предполагает, ничем не опосредовано, не имеет никакого основания»¹⁾. Это взгляд совершенно естественный для идеалиста: развитие познания для него есть одновременно развитие действительности; начало познания есть начало и действительного бытия.

Так начинается Гегель не только отвлеченную «Науку логики», но и науку об «исторических» явлениях сознания — «Феноменологию духа».

Началом этой науки, по мнению Гегеля, является «чувственная достоверность».

«Эта достоверность, — пишет он, — полагает себя, однако, на деле в качестве самой абстрактной и бедной истины. О том, что она знает, она говорит лишь: «Это есть», и ее истина содержит лишь бытие вещи; сознание, со своей стороны, в этой достоверности есть только чистое я, или я пребывает в ней лишь, как чистый этот, а предмет также лишь, как чистое это»²⁾.

Итак, Гегель начинает науку с «самой абстрактной и бедной истины», с «чистого бытия».

Именно такому началу исследования Гегель придавал большое значение, так как начало в значительной мере определяет все дальнейшее развитие познания.

Маркс тоже начинает свое исследование с вопроса о том, с чего должна начинаться наука.

«Казалось бы, — пишет он, — наиболее правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок; следовательно, например, в политической экономии с населения, которое образует собой основу и субъект всего общественного процесса производства. Но при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным»³⁾.

На первый взгляд может показаться, что Маркс соглашается здесь с Гегелем, отвергая реальную и конкретную предпосылку познания. На самом деле это не так. Маркс развивает здесь лишь тот взгляд, что мета-

¹⁾ Гегель «Наука логики». Кн. 1-я, стр. 20.

²⁾ Hegel. Werke. В. II. S. 71. 1841.

³⁾ К. Маркс «К критике политической экономии», стр. 32. Изд. 1932 г.

физический метод экономистов XVII—XVIII вв. не мог привести ни к чему иному, кроме самых абстрактных и тощих идей. Исторически этот метод дал, однако, положительный результат: он выделил из конкретной действительности те стороны и связи, которые представляют собой наиболее массовидные и всеобщие отношения буржуазного мира.

«Как только эти отдельные моменты, — пишет Маркс, — были более или менее абстрагированы и зафиксированы, возникли экономические системы, которые восходят от простейшего, как труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость, к государству, международному обмену и мировому рынку. Последний метод, очевидно, является правильным в научном отношении»¹⁾.

Восхождение от простого к сложному присуще и Гегелю. Но у него этот процесс изображен так, как будто бы простое существует само по себе и является исходным пунктом не только в логическом мышлении, но и в объективной действительности.

Иначе представляет этот процесс Маркс. Простое и массовидное отношение возникает как одна из связей, сторон объективного мира. Объективный мир, конкретная действительность, является исходным пунктом наглядного созерцания и представления. Маркс называет конкретное единством в многообразии. Это многообразие раскрывается нам в наглядном созерцании, обнаруживая множество сторон, связей, определений конкретного. Отделяя существенное от несущественного, мы создаем себе представление о первоначальных, простейших, определяющих сторонах явления. После этого путем логического мышления, двигаясь от этих простых отношений к сложным, мы можем воссоздать конкретное в его наиболее общем развитии, ни на минуту не забывая, что это — лишь движение мысли и что сама конкретная действительность все время существует независимо от нашего сознания.

«Конкретное, — пишет Маркс, — потому конкретно, что оно есть сочетание многочисленных определений, являясь единством многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс соединения, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно является исходным пунктом в действительности и, следовательно, также исходным пунктом созерцания и представления»²⁾.

Маркс и Ленин не превращали общие категории в абсолюты, подобно Гегелю. Для них научная абстракция — это необходимый и важный момент диалектического процесса познания, ступень отражения конкретной действительности в мышлении.

Читая «Историю философии» Гегеля, Ленин записал в своем конспекте: «Значение общего противоречиво, оно мертво, оно нечисто, неполно и т. д. и т. д., но оно только и есть ступень к познанию конкретного, ибо мы никогда не познаем конкретного полностью. Бесконечная сумма общих понятий, законов и т. д. дает нам конкретное в его полноте»³⁾.

В действительном мире исходным пунктом является вовсе не абстрактное, «чистое бытие», а конкретное, реальное, объективное бытие. Это конкретное и реальное бытие становится в процессе практической материальной деятельности людей предметом нашего наглядного созерцания, чувственного восприятия и, следовательно, является исходным пунктом всего нашего познания.

Гегель в «Науке логики» обходит вопрос о переходе от действительности к ощущению и затем к абстрактному мышлению. Читая лекции Ге-

¹⁾ К. Маркс «К критике политэкономии», стр. 32. Изд. 1932 г.

²⁾ Там же, стр. 32—33.

³⁾ Лен. сб. XII, стр. 229.

Гегеля по истории философии, Ленин отметил этот чрезвычайно существенный пункт отличия идеалистической диалектики Гегеля от диалектики материалистической. «Сторонник диалектики, Гегель, не сумел понять, — пишет Ленин, — диалектического перехода от материи к движению, от материи к сознанию — второе особенно. Маркс поправил ошибку (или слабость?) мистика». На полях этого абзаца Ленин продолжает: «Диалектичен не только переход от материи к сознанию, но и от ощущения к мысли и т. д.»¹⁾.

Гегель в «Науке логики» попросту перепрыгивает через важнейшую ступень в движении познания. Он опускает диалектический переход от материи к ощущению, от ощущения к мысли, сразу начиная с категорий абстрактного мышления. Диалектик-материалист Маркс выявляет все обстоятельства этого перехода. Идеалист Гегель боится поколебать здание об'ективного идеализма и поэтому обходит вопрос первостепенной важности. Он определяет начало логики так, будто бы абстрактное мышление возможно без всяких материальных предпосылок.

Только исключив материальную основу познания, обойдя и замолчав переход от материи к ощущению, от ощущения к мысли, Гегель может представить движение познания как сверхъестественную и вполне автономную империю абсолютного духа. Там, где в истории философии ему приходилось сталкиваться с материалистической постановкой вопроса об отношении ощущения к мысли, он обходил существо дела, стремился отвести этот вопрос к области психологии.

Так например, критикуя «Канонику» Эпикура, в которой этот философ пытается разрешить вопрос об отношении ощущения к мысли, Гегель писал:

«Она так проста, что не может быть ничего более простого, — она абстрактна, но и весьма банальна, — более или менее на уровне обычного сознания, которое начинает рефлектировать. Она основывается на банальных психологических представлениях; они совершенно правильны. Из ощущений мы создаем себе представления как всеобщее, — благодаря этому оно становится устойчивым. Представления сами (во мнении) испытываются при помощи ощущений, являются ли они устойчивыми, повторяются ли. Это в общем правильно, но совершенно поверхностно; это — первое начало, механика представления в отношении первых восприятий»²⁾.

Ленин по поводу этого сделал такое замечание: «Первое начало» забыто и извращено идеализмом. А диалектический материализм один связал «начало» с продолжением и концом»³⁾. Гегель оторвал продолжение и конец познания от «первого начала». Переход от материи к сознанию, от ощущения к мысли «забыт и извращен» идеалистом. Маркс в противоположность Гегелю всесторонне раз'яснил условия этого перехода⁴⁾.

Согрешив против об'ективной диалектики, Гегель пытается представить дело так, будто бы простое отношение дано а priori, само по себе, и затем уж из него возникает весь мир конкретных отношений. В «Науке логики» у него вопреки действительности получается, что «вначале было слово»,

¹⁾ Лен. сб. XII, стр. 235.

²⁾ Там же, стр. 249—251.

³⁾ Там же, стр. 251.

⁴⁾ Еще в своих ранних работах Маркс на примерах детской психологии показывал формы перехода от ощущения к мысли. «Чувственные свойства предметов и явлений, — писал он, — являются первыми узлами, связывающими его (ребенка.— О. Р.) с внешним миром (Собр. соч. Т. I, стр. 140)... «Разумеется, ребенок не идет далее чувственного восприятия, он видит только частное, не подозревая существования невидимых нервных тканей, которые связывают частное со всеобщим... Ребенок верит, что солнце вращается вокруг земли, всеобщее вокруг частного» (Собр. соч. Т. I, стр. 141).

т. е. «чистое» бытие. Только в третьей книге «Логики» путем утомительной дедукции из этого «слова» рождается «дело», т. е. практика человечества, причем сама практика превращена в фигуру логики.

Логическое евангелие Гегеля должно быть исправлено согласно фаустовскому «Im Anfang war die That» — «Вначале было дело».

2. Материалистический и идеалистический подход к началу познания

Исходя из догматов своего логического евангелия, Гегель всякую науку начинает с простейшего отношения, допуская, что это отношение существует само по себе, вне конкретных, объективных условий. Так например свою теорию права он начинает с владения, но упускает, что владение — лишь одно из отношений того конкретного общественного порядка, в котором оно возникло. Конечно, владение существует ранее отношений развитой собственности, но оно возникает в конкретном общественном строе. Маркс пишет по этому поводу:

«Гегель правильно начинает философию права с владения как простейшего правового отношения субъекта. Но никакого владения не существует до семьи или до отношений господства и подчинения, которые являются гораздо более конкретными отношениями. Поэтому было бы правильнее сказать, что существуют семьи, роды, которые еще только владеют, но не имеют собственности»¹⁾.

У Гегеля предикат отделяется от своего субъекта и движется самостоятельно. Мысль отчуждается от человека. Общественное отношение отчуждается от общества. Движение материального мира отделяется от материи. Маркс, наоборот, показывает, что самое простое отношение, с которого должен быть начат логический анализ конкретной действительности, — лишь массовидное и всеобщее отношение самой действительности.

В процессе нашей практической деятельности мы открываем различные стороны действительного, объективного мира, составляем себе представление о том, какие связи и отношения между этими сторонами, явлениями материального мира, являются первоначальными, определяющими, всеобщими. Подчеркивая огромное значение материалистического понимания истории, Ленин писал:

«До сих пор, не умея спуститься до простейших и таких первоначальных отношений, как производственные, социологи брались прямо за исследование и изучение политико-юридических форм, натывались на факт возникновения этих форм из тех или иных идей человечества в данное время — и останавливались на этом; выходило так, что будто общественные отношения строятся людьми сознательно»²⁾. До тех пор, пока не выделены первоначальные, определяющие отношения и связи явлений, невозможно перейти от описания к научному анализу. В том же сочинении Ленин писал:

«Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, «что» отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, «что» общее всем им»³⁾.

Выделить из всей совокупности явлений действительного мира их первоначальное, определяющее отношение — это и означает совершить первый акт обобщения.

¹⁾ К. Маркс «К критике политической экономии», стр. 33—34.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. I, стр. 60.

³⁾ Там же, стр. 61.

Для того чтобы такое обобщение было верным, действительно научным, а не фантастическим, нужно совершать его на основе наиболее полного практического опыта. Тут дело заключается вовсе не в том, чтобы ухватить лишь то, «что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза и ограничивается этим»¹⁾. Так поступает логика формальная, а не диалектическая.

Для того чтобы выделить действительно определяющее и первоначальное отношение из всей совокупности связей и сторон действительности, нужно исследовать эту действительность в самом полном и всестороннем развитии, вплоть до высших ее форм. Только при этих условиях могут быть обнажены и вскрыты все противоречивые тенденции явлений и их сущность.

Так например сущность труда, этого простейшего и первоначального отношения общественной жизни, обнаруживается в наиболее полной, всеобщей форме лишь в условиях капиталистического способа производства.

Чтобы понять развитие объекта наиболее полно, нужно, следовательно, взять исходным пунктом уже наиболее «развитую конкретность», где все отношения и элементы объекта развиты наиболее всесторонне и, следовательно, всеобще.

Опуская «первое начало» познания, переход от материи к ощущению и от ощущения к мысли, Гегель, естественно, не понимал значения «развитой конкретности» объекта как исходного момента познания. В условиях развитой конкретности легче найти то определяющее, первоначальное отношение объекта, которое должно быть исследовано с самого начала.

Гегель же произвольно, необоснованно избирает начало своего логического анализа. Наоборот, то отношение, с которого Маркс начинает исследование капиталистического общества, избрано произвольно, оно является определяющим, господствующим отношением этого общества в условиях его развитой конкретности.

Гегель исходил не из развитой конкретности, а из «идей», «понятий». Последовательность логического развития, по Гегелю, определялась лишь последовательностью «идей».

Маркс исходит из объективной действительности в ее наиболее развитом и конкретном виде. Поэтому не сверхъестественный порядок «идей» определяет последовательность логического развития у Маркса, а строй и развитие общественных отношений в условиях развитого капитализма.

«Капитал — это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества. Он должен составлять начальный и конечный пункт, и его понятие надлежит развить раньше, чем понятие земельной собственности. После того как они рассмотрены по отдельности, должно быть разобрано их взаимоотношение»²⁾.

Исторический подход к явлениям действительности требует, чтобы исследование исходило из того экономического отношения, которое является определяющим на данной исторической ступени общества, причем эта историческая ступень должна быть познана в конкретных условиях ее развития.

Несмотря на то что капитал значительно более юн, чем землевладение, последнее целиком и полностью подчинилось его господству в капиталистическом общественном строе.

Поэтому ничего нельзя понять в отношении современной земельной собственности, не изучив определяющего, господствующего в буржуазном мире отношения — к а п и т а л а.

¹⁾ Ленин «Еще раз о профсоюзах». Т. XXVI, стр. 134.

²⁾ К. Маркс «К критике политэкономии», стр. 39.

Критикуя §§ V и VI второго плехановского проекта программы партии, Ленин отмечал, что в этих параграфах «дефиниция» «развитого» капитализма вообще излагается отдельно от того пути, по которому совершается превращение капиталистических отношений в господствующие через вытеснение мелкого производства и т. д.

Плеханов не сумел применить метода «Капитала», т. е. метода материалистической диалектики, к изучению экономического развития России. Он не понимал, что капитал является определяющим отношением современного общества, его строем, и поэтому все формы и стороны развития буржуазного общества не могут быть изолированы от этого господствующего, определяющего, первоначального отношения.

В первом проекте программы партии Плеханов писал:

«Главную экономическую особенность современного общества составляет господство в нем капиталистических производственных отношений» (§ 1 плехановского проекта).

Ленин при чтении плехановского проекта тогда же заметил: «Капитализм — не «особенность» современного общества, а его экономический строй, уклад и т. п.»¹).

По Плеханову, капитализм — это одна из особенностей («главная особенность») современного общества. Это означает, что наряду с этой главной особенностью существуют, очевидно, другие, не главные, которые могут быть рассматриваемы отдельно, сами по себе.

По Ленину же, капитализм — общественно-экономическая формация. Поэтому и все особенности современного общества проистекают из того, что капитализм является особой общественно-экономической формацией.

Не ясно ли, что именно Ленин применил тут метод «Капитала» к изучению экономического развития России, а Плеханов в этом важнейшем вопросе оказался бессилён!

Еще яснее выступает это отличие метода Ленина от метода Плеханова и меньшевиков в вопросе о роли пролетариата в русской революции.

Плеханов и меньшевики в анализе движущих сил русской революции исходили не из условий конкретного развития России, а из абстрактного «понятия» буржуазной революции.

Рассматривая эту революцию, по выражению Ленина, «sub specie et eternitatis», «с точки зрения plusquamperfectum», они не могли понять того, что главной движущей (определяющей) силой в ней является пролетариат, и только гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции может обеспечить полное уничтожение пережитков помещичьего строя и перерастание этой революции в социалистическую. Поэтому меньшевики вместо лозунгов революционной борьбы старались дать лишь описание исторического процесса.

Ленин, критикуя новоискровцев-меньшевиков, писал:

«Способ изложения своих мыслей новоискровцами напоминает отзыв Маркса (в его знаменитых «тезисах» о Фейербахе) о старом, чуждом идеи диалектики, материализме. Философы только истолковывали мир различным образом, — говорил Маркс, — а дело в том, чтобы изменять этот мир. Так и новоискровцы могут сносно описывать и объяснять процесс происходящей у них на глазах борьбы, но совершенно не могут дать правильного лозунга в этой борьбе. Усердно маршируя, но плохо руководя, они прижимают материалистическое понимание истории своим игнорированием действительной, руководящей и направляющей роли, которую могут и должны играть в истории партии, сознавшие материальные условия переворота и ставшие во главе передовых классов»²).

¹) Ленин. Собр. соч. Т. V, стр. 5.

²) Ленин. Собр. соч. Т. VIII, стр. 52.

Диалектическая логика учит, что нельзя ограничиться лишь описанием явлений действительности. Нужно, как этому учил Ленин, брать предметы в их развитии и уметь выделить то отношение, ту связь, которая на данной исторической ступени развития стала определяющей, главной формой движения действительности. И то, что именно данное отношение стало определяющим во всей связи явлений, должно быть подтверждено всей исторической практикой.

В понятии мы покидаем почву живого созерцания, и потому здесь таится опасность отлета человеческой мысли в «чистое небо призрачной теории».

В действительности же понятие должно быть итогом, сводкой данных живого созерцания:

«Совпадение понятий с «синтезом», суммой, сводкой эмпирии, ощущений, чувств несомненно для философов всех направлений. Откуда это совпадение? От бога (я, идея, мысль и т. д. и т. д.) или от (из) природы? Энгельс прав в своей постановке вопроса»¹⁾.

Гегель в «Науке логики», анализируя суть суждения, удивляется тому, что философы в течение многих лет, оперируя суждением, «не заметили», что в нем осуществляется единство отдельного и общего. Когда мы говорим: «Роза есть растение», мы выражаем единство противоположностей. Гегель здесь делает огромный шаг вперед по сравнению с косной (и окостеневшей), формальной логикой. Однако он сам не замечает того, что в суждении осуществляется перевод непосредственного созерцания и представления в понятие.

✓ Данные живого восприятия объективного мира сводятся к своему общему итогу, и вот это сведение есть то, что называется суждением, простейшей операцией абстрактного мышления.

Наглядное созерцание старается охватить все стороны действительного мира. Это еще непосредственно чувственная ступень познания. Вульгарная утопия эмпириков заключается в том, что они превращают эту первоначальную его форму и несовершенную ступень познания в единственную.

Это утопия, потому что таким описательным путем все стороны действительности охватить все равно невозможно. Это притом еще вульгарная утопия, так как при описательном методе познания не может быть осуществлен научный анализ отношений и связей, возникающих между явлениями действительности.

Уже Гегель показал, что в результате такого стремления лишь описывать отдельные стороны явлений наступает утомление, переходящее затем в разочарование и скептицизм.

Но нельзя остановиться на констатации случайно взятых отношений, на простом их описании.

«Логика диалектическая, — пишет Ленин, — требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, нужно охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и омертвления. Это — во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении»²⁾.

По Ленину выходит, что всесторонний охват действительности в ее развитии, самодвижении составляет первейшую задачу научного познания. Тот, кто остановится на произвольно выхваченных, случайно взятых сторонах предмета, явления, а не будет брать их во всестороннем развитии,

¹⁾ Лен. сб. XII, стр. 239.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 134.

тот неизбежно впадет в односторонность, утратит возможность проследить движение, омертвит живое течение предмета. Надо открыть объективную связь всех сторон и явлений мира в их изменении, ибо только в развитии раскрывается все богатство связей и отношений предмета со всеми другими.

Что же дает нам возможность открыть эту объективную связь? Только историческая практика.

«В-3-х, — пишет Ленин, — вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», как любил говорить вслед за Гегелем покойный Плеханов»¹⁾.

Мы познаем мир всегда на определенной ступени практики. Это надо сугубо иметь в виду, чтобы не подменить конкретную истину познания абстрактными идеалами и схемами.

После того как историческая практика дала нам возможность воспринять отдельные стороны и явления объективного мира, нужно проследить, как из этих отдельных сторон складывается весь процесс развития в целом. Мы восходим, следовательно, от единичных явлений к целому, открывая общую связь всех явлений действительности.

«Читатель, который вообще захочет следить за моим изложением, — пишет Маркс, — должен решиться восходить от единичного к общему».

Но, охватывая связь, ведущую от единичного к общему, мы постигаем движение.

После того как наглядное созерцание охватило отдельные явления объективного мира (насколько это позволяет историческая практика человечества на данном этапе), мы можем составить себе представление о том, что отличает явления одно от другого и что образует их общую природу, их определяющее отношение на данном этапе исторической практики.

«Это, — по словам Маркса, — общее освещение, в котором утопают все остальные краски и которое модифицирует их в их особенностях».

Раз эта основа всех явлений найдена, то теперь, покинув почву живого восприятия (т. е. почву созерцания и представления), можно путем абстрактного мышления постичь общий строй действительности, т. е. движение предмета в целом.

Конечно, весь этот процесс не есть сама действительность, которая существует независимо от сознания, а лишь образ движущейся действительности в нашем сознании.

Таков диалектический переход от живого созерцания к абстрактному мышлению. Этот переход недосмотрел (вернее, обошел его и постарался следы замести) Гегель. В понятии мы прослеживаем борьбу движущих сил самой сущности явлений. Но эта обобщающая деятельность разума была бы невозможна без созерцания и представления. Мы покидаем почву непосредственно-чувственного восприятия лишь для того, чтобы лучше, правильнее понять движение самой сущности предмета.

Поэтому Ленин в этом вопросе выступал согласно с Гегелем (но не вместе с ним) против Канта.

«Гегель, — писал он, — вполне прав по существу против Канта. Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно правильное (NB) (а Кант, как и все философы, говорит о правильном мышлении), — от истины, а подходит к ней. Абстракция материи, законы природы, абстракция стоимости и т. д., одним словом, все

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 134—135.

научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее. От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»¹⁾.

Вульгарный экономист, не проникая в суть дела, описывая лишь внешние течения, как они возникали на поверхности буржуазного общества, не в силах был открыть внутренний закон его движения.

Маркс в «Капитале» подвергает исследованию не категории внешнего порядка явлений, а самую суть капитализма. Только эмпирик может полагать, что такое познание уводит нас в сторону от истины, в мир «вещей в себе». Ленин в этом вопросе всячески отмечал правоту Гегеля против Канта.

Выписав то место из «Науки логики», где Гегель пишет:

«Можно ли было бы подумать, что философия станет отрицать истину умопостигаемых сущностей потому, что они лишены пространственной и чувственной материи», — Ленин отмечает: «И тут Гегель прав, по сути: стоимость есть категория, которая лишена вещества чувственности, но она истиннее, чем закон спроса и предложения»²⁾.

При этом абстрактное мышление черпает свой материал все время из живого восприятия. Чем больше сторон, связей, отношений объективного мира воспринимаем мы в процессе исторической практики, тем полнее, научнее, правильнее складывается понятие о его действительном движении в нашем сознании.

Исторически практика определяет, таким образом, до какого предела, до какой грани продвигается познание объективного мира. Историческая практика дает нам возможность проследить развитие действительности, открыть те отношения объективного мира, которые на данном этапе, при том там, где данный этап достиг развитой конкретности, становятся господствующими, определяющими отношениями бытия.

3. Исходный пункт „Капитала“ Маркса

Именно так направляет движение познания Маркс в «Капитале».

Маркс исходит в своем исследовании из буржуазного общества в его самых развитых конкретных формах. Он выясняет, что господствующим способом производства во всех передовых странах Европы и Америки является капитализм. Противоречия капитализма представляют собой основу, сущность исторического развития современного общества. Единственной силой, которая может разрешить эти противоречия путем насильственной революции, является пролетариат. Для того чтобы этот передовой, революционный класс в своем историческом движении мог «принимать решения со знанием дела», надо понять общий ход, развитие противоречий, присущих капитализму. Задача исследования состоит в том, чтобы начав с простейшей и массовой формы, в которой проявляется капитал, проследить общий тип его развития и внутренние противоречия, приводящие к его гибели.

«Богатство обществ, в которых господствует капиталистический строй производства, представляет «огромное скопление товаров», а отдельный товар его — элементную форму ([его исходную форму]. Наше исследование начинается поэтому анализом товара», — так начинается Маркс свой гениальный труд. Простейшая форма, в которой проявляется господствующее отношение действительности, безусловно, является его исторической предпосыл-

¹⁾ Лен. сб. IX, стр. 165—167.

²⁾ Там же, стр. 169.

«Уже простой факт, — пишет Маркс, — что товар имеет двойное существование: прежде всего как определенный продукт, который идеально содержит (в скрытом виде содержит) свою меновую стоимость в своей естественной форме и затем как воплотившаяся (*manifestierte*) меновая стоимость (деньги), которая сбросила всякую связь с естественной формой бытия продукта, это двойственное, отличное существование должно развиваться в различие, различие в противоположность и в противоречии»¹).

Маркс здесь совершенно определенно развивает материалистическое учение о раздвоении единого и борьбе противоположностей в противовес идеалистическому учению Гегеля. Дальнейшее развитие «Капитала» дает исчерпывающее изложение этого основного закона и ядра материалистической диалектики. Гегель, конечно, несравненно высоко поднимается над обычным представлением о противоречии. Он понимает, что действительный смысл этого закона заключается не только в том, что «суб'ективная», «внешняя рефлексия» схватывает различные стороны бытия, а во взаимном переходе противоположностей друг в друга. Он критикует суб'ективизм Канта, нашедший выражение также и в знаменитом учении об антиномиях. Но дальше об'ективизирования суб'ективной рефлексии сам Гегель не идет. Конечно, учение о рефлексии является большим шагом об'ективного идеализма вперед по сравнению с суб'ективным идеализмом. В то время как Кант и суб'ективные идеалисты спорили о том, что взять за основу: «непосредственно данное» или «сущность», — Гегель, по выражению Ленина, «вместо и ли ставит и, объясняя конкретное содержание этого «и»²).

Учение Гегеля о противоречии развивает именно этот взгляд: сущность рефлектирует вовне. Рефлексия «есть видимость сущности внутри ее самой». Этот процесс рефлексии исходит из тождества сущности с собой и через различие направляется к противоположности и к противоречию. Сущность есть движение через различаемые моменты, абсолютное опосредование собой. В противоречии достигнута та определенность рефлексии, к которой противоположные стороны, получив самостоятельность как свое иное (другое своего другого), совпадают в основании, т. е. гибнут (*zu grunde gehen*). Таким образом, Гегелю совершенно чуждо понимание материального разделения противоположностей. Наоборот, Маркс доказывает необходимость этого разделения и воочию обнаруживает его.

На определенной ступени борьбы противоположностей возникает реальное основание для действительного перехода от старого качества к новому. Но противоречие вовсе не прекращается в этом основании. Наоборот, после того как новое качество создало основание, фундамент для своего самостоятельного развития, борьба его со старым качеством вступает в новую, еще более острую фазу именно потому, что оно имеет теперь собственное основание. Таково, например, учение Маркса и Ленина о построении фундамента социалистической экономики. После того как фундамент бесклассового, социалистического общества создан, классовые противоречия вовсе не исчезают. Только лишь путем развертывания классовой борьбы на базе этих решающих успехов социалистического строительства можно придти к бесклассовому обществу. Товарищ Сталин на XVII съезде ВКП(б) назвал это «ясным и элементарным тезисом ленинизма».

У Гегеля же мы видим его «всемирноизвестный метод примирения противоположностей». Гегель, безусловно, притупляет «различие различного»; Маркс, наоборот, выясняет, как в действительной жизни обостряется это различие. Разделение труда умножает разнообразие про-

¹ Из подготовительных работ «К критике политэкономии».

² Лен. сб. IX, стр. 97.

дуктов человеческой деятельности и одновременно превращает самую деятельность человека в безразличную к этой многосторонности затрату труда вообще. Этот процесс превращения частного труда в общественный труд (а формой его в эпоху капитализма является наемное рабство рабочих) становится основанием для возникновения обмена, обращения товаров. Но лишь с развитием этого обращения от первоначальных, спорадических форм до совершенной формы, которую оно обретает на мировом рынке, завершается (стихийный для капитализма) процесс подведения основания под этот общественный строй: труд превращается в общественный, т. е. наемный, труд и сам, следовательно, становится товаром.

«Но только внешняя торговля, — пишет Маркс, — развитие рынка до мирового рынка превращает деньги в мировые деньги и абстрактный труд — в общественный труд.

Абстрактное богатство, стоимость, деньги, следовательно абстрактный труд, развивается соответственно тому, как конкретный труд превращается в совокупность самых различных видов труда, охватывающих внешний рынок. Капиталистическое производство основано на стоимости, или на развитии заключенного в продукте труда, как труда общественного¹⁾.

Внутренние связи этого процесса Маркс с исключительной ясностью обнаруживает в «Капитале». Он логически прослеживает развитие формы стоимости от простейшего проявления до самостоятельного воплощения в деньгах. Этот процесс развития противоположностей происходит согласно закону перехода количества в качество и обратно.

Спорадический обмен в неразвитых общественных формациях рождает случайную, единичную форму стоимости. Противоположная природа продукта труда проявляется лишь от случая к случаю, когда продукт поступает в обмен. Один и тот же товар, в зависимости от обстоятельств, может выступать то в относительной, то в эквивалентной форме стоимости. Реальное отделение противоположностей поэтому еще не наступило. Потребительная стоимость одного товара является выражением меновой стоимости для другого.

С дальнейшим развитием товарного хозяйства и, следовательно, товарной формы продукта, когда обмен становится обычным явлением, каждый продукт труда противостоит всему миру остальных товаров как своим особым эквивалентным формам, т. е. формам осуществления и проявления абстрактного труда.

Всеобщая же форма стоимости есть та ступень в развитии противоположностей, когда один товар выступает в эквивалентной форме стоимости, все же прочие товары этой формы лишены.

Двойственность, бывшая первоначально в одном товаре, превратилась в отличие одного товара от всех остальных. На этой ступени наступает реальное разделение противоположностей.

Во всеобщей форме стоимости отделение меновой стоимости от единичных свойств товаров еще не закончено. Вернее, это отделение произошло лишь формально. Хотя товар — эквивалент — обособился от других товаров, но он еще не обладает всеми материальными свойствами, необходимыми для всеобщей формы стоимости. Эти материальные свойства должны быть полной противоположностью естественным свойствам всех других товаров. Из мира товаров выделяется такой товар, материальные свойства которого наиболее пригодны для воплощения абстрактного человеческого труда. Всеобщая форма стоимости превращается в денежную фор-

¹⁾ К. Маркс «Теории прибавочной стоимости». Т. III, стр. 195.

му, т. е. завершается акт материального отделения меновой стоимости от потребительной. Весь товарный мир разделяется на два полюса: товары и деньги.

Маркс здесь, несомненно, критически переработал учение Гегеля о переходах от единичного к особенному и всеобщему.

В конспекте «Науки логики» Ленин отметил:

«Анализ заключений у Гегеля (Е.—В.—А, единичное, особое, всеобщее, В-Е-А. etc. напоминает о подражании Гегелю у Маркса в I главе»¹). Но у Гегеля здесь, по выражению Ленина, действительно верное отражение действительности лишь «просвечивает сквозь туман изложения архи-abstrus».

У Гегеля здесь «дань старой формальной логике и еще — дань мистицизму-идеализму. Мысли, которым предается Гегель, насильственно оторваны им от объективного развития действительности. Ленин тут метко разглядел «слабость мистика».

Гегель отступает к формальной логике, когда он постаринке отрывает и излагает учение о суждении отдельно от анализа противоречий в самой сущности явлений. Единичное, особенное, всеобщее он рассматривает лишь как противоположные моменты суждения, а не как необходимые звенья перехода старого порядка явлений в новый — противоположный. Конечно, он делает большой шаг вперед, открывая, что суждение есть переход от отдельного к общему. Этого не замечала формальная логика на протяжении двух тысячелетий. Не менее значительно и то, что для него этот переход — не только процесс мышления, а также объективный процесс. Однако далее точки зрения тождества субъекта и объекта он как идеалист не идет и не может идти. Он бессилён понять этот переход от отдельного к общему в связи с развитием противоположностей в самом объекте. Он не может понять, что переход от отдельного к общему есть ряд ступеней в раздвоении единого.

Это путь, по которому движется вызревание противоположных свойств в объекте и охват ими все большего числа явлений.

На определенной ступени развития количество переходит в качество, т. е. охват явлений достигает меры, при которой новое качество обретает зрелую форму, становится всеобщим и реально отделяется от всего старого качества. Единичное — особенное — всеобщее образуют ступени этого объективного движения, а не самостоятельный процесс чистой мысли. Суждения лишь обобщает в нашем сознании этот объективный процесс. Именно Маркс создает материалистический базис учения о суждении. Единичное — особенное — всеобщее перестают существовать в качестве магического треугольника чистого разума; они возвращаются на ту историческую и материальную почву, которая их породила на свет.

Они превращаются в необходимые звенья перехода количества в качество, т. е. ступени, по которым движется созревание нового качества вместе с ростом количественных пределов его влияния, внутри старого качества, пока, наконец, процесс этот не достигает меры и не завершается материальным раздвоением единого, реальным переходом в противоположность.

Маркс открывает эти необходимые, истории природы и общества созданные ступени перехода от старого качества к новому, от отжившего порядка вещей к высшему, более развитому. Этот переход является не идеальной рефлексией, а действительным отделением нового качества от старого и устранением старого. Новое качество возникает в пределах старого первоначально лишь как его имманентное свойство. Так, меновая стоимость товара возникает лишь там, где налицо уже есть и потребительная стоимость. Продукт как предмет частного труда

¹) Лен. сб. IX, стр. 177.

одновременно приобретает свойства выражать общественный труд. Здесь, конечно, еще нет реального отделения противоположностей. Старое еще не превратилось в новое, но внутри него уже проявляется тенденция к такому превращению, переходу. Эта тенденция существует пока лишь как отношение внутри старого качества.

Такова особенность диалектического развития. Новое качество первоначально выступает как отношение и имманентное свойство старого.

Конечно, это вовсе не означает, что здесь нет противоположностей. Наоборот, это имманентное свойство возникает в противоположность всему старому качеству и путем борьбы уничтожает его, получая самостоятельное, отдельное бытие.

Однако Гегель вовсе не прослеживает этот процесс до конца. Он заканчивает исследование на той стадии, где новое является еще имманентным отношением старого качества. Когда новое качество существует лишь как отношение в пределах старого, мы мысленно можем отделить его в противоположность этому порядку и подвергнуть самостоятельному исследованию.

«...вообще отношение, — пишет Маркс, — лишь путем абстракции может получить особое воплощение, может быть в свою очередь индивидуализировано».

Нам присуща способность мыслить отношение обособленно от субъекта этого отношения, хотя объективно, вне нашего сознания, такой самостоятельности и в помине нет. Благодаря абстрагирующей деятельности мышления мы имеем возможность фиксировать развитие противоположностей уже на первоначальной стадии процесса и определять направление дальнейшего развития. В этом особенность и ценность научного мышления.

Это достоинство мысли Гегель превращает в недостаток. Отделив мысленно отношение от его объектов, он оперирует далее этой идеей так, будто бы перед ним материально разделенные противоположности. Возведя в принцип их неразвитое состояние, когда пуповина, связующая старое с новым, еще не разорвана, Гегель объявляет эту связь законом даже для развитого противоречия. Вместо реального перехода от старого к новому строю вещей он изображает только идеальный переход от одного к другому и обратно, превращая реальное отделение противоположностей, как оно происходит в действительности, в простую рефлексию.

Поэтому Гегелю чуждо революционное уничтожение старого и реальный переход к новому. Гегель при помощи своей универсальной рефлексии стремится примирить старое с новым. Новое должно всегда влачить оковы старого. История должна боязливо оглядываться через плечо. И хотя, по уверению Гегеля, мировой дух скомандовал «вперед», но он в этом движении должен увлечь за собой также и все уродливые отжившие формы «старого свинства».

Не то у Маркса. В развитии противоположностей он различает: а) идеальный переход — рефлексию и б) реальный переход — материальное разделение противоположностей.

Первоначально старое качество идеально (в скрытом виде) содержит свою противоположность. Она является лишь отношением, имманентным свойством старого. Однако если налицо есть отношение, то оно необходимо является отношением двух. Один из субъектов выступает при этом временным воплощением нового качества. Маркс показал это в анализе относительной и эквивалентной форм стоимости.

То, что в относительной форме стоимости существует лишь как отношение, в эквивалентной форме становится чувственным бытием. Дальнейшее развитие должно от этой случайной формы, в которой новое качество

выделилось из старого, привести к необходимой, всеобщей форме его самостоятельного существования. Уже случайная форма перехода показывает, что противоположное качество не может далее оставаться скрытой тенденцией в недрах старого, а стремится обрести материальную, чувственную форму. Дальнейшее развитие умножает количество особых реальных форм перехода в противоположность.

Преимущество этой ступени особенного перед пройденной ступенью единичного в том, что здесь действительная сущность перехода от старого к новому выступает более всесторонне. Но только тогда, когда достигнута ступень всеобщей формы перехода, новое может реально отделиться от старого, т. е. обретает самостоятельный способ существования.

«На арене мировой торговли товары универсально развертывают свою стоимость, — показал Маркс. — Поэтому и здесь самостоятельное воплощение их стоимости противостоит им в качестве денег, мировых денег. Только на мировом рынке деньги вполне развивают свою функцию товара, натуральная форма которого есть вместе с тем непосредственно общественная форма реализации человеческого труда in abstracto. Способ их существования становится адекватным их понятию»¹

* * *

Таков метод исследования и метод изложения у Маркса в «Капитале». Он дает классический образец того, как совершается реальный переход от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике в целях познания и революционного изменения мира.

«Капитал» Маркса — это единство исторического и логического метода, логическое отражение в абстрактной и теоретически последовательной форме исторического процесса развития капиталистического общества, дающее в результате научное обоснование неизбежности его гибели и торжества нового, высшего, бесклассового общественного строя — коммунизма, путь к которому лежит через пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата. Ленин завещал сугубо использовать логику «Капитала» для изучения и изложения материалистической диалектики.

«В «Капитале», — говорил он, — применена в одной науке логика, диалектика и теория познания материализма (не надо 3-х слов: это одно и то же), взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед»²).

Общий абрис логики «Капитала» Ленин характеризует так: «Начало — самое простое, обычное, массовидное, непосредственное «бытие»: отд[ельный] товар («Seyn») в по[литической] эк[оном]ии. Анализ его, к[а]к отношения социального. Анализ двоякий, дедуктивный и индуктивный, — логический и исторический (ф[о]рмы стоимости). Проверка фактами respective (соответственно.—О. Р.) практикой есть зд[есь] в к а ж д о м шаге анализа»¹).

Такова логика «Капитала».

Настоящая работа и имела целью, следуя указаниям Ленина, попытку, в меру наших сил, проследить и показать хотя бы отчасти эту железную логику творца научного коммунизма на материале его бессмертного труда.

¹ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 89. Изд. 1932 г.

² Лен. сб. XII, стр. 292

³ Там же

К вопросу о политических взглядах Ж.-Б. Робинэ

И. Луппол

До буржуазной Французской революции 1789 г., как известно, не дожил ни один из крупнейших французских материалистов. Первым из жизни ушел Гельвеций, умерший еще в 1772 г. Дидро скончался в 1784 г. Наконец, за несколько месяцев до революции, 21 января 1789 г., умер автор «Системы природы» Гольбах. Таким образом, исследователь французского материализма лишен соблазнительных по своему значению документов, которые бы могли совершенно недвусмысленно и аутентично засвидетельствовать, как встретили буржуазную революцию материалисты, т. е. ее идейные подготовители и вдохновители. Соображения о том, что, доживи они до девяностых годов, их буржуазная природа взяла бы свое и они оказались бы в процессе революции в рядах жирондистов, при всей их правдоподобности все же остаются лишь «соображениями» и догадками, а догадки в истории — вещь весьма ненадежная.

Известно, правда, что Гримм не принял революции и вскоре оказался в рядах эмиграции, но известно также, что, во-первых, Гримм, находясь в услужении у некоторых мелких германских княжеских дворов и на прямой службе у Екатерины, был наиболее аристократичным из всех друзей, а во-вторых, что Гримм не делал никакой «философской погоды» и, издавая свою «Корреспонденцию», был скорее агентом Екатерины и немецких князьков при дворе французской «литературной республики».

Литературный секретарь и сотрудник Гольбаха, друг Дидро и его ученик, Нэжон дожил до революции и умер лишь в 1810 г. Некоторые его шаги в начальный период революции нам известны. Так, до нас дошел «Адрес», который был направлен Нэжоном Национальному собранию. Верный своему призванию, ставшему, пожалуй, его профессией, этот «поп атеизма» больше всего беспокоился о том, чтобы во французскую конституцию не попало упоминание о божестве, о верховном существе, о том или ином «псевдониме» бога¹⁾. О прямых же политических выступлениях Нэжона в эпоху революции ничего не известно, и этого, конечно, достаточно, чтобы заключить, что его политическая роль была ничтожна, но вместе с тем и не враждебна революции.

Если не говорить о Кабанисе, по существу, уже эпигоне материализма XVIII в., то из крупных материалистов, выступивших на литературно-философской арене в третьей четверти XVIII в., остается, пожалуй, один Ж.-Б.

¹⁾ О Нэжоне см. нашу вступительную статью к изданию «Солдата-безбожника». М. 1925. «Адрес» полностью опубликован в сборнике под ред. Ц. Фридлянда «Атеизм и борьба с церковью в эпоху Великой французской революции». Часть 1-я, стр. 113—134. М. 1933.

Робинэ. Правда, он не принадлежал к основному парижскому ядру французского материализма, не был лично связан с кружком Гольбаха—Дидро, в его материализме немало изъяснов метафизического порядка, но Маркс совершенно недвусмысленно причисляет его к материалистам, а его основная четырехтомная работа «О природе» в свое время расценивалась как произведение атеистическое.

Робинэ писал свое произведение в течение нескольких лет¹⁾, с 1760 по 1768 год, и это были как раз те годы, когда получал свое окончательное завершение материализм Гольбаха. Относительная философская самостоятельность Робинэ лишь повышает его значение в общей сокровищнице Французского материализма и вместе с тем свидетельствует, что материалистические идеи были в то время достоянием не двух—трех парижских друзей, а значительно более широких кругов буржуазной интеллигенции. Тем интереснее вопрос, как же воспринял революцию Робинэ, которому в 1789 г. было уже пятьдесят четыре года.

Само собою разумеется, что Робинэ не может «отвечать» за Дидро или Гольбаха, тем менее за весь французский материализм XVIII в. в целом, но, несомненно, его ответ должен в этом деле многое высказать.

До сих пор в этом отношении был известен лишь заключительный аккорд жизни Робинэ. Известно, что сейчас же после его смерти, в 1820 г., в клерикальном журнале «*Ami de la religion*» было напечатано «раскаяние» Робинэ, написанное им незадолго до кончины. Это «раскаяние», или «отречение», сводится к тому, что Робинэ отрекался «от того, что было еретического и заслуживающего порицания в некоторых книгах», которые он написал «по невежеству, неразумию и заблуждению или по другим причинам, было ли это в юности или во время революции»²⁾.

В наших глазах это «отречение» стоит немногого. Бесспорным является то, что буржуазия, придя к власти, растеряла свои некогда материалистические позиции; оказавшись пред лицом нового и единственного революционного класса — пролетариата, буржуазия сдала свой материализм в архив. Двадцатые годы XIX в. во Франции несмотря на реставрацию Бурбонов и оттеснение в силу этого буржуазии в оппозиционный лагерь достаточно убедительно свидетельствуют об этом. 1820 год — уже совершенно иная эпоха. 1820 год — это не семидесятые годы XVIII в. и тем более не 1789 год. Что же удивительного, что в эти годы реакции дряхлый, восьмидесятипятилетний Робинэ у порога смерти написал под натиском попов, жадных до такой наживы, свое отречение! Для объяснения этого вовсе не нужны глубокомысленные рассуждения некоторых авторов об оппортунистической природе Робинэ³⁾.

Объективно гораздо более важное значение имеет поставленный нами выше вопрос о том, как принял буржуазный идеолог Робинэ буржуазную революцию, как вел себя один из крупных французских материалистов, Робинэ, когда дело от теории дошло до практики. Именно в 1789 г. пришлось теории французского материализма впервые испытать проверку практикой.

По этому вопросу в литературе имеются кое-какие указания. К сожалению, они способны только запутать исследователя, вместо того чтобы ему помочь. Так, С. Васильев совершенно категорически утверждает: «Когда началась Великая французская революция, Робинэ уехал из Парижа и пе-

¹⁾ I том «О природе» вышел первым изданием в 1761 г., III и IV томы — в 1766 г.; «Философские рассуждения о естественной градации форм бытия», составляющие как бы V том основного произведения, вышли в 1768 г.

²⁾ Отречение приведено у Дамирона «*Mémoires pour servir à l'histoire de la philosophie au XVIII siècle*» Т. II. 1858; по-русски — в брошюре С. Васильева «Ж.-Б. Робинэ и его философия». Тифлис. 1931.

³⁾ С. Васильев. Указанное сочинение, стр. 79.

реехал на свою родину, в Ренн. Там он жил как скромный обыватель, не участвующий в политической жизни. Единственным памятником его политической деятельности был маленький памфлет, изданный в 1789 г., где давалось сообщение о ходе дебатов Национального собрания»¹). Откуда такая осведомленность и такая информация? Возможно, что источником ее является немецкая диссертация о Робинэ, принадлежащая перу Р. Альберта. Р. Альберт пишет: «Когда приблизилась ее (революции) бури, Робинэ покинул Париж и отправился со своей семьей в Ренн, в свой родной город, где провел свою старость в тихой замкнутости»²).

Однако тот же Альберт в своей библиографической справке о сочинениях Робинэ указывает: «Lettres sur les débats de l'Assemblée nationale relatifs à la constitution. Rennes et Paris. 1789. 3 vol. in 8». Таким образом, С. Васильеву уже должно было быть ясно, что речь идет не о «маленьком памфлете... где давалось сообщение о ходе дебатов Национального собрания», а о трех томах «писем», т. е. политических работ, написанных в эпистолярной форме.

Несколько ближе к истине, очевидно, тоже не видевший «писем» Робинэ К. Розенкранц, который в своем этюде о французском материалисте писал: «Вернувшись с началом революции в Ренн, он (Робинэ) издал там несколько незначительных политических брошюр и сделал бедным много добра»³). Очевидно, что издание трех томов «писем» по политическим вопросам и общественная деятельность («сделал бедным много добра» — свидетельство Розенкранца) ни в коем случае не могут дать повода к характеристике Робинэ во время хотя бы первых лет революции как «скромного обывателя, не участвующего в политической жизни». Очевидно, что прежде чем формулировать такой вывод, необходимо было ознакомиться с содержанием «писем» Робинэ, а при невозможности этого от вывода воздержаться. Очевидно, наконец, что до сих пор никто из писавших о Робинэ не изучал его политических сочинений. Они действительно представляют собою библиографическую редкость.

Мы имели возможность ознакомиться с содержанием тех «писем» Робинэ, которые находятся в Национальной библиотеке в Париже. Переpleтенные в одном томике, «письма» охватывают период с октября 1789 г. по февраль 1790 г. По всей видимости, это второй том из трех, указываемых в библиографической справке Альберта. Однако деление на томы, несомненно, условно. Дело в том, что «письма» представляют собою листовки или, точнее, маленькие брошюрки, изданные в типичном для французских книг XVIII в. формате в восьмую долю листа. Разбивка на томы отсутствует и является таким образом произвольным делом переплетчика. «Письма» имеют сквозную нумерацию. Каждое из них, кроме указания адресата, имеет особое заглавие, отражающее содержание «письма». Пагинация не выдержана. Так например все «письма» до XIX имеют сквозную пагинацию; «письмо» XX открывает собой новый счет страниц; новая пагинация начинается и в XXII «письме» и т. д. Каждое «письмо» имеет дату. Таким образом, в «письмах» Робинэ налицо своеобразный, издававшийся им единолично политический журнал, имевший некоторое формальное, в смысле типа издания, сходство с «Другом народа» Марата. Общее название этого журнала передано Альбертом правильно. Журнал назывался «Письма о дебатах в Национальном собрании, относящихся к конституции». Стало быть, журнал

¹) С. Васильев. Указанное сочинение, стр. 78.

²) R. Alberts «Die Philosophie Robinets». S. 3—4. Leipzig. 1903.

³) Karl Rosenkranz «Neue Studien». Zweiter Band, «Studien zur Literaturgeschichte». Leipzig. 1875. XIII. Robinet, S. 348.

имел совершенно определенную тематику, однако, как увидим, это не значит, что Робинэ обсуждал на его страницах только конституцию в политико-юридическом смысле слова.

Периодичность журнала Робинэ была довольно неравномерной, но между отдельными номерами, или «письмами», проходило не так уж много времени.

Наконец, заслуживает быть отмеченным, что на некоторых «письмах» обозначено: «Листок раздается даром» или «В пользу бедных», «6 су в пользу бедных». Надписи вроде последних свидетельствуют о филантропической деятельности Робинэ, о чем писал и К. Розенкранц.

II

Проживая в провинциальном городе, Робинэ очень внимательно следил за всем, что творилось в революционном Париже, и живо и быстро реагировал на парижские события. Так например послание Людовика XVI от 5 октября, в котором он выразил свое отношение к «Декларации прав человека и гражданина» и к представленным ему статьям конституции, находит у Робинэ отклик уже в «письме» XIII, изданном 13 октября. Очевидно, что это несовместимо с поведением «скромного обывателя» или проживающего «в тихой замкнутости» старика.

Часто Робинэ высказывается не применительно к тому или иному конкретному политическому событию, но излагает свои мысли о революции в целом, и в таких случаях слышится полная достоинства речь старого просветителя-энциклопедиста. Замечательно здесь то, что Робинэ отдает себе полный отчет в значении литературной деятельности просветителей для подготовки революции, с достоинством утверждая между ними связь.

Так, в «письме» XI от 7 октября 1789 г. он пишет, что считал бы потерянными наилучшие дни своей жизни, если бы оказалось, что он ошибается в вопросе о природе властей и имеет ложную идею о народном представительстве. Робинэ утешается, «видя быстрый прогресс разума у нации, ставшей свободной».

Отчетливо выраженное впротивовес феодально-сословному буржуазно-национальное сознание Робинэ тесно связано, как мы сказали, с сознанием общественно-исторической роли, сыгранной в свое время просветителями и в частности им самим. «Я буду, — пишет в том же «письме» Робинэ, — считать себя счастливым при мысли, что ухожу в могилу при свете нового дня, который начинает сиять над моею родиной». «Да, месье, — обращается он к своему адресату, — начиная с 1761 г. я старался сеять в публике частицу великих и древних истин, которые Национальное собрание развивает теперь с такой силой и принимает с таким жаром. Они падали, так сказать, из-под моего пера, и никто не собирал их. Они были слишком преждевременны, чтобы быть понятыми»¹⁾.

Если в этой тираде отношение к революции высказано лишь в самой общей форме и в стиле философской риторики XVIII в., то «письмо» XX целиком посвящено этой же теме и притом в плане гораздо более конкретно-политическом. «Письмо» это называется «О причинах настоящей революции и о принципах новой конституции французского государства». Адресовано оно некоему «г-ну Д***, советнику парламента». По всей видимости, этот провинциальный парламентский советник был изрядным реакционером и контрреволюционером. Робинэ берет на себя задачу защиты и обоснования революции. Заслуживает внимания то обстоятельство, что «письмо»

¹⁾ Lettre XI A M. le Chapelier. Sur la constitution. A Rennes, le 7 oct. 1789.

издано 18 декабря 1789 г., т. е. уже после весьма важных революционных событий: 14 июля — взятия Бастилии, 5—6 октября — похода парижан в Версаль и «пленения» короля, — когда не только сторонники старого порядка, но и многие крепкие буржуа уже отшатнулись от революции.

Парламентский советник не желал признавать Национального собрания, потому что оно организовано не на основе старых форм. Этому стороннику сословных генеральных штатов Робинэ противопоставляет свой аргумент: простой просмотр декретов Национального собрания и сравнение их с *sañiers*, с наказами, свидетельствует о том, что Национальное собрание выполнило большую часть того, чего от него ждали. Прежде всего оно восстановило граждан во всех правах, которые им принадлежат. «Природа и политика, — пишет Робинэ в духе материализма XVIII в., — восстановили мирный порядок внутри страны, все равны перед законом, налоги взимаются равно»¹⁾).

Еще «Энциклопедия» Дидро выступала, начиная с первых своих томов, против «тирании и фанатизма», разумея под этими понятиями абсолютистско-феодальный режим и господство католической церкви. В своем «письме» Робинэ употребляет несколько иную терминологию, распространенную накануне революции и в процессе ее. В революции он видит именно сокрушение устоев тирании и фанатизма. «Меч закона, — пишет он, — одним ударом отрубил голову деспотизму министерскому, феодальному и жреческому. Каждый гражданин отдает государству столько налога, службы, верности, доверия, уважения и привязанности, сколько правительство дает ему свободы, уверенности, покровительства и счастья».

Под «министерским деспотизмом» Робинэ, очевидно, подразумевает всю политику и практику административного аппарата абсолютистской Франции. «Феодальным деспотизмом» являлся весь строй дворянских прав и привилегий и крестьянских повинностей. Наконец, «жреческий деспотизм», несомненно, имеет в виду систему церковных привилегий и прежде всего, конечно, церковную десятину. Ликвидация сословных привилегий в ночь на 4 августа, «Декларация прав человека и гражданина», отмена десятины 11 августа, статьи конституции, представленные королю 1 октября, декрет 2 декабря, передававший в распоряжение нации церковные имущества, — таковы, по всей видимости, те акты, принятые собранием, которые имеет в виду Робинэ, когда говорит о «мече закона».

Далее, Робинэ переходит к выяснению причин революции. Конечно, эти причины определяются им отнюдь не в духе исторического материализма; азбучной истиной является то, что французский материализм XVIII в. переставал быть материализмом, как только дело доходило до анализа общественных явлений и процессов. В духе социально-исторического рационализма XVIII в. выдержаны и рассуждения Робинэ по данному вопросу.

Абсолютистское правление, по Робинэ, произвело в государстве абсолютный беспорядок. Нация пребывала в коррупции в течение нескольких столетий: «Двор, министры, знать, казалось, решили задушить все, что было честного во Франции». Зараза была привита и массе народа: «Французская нация, отравленная ядом тирании, свойство которой заключается в лишении народа всякой моральности, ниспала постепенно до такой степени слепоты и трусости, что не было больше ни желания, ни сил выйти оттуда».

Таким образом, виновники национального бедствия Франции определяются Робинэ в классовом аспекте — это привилегированные сословия и прежде всего дворянство, взятое в его классовой верхушке. Они отравили

¹⁾ Lettre XX. A. M. D.*** Conseiller au Parlement. Des causes de la révolution présente et des principes de la nouvelle constitution de l'empire françois. A Rennes, le 18 déc. 1789.

Францию ядом тирании, сделав народ бессильным и безвольным и тем развратив его политически и морально. Откуда же можно было ждать спасения? От мудрых и честных людей. «Как мало было хороших людей!» — восклицает Робинэ. «Это небольшое число мудрых, с добродетелью, достаточно сильной, чтобы сопротивляться обольщениям, с суждением, достаточно чистым и ясным, чтобы заметить заблуждения, в которых теряло себя отечество, имели ли они средства, чтобы спасти его?» Размеры зла отнимали у них всякую надежду. Их нравы напрасно протестовали против общественной коррупции.

В этих «добродетельных мудрецах» с ясным и чистым суждением трудно угадать философов-просветителей. Именно их считает Робинэ спасителями нации, подготовившими революцию. Он вспоминает их тяжелый жребий в абсолютистско-крепостническом государстве: «Я видел, как мое отечество преследовало этих мудрецов, бесчестило уважаемых граждан. Их обвиняли в том, что они ломают связи общества, колеблют порядок, расшатывают трон, учиняют заговоры против государства». Парламенты преследовали их за их произведения. Робинэ напоминает своему адресату ряд цитат из парламентских заключений знаменитого своей реакционностью и кровожадностью прокурора Омер-Жоли де-Флери, по обвинениям которого не одна книга материалистов попала на костер.

Робинэ вскрывает, таким образом, всю противоположность принципов буржуазных просветителей и охранительных тенденций абсолютистско-феодального режима. «Эти различные принципы, — пишет он, — должны были ожесточенно бороться, последовательно испытывая победы и поражения, и закончиться разрушением государства снизу доверху и блестящей революцией».

Как видит читатель и как нетрудно было догадаться, Робинэ дает анализ причин Французской революции, не выходя за пределы общеисторических концепций философов-просветителей, в том числе и материалистов. Начав еще с сословной характеристики угнетателей и поработителей «нации», он не смог, конечно, дать классового анализа самой «нации». Для философа-буржуа это было просто невозможно по объективно-историческим законам. Но та же самая классовая природа буржуа как врага феодалов и феодализма подсказывала ему правильный ответ на вопрос о врагах революции, по крайней мере, в первый период ее развития.

По всей видимости, адресат Робинэ, выступая против революции, указывал на «беспорядки» и финансовые трудности, в которые попало государство. Таким образом, его противнику — Робинэ — после объяснения причин происхождения революции надлежало защитить ее, разоблачив истинных виновников ее трудностей.

Робинэ начинает эту часть своего XX «письма» с указания, что революция не могла протекать спокойно, потому что она встретила сильное сопротивление. Начались финансовые затруднения:

«Момент, когда порочное правительство разрушено, чтобы уступить место правительству, лучше организованному, есть необходимый момент анархии, в течение которого независимая нация устанавливает строй, долженствующий заменить строй, только что сметенный... В этот промежуток двух режимов народ оказывается предоставленным самому себе, потому что старые власти подавлены, прежде чем установлены новые; старых законов уже нет, а новых еще нет, или, если они уже начали быть, то недостаточно известны, не хорошо поняты, не повсюду приняты, не утверждены». Такое положение абсолютно неизбежно.

Однако если все подобные неполадки являются, в глазах Робинэ, так сказать, объективными и неизбежными условиями первых моментов револю-

ции, то он открыто указывает на субъективные моменты, противодействующие революции, мешающие ей, тормозящие ее. «Этот период, — продолжает Робинз, — сопровождается опасностями, виновниками которых являются придворные, ибо их благосостояние пострадало. Смута — их стихия. Они используют народные движения, чтобы глухо интриговать». Таким образом, Робинз вновь выходит на более правильный путь, указывая конкретных врагов революции, пытающихся повредить ей. Правда, он чрезмерно сокращает круг контрреволюции, сводя его только к кругу придворных, но возможно, что он употребляет здесь это слово в более широком смысле, подразумевая всех, кто так или иначе связан с королевским двором.

Робинз проникнут революционным оптимизмом, он уверен, что враги революции не в силах помешать ей: «Их попытки, постоянно повторяемые с новыми силами и всегда без успеха, служат лишь доказательством их бессилия».

Новая конституция создается на непоколебимых основах — всеобщем разуме и природе человека. Известно, что просветители XVIII в. в своих общественно-политических теориях не знали лучших аргументов, чем ссылки на разум и природу человека. Свои общественные идеалы, идеалы буржуазного общества, они считали осуществлением именно требований разума и человеческой природы. И вот в политике Национального собрания 1789—1790 г. Робинз и видел воплощение своих идеалов.

Однако тема «письма ХХ» не позволяла ему оставаться в сфере общеполитических разговоров о разуме и природе человека: она влекла его к политической действительности дня. Возвращаясь к актуальной теме «письма», покидая почву философских ламентаций, он риторически спрашивал своего адресата-реакционера: «И что ей (новой конституции) противопоставляют? Декламации против Национального собрания? Памфлеты? Епископские послания? Ничтожные сочиненьица?» Но нация никогда больше не уступит вновь обретенного суверенитета, никогда не пойдет опять под ярмо. От этого ее предохранит память о прошлом зле. «Новый принцип жизни течет в ее венах. Она вновь получила всю силу юности. С новыми законами возродились идеи и нравы, чтобы дать новому режиму длительную прочность». Здравая философия внесла много света. Депутаты Национального собрания — не ангелы и не боги, иронически замечает Робинз. Дореволюционный режим был таков, что у нации не мог накопиться административный опыт. Эта наука окутана еще тайной. Мы только учимся управлять государством. Но вообще депутаты оправдали выбор. Работы Национального собрания нелегки: задачи, стоящие перед ним, трудны, и оно не поспевает за быстро развивающимися событиями. Весь конец этого письма проникнут революционной уверенностью и бодрым оптимизмом.

Всем этим мы не хотим сказать, что Робинз был крупной политической фигурой хотя бы в первый год революции. Если бы это было так, то не нужно было бы в наши дни производить почти архивные исследования. Но в результате этих исследований можно с уверенностью сказать, что Робинз не был обывателем и что в первый год революции (только в отношении этого времени и сохранились материалы) он вел себя так, как и должен был вести доживший до 1789—1790 гг. французский материалист, идеолог буржуазии.

Верно, конечно, что его резкие выступления против основных общественных сил дореволюционного порядка пронизаны местами политически наивными рассуждениями; это снижает общий революционный тон его высказываний и вместе с тем еще более подчеркивает буржуазный по содержанию строй его мыслей. Но о Робинз, во всяком случае, нельзя сказать, что он избегает острых политических вопросов и довольствуется лишь общими

соображениями о революции. Вопросы экономики и государственных финансов волнуют его не меньше чем рассуждения о природе и разуме.

III

Уже во втором дошедшем до нас письме—письме XII, от 9 октября, под названием «О патриотической контрибуции» — Робинэ откликается на вопрос о финансовом положении государства¹⁾. «Одно из наиболее крупных препятствий, — пишет Робинэ, — задерживающих в данный момент готовящийся успех революции, — это нищета народа, недостаток финансов». Помочь в этом — общий долг.

Прежде чем дать анализ затруднений и указать выход, Робинэ как опытный агитатор риторически спрашивает читателей: «Разве мы уже забыли великое зло, которое Франция претерпела под министерским деспотизмом?» Напомнив о политике абсолютизма и об экономическом положении народа до революции, Робинэ заявляет, что если вспомнить все это, то ничто не покажется трудным и граждан должна охватить бодрость.

По мнению Робинэ, на Францию обрушились два несчастья: недостаток хлеба и нехватка звонкой монеты. Богачи удерживают у себя монету, пользуясь неопределенностью положения, иностранцы не приезжают больше во Францию. Необходимо скорее принять твердую конституцию: это должно выяснить положение в стране. А пока государству нужны деньги, например для закупки хлеба за границей и для уплаты долгов. Где же взять металл для монеты? Робинэ дает, так сказать, два адреса: один — это состоятельные слои населения и второй — церковь. «Поспешим же, — пишет он, — превратить в монету весь металл, которым мы можем располагать. И у кого из нас нет некоторого излишка его? Прибавим сюда серебро наших церквей, ненужное для отправления культа, потому что в алтарях как и в частных домах имеются значительные его излишки». Робинэ одобряет проект организации патриотической кассы, в которую, по его мнению, граждане должны приносить и сдавать под квитанцию драгоценные вещи. Таким образом, проводится как бы внутренний заем и образуется государственный долг, уплата по которому должна начаться с 1 января 1791 г.

На ту же тему о финансовых затруднениях государства написано и «письмо XVI» от 27 октября 1789 г. Называется письмо «О патриотической добродетели». Адресовано оно кратко и вместе с тем широко: «Моим согражданами»²⁾. И по адресу и по содержанию это не столько обычное для Робинэ его «письмо», т. е. очередной номер журнала, сколько агитационное воззвание к гражданам. Написанное с большим подъемом и даже пафосом, оно выделяется и в стилистическом отношении. Целый ряд последовательно идущих абзацев начинается фразой «Разменная монета исчезла!», что, очевидно, рассчитано на более эффективное воздействие на воображение читателя.

Письмо начинается с констатирования опасного кризиса, переживаемого государством. Этот кризис должен решить участь и государства и граждан. Нужна быстрая денежная жертва, иначе конституция погибнет. Опасность заключается внутри государства. Аристократы и богачи бегут из Франции, спасаясь от волнений и беспорядка, неотделимых от великих революций. Эмигранты отправились в чужие страны искать отдыха и уверенности в неясных по ситуации делах. Еще несколько месяцев — и трудности

¹⁾ Lettre XII. A Monsieur L. M. D. C*** Sur la contribution patriotique. A Rennes, le 9 oct. 1789.

²⁾ Lettre XVI. A mes concitoyens. Sur la vertu patriotique. A Rennes, 27 oct. 1789.

пройдут, вновь уверенно утверждает Робинэ. Тогда, по его мнению, вернутся и эмигранты. Отнюдь не предлагая идти им на уступки, Робинэ напоминает, что привилегий больше нет и не будет. Сейчас же необходимо финансово поддержать государство. Все «письмо» бьет в эту цель, призывая граждан к уплате патриотической контрибуции. В заключение Робинэ обращается к молодежи, приглашая ее примкнуть к его призыву и аргументируя тем, что именно молодежь пожнет плоды революции.

Таким образом, в указанных двух «письмах» — XII и XVI — Робинэ горячо откликается на финансовые затруднения революции, считает виновниками их знать и богачей, высказывается против эмигрантов, выступает за изъятие церковных ценностей и призывает всех граждан к финансовой поддержке государства путем уплаты патриотической контрибуции в целях преодоления кризиса революции.

Однако мы погрешили бы против исторической правды, если бы во всем этом деле не обратили внимания на важнейшее и существеннейшее обстоятельство. К октябрю 1789 г. королевскому двору, контрреволюционной верхушке знати, церкви и эмиграции уже нельзя было противопоставлять лагерь конституции и Национального собрания в целом. Буржуазия, мелкая буржуазия, крестьянство, плебейские низы города, не будучи едиными в своем существе, не могли выступать воедино и в революции. Давно уже прошло то время, когда французская радикальная и революционная буржуазия выступала от имени третьего сословия в целом как его идейно-политический предстатель. Превращение генеральных штатов в Национальное собрание, разрушение Бастилии, события 4 августа и 5—6 октября, если называть внешние факты, подвинули революцию значительно вперед и привели к новой политической ситуации. Как ни предавался иллюзиям еще в первой половине 1789 г. Марат, в нем уже к октябрю того же года пробудился идеолог плебейской революции. При всем сходстве терминологии Марата и Робинэ в одни и те же понятия: революции, нации, природы, разума, закона — они вкладывали уже иное содержание. Это в особенности ясно из сравнения той реакции, которую вызывали в Марате и Робинэ одни и те же события — финансовые затруднения государства.

Робинэ при всей своей ненависти к дореволюционному режиму, при всех своих обличениях эмигрантов, знати и церкви по вопросу о выходе из финансового кризиса целиком принимает программу Национального собрания и проекты Неккера о патриотической контрибуции. Даже говоря об изъятии церковных ценностей, он, как мы видели, не углубляется в классовый смысл патриотической контрибуции, твердя об общем долге именно потому, что, очевидно, это его вполне удовлетворяло.

Иначе подходит к вопросу о патриотической контрибуции Марат. Его негодующая критика Неккера по этому вопросу заслуживает того, чтобы быть здесь приведенной. Налог Неккера, писал Марат, «бьет по карману богатых негоциантов и вымогает у граждан, находящихся в стесненном положении, непосильную для них контрибуцию. Кроме того он действителен только для тех поземельных собственников и рантье, состояние которых доподлинно известно, будучи в то же время вполне иллюзорным для капиталистов, утаивающих свои богатства. И, наконец, довольно легкий для богатых, этот налог становится еще более легким для крупных богачей именно в силу их богатства; но зато он действительно тягостен для людей, имеющих небольшое состояние, ибо у обладателя пятидесяти, ста, двухсот, четырехсот тысяч ливров ренты он отнимает только часть его излишков, в то время как у обладателя двух или трех тысяч ренты он отнимает часть самого насущного и лишает его возможности воспитать своих детей, если только плательщик — отец семейства. Что же сказать о тех гражданах,

которые должны существовать на четыреста—пятьсот ливров в год и которые не в меньшей степени подчинены этому обложению... Что же сказать о жестокости этого обложения по отношению к тем несчастным, у которых ровно ничего нет и которые могут прокормить себя только собственным своим трудом? Ибо никто не освобождается от этого налога. Итак, всегда верный своим принципам щадить богатых и вельмож, г. Неккер никогда не упускает случая принести им в жертву скромного гражданина, принести им в жертву бедный народ»¹⁾.

В то время как Робинэ патетически взывал: «Поспешим же превратить в монету весь металл, которым мы можем располагать! И кто из нас не имеет некоторого излишка его?», Марат зло издевался над словами Неккера «о пожертвовании каких-то мелких золотых вещей (обручальных колец и крестиков) — драгоценных залогов супружеской нежности, к которому он призывает крестьянских жен в своей хитроумной речи». Марат выступил против Неккера, «не дерзавшего коснуться вопроса о 8 240 000 ливров государственных налогов, так возмутительно расточаемых принцами!»²⁾. И тот и другой, и Марат и Робинэ, обращались со своими призывами во имя и в интересах революции. Стало быть, Марат и Робинэ во второй половине 1789 г. уже по-разному расценивали эти интересы.

В то время как Робинэ целиком одобряет действия Национального собрания, санкционировавшего проект Неккера, Марат называет декрет Национального собрания «мнимой волей нации». Робинэ призывает к выполнению декрета, «иначе конституция погибнет»; —Марат требует отставки министра финансов, который «способен только довести народ до голодной смерти, разрушить свободу, погубить страну». Стало быть, Робинэ и Марат в октябре 1789 г. уже по-разному толковали гибель страны.

Сопоставление этих двух исторических документов говорит, как видно, не в пользу Робинэ. Но мы, само собою разумеется, заняты здесь не похвалами или укоризнами. Сопоставление этих двух документов ярко свидетельствует, что материалист XVIII в. Робинэ при столкновении с революционной действительностью пред лицом классов, господствовавших при абсолютистско-крепостническом режиме, оказался сам революционером, но революционером буржуазным; этим он на практике подтверждает буржуазную природу французского материализма XVIII в. Марат же являлся идеологом революционного движения плебейских масс конца XVIII в. Классово и политически он мыслил глубже, глядел дальше, хотя в общеполитических своих взглядах и не был материалистом, как не были материалистически настроены в XVIII в. массы мелкой буржуазии и плебейские городские низы.

IV

Буржуазно-революционная природа воззрений Робинэ явственно просматривается и в его рассуждениях по вопросам собственно политическим, например конституционным, в которых он был сильнее чем в проблемах экономических. Кстати сказать, в вопросах конституционно-политических в первые месяцы революции разногласия между ним и Маратом ощутимы значительно меньше. Это происходит в силу того, что «характерная особенность всей публицистики этих месяцев — иллюзии всенародного объединения и вера в короля-освободителя. В сетях этих иллюзий оказался

¹⁾ Ж.-П. Марат «Разоблачение, направленное против Неккера. Третий пункт обвинения» в сборн. памфлетов Марата, стр. 320. М. 1934. Написано в октябре 1789 г.

²⁾ Там же, стр. 324.

и Марат¹⁾. Поэтому хотя и можно охарактеризовать произведения Марата этого времени как «раннюю радикально-демократическую публицистику», но и Робинэ нельзя отказать в радикально-демократическом характере его писем, посвященных обсуждению отдельных статей разрабатывавшейся в то время конституции. Размежевка в этом отношении, вероятно, пришла несколько позже, т. е. в тот период, в отношении которого литературная документация у Робинэ, к сожалению, отсутствует.

В феврале 1789 г., т. е. почти накануне созыва генеральных штатов, Марат выступал в «Даре отечеству» еще отнюдь не как республиканец. Обрушиваясь на «честолюбивых министров», «бесстыдных прелатов, издающих над святыней», «неправедных судей, трепещущих перед правосудием», он писал: «Пусть эти враги отечества вопят о новшествах, о свержении монархии. Мы отвечаем им, что мы не вводим никаких новшеств и отнюдь не хотим свержения монархии, а хотим только вернуть правительство к его первоначальному образу и исправить основные недостатки, которые грозят гибелью монарху и его подданным»²⁾.

Правда, необходимо иметь в виду, что рационалистическая публицистика XVIII в., так же, как впрочем и публицистика XVII в., сохраняла еще античную традицию в различении форм правления в государстве. Так, по понятиям буржуазных просветителей, монархия не содержала в себе одиозного политического смысла. На их языке монархия означала, в буквальном переводе с греческого, правление одного и — в специфическом значении для XVIII в. — сосредоточение в руках государя исполнительной власти. Монархии противопоставлялась тирания, или деспотия, как политически одиозное и совершенно неприемлемое искажение монархии. Равным образом аристократии как правлению немногих и лучших противопоставлялось ее искаженная и противоразумная форма — олигархия. Так же обстояло дело с демократией как народоправством и охлократией как «господством толпы».

Поэтому когда Марат, совершенно в духе буржуазной публицистики XVIII в., писал в том же «Даре отечеству»: «Итак, не признавать за монархом права разорять нацию и угнетать своих подданных отнюдь не значит посягать на священные prerogatives короны», то это не значит, что он стоял за всякую монархию; напротив, это означает, что он решительно выступал против тирании, желая — факт остается фактом — спасти от нее монархию³⁾.

В «Дополнении к «Дару отечества», вышедшем в апреле 1789 г., уточняя понятия, Марат разъяснял, что он против сосредоточения в руках государя законодательной и исполнительной власти: «Подобное объединение может иметь место только вследствие узурпации верховной власти, ибо народ никогда добровольно не сдавался на милость своих правителей». Утверждая, таким образом, суверенитет нации в целом, Марат и здесь, по существу, лишь повторял идеи радикальной буржуазии XVIII в., выдвинувшей в своей борьбе с абсолютистско-крепостническим строем теорию разделения властей; законодательная власть, по этой теории, принадлежит исключительно нации в целом в лице ее представителей — Национального собрания, исполнительная же власть сохраняется за королем. Именно смешение властей и порождает тиранию. В соответствии с таким строем мыслей Марат и писал в апреле 1789 г.: «Итак, единственная жертва, которой нация требует

¹⁾ Вступительная статья Ц. Фридлянда к сборнику памфлетов Марата, стр. 51. М. 1934.

²⁾ Марат «Памфлеты», стр. 217. М. 1934.

³⁾ Там же, стр. 217.

от своего государя, заключается в отказе от тех прав, которых у него нет и не могло бы быть»¹⁾.

От этих взглядов Марат не отказался еще и в августе 1789 г. В выпущенном им в это время «Проекте декларации прав человека и гражданина», называя народ истинным законодателем, Марат вполне допускал еще наследственно-монархический образ правления. Лишь обоснование монархии видел он не в традиционной «милости божией», а, так сказать, в «воле народа». В духе теории разделения властей он сосредоточивает исполнительную власть в руках короля; он хочет единственно, чтобы король в вопросах своей компетенции прислушивался к голосу народа: «Стоя во главе совета, министерства и армии, король сам выбирает своих советников, министров и чиновников, это не вызывает никаких сомнений, но выбор этот должен всегда падать на способных подданных и никогда не падать на бездарных, подозрительных или ненавистных народу лиц; поэтому его следует делать, только выслушав предварительно «общественный голос»²⁾.

Даже в «Призыве к нации», написанном в феврале 1790 г., нет у Марата прямых выпадов против монархии, хотя и есть борьба с так называемым министерским деспотизмом и указание на целый ряд ошибок, совершенных Национальным собранием. В свете этих сопоставлений с почти одновременными произведениями Марата и следует рассматривать «письма» Робинэ по конституционным вопросам.

Напомним, однако, сначала ход событий. Прения о конституции начались в Национальном собрании 28 августа 1789 г., когда приступили к чтению и обсуждению проекта 1-й статьи закона. Затем обсуждение 1-й статьи было отложено, и обсуждению подверглись статьи о суспенсивном вето короля, о непрерывной сессии собрания, об единой палате, о неприкосновенности королевской особы, о способе наследования короны. К 1-й статье вернулись 22 сентября, когда она и была принята в следующем виде: «Французское правительство — монархическое; во Франции нет власти, стоящей выше закона; король царствует только в силу закона и только в силу закона может требовать повиновения».

23 сентября приняли следующую статью: «Всякая власть исходит от народа и может исходить только от него»³⁾. По существу, это было повторением 3-й статьи «Декларации прав человека и гражданина», гласящей: «Основа всякого верховенства по самому существу своему покоится в народе. Никакое учреждение и никакое лицо не могут осуществлять власти, которая не исходила бы от него самого»⁴⁾. В этом заключался основной, направленный против короля лозунг французской буржуазии и 1789 г. А. Олар был прав, когда писал, что «под словом нация собрание понимало новый привилегированный класс, называемый нами теперь буржуазией».

1 октября статьи конституции и «Декларация прав» были представлены королю. 5 октября он заявил, что принимает конституционные статьи лишь с оговорками, и отказался высказаться относительно «Декларации». Тогда мануфактурные рабочие, ремесленники и мелкие буржуа Парижа двинулись к Версалию и фактически завладели им; испуганный король согласился на все и был взят в качестве своеобразного пленника в Париж.

Первое из сохранившихся писем Робинэ, изданное им 7 октября в Ренне, еще не учитывает этих событий 5—6 октября. Живя в Ренне, Робинэ

¹⁾ Марат «Памфлеты», стр. 251.

²⁾ Там же, стр. 263.

³⁾ А. Олар «Политическая история французской революции», стр. 38. П. 1918.

⁴⁾ Г. Еллинек «Декларация прав человека и гражданина», стр. 20. М. 1905.

о них, очевидно, попросту еще не знал. В этом уже цитированном нами в другой связи «письме» Робинз как бы подводит итоги принятым в собрании конституционным статьям.

Цель всякой конституции, по мнению Робинз, — общее благо. Наилучшей конституцией является та, которая делает нацию наиболее счастливой. Нация суверенна. Власть может быть подразделена на законодательную и исполнительную. Законодательную власть нация не может никому ни передать, ни доверить; исполнительная же власть может быть передана. Дело в том, что никто не может желать за другого, но выполнение воли другого возможно.

Закон имеет внутреннюю и внешнюю силу. Внутренняя сила присуща самому закону, внешнюю же ей придает исполнительная власть, обеспечивая таким образом выполнение закона. Внешняя сила — это так называемая санкция; санкция необходима, чтобы сделать закон обязательным.

Порядок, при котором нация удерживает у себя обе власти, и законодательную и исполнительную, возможен; это и есть демократия. Но такой порядок, по мнению Робинз, неудобен, ибо законодатель выше исполнителя; он может всегда изменить закон, исполнитель же должен только выполнять его. Если нация упускает обе власти, то наступает деспотизм. Против деспотизма, или тирании, Робинз решительно возражает.

Аристократия, при которой исполнительная власть передается нескольким или некоторым лицам, наиболее склонна к коррупции. Сенат аристократов — более или менее сенат тиранов, а тирания нескольких лиц хуже всего. В монархии исполнительная власть принадлежит одному лицу — королю, и обратно — королю принадлежит только исполнительная власть. Этот порядок принят Национальным собранием, и за него высказывается в октябре 1789 г. Робинз.

Таким образом, Робинз, не открывая в этом отношении никаких Америк, по основным проблемам государственного устройства примыкает вообще к буржуазной науке о государстве XVIII в., принципы которой перешли и в буржуазное государствоведение XIX в. Его вариации сводятся к тому, что при всех формах правления: демократической, аристократической и монархической — суверенитет принадлежит нации в целом и никак и никому не может быть отдан. Монархия для него не означает сосредоточения законодательной власти у монарха; последнему передается, как сказано, лишь исполнительная власть. Но и по этому вопросу Робинз не представлял какой-либо персональной точки зрения: это была линия всей французской буржуазии. Мы видели, что и Марат разделял эти взгляды в 1789 г.

По конституционным вопросам Робинз присоединяется к решениям Национального собрания. Его формулировки первых артикулов конституции весьма напоминают конституционные статьи, принятые собранием. 1-й артикул, в котором говорится, что монарх царствует по закону и только в силу закона может требовать себе подчинения, просто списывается Робинз с 1-й статьи, принятой собранием. Содержание следующих статей сводится к следующему: суверенитет пребывает и пребудет всегда у нации; все власти проистекают из суверенитета нации; законодательная власть, будучи свойственна только нации в целом, никому не может быть уступлена никоим образом; осуществляется она национальными представителями; исполнительная власть поручается королю; нация создает закон, король его санкционирует и обнародывает; только после этого закон становится обязательным: все члены нации одинаково подчинены закону, и все должны одинаково наказываться за нарушения одинакового рода.

Основным во всей этой буржуазной государственно-правовой догме, направленной острием своим еще против абсолютистско-крепостнического

стройка, является лишение короля суверенной власти, признание всей нации ее носителем и предоставление королю лишь власти исполнительной. Однако в понятие исполнительной власти включалось, как мы видели, и санкционирование закона. Это обстоятельство оказалось чревато последствиями, и первые результаты сказались уже на отношении короля к представленным ему самым конституционным статьям, а также к «Декларации прав».

При обсуждении этих вопросов в Национальном собрании не мог не встать вопрос о праве короля на отказ в санкционировании законов, принятых уже собранием. Буржуазное государствоведение, восходящее в своих истоках к XVIII в., знает два таких вето: вето абсолютное, или безусловное, при котором монарху предоставляется полное право неутверждения закона, т. е. фактической его отмены, и вето суспенсивное, или относительное, или, как иногда называют, задерживающее, т. е. лишь приостанавливающее проведение закона в жизнь; в таких случаях оговаривается, при каких условиях закон вступает в силу несмотря на вето монарха.

Прения по этому вопросу происходили 1 сентября, когда о королевских санкциях заговорил Рабо Сент-Этьен и когда Мирабо произнес речь в защиту абсолютного вето короля, однако большинством своим собрание приняло, несомненно, в рамках буржуазной государственности, более демократическое решение, предоставлявшее королю лишь суспенсивное вето, сила которого должна была прекратиться, «если две законодательные палаты, следующие за той, которая представила данный декрет, снова представят последовательно тот же самый декрет и в тех же самых выражениях»¹⁾.

Кроме того само собою подразумевалось, что на представленные королю конституционные статьи вето никак не может распространяться, потому что это был именно конституционный закон, а «конституция предшествует монархии». И вдруг 5 октября, как было уже сказано, король стал влиять и заявил об оговорках.

Как только Робинэ стало об этом известно в Ренне, он немедленно выпустил очередное, XIII письмо под названием «О послании короля от 5 октября»²⁾. «Письмо» это было как бы адресовано Рабо Сент-Этьену.

Это краткое, всего на пять страничек, «письмо» заслуживает особого внимания. В Национальном собрании спорили о том, какое вето предоставить королю — абсолютное или суспенсивное. Робинэ же выступил решительно против какого бы то ни было королевского вето³⁾. Обоснование этого у Робинэ чрезвычайно кратко и сжато: вся законодательная власть принадлежит нации; если королю предоставить вето, хотя бы и суспенсивное, это будет означать, что он вправе обсуждать закон, искать аргументы за и против него, а такое обсуждение составляет прерогативы законодательной власти.

Отрицание Робинэ какого бы то ни было королевского вето является, несомненно, уже буржуазно-демократической тенденцией. Известно ведь, что и в буржуазных республиках XIX в. право вето признается за президентами. Вместе с тем позиция Робинэ означает весьма последовательное проведение принципа разделения властей, поскольку у носителя исполнительной власти отнимается последняя возможность влиять на власть законодательную.

¹⁾ А. Олар. *Op. cit.*, стр. 39.

²⁾ Lettre XIII. A M. Rabot de Saint-Etienne. Sur la lettre du roi 5 octobre. A Rennes le 13 okt. 1789.

³⁾ Напомним, что о «неудобствах задерживающего королевского вето» писал в октябре 1789 г и Марат.

V

Буржуазно-демократические тенденции в сильнейшей степени проявляются у Робинэ и тогда, когда он обсуждает в своих «письмах» вопросы, касающиеся непосредственно Национального собрания. Это тем более интересно, что в подобных случаях Робинэ расходится с собранием, политическая линия которого его уже не удовлетворяет.

Первый из таких вопросов — это вопрос о природе депутатских полномочий. Ему посвящено «письмо» XIV, адресованное аббату Сийесу и изданное Робинэ под названием «О природе полномочий депутатов, данных им их доверителями»¹).

В этом «письме» Робинэ полемизирует с Сийесом, точка зрения которого сводится к тому, что каждый депутат — уполномоченный нации в целом. Это типичная презумпция буржуазного государственного права, по существу делающая депутатов-парламентариев совершенно независимыми от своих избирателей на все время депутатских полномочий и освобождающая их от всякой ответственности. Презумпция эта означает, далее, то, что, избирая раз в несколько лет состав законодательного собрания, нация фактически отказывается в пользу него от принадлежащей ей как суверену законодательной власти. Именно с этим и не может согласиться Робинэ.

Стоя сам обеими ногами на почве буржуазной государственности, он, однако, не хочет мириться с такой презумпцией, усматривая в ней аристократическое начало. В противовес Сийесу Робинэ выдвигает начало буржуазно-демократическое, преследующее одну цель; и при наличии такого представительного учреждения, каким является законодательная палата, Робинэ не хочет полностью передоверять ему законодательную власть. Робинэ стремится возможно теснее связать депутатов с избирателями и сделать первых реально ответственными перед вторыми. Поэтому-то в противоположность Сийесу Робинэ утверждает, что каждый отдельный депутат — уполномоченный или доверенный не всей нации, а лишь своего баляжа. В терминах буржуазной науки государственного права Робинэ стоит за императивный мандат, в то время как Сийес высказывается против него.

Если принять точку зрения Сийеса, то, по Робинэ, депутаты будут осуществлять не волю своих избирателей и не волю нации, а лишь свою собственную. Воля нации, пишет он, еще не высказана, а Сийес уже запрягает депутату прислушиваться к мнению своего баляжа.

Сийес говорил, что решение не принадлежит и не может принадлежать никому другому кроме Национального собрания. Робинэ соглашается с ним, поскольку Национальное собрание является представительным учреждением, но он вносит весьма существенную поправку, разрушающую всю концепцию Сийеса: для Робинэ Национальное собрание есть лишь депозитарий, т. е. хранитель воли нации, т. е. вотумов, принятых в муниципалитетах и баляжах. В противном случае оно выродится в собрание нескольких сот аристократов, осуществляющих свою личную волю.

Повидимому, Робинэ считал эти вопросы чрезвычайно важными. В следующем же «письме», изданном через несколько дней после предыдущего, он вновь возвращается к ним, расширяя и углубляя свою точку зрения. Он дает «письму» более широкий заголовок: «О национальном представительстве»²). Буржуазно-демократические тенденции здесь еще более ярки.

¹) Lettre XIV. A M. l'abbé Seyes Deputé de la ville de Paris. Sur la nature des mandats, donnés aux députés par leur commettants. A Rennes, le 16 okt. 1789.

²) Lettre XV. A M. le Chapelier. Sur la représentation nationale. A. Rennes, le 24 oct. 1789.

Робинэ начинает с поистине метафизической проблемы буржуазного государствоведения, с выяснения понятия национальной воли. Известно, что Руссо много бился над выяснением отличия «общей воли» от «воли частной» и «общей воли» от «воли всех». Все его формальные определения (частная воля — воля индивида как человека, а общая — его же, но как гражданина; воля всех — сумма воли отдельных людей, а общая воля есть воля, преследующая лишь общие интересы) несколько не помогали делу именно потому, что были формальны, и потому, что весь вопрос ставился в буржуазно-идеалистической плоскости. Затруднения выступали с особой силой, когда нужно было практически выяснить, какова же «всеобщая воля» по тому или иному вопросу. Решение, предложенное Руссо, более остроумно нежели правдоподобно. Как известно, Руссо писал: «Когда предлагается закон в собрании народа, то их спрашивают вовсе не о том, одобряют ли они предложение или отвергают его, но согласна ли это предложение с общей волей, которая есть и их воля, или нет: каждый, подавая свой голос, высказывается по этому вопросу, и из подсчета голосов вытекает изъяснение общей воли»¹⁾. Но тот же Руссо противоречил себе, когда в другом месте, гораздо более в духе своей доктрины, писал: «Суверенитет не может быть представлен по той же самой причине, по которой он не может быть отчуждаем. Он заключается исключительно в общей воле, а воля не может быть представлена; это или та же самая воля, или другая; середины здесь нет. Народные депутаты не суть и не могут быть представителями народа; они только его комиссары»²⁾, т. е. лица, получившие определенные поручения.

Именно к последнему тезису примыкает и Робинэ. Смысл этого тезиса — в прямом проведении принципа буржуазной демократии. Подобно тому как нация, единственный носитель суверенной власти, не может ни на иоту передать ее королю, не может она передать эту власть и Национальному собранию. Ее уполномоченные там — лишь комиссары, или доверенные, по терминологии Руссо, лишь депозитари, т. е. хранители воли нации, по терминологии Робинэ.

Забота Робинэ поэтому заключается в том, чтобы не позволить депутатам Национального собрания оторваться от избирателей. Соответственно этой установке он и дает свое определение «национальной воли». Понятие национальной воли, говорит он, имеет несколько толкований. Согласно первому из них, это воля избирателей, лишь возведенная депутатами; согласно второму толкованию, это воля депутатов, огражденная от всякого влияния избирателей; третьи, наконец, добавляют еще волю монарха.

Робинэ решительно несогласен ни со вторым, ни с третьим толкованиями; он всецело разделяет первую концепцию. Национальное собрание для него — только передаточная инстанция, «поскольку нельзя собрать в одно место 25 миллионов избирателей»³⁾. Он приводит использованный уже однажды аргумент: нельзя желать за другого, думать за другого.

Итак, избиратели лишь доверяют депутатам высказать свою волю. Депутат Национального собрания — не оратор на общественной площади; последний говорит от своего имени, первый — от имени своих избирателей. В этом отношении депутат подобен послу при иностранном дворе, ибо посол тоже говорит не от своего имени, но от имени своего двора.

¹⁾ Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре», стр. 183. СПб. 1907.

²⁾ Там же, стр. 163.

³⁾ До нас не дошло никаких указаний по вопросу о том, стоял ли Робинэ за цензовое или всеобщее избирательное право. Однако приводимая им цифра 25 млн. избирателей, имея в виду количество народонаселения во Франции в конце XVIII в., определенно говорит о его склонности к всеобщему избирательному праву. В таком случае его буржуазно-демократические тенденции находят новое подтверждение.

Такое решение проблемы природы депутатских полномочий влечет за собой определенное решение и еще одного вопроса — вопроса о сроке и длительности депутатских полномочий. Национальное собрание приняло двухгодичный срок. Этот же срок был принят в конституции 1791 г. Образцом (не в смысле срока, а в смысле периодичности) послужила Англия.

Исходя из своих приведенных выше радикальных установок, Руссо зло издевался по этому поводу: «Английский народ считает себя свободным; он горько ошибается; он свободен только во время выборов членов парламента; как только они выбраны, он становится рабом, он — ничто. То применение, которое он делает из своей свободы в краткие моменты пользования ею, заслуживает того, чтобы он ее терял»¹⁾.

Как мы видели, Робинзэ в этом отношении разделял позиции Руссо. Практически это приводило его к выводу о непрерывно действующем Национальном собрании без периодических выборов и о праве избирателей отзываться своих депутатов, если эти последние расходятся с ними. В таких случаях, как и в случаях смерти, депутатов избиратели посылают новых. В качестве ли «обоснования» или аналогии Робинзэ приводит естественно-научный образ. «Как в природе, — пишет он, — виды вечно продолжают в силу непрерывного ряда индивидов и беспрестанной замены рождающихся и умирающих людей, точно так же и национальное представительство будет всегда существовать в силу непрерывного потока депутатов». Для знакомых с дореволюционными философскими сочинениями Робинзэ ясно, что в целях объяснения явления социально-политического он, в духе вообще французского материализма XVIII в., привлек в данном случае свою старую, натур-философскую идею о естественной градации форм и естественном законе непрерывности.

Последняя идея Робинзэ, высказанная им в «письме» XV, — это идея равного избирательного права пропорционально количеству населения.

Буржуазно-демократическая тенденция налицо во всех этих взглядах. Однако мы говорим только о тенденциях, потому что помним одобрение Робинзэ финансовой политики Неккера и имеем в виду тот некоторый дух провинциализма и связанного с ним партикуляризма, который пробивается у Робинзэ несмотря на все его декламации по поводу «национального духа» и «национальной воли». Между тем провинциальный партикуляризм политический в лучшем случае был тормозом революции, а зачастую означал прямо враждебные ей силы. Это сказалось в ряде провинций, например в Лангедоке и Бретани, когда Национальное собрание приняло закон о новом административном делении государства и, соответственно, о коренной реорганизации местных органов власти.

Не забудем, что Ренн, в котором жил Робинзэ, находится в Бретани, правда, в восточной ее части, более тяготевшей к внутренней Франции чем к побережью. Вплоть до революции здесь сохранились остатки стародавней самостоятельности в лице провинциальных штатов и парламента. Почти исключительно земледельческая страна, Бретань долго сохраняла дворянско-помещичьи привилегии. Крестьянская собственность была здесь ничтожна, а сеньериальные повинности и платежи тяжелы. Этими особенностями объясняются сила дворянства и частые крестьянские восстания, одно из которых в форме жакерии имело место еще в 1790 г.

По новому закону, Бретань переставала существовать как почти автономная провинция и должна была быть разделена на пять департаментов. Этот закон имел большое политическое значение, собирая всю Францию в единое тело под эгидой Национального собрания.

¹⁾ Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре», стр. 163.

Решительно выступая, как мы видели, за полную ликвидацию феодальных пережитков, Робинэ, тем не менее, объективно оказался во власти провинциального партикуляризма. Его специальное «письмо» по этому поводу — «письмо» XVIII — было адресовано «господам из комитета по вопросам конституции». От имени этого комитета 22 октября 1789 г. Туре представил разработанный аббатом Сийесом проект о новом административном делении Франции, над которым комитет работал два месяца. «Письмо» Робинэ датировано 9 ноября 1789 г.¹⁾

Робинэ удивлен столь странной, предложенной комитетом дислокацией. Он спрашивает, почему в основу администрирования положено чисто территориальное, физическое, как он выражается, деление, когда это вопрос политики, законодательства, управления. Где это видано в природе, спрашивает старый натурфилософ, чтобы целое тело состояло из равных частей? Если бы было так, — в природе не было бы никакой гармонии. Вы освободили народ, обращается он, очевидно, к членам собрания, от двух чудовищ: феодальных повинностей и церковной десятины, но вы хотите сделать нечто более опасное. Разве, спрашивает он наивно, старые названия — Дофинэ, Лангедок и другие — менее конституционны, менее политичны чем департамент, дистрикт, кантон? Вы говорите с подчеркиванием: «Нет больше провинций», — но вам отвечают: «Есть департаменты». В конце концов Робинэ нащупывает истинную политическую причину мероприятия. Не нужно нового деления, пишет он, чтобы уничтожить дух партикуляризма; он уже исчез, он заменен национальным духом. Не нужно, наконец, убеждает Робинэ, пугаться множества отношений и связей: военных, финансовых, административных, судебных, торговых. Многие из них неизмеримы и не поддаются простым арифметическим операциям. Великая задача законодателя — сделать так, чтобы все они были согласованы и чтобы главный двигатель заставил их работать воедино.

Делать из этих возражений Робинэ относительно нового административного деления Франции вывод, что с ноября 1789 г. он отошел от революции, совершенно не верно, потому что в «письме» XX, изданном 18 декабря и уже нами цитированном, он как раз груду выступает на защиту революции против некоего реакционера, советника парламента. По всей видимости, в письме XVIII мы имеем дело с хотя и политическим, но частным несогласием Робинэ с линией Национального собрания.

К сожалению, мы не располагаем «письмами» Робинэ после февраля 1790 г. Неизвестно, как воспринимал он дальнейшее развитие революционных событий. Возможно, что с углублением ее, с переходом к якобинской диктатуре он отошел от революции. Такое предположение мы высказали и в начале статьи.

В дальнейшем своем течении к апогею Французская революция конца XVIII в. оказалась экзаменом для всех классов тогдашней Франции. Держала этот экзамен и буржуазия. Результаты известны. Революционная во второй половине XVIII в., когда она еще только шла к власти в борьбе с абсолютистско-феодальным строем, вооруженная наиболее революционным по тому времени философским учением — французским материализмом, буржуазия быстро утратила свои материалистические позиции и растеряла революционные установки, как только оказалась лицом к лицу с новым классом, будущим могильщиком буржуазно-капиталистического режима. Эта ее трансформация должна была иметь свое начало, и начало это должно быть отнесено уже к годам самой революции.

¹⁾ Lettre XVIII. A messieurs du Comité de constitution, Sur le plan de division du Royaume. A Rennes, le 9 nov. 1789.

Вместе со своим классом мог и должен был проделать эволюцию и Робинз. Имевшиеся в нашем распоряжении и рассмотренные нами документы дают материал лишь в отношении первых шагов революции, когда она всем существом своим принялась за выкорчевывание устоев феодально-абсолютистского строя. Испытание этой фазы революции Робинз выдержал с честью. Он выявил себя так, как и следовало ожидать от материалиста с традициями 60—70-х годов истекавшего столетия, — как буржуазный революционер с значительными буржуазно-демократическими тенденциями. Его политические взгляды, его деятельность в 1789 г. являются естественным и достойным завершением его философской деятельности 60-х годов. В остальном и последующем ему довелось, по всей вероятности, разделить судьбы своего класса, но это относится уже к иной эпохе, к началу XIX в. Робинз же весь со своими философскими идеями, со своими политическими взглядами принадлежит целиком XVIII в. В перспективе этого века с его классовыми отношениями, битвами и идеями только и можно рассматривать Робинз.

Э. Б. де Кондильяк и его „Трактат об ощущениях“

Е. Ситковский

История новой философии открывается в начале XVII в. почти одновременно на английских островах Фрэнциском Бэконом и на европейском континенте Рене Декартом.

В своих философских произведениях и Бэкон и Декарт отразили потребности капиталистического развития, интересы поднимающейся буржуазии.

И «Новый орган» Бэкона и «Рассуждение о методе» Декарта расчищали в борьбе с феодально-схоластическим мировоззрением пути прогрессирующей буржуазной науке.

Однако различие уровня капиталистического развития тогдашней Англии, с одной стороны, и Франции—с другой, выразилось в глубоком различии философских направлений, основанных Бэконом и Декартом.

Английская буржуазная философия началась выступлением Бэкона с самостоятельной философской программой в тот период, когда развитие капитализма в Англии уже сделало значительные успехи, когда буржуазия уже сумела в значительной степени эмансипироваться экономически и идеологически, когда дух капиталистического предпринимательства, торговли, производства был уже настолько в центре общественной жизни, что не мог не найти себе выражения и в философских учениях и направлениях.

Бэкон развивает на материалистической основе систему эмпиризма. В английской философии создается прочная традиция эмпиризма. Бэкона поддерживает затем Локк, уточняющий его эмпиризм в смысле превращения его в сенсуализм. После Локка эмпиризм развивают английские материалисты Толанд, Гартли, Пристли, различные школы английских моралистов, наконец, идеалист Беркли и скептик Юм.

Буржуазия европейского континента в лице Декарта создала философскую систему еще при неразвитых (сравнительно с Англией) капиталистических отношениях. Феодализм тогда еще господствовал безраздельно, а буржуазная революция во Франции ставилась в порядок дня через полтора—два столетия. Буржуазия была слаба: ее идеология находилась в сильнейшей зависимости от феодально-схоластического мировоззрения. Потребности развития буржуазной науки (математики, механики, физики) выражались в густой оправе теологии.

Декарт выступает в своей метафизике не как материалист, а как дуалист, не как эмпирист, а как метафизик-рационалист. Вслед за Декартом на европейском континенте создается прочная метафизическо-рационалистическая традиция. Господствуют различные ответвления картезианства (картезианская физика, окказионализм Гайлинкса и Мальбранша). Создается новая грандиозная метафизическо-рационалистическая система Лейбница, последователи которого во главе с Вольфом полонили до конца

XVIII в. всю Германию. Даже в такой передовой капиталистической стране той эпохи, как Голландия, традиция метафизики и рационализма находит выражение и развитие в системе Спинозы.

И английский эмпиризм и метафизика Декарта—Спинозы—Лейбница были прогрессивны, были формой, в которой развивалось в то время передовое научное знание. Но все же несомненно то, что эмпирическая теория познания более соответствовала задачам развития науки, чем метафизика и рационализм, содержавшие в себе элементы, сковывавшие научное развитие, привязывавшие его к отжившим теологическим взглядам и проблемам.

И сама метафизическая спекуляция рационализма, и вытекающая из нее ненаучная полубогословская тематика (естественная теология, рациональная психология и космология), и терминология находились на весьма далеком расстоянии от изучения природы, от физики, механики, делающей первые шаги физиологии человека. Достаточно напомнить то обстоятельство, что Декарт, отделив свою материалистическую физику от метафизики, вынужден был стать на путь непоследовательности, а Спиноза с величайшим напряжением мысли ввел свою материальную субстанцию в рамки метафизическо-рационалистической методологии и теории познания.

К тому же к началу XVIII столетия естествознание вообще выделяется из философии. Поэтому если в XVII столетии метафизика еще заключала в себе «положительное земное содержание» и «делала открытия в математике, физике и других точных науках», то в начале XVIII в. эта связь метафизики с естествознанием была уничтожена: метафизика выродилась, стала плоской¹⁾. Между тем английский эмпиризм как нельзя более соответствовал тому классификационному периоду, который переживало естествознание в XVII и XVIII вв.

Капиталистическое развитие во Франции к половине XVIII в. делает большие успехи. Окрепшая экономически, французская буржуазия уверенно идет к буржуазной революции 1789 г. Подобно тому как раньше в Англии, так теперь и во Франции в центре идеологической жизни буржуазии становится практика капиталистического предпринимательства. Метафизике приходит конец. Жизнь тогдашней французской буржуазии, говорит в «Святом семействе» Маркс, «была направлена на непосредственную действительность, на мирское наслаждение и мирские интересы, на земной мир. Ее, антитеологической, антиметафизической, материалистической практике должны были соответствовать антитеологические, антиметафизические материалистические теории. Метафизика практически потеряла всякий кредит»²⁾.

Во Франции возникает мощное просветительное движение, заполняющее всю предреволюционную эпоху. Развитие философской мысли совершает гигантский взлет. И проходит оно под знаменем борьбы с метафизикой XVII в. на основе и под лозунгами английского материализма и эмпиризма. Положительные, естественно-научные элементы метафизики XVII в. (физика) сохраняются, но «пьяной спекуляции» этой метафизики противопоставляется философия «здорового смысла», разработанная Локком.

«Чувствовалась необходимость, — говорит Маркс, — в такой книге, которая привела бы в систему тогдашнюю жизненную практику и дала бы ей теоретическое обоснование. Сочинение Локка о «Происхождении человеческого рассудка» очень кстати явилось с того берега пролива. Оно встречено было с энтузиазмом как давно и страстно ожидаемый гость»³⁾. Английский материализм и эмпиризм одержали первую победу над метафизикой и рационализмом XVIII в. и начали укореняться на европейском континенте.

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 155—156.

²⁾ Там же, стр. 155.

³⁾ Там же, стр. 156.

Вольтер, Ламеттри, Дидро, Даламбер и среди них Кондильяк были первыми, кто вместе и одновременно переносили на французскую почву идеи Локка. Среди них Кондильяк, несомненно, более всех других потрудился над этой специальной задачей переноса во Францию сенсуализма Локка. Маркс в «Святом семействе» указывает на это обстоятельство, когда говорит: «Непосредственный ученик и французский истолкователь Локка, Кондильяк, немедленно направил локковский сенсуализм против метафизики XVII столетия. Он доказал, что французы с полным правом отвергли эту метафизику как простой и неудачный плод воображения и теологических предрассудков. Он обнародовал труд, в котором опровергал системы Декарта, Спинозы, Лейбница и Мальбранша»¹⁾.

Французский философ-сенсуалист XVIII в. Этьен Бонно де Кондильяк родился в 1715 г. в Гренобле, в семье обедневшего дворянина. Как и его старший брат, философ-моралист, писавший в духе, близком Руссо, аббат Габриэль Бонно Мабли (родился в 1709 г.), Этьен Бонно де Кондильяк получил духовное образование и по окончании его получил звание аббата. Фактически ни Мабли, ни сам Кондильяк никогда функций священнослужителей не выполняли, нося звание аббата лишь в знак принадлежности к дворянскому сословию, что практиковалось в то время в обедневших дворянских семьях.

Около 1745 г. Кондильяк приезжает в Париж. Здесь он знакомится с Руссо и Дидро, вступает с ними в дружеские отношения, особенно с Дидро, хотя к движению энциклопедистов все же не примыкает. Точно так же Кондильяк становится «своим человеком» среди физиократов. Физиократы Кенэ, Мирабо, Летрон считают его «своим», хотя и к физиократическому кружку Кондильяк примыкает не целиком, сохраняя самостоятельность своих взглядов.

Некоторое время спустя Кондильяк получает предложение стать воспитателем внука Людовика XV, инфанта Пармского, дона Фердинанда. Это предложение, отклоненное раньше его братом Мабли, Кондильяк принимает и на некоторое время выбывает из Франции.

По возвращении во Францию в 1768 г. Кондильяк избирается членом Французской академии. Вольтер приветствует избрание Кондильяка, говоря, что «Кондильяк, по достоинству его идей, есть один из первых людей Европы. Он написал бы опыт Локка о человеческом уме, если бы не написал его сам Локк, и с божией помощью он сделал бы его короче»²⁾. Надо отметить, что Кондильяк потом ни разу не присутствовал на заседаниях Академии. Кондильяк умер в 1780 г. в своем имении, близ Божанси.

Литературная деятельность Кондильяка началась в 1746 г., когда он выпустил свой первый труд «Очерк происхождения человеческих знаний». Этот первый труд Кондильяка представляет собой изложение «Опыта о человеческом разуме» Локка. Исчерпывающая его характеристика дана у Маркса. «В своем произведении «*Essai sur l'origine des connaissances humaines*», — говорит Маркс, — он развивал точку зрения Локка, доказывая, что не только душа, но и чувства, не только искусство создавать идеи, но и искусство чувственного восприятия составляют дело опыта и привычки. От воспитания и внешних обстоятельств зависит поэтому все развитие человека»³⁾.

Появлению в свет своего первого сочинения Кондильяк в значительной степени был обязан Дидро. В это время Дидро, Руссо и Кондильяк бродили по

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 158—159.

²⁾ Геттнер «История всеобщей литературы XVIII в.». Т. II, стр. 329.

³⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 159.

Парижу без средств к существованию, и Дидро уговорил одного книгопродавца дать Кондильяку сто крон за рукопись его первой работы и издать ее¹⁾.

В 1749 г. Кондильяк выпускает тот трактат против метафизики, о котором упоминает в «Святом семействе» Маркс. В этом трактате Кондильяк проводит различие между тремя видами метафизики. Один из них в качестве исходной точки принимает общие, отвлеченные принципы. К этому виду метафизики Кондильяк относит философию Декарта, Лейбница, Спинозы и Мальбранша. Их метафизика, по мнению Кондильяка, не выдерживает критики, так как пытается исходить из того, что фактически является результатом знания. Другой род метафизики исходит из недоказанных положений, гипотез. Но и гипотезы не могут быть основой истинной философской системы.

Обоим этим видам метафизики Кондильяк противопоставляет третий, к которому он причисляет и свою философию. Она опирается на факты и проверенные наблюдения.

В 1754 г. Кондильяк выпустил свой основной труд «Трактат об ощущениях».

Резкая защита сенсуализма Локка, притом в живой, оригинальной форме, парадоксальность некоторых собственных взглядов Кондильяка и исправлений, вносимых им в учение Локка, способствовали славе Кондильяка.

Однако не обошлось дело и без неприятностей: Кондильяку было брошено обвинение в плагиате у Дидро.

Дело в том, что мысль об исследовании в отдельности каждого человеческого чувства под тем углом, что оно вносит в познание, которую развивает Кондильяк в «Трактате об ощущениях», еще в 1751 г. была высказана Дидро в его «Письме о глухонемых». В этом письме Дидро предлагал «разложить человека и посмотреть, что он извлекает из каждого органа чувств, имеющегося у него». В связи с этим в шутливой форме Дидро предлагал создать общество из людей, каждый из которых обладал бы только одним чувством. «Этот народ, — писал Дидро, — неизбежно распался бы на пять сект: секту глаз, секту носов, нёб, ушей и рук; у всех этих сект были бы одно и то же происхождение, невежество и интересы; дух нетерпимости и преследования забрался бы вскоре к ним; глаза были бы посажены в сумасшедший дом как галлюцинанты, к носам относились бы как к идиотам, нёб избегали бы как невыносимых по своим капризам и мнимой утонченности людей; уши ненавидели бы за их любопытство и надменность, а руки презирали бы за их материализм. А если бы какая-нибудь высшая сила помогала справедливым и милосердным намерениям каждой партии, то в одно мгновение весь этот народ был бы истреблен»²⁾.

Обвинение Кондильяка в плагиате было быстро ликвидировано прежде всего потому, что лично Дидро этого обвинения против Кондильяка не выдвигал. Сам Кондильяк указывал на то, что остроумная, полная грациозной художественности мысль сделать статуей персонажем «Трактата об ощущениях» была подана Кондильяку еще до выхода в свет «Письма о глухонемых» его близким другом m-lle Ферран, имя которой упоминается в «Трактате об ощущениях». Кондильяк указывает там же, что этот факт был известен Дидро: «Некоторые лица знали даже, что это было темой трактата, над которым я работал тогда, и автору «Письма о глухонемых» это не было неизвестно».

Кондильяк указывал затем на то, что он расходится в некоторых взглядах с Дидро; для доказательства этого он приложил к новому изданию

¹⁾ Морлей «Дидро и энциклопедисты», стр. 59.

²⁾ См. приложение к «Трактату об ощущениях» Кондильяка. Перев. П. Юшкевича. Соцэкгиз. 1935.

«Трактата об ощущениях» большую цитату из «Письма о глухонемых» Дидро.

Вместе с тем Кондильяк указывал и на то, что самая идея разложения человека на составляющие источники его познания — отдельные чувства — не была совершенно новой и носилась в то время в воздухе. «Гораздо легче было бы, — писал Кондильяк, — объяснить это совпадение, чем ответить, почему этот вопрос не был исследован еще раньше. Ведь мысль о разложении человека должна была бы, казалось, возникнуть в уме всех метафизиков»¹).

Розенкранц, биограф Дидро, относит к числу предшественников статуи Кондильяка героя романа «*Philosophus autodidactus*» арабского писателя Ибн-Туфейля. Роман этот был, повидимому, известен и Дидро и Кондильяку. В нем описано вскормленное серной человеческое существо, мало-помалу приходящее к сознанию всех отличительных особенностей, которым одарены его чувства²).

Аналогичная идея встречается также у отца церкви Арнобия. «Блестящую гипотезу» Арнобия приводит Ламеттри в своем «Трактате о душе» (вышел в 1745 г.). В полутемном изолированном подвале лет до 30—40 воспитывается человек. Если даже он происходит из расы Платона или Пифагора, этот человек оказывается, говорит Арнобий, «более глупым чем животное», и «обнаружит не больше чувств чем дерево или камень»³). Бюффон в «Естественной истории человека» (вышла в 1749 г.) тоже выдвигает идею — избразить человека таким, «каким он был в момент творения».

Сюда же следует отнести многочисленных исследования всякого рода глухонемых, прозревших и незрячих слепых, всякого рода диких людей, вроде того человека из литовских лесов, о котором говорит в «Трактате об ощущениях» Кондильяк. Подобного рода примерами полны работы Дидро, Гельвеция, Робинэ и других авторов XVIII в. во Франции и в Англии. Все они являются родственниками статуи Кондильяка.

Наконец, сам Кондильяк еще в своей первой работе «Очерк происхождения человеческих знаний» (1746 г.) высказал мысль о человеке, не получающем еще никаких чувственных впечатлений, перед которым впервые является мир.

В 1755 г. Кондильяк выпускает «Трактат о животных». Это сочинение Кондильяка направлено против Бюффона, который перед тем неблагоприятно отозвался о «Трактате об ощущениях». «Трактат о животных» является непосредственным продолжением и завершением «Трактата об ощущениях». Он интересен в том отношении, что уточняет некоторые метафизические точки зрения Кондильяка: о божестве, о соотношении души и тела. В 1769 г. Кондильяк начинает выпускать большое 13-томное собрание своих уроков принцу Пармскому. В 1775 г. выходит его экономическая работа «Промышленность и государство в их взаимоотношениях», вызвавшая возмущение со стороны физиократов.

После смерти Кондильяка, в 1781 г., вышла его «Логика», написанная для школ по поручению польского правительства, и в 1789 г. — работа по философии математики «Язык исчислений». Кроме перечисленных работ Кондильяка в 1749 г. им был выпущен эстетический трактат «Исследования о происхождении наших идей о красоте».

Первоначальное философское образование Кондильяк получил в духе Декарта. Под влиянием английского эмпиризма Кондильяк довольно быстро отошел от метафизики Декарта, став ее резким противником. Историки фи-

¹) Кондильяк «Трактат об ощущениях». Перев. П. Юшкевича. Соцэкгиз 1935.

²) Diderot's Leben und Werke. B. I. S. 106.

³) Ламеттри. Избр. соч., стр. 135 — 136. 1924.

лософии указывают на то, что у Кондильяка есть учение о двух субстанциях и считают это непреодоленным дуализмом Декарта.

Это неверно. Если у Кондильяка и есть некоторые элементы из метафизики XVII в., то главным образом в том виде, в котором они имеются у главного учителя Кондильяка — у Локка.

Локк считал, что чувственные качества имеют в роли подпорки две субстанции: телесную и духовную, которые в себе непознаваемы и не открываются нам нашим чувственным знанием.

То же положение развивает и Кондильяк. Он утверждает наличие двух субстанций: души нематериальной, простой и неделимой, являющейся субъектом психической деятельности человека, и тела — субстанции протяженной, данной в теле человека и в вещах объективного мира. Кондильяк не считает возможным, чтобы материя ощущала или мыслила. В своем «Трактате о животных» он доказывает, что деятельность ощущений, к которой сводится, согласно Кондильяку, душа, необязательно связана с органами чувств. Последние являются только случайной причиной или телесным орудием ощущений. До грехопадения душа переживала ощущения без органов чувств, и после смерти она также будет ощущать без них. Отсюда вывод: «Тело можно определить, — говорит Кондильяк, — как субстанцию протяженную, а душу — как субстанцию чувствующую. Поэтому стоит только принять во внимание, что протяжение и чувство есть два несовместимых свойства, чтобы быть убежденным в том, что субстанция души и субстанция тела суть две совершенно различные субстанции»¹⁾.

Точно так же, как и у Локка, у Кондильяка обе субстанции — душа и тело — непознаваемы. «То, что мы называем субстанцией, т. е. субъектом или подпоркой качества, — говорит Кондильяк, — равно как и в том, так и в другом случае нам неизвестны»²⁾.

Кондильяк идет даже несколько дальше Локка в смысле развития агностических и феноменалистических тенденций. Локк все же был материалистом и, отрицая объективность вторичных качеств, признавал объективными первичные качества, не отрывая окончательно нашего познания от вещей.

Кондильяк, помимо учения у Локка, прошел также школу и у Беркли. Он вместе с Дидро штудировал работы Беркли еще в период их дружбы, когда Кондильяк издавал первые работы. В своем «Очерке происхождения человеческих знаний» и «Трактате о метафизике» Кондильяк выступает как правоверный последователь Локка. Но уже в «Трактате об ощущениях» он углубляет сенсуализм Локка по двум направлениям.

Локк утверждал, что все познание происходит из чувства, что нет ничего в интеллекте, чего не было бы в ощущении. В то же время он был настолько непоследователен, что допускал и второй источник познания, не зависящий от чувств и вытекающий из самостоятельной силы ума, — рефлексию. Локк отрывал сложные идеи от чувственного источника знаний, считая их опять-таки результатом собственной деятельности разума. Наконец, Локк приписывал воле самостоятельную, не зависимую от рассудка и чувств силу признавать или не признавать то, что неизбежно вытекает из установленного знанием.

В «Трактате об ощущениях» Кондильяк отбрасывает всякую, не зависящую от чувственности деятельность разума и воли. Всю духовную деятельность человека Кондильяк выводит исключительно из ощущений. Кондильяк выступает здесь сенсуалистом в большей мере чем Локк. Кондильяк с гораздо большим правом чем Локк мог бы формулировать основной тезис сенсуализма: «Нет ничего в интеллекте, чего не было бы ранее в ощущении».

¹⁾ Condillac «La logique».

²⁾ Там же.

Такой отказ от локковской рефлексии был у Кондильяка как будто бы материалистической тенденцией в развитии сенсуализма. Устраняется в теории познания идеалистический момент — не зависящая от чувств рефлексия. Это дает основание некоторым историкам сближать сенсуализм Кондильяка с материализмом. Так например Гогоцкий в своей статье о Кондильяке в «Философском лексиконе» говорит о том, что Кондильяк ближе к материализму, чем Локк, поскольку Кондильяк настолько сократил имманентную деятельность разума, «что оставалось еще сделать небольшое движение вперед — и материализм был готов»¹).

Куно Фишер в работе о Бэконе говорит, что из сенсуализма Кондильяка оставалось сделать один вывод: «материализм в голом виде». Этот вывод и сделали Ламеттри и Гольбах, а не сам Кондильяк²).

По такой же линии, что и Кондильяк, развивал сенсуализм Локка английский материалист Гартли, очень близкий к Кондильяку. По этому же пути шли Дидро, Гельвецкий, Ламеттри, Робинз, устранившие не зависимую от чувств рефлексия Локка и считавшие интеллект всего лишь шестым чувством. «Сколько выдающихся философов доказали, что мысль представляет собой только способность чувствовать и что мыслящая душа есть не что иное, как чувствующая душа», — писал Ламеттри³). Дидро называл интеллект шестым чувством, а Робинз шел дальше всех и искал физический орган интеллектуальной деятельности, аналогичный органам зрения, осязания, обоняния и прочих чувств. Он находил этот орган в особом роде «интеллектуальных фибрах», пронизывающих тело человека.

Замечательно было здесь еще и то, что Кондильяк жил и писал в такой век французской истории, когда борьба против метафизики, за развитие эмпиризма и сенсуализма неизбежно должна была лить воду на мельницу материализма как доминировавшего тогда во Франции философского направления. Кондильяк своей защитой сенсуализма принес большую пользу развитию материализма во Франции и, несомненно, по этой причине вошел в историю материализма. Не случайно поэтому Маркс, не называя Кондильяка материалистом, в то же время отводит ему почетное место в своем очерке Французского материализма в «Святом семействе».

Все же в той защите и том развитии сенсуализма Локка, которые проводит Кондильяк, было нечто отличное от Дидро, Гельвеция, Ламеттри и других материалистов. Это отмечали наиболее дальновидные из французских материалистов, современников Кондильяка, например Дидро в «Письме о слепых в назидание зрячим»⁴). Критику Кондильяка со стороны Дидро отмечает Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме». Ленин указывает, что Дидро «отмечает сходство послылок идеалиста Беркли и сенсуалиста Кондильяка. Кондильяку следовало бы, по его мнению, заняться опровержением Беркли, чтобы предотвратить такие абсурдные выводы из взгляда на ощущения, как на единственный источник наших знаний», которые делает Беркли⁵).

Ощущение есть единственный источник наших знаний — в этом сенсуализм прав. «Первая посылка теории познания, — говорит Ленин, — несомненно, состоит в том, что единственный источник наших знаний — ощущения». Но в то же время, говорит Ленин, «и солипсист, т. е. субъективный идеалист, и материалист могут признать источником наших знаний ощущения. И Беркли и Дидро вышли из Локка»⁶). Сенсуализм может быть развит не только по линии материализма, но и по линии идеализма.

¹) С. Гогоцкий «Философский лексикон, Кондильяк». Т. III, стр. 168.

²) Куно Фишер «Бэкон Веруламский», стр. 324. 1867.

³) Ламеттри. Избр. соч., стр. 223.

⁴) Дени Дидро. Избр. соч. Т. I. стр. 248 — 249. Изд. «Academia».

⁵) Ленин. Собр. соч. Т. XIII, стр. 28.

⁶) Там же, стр. 103.

Развивающий свой сенсуализм под несомненным воздействием Беркли Кондильяк не делает субъективно-идеалистических выводов из своего сенсуализма. Как мы видели, он не отрицает существования телесной субстанции. Он не отрицает ни существования тел, ни объективной протяженности. Он даже не отрицает возможности того, что те чувственные качества, которые мы приписываем телам, в действительности им присущи. Возможно, говорит Кондильяк, что тела «протяжены и даже обладают вкусами, звуками, цветами, запахами, но возможно, что в них нет ничего подобного. Я не защищаю ни одного из этих тезисов и я ожидаю, чтобы доказали, что тела суть то, чем они нам кажутся, или что они суть нечто иное»¹⁾.

Статуя Кондильяка не отрицает того, что вне ее существуют тела. Однако внутренняя природа этих тел ей неизвестна. «Какова природа этих вещей? Она не знает этого, да и мы тоже не знаем этого. Все, что мы знаем, — это что мы называем их телами».

Таким образом, вне статуи остаются непознаваемые вещи, а внутри ее — мир ощущений, являющихся собственными модификациями души, субъективными ощущениями статуи, поскольку, по Кондильяку, душа сводится к ощущениям.

И не только ощущения звука, запаха, цвета, дающие так называемые «вторичные качества», субъективны. Кондильяк дает в своем «Трактате об ощущениях» подробное доказательство того, как ощущение протяжения также возникает из собственной внутренней деятельности человеческой души. Ощущения запаха, звука не дают никакого представления о внешнем мире. Обладая только этими ощущениями, статуя живет только своей внутренней жизнью. Уже ощущения цвета и света дают понятие геометрической поверхности. Но только осязание — этот учитель зрения и всех прочих чувств — сообщает статуе о существовании внешнего мира.

По воззрениям Кондильяка, здесь и возникает ощущение протяжения, здесь же заключается одно из самых близких к Беркли положений философии Кондильяка. Кондильяк принимает теорию Беркли о том, что протяженность является комбинацией осязательного и в первую очередь зрительного, а затем и прочих ощущений.

Статуя, которая до того, как она получила чувство осязания, сохраняла свои ощущения — модификации чувствующей души — внутри себя. Теперь при помощи осязания она начинает эти же модификации как бы выносить за свои пределы, проецировать во внешний мир. Так например она как бы расстилает цвета вовне себя. Она комбинирует из различных ощущений качества вещей, кои и проецирует во внешний мир. «Наши ощущения, — говорит Кондильяк, — соединяются между собой вне нас, образуя столько совокупностей, сколько мы различаем чувственных предметов. Таким образом, если спросить, что такое тело, то на это надо ответить следующим образом: это та совокупность качеств, которые вы осязаете, видите и т. д., когда предмет имеется налицо, а когда предмет отсутствует, то это воспоминание о тех качествах, которые вы осязали, видели и т. д.»

Чувство осязания приучает статую относить модификации своей души к телам. Наделенная в конце «Трактата об ощущениях» всеми чувствами, статуя Кондильяка озирается на пройденный ею путь и размышляет. Она говорит себе: «Я ощущаю лишь себя, и именно то, что я ощущаю, я вижу вовне, или, правильнее, я не вижу вовне, но я составила себе привычку из некоторых суждений, переносящих мои ощущения туда, где они вовсе не находятся». На деле же «я вижу только себя, я наслаждаюсь только собой, ибо я вижу только свои собственные модификации; они моя единственная соб-

¹⁾ Кондильяк «Трактат об ощущениях». Далее цитаты из «Трактата об ощущениях» приводятся без сносок.

ственность». «Одним движением своих ресниц я творю или уничтожаю все окружающее меня».

Как мы видим, агностицизм приводит Кондильяка почти к субъективно-идеалистическим утверждениям. Дидро говорит: «Как правильно замечает автор «Опыта о происхождении человеческих знаний», мы можем подняться на небеса, мы можем спуститься в последние глубины, но мы никогда не выйдем из самих себя и всегда будем иметь дело с нашей собственной мыслью. У таков именно конечный вывод первого диалога Беркли и основа всей его системы»¹⁾.

Как известно, агностические высказывания имеются у всех французских материалистов. На основе этих высказываний Плеханов, а вместе с ним Деборин пытались сблизить французских материалистов с Кантом на общей почве агностицизма. Ленин дал этому отпор. Французские материалисты стоят на почве теории отражения, хотя и ограниченной созерцательностью и другими недостатками. Отдельные агностические высказывания Дидро, Гольбаха, Робинэ, Гельвеция отнюдь не характерны для их теории познания и направлены в большинстве случаев не на установление принципиальных границ познания в духе агностицизма, но скорее против всякого ограничения знания, критикуют лишь ограниченность, недостаточность достигнутой степени знания. Основному ядру французских материалистов свойственна бодрая вера в неисчерпаемую мощь человеческого разума.

У Кондильяка, без сомнения, мы имеем иное качество агностических высказываний. Они носят систематический характер и составляют существенный момент в его теории познания. Они отражают влияние Беркли и, возможно, Юма.

Но напрасно радовался бы какой-нибудь, скажем, махист: эмпириокритик, эмпириомонист или эмпириосимволист,—стараясь увидеть в Кондильяке субъективного идеалиста. Дело в том, что Кондильяк и не думает, как мы видели, отрицать бытие внешнего мира и материальных вещей. Он только отделяет показания наших чувств, считая их чисто субъективными, от этих вещей. Это не субъективный идеализм, а агностицизм.

Кондильяк — не материалист, но и не субъективный идеалист. В разрешении вопроса о соотношении духа и материи как субстанций он занимает дуалистическую позицию в духе Локка. В теории познания Кондильяк — сенсуалист, как определяет теорию познания Кондильяка в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин²⁾.

В истории французской философии XVIII в. сенсуализм Кондильяка играл определенную роль: он поставлял сенсуалистическое оружие для французского материализма. Вместе с тем сенсуализм Кондильяка не делает решительного шага ни в сторону материализма, ни в сторону идеализма. Он как бы останавливается на перепутье. Выражением этой позиции Кондильяка в теории познания и является его агностицизм. В теории познания Кондильяк — агностик. Из агностической позиции Кондильяка вытекают и феноменалистические мотивы, которые довольно широко представлены в «Трактате об ощущениях».

Основной целью «Трактата об ощущениях» является показать, что все человеческое знание и вся вообще духовная деятельность человека рождаются из ощущений. Ощущение — первый и единственный источник всякого знания, всякого проявления воли.

Из всех пяти чувств Кондильяк выделяет в качестве основного чувство осязания. Ни один из органов чувств, кроме осязания, не в состоянии вывести сознание статуи за пределы самого себя, во внешний мир. Если бы статуя, например, обладала только одним обонянием, она считала бы себя за-

¹⁾ Дени Дидро. Избр. соч. Т. I, стр. 249.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XIII, стр. 28.

пахом, видела бы в запахе свою внутреннюю сущность и не имела бы ни малейшего представления о том, что вне ее существует мир. Зрение точно так же само по себе не может вывести статую за пределы ее души. Оно сообщает статуе представление об окрашенных поверхностях, но мир окрашенных поверхностей статуя воспринимает как внутреннюю границу своего я, как своего рода стеклянный шар, за пределами которого нет ничего.

Органом чувства осязания является рука. Она сообщает статуе движение. При помощи руки статуя выходит за пределы своего внутреннего мира, в мир вещей. Ощупывая руками внешние предметы, мы убеждаемся в том, что вне нас существует не зависимый от нас протяженный мир.

Но этот мир сам в себе непознаваем. Его действительные цвета и краски, если таковые существуют, нам неизвестны. Здесь-то и проявляется определяющая роль осязания по отношению к остальным органам чувства.

Зрение сообщает статуе восприятия окрашенных в различные цвета поверхностей. Но первоначально, пока еще не действует чувство осязания, зрительное восприятие находится как бы на одной стороне светового луча, на той, которая непосредственно касается глаза, вроде того как наша рука касается только того конца находящейся в нашей руке палки, который непосредственно касается нашей руки. Зрительное восприятие находится как бы на поверхности зрачка.

Теперь на помощь зрительному восприятию приходит осязание. Человеческая рука схватывает различные части внешнего предмета, а суждение связывает эти осязаемые части предмета с различием цветовых впечатлений. Потом сознание вспоминает в одно мгновение все суждения, составленные одно за другим, и в нем возникает представление об определенной внешней фигуре, протяженной, окрашенной в цвета и т. д. Зрительное восприятие перемещается теперь как бы на другой конец светового луча—туда, где он касается внешнего тела, подобно тому как рука при помощи палки ощущает твердое или мягкое тело, которого касается другой конец палки.

Осязание приучает другие органы чувств переносить свои впечатления вовне. «Рука водит кистью, когда глаза начинают выносить наружу свет и цвета, ощущавшиеся ими первоначально в самих себе. Они начинают видеть там, где они должны находиться по указанию осязания», — говорит Кондильяк.

Осязание — учитель всех прочих чувств. «Осязание — их учитель, — говорит Кондильяк, — продолжает действовать вместе с ними всякий раз, когда оно может им оказать какую-нибудь помощь. Оно принимает участие во всем, что их интересует. Оно учит их помогать взаимно друг другу, и ему все наши органы, все наши способности обязаны привычкой направляться на предметы, годные для нашего самосохранения». На основе осязания и его уроков все прочие чувства подобно зрению начинают выносить свои впечатления вовне внутреннего сознания статуи, в мир телесных вещей. Так создается внешний мир статуи, наделенный ее собственными ощущениями, психическими модификациями, проецированными при помощи осязания вовне.

Обычно, давая характеристику взглядов Кондильяка на роль чувств осязания, упускают, что Кондильяк в то же время выделяет в особое положение и зрительное ощущение. Оно подвижней и многосторонней других органов чувств. Оно раньше других воспринимает уроки осязания. «Глаз обладает привилегией научиться у осязания сообщать протяженность своим ощущениям», — говорит Кондильяк. Зрение легче эмансипируется от непосредственного руководства со стороны осязания.

Получив при помощи осязания первоначальные представления о величине, фигуре и движении предметов, зрение затем и без помощи осязания, путем суждения, т. е. сравнения различных зрительных восприятий, станет судить о величине, фигуре и движении предметов. Статуя сможет судить о

расстоянии по зрительному восприятию величины, так как величины меняются в зависимости от расстояния. Точно так же она сможет судить о расстоянии по отчетливости восприятия предмета. Например лошадь, нарисованная на полотне в тех же размерах, что и баран, покажется больше, если ее образ нарисован смутно. Наконец, идеи величины, фигуры и движения, приобретенные при помощи осязания, начинают, без осязания, комбинироваться, помогать глазу делать суждения о предметах.

В конце концов, зрение настолько эмансипируется от осязания и настолько хорошо обслуживает статую, что она уже не судит о пространстве, расстоянии, положении, фигуре, величине и движении при помощи других чувств, но только при помощи осязания. У статуи создается привычка судить на глаз о предметах, забывая об осязании, этом учителе зрения. «Такое чувство зрения. Получив только первые уроки у осязания, оно начинает разливать сокровище в природе; оно расточает их, чтобы украсить места, открываемые ему его руководителем, и оно превращает небеса и землю в волшебное зрелище, все великолепие которого почерпнуто в действительности из его собственных ощущений».

«Все душевные операции суть не что иное, как самое ощущение в его различных превращениях»,—говорит Кондильяк. Локк не выяснил до конца вопроса о происхождении знаний из чувств. Введение рефлексии в качестве самостоятельного источника идей помешало Локку понять, что способности восприятия, мысли, сомнения, веры, рассуждения, познания, желания, размышления не просто врождены нам, как, в конце концов, утверждал Локк, но являются только лишь преобразенными привычками, развивающимися из первоначальных элементарных ощущений. Идя по этому пути, Кондильяк выводит из ощущений всю прочную интеллектуальную деятельность человека.

Если бы в человеке было одновременно множество ощущений и он не мог бы сосредоточиться ни на одном из них,—он был бы простым ощущающим животным.

Но в человеческом сознании есть способность внимания, сущность которого сводится к тому, что сознание задерживается на отдельном ощущении либо потому, что оно одно имеется налицо, либо потому, что оно сильнее всех прочих ощущений.

Внимание может быть направлено либо на прошлые ощущения, либо на настоящие. Внимание, направленное на прошлые ощущения, есть память. Таким образом, память есть лишь превращенное ощущение, говорит Кондильяк.

Став вниманием, ощущение потом становится сравнением, когда внимание одновременно направляется на две идеи, и суждением, когда устанавливаются сходства и различия ощущений. После этого ощущение переходит в размышление, в рефлексию. «Такого рода процесс внимания подобен свету, отражающемуся от одного тела на другое, освещая их оба»,—говорит Кондильяк.

Если бы внимание сразу охватывало все вызываемые предметами ощущения, то оно разбрасывалось бы, а сравнения были бы туманными и ненадежными. В силу этого внимание поочередно переходит от одного ощущения к другому, при помощи суждения устанавливает их соотношения, и мы получаем составленную нами идею. Рефлексия, таким образом, тоже является лишь модифицированным ощущением.

Этим же путем Кондильяк разрешает вопрос о происхождении идей. Он различает в «Трактате об ощущениях» два рода идей. Первый род идей образуют настоящие ощущения. Это ощущения в собственном смысле слова. Второй род идей — прошедшие ощущения. Некоторые ощущения воспроизводятся человеческой памятью и в этом виде являются интел-

лектуальными идеями. Интеллектуальная идея, выводившаяся у Локка из особой, не зависимой от чувственности рефлексии, у Кондильяка является лишь прошлым воспроизведенным памятью ощущением.

Способность суждения играет у Кондильяка роль в формировании в человеческом сознании того комплекса чувственных качеств, которые человеческому сознанию являются как предметы или тела и которым в объективной действительности соответствует непознаваемый материальный коррелят.

Эта же способность суждения создает у Кондильяка общие и абстрактные понятия. Кондильяк поддерживает точку зрения Беркли о том, что абстракция рождается тем путем, что мы идею одной какой-нибудь вещи принимаем за мерку всех других вещей этого же рода и при воспоминании вещей этого рода воспроизводим в памяти конкретный объект, который в данном случае принят за образец.

Таков первый принцип «Трактата об ощущениях» Кондильяка.

Другой принцип, о котором мы уже упоминали, — это выведение воли из ощущений. Самостоятельная способность души — воля Локка — у Кондильяка оказывается лишь продуктом ощущений.

Всякое ощущение, говорит Кондильяк, связано с чувством удовольствия и неудовольствия. Испытав хороший запах или гармоничный звук, статуя затем имеет возможность сравнивать испытанный ею хороший запах или звук с дурным, неприятным запахом или дисгармоничным звуком. Сравнение приводит к суждению, разумеется, в пользу удовольствия. В статуе появляется потребность в удовольствии, стремление избежать неудовольствия. Потребность, соединенная с активным стремлением, создает в статуе желание или волю. Таким образом, воля есть модифицированное ощущение. «Желание есть не что иное, как деятельность тех самых способностей, которые мы приписываем разуму», — говорит Кондильяк.

Положение о том, что всякое ощущение связано с чувством удовольствия и неудовольствия, вполне вытекает из духа сенсуализма и имеется у Гельвеция, Гольбаха, Робинэ и других материалистов. Но Кондильяк, поскольку у него вообще духовная деятельность человека несколько изолируется от объективного мира и разворачивается феноменалистически, превращает удовольствие и неудовольствие и вытекающую из них потребность, а вслед за ней и желание, в основной двигатель человеческого познания.

Кондильяк различает, собственно говоря, два таких двигателя человеческого познания. Один из них — любопытство. Оно не играет значительной роли в познании. Основой развития познания является его двигатель — потребность.

Познание движется потребностями человека — в этом положении Кондильяка удивительным образом сочетаются и феноменалистические тенденции его теории познания и материалистическая догадка о том, что люди раньше, чем познавать, должны есть, пить, одеваться, удовлетворять «потребности».

Разумеется, в этой догадке Кондильяка нет и намека на то, что общественный процесс производства является основой познания. У Кондильяка речь идет только о потребности. Да и потребность он истолковывает только как внутреннюю неудовлетворенность статуи, как стремление получить удовольствие и избежать неудовольствия.

Одним словом, потребность Кондильяка есть только психическое состояние. Тем не менее это психическое состояние человека у Кондильяка первично по отношению к познанию и служит основой его развития.

В этой же связи стоит и то объяснение свободы воли, которое дает Кондильяк. Оно, впрочем, мало оригинально и имеется у Локка, затем у Вольтера и Робинэ. Желание статуи необходимым образом детерминировано, и она не может по своему выбору желать или не желать. Но статуя размышляет, она может сопротивляться своим желаниям, она может либо действовать в направлении возникшего у нее желания, либо не действовать. В этом и заключается ее свобода. «Она сознает себя свободной, ибо свобода есть не что иное, как способность делать то, чего не делаешь, или не делать того, что делаешь». Это чисто сенсуалистическое разрешение проблемы свободы воли, несомненно, не решает проблемы соотношения свободы и необходимости, не является своеобразной попыткой диалектически поставить ее.

Третий принцип исследования Кондильяка — исследование человека в изоляции от других людей, от общества, исключительно с точки зрения собственных внутренних переживаний человека.

Человек Кондильяка — и в этом автор не расходится с другими философами XVIII в. — есть Робинзон, изолированный от других людей. Этот человек как бы из своих недр, из своей чувственной деятельности развертывает все богатство своего сознания. Кондильяк не ставит в «Трактате об ощущениях», говоря о своей статуе, ни вопроса о воспитании, ни вопроса о передаче мнений от других людей. Всякого рода врожденные идеи вслед за Локком самым категорическим образом он отрицает.

Отличие индивида Кондильяка от индивида Гельвеция или Дидро заключается в том, что индивид Кондильяка — это психологическое существо, индивид же французских материалистов XVIII в. является физиологическим существом. Совершенно верно И. К. Луппол в своей книге о Дидро отмечает то обстоятельство, что сенсуалист Кондильяк пишет психологический трактат «об ощущениях», в то время как Дидро пишет трактат о «физиологии человека»¹⁾. В этом ярко сказалось различие феноменалистического аспекта Кондильяка и материалистического аспекта в анализе индивида у Дидро. Но и у Кондильяка и у Дидро — не общественный человек, а Робинзон и изолированный индивид.

Четвертый, весьма существенный момент для характеристики всех работ Кондильяка заключается в попытке проследить генезис человеческих знаний, в попытке рассмотреть их в развитии: как они в отдельных, все более усложняющихся моментах последовательно, один за другим, откладываются в голове человека.

В этом отношении чрезвычайно занимательно то, что Кондильяк предлагает рассматривать описываемое им в «Трактате об ощущениях» поступательное обогащение духовной жизни статуи как аналогию умственного развития ребенка.

Без сомнения, на метафизическом (в смысле антидиалектики и антиисторизма) фоне XVIII столетия это была чрезвычайно плодотворная мысль — исследовать умственное развитие ребенка, с тем чтобы в нем найти прообраз общей теории развития познания, что именно и хотел сделать Кондильяк.

Все же истинного исследования действительного развития познавательной деятельности человека Кондильяк в своем «Трактате об ощущениях» не дает. Здесь сказались фактическое отсутствие экспериментального материала, неисследованность вопроса об умственном развитии ребенка. Кондильяку пришлось поэтому стать на путь философской спекуляции.

В «Трактате об ощущениях» Кондильяк усиленно подчеркивает всепобеждающую силу анализа как единственного метода исследования. По этому пути анализа Кондильяк и идет. Он берет сознание взрослого человека, раз-

¹⁾ И. К. Луппол «Дени Дидро», стр. 140. 1934.

лагает его на составные моменты и исследует эти моменты поочередно и в изоляции один от другого. Сначала он исследует обоняние, потом слух, зрение, вкус и осязание. Исследовав каждую в отдельности чувственную способность человека, Кондильяк затем начинает их слагать и комбинировать.

Анализ составных моментов каждой чувственной способности в отдельности, а затем анализ взаимной связи каждой формы чувственного познания друг с другом у Кондильяка дополняется дедукцией. Он чисто логическим путем дедуцирует один момент из другого. Различие ощущений прошлого от настоящего приводит к сравнению. Из сравнения дедуцируется суждение — вот типичный образец дедукции, уже приведенный нами выше и применяемый Кондильяком в «Трактате об ощущениях».

Далее, Кондильяк действует прямо арифметически: не напрасно он говорит о том, что простейшие элементы нашей духовной жизни могут раскрыться при помощи приема, аналогичного тройному правилу. Прилагая одну чувственную способность к другой, Кондильяк получает снова человека, обладающего всеми пятью чувствами и выросшей на их основе интеллектуальной деятельностью.

Разумеется, действительно исторического исследования умственного развития человека здесь не получается. Здесь налицо аналитическое исследование чувственной деятельности изолированного, уже развитого индивида.

Кондильяк остался на антиисторических позициях несмотря на свои попытки исследовать генезис человеческих знаний. В этом смысле он остался сыном XVIII в.

Рассмотрим вкратце последовательность развития способностей в статуе, как это развитие рисует в «Трактате об ощущениях» Кондильяк.

В первой части «Трактата об ощущениях» Кондильяк рассматривает те органы чувств, которые сами по себе не могут дать человеку основу для суждения о внешних предметах. Последовательно, одно за другим, статуя получает чувство обоняния, затем слуха, вкуса, зрения.

Обоняние является самым примитивным, непосредственным и менее всего связанным с объективным миром чувством. Поэтому Кондильяк начинает с него.

Статуя нюхает розу. Она не имеет еще никакого представления о внешнем мире и потому всецело отдается своему внутреннему переживанию — запаху. Она даже отождествляет себя с запахом, поскольку это есть единственное проявление ее сознания.

Одно чувство обоняния — это предел ограниченности познания. Кондильяк тем не менее показывает, как уже на базе одного обоняния могут вырасти, хотя и в одностороннем, ограниченном виде, все основные свойства человеческого познания.

Статуя испытывает удовольствия и неудовольствия, связанные с каждым ощущением, в том числе и с ощущением запаха. Она начинает различать приятные и неприятные запахи. И у нее развиваются внимание, способность выделять отдельные, отличные запахи. А вслед за вниманием развиваются память, способность различать настоящие ощущения от прошлых, на основе чего статуя начинает различать последовательность своих ощущений.

У статуи, обладающей одним обонянием, развиваются в общем и целом все те способности, которые могут быть у нее и при пяти чувствах. Статуя при одном обонянии может иметь не только внимание и память, но и сравнивать, судить, различать, воображать, иметь некоторые абстрактные понятия и идеи (числа и длительности), знать некоторые частные и общие истины. Она может кроме того иметь страсти, любить, ненавидеть, надеяться, бояться, желать. Она может удивляться. Она может приобретать привычки.

Все же психическая жизнь статуи, имеющей только одно чувство обоняния, крайне примитивна. Статуя может, например, различать только на-

стоящее и прошедшее ощущения, но не может различать какой-нибудь запах среди нескольких, одновременно ощущаемых запахов. Предметом ее суждений является только последовательность сменяющихся друг за другом запахов.

Смену своих ощущений (различных запахов) статуя воспринимает только как смену своих внутренних, душевных модификаций (состояний), совершенно не будучи в состоянии отнести их вовне.

Примерно те же способности дает и чувство слуха. Имея одно чувство слуха, статуя также не сможет отнести ощущаемые звуки во внешний мир, а будет считать их своими модификациями. Как раньше статуя считала себя запахом, так сейчас она будет считать себя только звуком.

Однако чувство слуха дает некоторое движение сознания вперед. Статуя начнет из общей массы звуков выделять некоторые, правильно сочетающиеся, образующие мотив звуки. Она сможет, затем, приобретя некоторый опыт, различать два разные звука, раздающиеся одновременно, если только они не заглушают друг друга. Здесь проявляются зачатки способности анализировать, что, по Кондильяку, является признаком теоретического подхода к действительности.

Соединение обоняния и слуха сильно расширит сознание статуи, даст ей больше абстрактных идей, приучая ее видеть в себе как бы двойное обоняющее и слышащее существо. Присоединение вкуса, непосредственно связанного с приемом пищи, т. е. с материальным благополучием статуи, резко повысит эмоциональную жизнь статуи и еще более расширит круг идей, желаний, привычек статуи.

Наконец, если статуя будет наделена только одним зрением, она также, как и при предшествующих ощущениях, будет считать себя цветом, а различные цвета — своими собственными модификациями. Ссылаясь на Локка и Молине, Кондильяк устанавливает, что без помощи осязания зрение не сможет отличить фигуры, положения, движения. Но зрение дает возможность статуе различать несколько цветов зараз, а главное — ощущать поверхности, окрашенные в различные цвета. Статуя представляет себе эти поверхности как свои собственные модификации, но все же в этой идее поверхности заключена основа для перехода к высшей ступени познания, сообщаемой чувством осязания, — представлению фигуры, положения, движения.

Вторая часть трактата Кондильяка посвящена анализу основного чувства — о с з а н и я.

Орган осязания — кисть руки. Приобретая этот орган, статуя как бы оживляется, приобретает движение. Она начинает ошупывать части своего тела и, таким образом, выходит за пределы своего сознания, открывает свое тело, а за ним и внешние предметы. Она начинает испытывать удовольствия и неудовольствия не только от смены своих внутренних модификаций, но и от соприкосновения с вещами и начинает с ними связывать свои страхи, надежды и желания. Статуя начинает отделять свое «я» от других своих восприятий и отличать себя от других тел, которые она представляет себе под восприятиями величины, плотности и твердости. Она образует теперь широкие абстрактные понятия, важнейшими из которых являются притяжение как способ сосуществования представлений и длительность как способ последовательности идей¹⁾.

Чувство осязания выводит статую во внешний мир. Она начинает передвигаться в пространстве, следуя туда, куда ведет ее осязание. Вместе со статуей вслед за осязанием идут и прочие чувства статуи, научаясь у осязания относить себя к вещам открытого осязанием объективного мира.

Третья глава «Трактата об ощущениях» показывает, как чувство ося-

¹⁾ См. изложение «Трактата об ощущениях» в «Хрестоматии материализма». Т. I, стр. 183—216. 1923.

зания научает другие чувства судить о внешних предметах. Согласно тому порядку, в котором Кондильяк анализировал в первой части чувства, он присоединяет к осязанию обоняние, слух, зрение.

«Соединив обоняние и осязание, поведем статую в цветник», — говорит Кондильяк. Изолированное обоняние решительно не видело никакой связи обонятельных ощущений с предметами внешнего мира. Но теперь статуя замечает, что смена осязательных ощущений, соответствующих определенным телам, связана со сменой запахов. Статуя начинает думать о том, что запахи могут относиться к внешним телам. То приближая к себе, то удаляя от себя розу или гвоздику, статуя устанавливает изменение пахучести в связи с движениями предмета и открывает в себе определенный орган обоняния. Статуя окончательно относит запахи к внешним телам. Ее восприятия запахов дифференцируются, она научается различать запахи различных тел, классифицировать их и т. д.

Точно так же и с ощущениями звука: приближая к себе или удаляя от себя звучащие предметы, статуя убеждается в том, что причина звуков находится вне ее, в предметах. Она открывает вместе с тем, что ухо является органом слуха.

Однако и слух и обоняние не в состоянии дать четкого представления о расстоянии, положении, форме, величине и движении тел, но лишь смутные и часто ошибочные представления.

Зрение, присоединенное к прочим чувствам и в первую очередь к осязанию, дает четкие представления о расстоянии, положении, форме, величине и движении тел. Сначала зрение убеждается в том, что цвета и различные формы света принадлежат вещам. Поднося руку к глазам, статуя замечает, как исчезает ощущение, вызванное цветом, — это первый способ проверки того, связано ли ощущение цвета с внешней причиной или же нет. Затем статуя устанавливает соответствие между сменой осязательных и зрительных ощущений. Так, при ощупывании рукой шара и куба, статуя убеждается в том, что различие их зрительных восприятий зависит от внешней причины. Под влиянием осязания зрение относит свои модификации к внешним предметам. Постепенно развиваясь, оно освобождается от опеки осязания и дает наиболее легкие способы определения фигуры, величины и движения тел.

Четвертая и последняя глава «Трактата об ощущениях» исследует человека, взятого в целом, со всеми пятью чувствами. Кондильяк показывает здесь, как развиваются потребности человека и как человек научается удовлетворять их, пользуясь своими чувствами, как у человека создаются представления о красоте и доброкачественности вещей, общие и отвлеченные идеи, способность различать достоверные и недостоверные суждения. «Трактат об ощущениях» заканчивается главой, в которой статуя вспоминает о всех последовательно пройденных ею ступенях развития.

Выводы, которыми заканчивается «Трактат об ощущениях», гласят: «В естественном порядке вещей все происходит из ощущений», «из этого источника черпают все люди», «в человеке нет ничего врожденного».

Таковы в общих чертах выросшие на основе сенсуализма Локка психологические и гносеологические идеи Кондильяка, выраженные им в «Трактате об ощущениях».

Сила влияния Кондильяка во Франции была настолько велика, что он долгое время был как бы официальным философом во французских университетах. И. Тэн указывает, что еще в 1845 г. Сафари и Валет читали философию Кондильяка в двух парижских лицеях¹⁾. «Только э к л е к т и ч е с к а я

¹⁾ И. Тэн «Происхождение общественного строя современной Франции». Т. I, стр. 286.

философия, — говорит Маркс, — вытеснила впоследствии Кондильяка из французских школ¹⁾.

Известное влияние Кондильяка отразилось и на развитии философской мысли в России. Достаточно сказать, что его «Логика» в начале XIX в. вышла в России в трех изданиях. Тогда же вышел в России перевод экономической работы Кондильяка.

Как общественный деятель и философ Кондильяк примыкает к тому крылу деятелей французского просвещения, которое было чуждо материализму и атеизму. Идеологически Кондильяк был близок не столько к Дидро и другим энциклопедистам, сколько к таким философам и ученым, как Вольтер и Даламбер. Подобно Вольтеру и Даламберу Кондильяк не становится на материалистические позиции в философии, оставаясь агностиком и тяготея к феноменализму.

Точно так же он не становится на позиции атеизма. Как Вольтер и Даламбер Кондильяк деист. Он пишет о боге: «Где есть соподчинение причин и творений, там необходимо должна быть первая причина, сотворившая мир». «Первая причина есть всеведущая, всемогущая, независимая, свободная, непоколебимая, вечная, бесконечно великая, справедливая, благая, милосердная, охватывающая все своим провидением. Вот идея, которую мы должны иметь о боге»²⁾. Как мы видим, Кондильяк прибегает к типичному космологическому доводу для доказательства бытия бога.

Взгляды Кондильяка следует сблизить также со взглядами физиократов, к кружку которых примыкал Кондильяк. В своих экономических взглядах Кондильяк несколько расходился с основной физиократической группой. Сходясь с физиократами в части отождествления потребительной и меновой стоимости, Кондильяк стремился построить теорию стоимости в соответствии со своим психологическим учением: на базе учения о потребностях. На этой основе он приходил к защите против меркантилистов тезиса об неэквивалентности обмена. С точки зрения Кондильяка, обмен неэквивалентен потому, что каждый обменивающий отдает то, что бесполезно ему, а берет то, что ему полезно. Тем самым он получает выгоду. «Как мы видим,—говорит Маркс в «Капитале»,—Кондильяк не только смешивает потребительную стоимость и меновую стоимость, но с чисто детской наивностью подменяет общество с развитым товарным производством таким строем, при котором производитель сам создает средства своего существования и бросает в обращение лишь избыток, остающийся по удовлетворении собственных потребностей»³⁾.

В данном случае Кондильяк оказался ниже физиократов, точка зрения которых об эквивалентности обмена при капитализме была правильной. Зато в другом вопросе Кондильяк оказался более прав чем физиократы: он защищал против физиократов правильный тезис о том, что производителем не только земледельческий труд, как полагали физиократы, но и всякий труд, в том числе в промышленности.

Но характерно то, что философские взгляды Кондильяка весьма сходны с теми философскими основами, которые подводили под свои экономические теории физиократы и, в частности, Кенэ. Кенэ как и Кондильяк не был материалистом, он различал две субстанции, принимал сенсуалистическую теорию Локка, допускал, кроме сенсуалистического познания, познание, основанное на вере, открывающее истины, касающиеся бога и потустороннего мира⁴⁾. Но элементы такого рода, склонности к «двойственной истине» и признанию откровения есть и у Кондильяка. Они мельком выражены им в «Трактате об ощущениях», сильнее — в «Трактате о животных».

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 159.

²⁾ Condillac «La logique».

³⁾ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 103. 1930.

⁴⁾ Розенберг «История политической экономии». Т. I, стр. 101 — 102.

И Вольтер, и Даламбер, и физиократы, и Кондильяк по своим идеологическим и политическим устремлениям были идеологами капиталистического развития Франции, идеологами французской буржуазии накануне революции 1789 г. Но в этой буржуазии, выступавшей под именем «третьего сословия», были различные прослойки. Мелкобуржуазные элементы выступали под знаменем Руссо, ведшего упорную борьбу и с Вольтером и с физиократами. Промышленная буржуазия, непосредственно связанная с техническим прогрессом и развитием естествознания, выступала под знаменами материализма и атеизма. Наконец, верхушечные слои тогдашней буржуазии, связанные финансовыми связями с королевским правительством, связанные, затем, с крупным землевладением, занимавшие компромиссные позиции по отношению к абсолютизму (Кенэ был сторонником «просвещенного абсолютизма», Вольтер — сторонником монархии «на английский образец»), занимали в философии примерно те же позиции, что и Кондильяк, который таким образом должен быть отнесен к их среде.

Сейчас психологические взгляды Кондильяка устарели. Общий сенсуалистический исходный пункт Кондильяка уже тогда, в XVIII в., был недостаточен и у Дидро, Гельвеция, Гольбаха развит более правильно в сторону материализма.

Наконец, общим недостатком для всех них, включая и Кондильяка, надо признать то, что, справедливо критикуя рационализм метафизиков XVII в., они все же не сумели правильно, диалектически разрешить проблему о соотношении рационального и эмпирического моментов в познании. Они ограничились сведением рационального момента познания к эмпирии, не будучи в состоянии понять его специфичность и форму его действительной зависимости от эмпирического знания.

Несмотря на то, что Кондильяк не был материалистом и атеистом, объективно его «Трактат об ощущениях» как и другие его работы сослужил тогда, в XVIII в., большую службу развитию материалистических идей.

„Философия природы“ Гегеля

А. Максимов

Окончание ¹⁾

То, что Гегель подчеркивал и ранее, т. е. что форма деятельна и в кристалле, и в магнетизме, и в электричестве и что все они представляют собой некий процесс, с особенной силой подчеркивается теперь Гегелем в отношении химизма. Химизм для Гегеля — прежде всего процесс, целостный во всех своих моментах. Поэтому не отдельные продукты химического процесса, не его мертвые результаты интересуют Гегеля, а именно процесс.

«Для химиков важнее всего в их описаниях, — писал Гегель, — мертвый продукт, получающийся в результате того или другого процесса. В действительности же самое главное — это процесс и постепенная последовательность процессов; ход процесса есть определяющее, и определенности телесных индивидуумов имеют свой смысл только на его различных ступенях... Особенное поведение тела и особенным образом модифицированный процесс и составляют предмет химии, которая предполагает данность телесных определений. Здесь же мы должны рассматривать процесс в его целостности, а также то, как он выделяет из себя различные классы тел и обозначает их как отвердевающие ступени своего хода» (стр. 306—307).

«Если в описании тела должно заключаться все то, что тело есть, — писал Гегель в другом месте, — то описание будет полно только тогда, когда будет указан весь круг его изменений, ибо истинная индивидуальность тела существует не в одном отдельном состоянии, а исчерпывается и изображается только этим круговоротом состояний» (стр. 339).

Исходя из этих общих воззрений, Гегель возражал против представления о химических элементах как первичных и неизменных веществах, с которых начинается и которыми кончается сфера превращений веществ. Гегель, во-первых, не мог согласиться с тем, что химические элементы есть нечто неизменное и первоначальное. Он их производил от своих физических стихий. От этих четырех стихий он производил четыре элемента: азот — элемент безразличия; кислород — элемент различия, сжигания; водород — элемент горючести; углерод — элемент индивидуальной стихии. Этим четырем элементам Гегель приписывал особенную роль. И именно потому, что Гегель выделял из всего известного тогда списка элементов некоторые элементы как особенные, он не соглашался с обычным группированием химических элементов в одну безразличную кучу. Это было вторым его возражением против понятия химических элементов (стр. 322).

Рассматривая химические вещества, в том числе и элементы, лишь как моменты в химическом процессе, Гегель возражал и против понимания

¹⁾ См. начало статьи в № 1 «ПЗМ» за 1935 г.

химизма как соединения и разложения неизменных веществ. «Изолирование особенных частей, формальных и абстрактных процессов, — писал он, — приводит к абстрактному представлению о химическом процессе вообще как об одном лишь в о з д е й с т в и и одного вещества на другое» (стр. 334).

Впротивовес такому воззрению Гегель выдвигал свое понимание химических превращений. Химизм, по Гегелю, заключается прежде всего в отрицании неизменности субстанций и их свойств, в осуществлении переходов, превращений одних веществ в другие. При этом Гегель не изымал из-под действия этого положения и химические элементы.

Гегель в своей «Философии природы» набрасывает общие черты системы химии, как она представлялась ему на основе его исходных положений. Мы уже отметили выше, что из всего списка химических элементов он выделял четыре: азот, кислород, водород и углерод — в особую группу, приписывая им особенную роль в жизни природы. Гегель при этом опирается на представление о четырех физических стихиях: воде, воздухе, огне и земле. Именно с этими четырьмя стихиями и связывает Гегель роль указанных четырех элементов.

Эти четыре элемента, по Гегелю, — абстракции четырех стихий. Вода, расчлняясь на абстрактные моменты, дает водород и кислород, воздух — кислород и азот, земля — углерод. Деятельность этих четырех стихий и элементов и составляет, по Гегелю, основное содержание химизма. Формой этого процесса является распадение целостного на противоположные моменты, затем снятие противоположности и переход к нейтральности, которая является и исходным пунктом. При таком изображении химического процесса Гегель подводит его, как магнетизм, электричество и вообще все процессы, под форму силлогизма.

Однако прежде чем химизм проявится, по Гегелю, в такой развернутой форме, где есть два крайних члена и один средний, химизм наблюдается в несовершенной, неразвернутой форме. Это процесс так называемых синсоматий. Синсоматии — растворы, сплавы. Они, по Гегелю, лишь формальный процесс. Здесь еще нет налицо противоположности, а имеется лишь различие.

Лишь за этим первым, формальным моментом на пути развертывания химизма следует, по Гегелю, реальный процесс, когда изменяется все тело целиком.

При этом Гегель различает два направления химического процесса: «1) от индифферентного тела через его вдохновение (*Begeisterung*) к нейтральности и 2) от этого об'единения обратно к разделению на индифферентные тела» (стр. 304).

Первое направление — процесс соединения — Гегель расчленяет на три формы: гальванизм, процесс огня и процесс воды, или нейтрализацию. После этого он рассматривает процесс соединения в его целостности.

Гальванизм в соответствии с распространенными в то время представлениями Гегель отличает от электричества. Электрический процесс, по Гегелю, благодаря участию воды и солей переходит в химический процесс. Поэтому-то различие и противоположность, которые имели место в электрическом процессе и не получали своей реализации, теперь реализуются.

Не останавливаясь подробнее на трактовке Гегелем гальванизма, отметим лишь, что Гегель был решительным противником взгляда на гальванический ток как на что-то готовое, что лишь течет по проводникам. По Гегелю, гальванизм — активный процесс взаимодействия всех частей цепи.

Рассматривая гальванизм как особую форму химизма, Гегель отвергал объяснение гальванизма, дававшееся Гальвани, и разделял взгляды Вольта. Отвергая отождествление гальванизма с электричеством, Гегель вместе с тем отвергал также отождествление химизма с электричеством, сведение химизма к процессу взаимодействия электрически заряженных тел или телец.

Продуктом, результатом гальванического процесса Гегель считал окисел, который он рассматривал как «металл, положенный в различии» (стр. 321). Что касается другого электрода, то он, по выражению Гегеля, «сохраняет себя против своей противоположности, оставаясь в чистом виде; если же он был окислен, он подвергается раскислению и восстанавливается» (там же). Однако при этом, по Гегелю, не получается двух дифференцированных тел и играет роль только окисел.

В получившемся окислении гальванический процесс, по Гегелю, находит свое окончание.

Более развернутую форму имеет процесс огня. Здесь одну сторону процесса представляет пламя, другую — горючее. Это горючее, называемое Гегелем также серой, представляет третий вид телесности, если за первые две считать металл и окисел.

Горючее, по Гегелю, распадается на два момента: на обыкновенное горючее (серу, фосфор и т. д.) и основания (известь, барит, поташ и т. д.). В результате этого процесса получаются кислоты и щелочи.

Эти продукты процесса огня — кислоты и щелочи — могут удерживаться в своем состоянии противоположности лишь насильственным путем и стремятся нейтрализоваться. Этот процесс нейтрализации Гегель и рассматривает под названием процесса воды (или также нейтрализации). Результатом процесса нейтрализации является четвертый вид телесности — соль. На соли как нейтральном продукте заканчивается процесс обособления телесных индивидуальностей в химизме.

Четвертый раздел гегелевского учения о химизме посвящен рассмотрению процесса взаимодействия солей, который Гегель рассматривает как вполне развернутый, реальный химический процесс. При обменных реакциях солей на первый план выступает проблема химического избирательного сродства и закон Рихтера. Гегель выступал решительным сторонником этого закона и клеймил консерватизм немецких ученых, недооценивших Рихтера. «Найденный Рихтером закон избирательного сродства, — писал он, — остался незамеченным, пока англичане и французы (Бертолле и Волластон) не заговорили о Рихтере и не использовали его работ, приобретших после этого важное значение... Так уж искони заведено у нас, немцев, — добавлял он, — кроме тех случаев, когда в оборот пускается какая-нибудь дрянь вроде френологии Галля» (стр. 330).

Таково содержание гегелевских воззрений на процесс соединения во всех его четырех ступенях. Те же воззрения он развивает и в отношении противоположного процесса разделения, или разложения. Не останавливаясь на этом процессе, мы перейдем к заключительным соображениям Гегеля в связи с рассмотрением им химизма.

Гегель рассматривал химизм как звено в общей цепи развития идеи в форме природы. Поэтому химизм находится в связи и с магнетизмом, и электричеством, и с процессом живой природы.

«Химический процесс есть, — писал он, — единство магнетизма и электричества, которые составляют абстрактные, формальные стороны этой целостности и поэтому еще не являются самим этим процессом. Каждый химический процесс содержит в себе магнетизм и электричество» (стр. 295).

Уже из этой цитаты видно, что Гегель был противником формального отождествления химизма с электричеством. Поэтому он возражал против взглядов Берцелиуса и особенно Швейгера (стр. 331).

Подобно тому как Гегель устанавливал связь и отличие химизма в отношении магнетизма и электричества, он устанавливает связь и отличие химизма в отношении жизни.

Гегель прежде всего подчеркивает, что химизм «есть целостность жизни неорганической индивидуальности» (стр. 295, 337). Однако химизм, по Гегелю, — не просто жизнь в области неорганической природы: он носит уже некоторые черты органической жизни. «Тела изменяются в химическом процессе не поверхностно, а всесторонне: все свойства исчезают в нем: сцепление, цвет, блеск, непрозрачность, звук, прозрачность. Даже удельная тяжесть, как будто составляющая глубочайшее, простейшее определение тела, не выдерживает этого натиска. Именно в химическом процессе относительность являющихся как равнодушные определений индивидуальности выступает наружу как сущность в этой смене акциденций; тело обнаруживает мимолетность своего существования, и эта его относительность есть его бытие» (стр. 338—339).

Превращение тела в процесс и было тем, что роднило, по Гегелю, химизм с жизнью. В химизме тела, вступающие в этот процесс, не остаются, как они есть, но потребляются и затем снова воспроизводятся в новом виде. Таким образом химизм есть круг изменений веществ, и в этом, по Гегелю, сходство химизма с жизнью. Поэтому он определял химизм так же, как «жизнь в себе» (стр. 338).

В то же время химизм, по Гегелю, — это наивысшее, чего может достигнуть неорганическая природа. Поэтому на химизме кончается «физика» Гегеля, и он переходит к «органике», или «органической физике» — учению об организмах.

Таковы были воззрения Гегеля в области химизма. Метко критикуя метафизику эмпириков, высказывая глубокие взгляды по ряду вопросов, он, тем не менее, подрывал ценное в своих взглядах применением идеалистического метода, установлением искусственных связей. Так даже его очень глубокая критика представлений химиков о химизме как о мертвых продуктах, а не о процессе, опередившая официальную химию на ряд десятилетий (физическая химия, изучающая химические процессы, стала развиваться значительно позднее), впадала в другую крайность.

Оторванный от практики, обращавший внимание лишь на идеальную сторону изучаемых явлений, Гегель не видел того, что сосредоточение внимания химиков на конечных мертвых продуктах не есть только результат их односторонних воззрений, но и практическая необходимость. Для того чтобы обеспечить течение определенных химических процессов (получение кислот, щелочей, мыловарение, краски, светильный газ, получение спирта и т. д.), необходимо было иметь в распоряжении мертвые продукты, конечный результат тех или иных химических процессов.

Поэтому критика Гегеля идеалистична не только по своим исходным теоретическим посылкам, но и потому, что он при этой критике отвлекался от учета потребностей практики. Отвергая представление о химических веществах как мертвых продуктах, Гегель в полном соответствии со своим идеалистическим взглядом на материю и движение (сведение материи к движению) растворял эти продукты в процессе. Поэтому он отвергал атомизм Дальтона, поэтому он отвергал понятие химического элемента, утверждал превращаемость химических элементов в обычном химическом процессе и т. д.

Таким образом мы на примере Гегеля видим, что не всякая критика метафизики есть до конца правильная критика и что она не всегда ведет к разрешению практических вопросов. Нащупывая слабые стороны воззрений метафизиков, Гегель не был в состоянии направить науку на верный путь. Нужно было освободить критику метафизики от идеализма, и лишь тогда она могла стать исторически действенной. Но это было невозможно для Гегеля.

Изложением химизма кончается у Гегеля изложение «физики». Как мы видели, физика Гегеля не есть физика в обычном, современном смысле. Она включала у него и химию. Это нужно было Гегелю для того, чтобы соблюсти тройственное деление природы, вогнать ее наподобие логики в триаду, изобразить ее как силлогизм, средним членом которого является физика.

Но не только в этом сказался идеализм Гегеля в трактовке им физики. Он абсолютизировал свои произвольные и субъективные воззрения на отдельные разделы физики. Стихии, удельная тяжесть, сцепление, звук, магнетизм, кристалл, цвет, запах, вкус, электричество, гальванизм, химизм в его трактовке носят совершенно произвольные, специфически идеалистические определения и поставлены в произвольную, выдуманную связь. Устанавливая эту произвольную, искусственную связь, он опирался при этом на низкое развитие тогдашнего естествознания. В то же время он эти недостаточные или неправильные представления делал неременной составной частью своей системы, закрепляя их ею.

Поэтому так безнадежно ошибочен был Гегель в частностях. Там же, где он был прав, он был обязан своим конкретным знаниям, почерпнутым в конечном счете из эмпирического источника.

3. Органическая физика

В химизме, как мы видели выше, неорганическая природа достигла, по Гегелю, наивысшего своего развития. Она развернулась в телесную, реальную целостность, которая обнаружила себя как процесс. Снятие конечности этого процесса, переход к бесконечному процессу есть, по Гегелю, возвышение природы в первую ее идеальность. Именно бесконечный процесс, определяющий себя как нечто особенное и конечное и затем снимающий эту конечность как нечто наполненное и конкретное, и есть, по Гегелю, непосредственное осуществление идеи в природе. Но непосредственное существование идеи в природе и есть, по Гегелю, жизнь (стр. 343).

Поэтому Гегель определяет жизнь как идею, а непрекращающуюся деятельность жизни — как абсолютный идеализм (стр. 344). «Жизнь, — писал он, — может быть понята только спекулятивно, ибо жизнь и есть существование спекулятивного. Непрекращающаяся деятельность жизни есть поэтому абсолютный идеализм; жизнь становится другим, которое, однако, все время снимается. Если бы жизнь была реалистом, она относилась бы с почтением к внешнему; но она все время препятствует реальности другого и превращает ее в самое себя» (стр. 344).

Так как Гегель рассматривает идею как субъект, то возвышение природы до жизни есть торжество субъективности. «Субъективная бесконечная форма стала теперь и объективной, какой она еще не была в образе, потому что в нем определения бесконечной формы еще имеют твердое бытие в качестве материй» (стр. 345). Здесь же, в организме, «в живом материя определяется, наоборот, самой жизнью» (стр. 221).

Вместе с тем, по Гегелю, в органическом преодолевается та раздробленность, которая свойственна материи в области неорганического. В жи-

вом целое господствует над частями, над отдельными членами, превращая их в свои подчиненные моменты. «В органическом, — писал Гегель, — образ таков, что в каждой части он проявляется как целое, а не так, что каждая часть становится понятной только через целое. Поэтому у живого каждая точка периферии есть целое, как я ощущаю это в каждой части моего тела» (стр. 210).

«Жизнь есть, таким образом, — писал Гегель в другом месте, — по существу, совершенно текучее проникновение всех ее частей, т. е. чего-то, что равнодушно к целому. Эти части — не химические абстракции: они обладают субстанциальной, собственной, цельной жизнью, жизнью частей, которая разлагается в своем внутреннем беспокойстве и производит только целое. Целое есть всеобщая субстанция, оно является как основанием, так и результирующей целостностью, и оно является ею как действительность. Оно есть единое, связующее в себе части в их свободе; оно раздваивается на них, дает им свою всеобщую жизнь и держит их в себе как свое отрицание, свою силу» (стр. 375).

Жизнь, по Гегелю, есть также «самость», господство света над тяжестью. В то же время она есть самоцель; она не есть средство для чего-то другого, а лишь для своего собственного понятия. Поэтому категория причинности, имевшая приложение в области неорганической природы, здесь теряет свою силу (стр. 379).

Вместо категории причинности у Гегеля выступает здесь категория целесообразности. «Если первую часть философии природы составлял механизм, если вторая завершалась химизмом, то в качестве третьего мы имеем теперь, — писал Гегель, — телеологию. Жизнь есть средство, но не для чего-то другого, а для своего понятия; она непрестанно порождает свою бесконечную форму. Уже Кант определил живое как цель для самого себя. Изменение существует только в интересах понятия, есть только изменение инобытия понятия; и единственно только в этом отрицании отрицательного, в этой абсолютной отрицательности понятие может остаться при себе» (стр. 345).

Наконец, жизнь, по Гегелю, есть соединение противоположностей вообще, «а не только противоположности понятия и реальности. Жизнь там, — добавляет Гегель, — где внутреннее и внешнее, причина и действие, цель и средство, субъективность и объективность и т. д., есть одно и то же» (стр. 345).

Жизнь, по Гегелю, — самое совершенное в природе. Поэтому она выше звезд, выше солнца (стр. 344). Она «поэзия природы» (стр. 338).

Вот те самые общие определения жизни, с которых начинается трактовка ее Гегелем.

Жизнь проявляется в природе, по Гегелю, в трех формах, составляющих три ступени реализации идеи в природе: 1) в форме геологического организма, 2) в форме растительного организма и 3) в форме животного организма.

Геологический организм, по Гегелю, — лишь общая картина жизни, лишь непосредственная идея, но он еще не субъективен в себе. Растительный организм уже обладает, по Гегелю, субъективностью, но еще лишь формальной субъективностью. Он индивидуум, но сущий вне себя, распадающийся на свои члены, являющиеся в свою очередь индивидуумами (почками и т. п.). И лишь в форме животного организма субъективность развита до конкретности, целостности.

Геологический организм. Геологическая природа, по Гегелю, — лишь основа и почва, на которых развивается жизнь. Сам же геологический организм не имеет настоящей жизни, и члены его не представляют

целостного единства: они еще, как и весь геологический организм, непосредственны, т. е. не опосредованы в единстве, не преодолены в своей разрозненности.

Несовершенство геологического организма сказывается, по Гегелю, в том, что жизнь этого организма носит характер физический: «магнетизм, электричество и химизм свободно выступают сами по себе в метеорологическом процессе; наоборот, животное уже не есть магнетизм, и электричество играет в нем подчиненную роль» (стр. 350).

Несовершенство геологического организма сказывается, по Гегелю, также и в том, что этот организм не имеет настоящей истории. Он вообще не имеет в настоящем идеи развития: он лишь пребывает, а не производит себя. Лишь по отношению к прошлому признавал Гегель идею развития земли. При этом силы развития земли Гегель рассматривал как внешние земле: ее положение в солнечной системе, наклон оси к орбите, магнитная ось, лунная и кометная жизнь земли.

Строение — сущность земли — Гегель пытается, как всюду, понять, исходя из понятия, из вечной вневременной идеи. Поскольку земля есть лишь инобытие идеи, то всеобщее природы, земли не имеет истории, всеобщее не возникает в природе, а лишь вечно творит ее. Идея в форме земли еще не пришла к самой себе, и поэтому земля для Гегеля — мертвый труп, возникновение которого может быть понято лишь из идеи.

Однако, как ни старается Гегель «произвести» землю из идеи, это не удается ему, и мы у него не находим в этом отношении ничего, кроме весьма туманных и мистических намеков. Более членораздельно Гегель высказывается там, где он касается более конкретного материала и прежде всего существовавших в его время воззрений и эмпирических сведений.

Пытаясь вывести понятие геологического организма из абсолютной идеи, Гегель в то же время решительно возражал против воззрений исторической геологии, которая из последовательности напластований пыталась создать представление об истории и современном состоянии земли. «Определить, как обстояло дело миллионы лет тому назад (в этом случае можно быть щедрым на года — иронизировал Гегель), не представляет ничего интересного» (стр. 355). «Простой ряд событий, различающихся только по времени, эта последовательность напластований ничего не делает понятным или, вернее, оставляет в стороне самый вопрос о необходимости, о понимании», — писал Гегель в другом месте (стр. 354).

Весь интерес Гегеля сосредоточивался на «наличной системе различных образований».

Эти наличные, современные образования и пытается объяснить Гегель, отбрасывая учения исторической геологии, подготовлявшей как раз во времена Гегеля исторический переворот в воззрениях, заверченный работами Ляйелля. Лишь частично и в идеалистически извращенной и урезанной форме воспринимал Гегель носившиеся в умах современников идеи.

Так, Гегель признает значение за принципами вулканизма и нептунизма, притом взятыми вместе, а не противопоставленными друг другу. Последовательность пластов Гегель пытается понять не как последовательность исторически следовавших друг за другом напластований, а как некоторую необходимую связь между этими пластами. Пласты, по Гегелю, не случайно напластованы друг на друга, а взаимно связаны и не появляются одни без других.

Гегель резко делит материки на Старый и Новый свет и придает этому делению не случайное, а принципиальное, существенное значение.

Вообще Гегель устанавливает градацию между материками и доходит при этом до комически реакционных заключений. Так, Африка, по Гегелю,

есть проявление лунной стихии, оцепеневшей от зноя, Азия — вакхическое кометное наступление. Обе части света неразумны. «И, наконец, третья часть, Европа, — пишет Гегель, — образует сознание, разумную часть земли, равновесие рек, и долин, и гор, и центром ее является Германия!» (стр. 358).

Тот же антиисторический и идеалистический метод рассмотрения применяет Гегель и для рассмотрения строения земли, земной коры.

В основу своих воззрений об образовании горных пород Гегель берет представление о распадении исходной формы на гранитный и известковый принципы.

Гранитный принцип в свою очередь распадается, по Гегелю, на три единства — кварца, слюды и полевого шпата. Приписывая каждому из этих моментов в распадении гранита особое значение (кварц — точечность, слюда — горючесть и абстрактность, полевой шпат — нейтральность и т. п.), Гегель выводит из гранита другие горные породы: гнейс, сиенит, сланец, и т. д.

Вторая группа горных пород — флёцевые — служит Гегелю для того, чтобы развить свои воззрения главным образом на рудные месторождения. При этом он отвергает взгляд, что рудные жилы — нечто случайное. Наоборот, и их появление и самый состав жильных руд он рассматривает с точки зрения некоторых, необходимых, существенных отношений. «Одна из важнейших точек зрения, — писал он, — заключается при этом в определении круга тех металлов из прочих образований, которые залегают вместе. Золото, например, встречается всегда вместе с кварцем и либо в одиночном состоянии либо с медью и свинцом, с серебром и цинком и т. д., но не с ртутью, оловом, кобальтом, молибденом, вольфрамом» (стр. 364).

Наконец, третью группу пород — наносных — он рассматривает уже как переход к органическим образованиям растительного типа. Для него ископаемые остатки животных, особенно раковины, мел и т. п., — не остатки когда-то живших форм животных, а несовершенные попытки природы к созданию органических форм.

В торфе Гегель видит уже переход непосредственно к растительным формам. Он признает, что торф возникает растительным путем, но в то же время относит его к минералогической области.

Таковы взгляды Гегеля на строение земной коры. От изложения их он переходит к изложению своих представлений на жизнь земли в целом.

Гегель выводит жизнь земли из понятия земли, лежащего вне ее самой, в той сидерической связи, в которой земля находится с солнцем, планетами, кометами. Проявлением этой жизни он считает метеорологический процесс. Именно этот метеорологический процесс, по Гегелю, и оплодотворяет мертвый кристалл земли для создания живых существ.

Но прежде чем изложить, как Гегель смотрел на происхождение живых существ, скажем несколько слов о представлении Гегеля на жизнь земли в целом. К жизни земли в целом он относил атмосферный и морской процесс, а также процессы на суше.

В процессах жизни земли отражаются моменты солнечной системы. Так, атмосфера отражает движение небесных тел и свет солнца. Море есть отражение кометной стихии, земля же — лунной. Вместе с тем все эти моменты составляют процесс стихий, процесс физических элементов на земле.

Этот процесс проявляется прежде всего как метеорологический, как процесс атмосферы.

И на морском движении сказывается, по Гегелю, отношение земли к солнечной системе. Приливы и отливы свидетельствуют прежде всего об этом.

Отношение моря к суше — к земле — Гегель также рассматривает как некое органическое, необходимое отношение. Поэтому источники, реки, вулканы, по Гегелю, — не какие-нибудь случайные явления, механически связанные с морем, а органические части геологического организма. «Но как источники, — писал Гегель, — представляют собой легкие и отдельные сосуды для испарений земли, — так вулканы являются ее печенью, будучи очагами самонагрева» (стр. 370).

Вместе с тем Гегель самому морю приписывал особенную жизненность, сказывающуюся уже в горечи и нейтральности морской воды. Именно море, по Гегелю, — та сфера жизни земли, из которой родится жизненность более высокого типа, точечная жизненность, переход к настоящим растительным и животным организмам. «Море, — писал Гегель, — есть конкретная соленость, как органическое, как то, что всегда и всюду рождает» (стр. 371).

Наконец, и сушу Гегель рассматривал как источник бесконечной всеобщей плодovitости, считая, однако, море более плодоносным, более имманентно одаренным порождать жизнь.

Вместе с тем Гегель полагал, что море более способно порождать животную жизнь, а земля — растительную. Последнее он видел в образовании на камнях мхов и лишайев, возникновение которых, по нему, возможно было без семян, т. е. путем самозарождения. Сюда же он относил плесень и грибы, причем последние, по мнению Гегеля, более приближаются уже к животным.

Утверждая самозарождение всех этих организмов, Гегель отрицал клеточное строение их ткани, считая их бесформенными. На основании этого он не считал возможным строго классифицировать эти формы живых существ (стр. 374).

* * *

Так трактовал Гегель геологический организм и переход от него к точечной жизненности, как к несовершенной форме жизни, в которой моменты целостной формы являются еще изолированными моментами. Тем не менее важно отметить, что Гегель признавал самопроизвольное зарождение живых организмов и, вопреки его собственным общим принципиальным установкам, здесь как и в других случаях оказывался защитником учения о развитии в природе.

«Суша и в особенности море как такая реальность жизни бесконечно вспыхивает, — писал он, — в каждой точке точечной и скоропреходящей жизненностью: лишайи, инфузории, несметные количества фосфоресцирующих живых точек в море. Однако самопроизвольное зарождение, как имеющее объективный организм земли вне себя, — добавлял он, — состоит в таком лишь точечном создании органического, не развивающемся внутри себя до определенной расчлененности и не воспроизводящем самого себя из яйца» (стр. 368).

Из такой формы точечной жизненности Гегель считал возможным и необходимым, — правда, лишь в силу понятия — дальнейший переход уже к вполне оформленной развитой жизненности растительных и животных организмов.

Так Гегель переходил к живому, существующему уже не в форме в-себе-бытия, а в форме наличного бытия растения и животного...

Однако неорганическое оказывается, по Гегелю, не только предпосылкой возникновения живого, как налично существующего, но и постоянно не-

обходимым моментом существования этого живого организма. Это проявляется, по Гегелю, двояким образом.

Во-первых, само живое распадается, по Гегелю, внутри себя на действительно живое, или субъективное, и мертвое. Одеревенелое в растении, кости в животном — вот то мертвое, которое выделяет из себя живое. Более того, вообще живое, по Гегелю, «всегда готово сделать скачок в область химического процесса», «всегда имеет в себе другое» (стр. 344).

Во-вторых, мертвое, неорганическое, по Гегелю, предстает вообще как то, что является внешним, и должно быть преодолено. Так, в форме впитываемых соков растение преодолевает внешнюю геологическую природу, животное преодолевает пожираемые им растения и т. д. Все внешнее, подлежащее преодолению, Гегель называет «неорганическим». Поэтому, по Гегелю, например, подлежащие изучению индивидуума науки являются его неорганической природой (стр. 374).

Исходя из своего представления об идеальности жизни, Гегель строит свое рассуждение о моментах, на которые распадается процесс деятельности организма. Этих моментов, по Гегелю, три: 1) процесс пожирания самого себя, превращение самого себя в свою неорганическую природу, — это процесс формирования; 2) процесс нахождения другого не в самом себе, а вне, в форме преднаходимого объекта, который по видимости возникает случайно, а по существу есть иное самого себя (пища), — это процесс питания; 3) единство двух первых процессов, причем неорганическим здесь оказывается уже сам индивидуум; взаимодействие индивидуумов друг с другом ведет к производству (формированию) другого индивидуума и к сохранению рода — половое отношение и родовой процесс (стр. 375—378). Все три процесса составляют, по Гегелю, силлогизм.

Вот с этими общими воззрениями и подходит Гегель к рассмотрению растительного организма.

* * *

Растительный организм, по Гегелю, прежде всего характеризуется тем, что в нем субъективность и объективный организм еще непосредственно тождественны, что частное в растении еще совпадает с его жизнью вообще. Растение, по Гегелю, есть «лишь слабая младенческая жизнь, еще не раскрывшаяся внутри самой себя для различия» (стр. 380).

В противоположность растению у животного, по Гегелю, субъективность уже расчленена внутри себя на различия, причем различия обособлены не только друг от друга, но и от целого, являясь моментами последнего.

Так объясняет Гегель то, что растение распадается на ряд членов: почки, ветви, которые являются в свою очередь индивидуумами. Целый индивидуум — растение — является здесь «скорее лишь почвой чем субъективным единством членов» (стр. 379).

Этим недоразвитием растения в целостный и в то же время различенный внутри себя индивидуум Гегель объясняет и отличие роста растения от роста животного. «Господствующий в растительном царстве рост, — писал он, — есть поэтому умножение самого себя как изменение формы; наоборот, рост животных есть лишь изменение величины, при котором образ остается одним, потому что там целостность членов воспринята субъективностью...» (стр. 380).

Наконец, Гегель, характеризуя растительный организм, подчеркивает, что в нем процесс воспроизведения единичного индивидуума совпадает с родовым процессом и есть вековечное производство новых индивидуумов: почек, ветвей, клубней и т. д. (стр. 381).

Эти, самые общие воззрения на растительный организм служат Гегелю для выведения других, характерных для растения и абсолютизируемых Гегелем черт.

Растение неспособно двигаться с места: оно неподвижно. Это свойство растения Гегель выводит из того, что чувственное, пространственное еще не отличено у растения от нечувственного, непространственного, — души. Там же, где это отличие имеет место, у животного, там имеет место и преодоление пространственного и, следовательно, движение (стр. 383).

Растение обладает непрерывным процессом усвоения питательных веществ, являющихся всеобщими стихиями, а не индивидуализированными телами. Это свойство Гегель выводит также из того, что растение не есть еще подлинная субъективность: оно еще зависимо от внешней среды. Поэтому воздух и вода непрерывно действуют на него. Те же перерывы, которые наступают в процессе питания растения, зависят не от внутренних причин, а от внешних: времен года, смены дня и ночи — и могут быть вызваны изменением внешних условий: введением искусственного освещения, перенесением в другой климат и т. п. (стр. 385).

Растение не имеет собственной температуры тела: у него нет животной теплоты. Это свойство Гегель объясняет тем, что «теплота есть конфликт измененного сцепления; но у растений нет этого изменения сцепления внутри себя, нет этого воспламенения, этого внутреннего огня, который составляет животную жизнь» (стр. 385). Все это — следствие того, что растение не есть процесс, «который возвращал бы его члены, представляющие собой скорее части и самостоятельные индивидуумы, к отрицательному, простому единству» (стр. 381).

Наконец, растение неспособно к ощущению. «Все органическое, — писал Гегель, — есть нечто, что само различается внутри себя, сохраняя единство в многообразии. Но животная жизнь как истина органического восходит к более высокому определенному различию, состоящему в том, что проникнутое субстанциальной формой различие есть лишь одна сторона, с другой же стороны — субстанциальная форма самостоятельно противостоит этой погруженности; животное является поэтому ощущающим. Растение же еще не восходит к этому различию, при котором самостная точка единства и органический кристалл уже составляли бы обе стороны ее жизни. Оживотворяющее начало, которым у животного служит душа, еще погружено поэтому у растения в процессуальную внеположность» (стр. 381—382).

«Только то, что обладает ощущением, — писал Гегель в другом месте, — может вынести самого себя как другое; только оно может это другое принять жестокостью индивидуальности и решиться на борьбу с другими индивидуальностями» (стр. 386).

* * *

Таковы те общие определения растительного организма, которые Гегель «выводил из понятия» растительного организма, как еще не расчлененной субъективности. Взяв из опыта определенное представление об организме растений, Гегель возвел это представление в ранг абсолютной истины и при посредстве нее «определил» частное.

В изложенном выше мы видим, как определял Гегель отличие растения от животного. Еще ранее мы изложили взгляд Гегеля на отличие кристалла от растения. Отметим здесь, как Гегель характеризует родство кристалла и растения.

«Образ растения, как еще не возвысившийся из индивидуальности до субъективности, остается, — писал Гегель, — близок к геометричес-

ким формам и кристаллической правильности, как продукты его процесса стоят ближе к химическим продуктам» (стр. 388).

Формообразовательный процесс — внутренний процесс отношения растения к самому себе, — по определению Гегеля, начинается у него с зародыша. Зародыш растения есть, по Гегелю, еще неразоблаченное, целое понятие, единство самости и рода. В зародыше, по Гегелю, в возможности содержится уже все растение, и почва, на которую он падает, есть лишь некая сила, которая должна послужить растению раскрыть себя в зародыше как возможность живого. Гегель сам называет такую трактовку сущности зародыша мистической.

Выделение в процессе формообразования мертвых, опорных элементов играет, по Гегелю, особенную роль. «Растение как и животное, — писал, он, — вечно умерщвляет само себя, противопоставляя себе бытие; это выражается в одревенении у растения и в костной системе у животного. Последняя является опорой животного организма, но как абстрактно покоящееся бытие она есть нечто выделенное, известковое» (стр. 415).

Последним этапом формообразовательного процесса в растении является, по Гегелю, образование почки, цветка и нового зародыша. Этим заканчивается процесс в целом; растение сохраняется путем воспроизводства самого себя, являющегося в то же время воспроизводством другого.

Формообразовательный процесс связан, по Гегелю, с процессом ассимиляции. Этот процесс заключается, по Гегелю, в отношении растения к внешней среде, именно в отношении к свету, воздуху и воде.

Выше мы уже изложили, что, по Гегелю, растение распадается на множество отдельных индивидуальностей. Его «самость» оказывается как бы вне его, и растение находит эту самость в свете. Свет, по Гегелю, — самость растения, находящаяся вне его (стр. 421). Именно под влиянием света растение развивается, растет, разветвляется, образует почки и т. д.

«Подобно тому как человеческий индивидуум, относясь к государству как к своей нравственной субстанциальности, к своей абсолютной мощи и сущности, именно в этом тождестве становится самостоятельным и существующим для себя, приобретает зрелость и существенность, — точно так же, — писал Гегель, — растение через отношение к свету приобретает свой особенный характер, свою специфическую и мощную определенность» (стр. 421—422). Исходя из такого воззрения, Гегель объяснял возникновение цветной окраски у растений и т. д. Окраска у растений — это зрение высших организмов на стадии растений.

Этот же процесс отношения растения к свету есть, по Гегелю, самоощущение растения, еще недоразвившееся до самоощущения животного.

В полном соответствии с изложенной уже выше точкой зрения на состав воздуха и превращение его в воду и обратно Гегель рассматривал процесс взаимодействия растения с воздухом как процесс полного превращения воздуха в совершенно иные вещества, как переход одного химического элемента в другой (стр. 423). Применяя этот же взгляд к процессу отношения растения к воде, Гегель утверждал превращение воды в твердые, зольные части растения, а также в кислород и т. д.

Гегель, воевавший, как мы видели ранее, против теплородов, электрических и магнитных жидкостей и прочих метафизических утверждений современного ему естествознания, оказывался в учении о живом защитником учения о жизненной силе как о деятельной форме, преобразующей материю согласно заложенной в нее цели — раскрытию материального как духовного.

Процесс ассимиляции заканчивается, по Гегелю, внутренним и внешним его расчленением и завершением всего процесса в цветке. «Из точечной основы клеточной ткани или первого зародыша растение приходит, — писал Гегель, — через линейную форму древесинного волокна и поверхность листа

к округлой форме в цветке и плоде; множественность листьев снова стягивается в одну точку» (стр. 426).

Так Гегель переходил от процесса ассимиляции к родовому процессу у растения, причем оказывалось, что все три процесса (формообразование, ассимиляция и родовой) взаимно проникают друг друга и лишь поверхностно отличаются между собой (стр. 421).

Цветок растения Гегель считал не только последним актом развития, но выражением наивысшей субъективности растения. Цветком заканчивается, по Гегелю, рост растения. Более того, образование цветка противоположно процессу роста; всякое замедление роста растения, вызванное даже искусственно, ведет к образованию цветка.

Гегель хорошо знал, что цветок содержит половые органы растения и служит половому процессу. Он приводит в этом отношении многочисленные и обширные цитаты из произведений различных авторов, содержащие эмпирические наблюдения. И все же Гегель не только ставит вопрос, имеется ли у растений половой процесс, но решает его по-своему и в основном отрицательно.

Ни наличие двудомных растений, ни необходимость опыления для образования плода, ни прочие эмпирические наблюдения не доказывают, по Гегелю, того, что у растения есть половой процесс и что он ему нужен.

С целью обоснования этой точки зрения Гегель, во-первых, подчеркивает, что у растений пол не проникает организма растения насквозь, не есть всеобщий момент особи. Облик растения, по Гегелю, не связан с полом. Поэтому он даже двудомные растения называет бесполоыми.

Во-вторых, даже там, где Гегель готов признать наличие оплодотворения у растений, он считает этот процесс «лишь игрой, роскошью, чем-то излишним для размножения, ибо сохранение растения есть само по себе лишь его собственное умножение» (стр. 430). Каждая почка, каждая ветвь уже есть, по Гегелю, такое размножение растения.

Но в ряде случаев Гегель вообще отрицает необходимость оплодотворения даже для образования плода, семени. Он как всегда опирается при этом на неполные и ошибочные наблюдения эмпириков. Исходя из таких наблюдений, он утверждает, что имеются случаи появления зрелых семян и без оплодотворения.

В связи с этим Гегель отрицает половой характер органов оплодотворения. Пыльца, по Гегелю, попав на пестик, потому ведет к образованию плода, что она действует как умерщвляющий яд, как нечто, задерживающее рост растения.

Наконец, Гегель вообще считал половой процесс у растения неразвитым, формальным и не имеющим особенной важности (стр. 432). «Процессы формообразования и ассимиляции, будучи произведением новых индивидуумов, уже сами представляют собой воспроизведение» (стр. 427).

Таковы были воззрения Гегеля на растительный организм. Этот организм, по Гегелю, еще не соответствует своему понятию. Но в понятии, по его мнению, заложено то, что единичная и непосредственная внеположность растительной жизни должна быть «снята». Она и «снимается», по Гегелю, в животном организме. При этом оказывается, что растение — лишь подчиненный организм, назначение которого — служить высшему организму и быть предметом потребления.

* * *

Животный организм, по Гегелю, есть не просто субъективность, но субъективность, которая рефлектирована внутри себя. Субъективное единство животного организма как целого воспроизводится и в каждом его отдельном органе, являющемся его внутренней расчлененностью. Поэтому Ге-

гель называет животное «самостью, сущей для самости», «удвоенной субъективностью» (стр. 438).

Субъективное единство животного, бесконечность формы внутри самой себя, развернутой во внешности тела и связанной с неорганической природой, Гегель называет душой. Она не есть что-то, находящееся в какой-либо точке тела животного, но, пронизывая собой все, она не находится ни в одной точке. Для души вообще внеположность пространства не обладает никакой истинностью, душа непространственна (стр. 439, 350).

Тем самым, по Гегелю, окончательно преодолевается тяжесть, и животное оказывается центром самого себя, содержащим свои члены внутри себя. Отсюда, по Гегелю, вытекает способность животного к самостоятельному движению как отрицанию неорганической природы и единичности места. Отсюда же Гегель выводит способность животного к ощущению как отношению самости к самости — эту «абсолютную отличительную черту животного». Отсюда же Гегель выводит способность животного издавать звуки и обладать голосом. Голосом животное выражает вове то, что оно чувствует. Наконец, из общего «понятия» животного выводит Гегель и способность его к постоянному произведению животной теплоты. Животное есть, по Гегелю, постоянный процесс самодвижения, самопожирания, отрицания материальности и, тем самым, постоянного порождения теплоты.

Животное, по Гегелю, есть живая всеобщность, есть понятие, которое распадается на свои моменты и обнаруживает себя в движении через эти моменты. «Животное есть существующая идея», жизнь же животного есть «абсолютный идеализм» (стр. 438, 439, 443). Таково общее определение, даваемое Гегелем животному организму. Высшим же завершением животных организмов является человек.

Человеческий организм — это та цель, к которой стремится природа и в которой животный организм раскрыт с наибольшей полнотой. «В этом высшем организме, — писал Гегель, — присутствует, стало быть, всеобщий тип, на котором и из которого только и может быть познано и выведено значение неразвитого организма» (стр. 445).

Исходя из этого общего «понятия» животного организма, Гегель «выводит» объяснение его отдельных функций.

Животный организм как понятие, проходя три стадии умозаключения, распадается подобно растению на три функции: на процесс формообразования, называемый здесь процессом «образа», процесс ассимиляции и родовой процесс. Однако эти три функции у животного, по Гегелю, даны на более высокой ступени, и поэтому каждая функция распадается еще на ряд подчиненных моментов.

Так, первый процесс формообразования (образа) распадается, по Гегелю, на четыре момента: функции организма, системы образа, целостный образ и собственно формообразовательный процесс.

Гегель признает три функции животного организма: 1) чувствительность, — способность к ощущению, — то, что в духе соответствует «Я»; 2) раздражимость — «тоже ощущение, субъективность, но в форме отношения» и 3) воспроизведение — единство обеих предыдущих функций, выражающееся в деятельности полагания и порождения самого себя (стр. 445—446).

Эти три функции организма реально проявляются, по Гегелю, в трех системах образа: в нервной, кровеносной и пищеварительной.

Каждую из этих систем Гегель в свою очередь подразделяет на ряд моментов. Так, систему чувствительности Гегель разлагает на три момента: костную систему, нервную систему с мозгом и симпатическую нервную систему. В систему раздражимости (кровеносная) он включает мускульную систему, легкие, кровь. Наконец, пищеварительная система распадается

у Гегеля на систему желез с кожей, на клеточную ткань, на пищеварительный тракт: рот, желудок, кишечник и т. д.

Так создается у Гегеля причудливое — напоминающее некоторые отделы его «физики» — соединение в одно целое разнородных функций и органов животного организма.

Не останавливаясь на его «выводе» всех этих органов и функций из «понятия», скажем лишь, что и здесь Гегель исходит из понятия целостности, суб'ективности. Поэтому он решительно высказывается, например, против представления о крови как о чем-то, что состоит из отдельных кровяных шариков.

«Кровяные шарики, — писал Гегель, — появляются только при умирании крови, когда она соприкасается с атмосферой. Стало быть, — заключал он, — их устойчивое существование есть фикция подобно атомистике... Никакие самые тонкие анатомические исследования и никакие микроскопы тут не помогут» (стр. 458). Так Гегель становился во враждебное отношение с эмпирическим естествознанием и отрезал себе путь от науки.

Третий момент формообразовательного процесса — целостный образ — трактует о расчленении вовне и внутри всего организма в целом. При этом это расчленение является, по Гегелю, дальнейшим углублением того процесса, который имел место на двух предшествующих стадиях. Так, расчленение тела на голову, грудь и брюшко выражает формообразование центров чувствительности (голова), раздражимости (грудь) и воспроизведения (брюшко). Что касается конечностей, то они являются органами механического движения во взаимоотношениях организма с внешней средой.

Резко выраженное деление тела на указанные три части у насекомых переходит у более высоких животных во взаимное проникновение отдельных функций и формообразовательных элементов. Наивысшее единство организма, однако, по Гегелю, достигается в ощущении и, следовательно, в духовном.

Гегель рассматривает более или менее подробно каждую из этих проблем и роль каждого из органов. При этом он немало уделяет внимания и такой проблеме, как симметрия тела, гармония органов и влияние на последнюю физических упражнений и умственных занятий.

Четвертый и последний момент формообразовательного процесса — формообразовательный процесс в целом. Организм рассматривается при этом Гегелем как единство внутреннего и внешнего, как взаимная обусловленность деятельности одной системы органов или функций другой и, наконец, завершение всего этого единства в самочувствии организма.

Гегель приводит при рассмотрении этой проблемы много эмпирических наблюдений и защищает положение, что «чем совершеннее организация, т. е. чем больше расходятся между собой отдельные функции, тем как раз сильнее их взаимная зависимость; поэтому у низших животных они обнаруживают наибольшую живучесть» (стр. 472).

Этим и заканчивается рассмотрение Гегелем формообразовательного процесса, переходящего далее к рассмотрению процесса ассимиляции.

Процесс ассимиляции также распадается на несколько моментов: 1) на теоретический процесс, 2) на практическое отношение и 3) на творческое влечение, являющееся единством двух первых.

По Гегелю, получается, что то, что было ранее моментом самого организма, превращается в абстрактное бытие внешности наличного мира, с «которым животное вступает в отношение. Точка зрения жизненности и состоит в этом суждении, которым она выбрасывает из себя солнце и вселенную. Идея жизни есть сама по себе бессознательное творчество — природная экспан-

сия, которая в живом возвращается в свою истину. Но для индивидуума, — добавляет Гегель, — неорганическая природа есть нечто предпосланное, преднаходимое; и в этом заключается конечность живого» (стр. 473).

Итак, по Гегелю, лишь для отдельного индивидуума внешний мир — нечто предпосланное, для идеи же, наоборот, внешний мир есть продукт живого. Поэтому, как говорит Гегель там же, «внешнее имеет своим единственным определением бытие для органического; а последнее... в такой же мере направлено к внешнему, в какой оно внутренне напряжено против него...»

Эта точка зрения находится в полном соответствии с общей идеалистической концепцией Гегеля о том, что природа есть инобытие идеи. «Благодаря стремлению идеи стать объектом для самой себя, — писал он, — самостоятельный момент, как например органы чувств животных, делается чем-то объективно-внешним, солнцем, лунами, кометами. Уже в области физики эти тела теряют свою самостоятельность, хотя они с некоторыми изменениями все еще обладают той же формой, что и раньше, — они являются таким образом стихиями: субъективное видение, выброшенное во-вне, является солнцем, вкус — водой, обоняние — воздухом» (стр. 35).

Из всего изложенного следует, что внешнее, по Гегелю, — это внутреннее, получившее на некоторое время свободное существование. Он это так и трактует сам, когда внешнее образно называет «отпущенным на свободу» (freigelassene).

Но то, что в природе оказывается разрозненным и не находящим истинного, духовного единства, начинает получать это единство в живой природе, в живом организме. При этом осознание организма как некоей целостности и субъективного единства происходит при посредстве распада первоначального, еще не развернутого единства, на расчлененное единство различных чувств. Происходит рефлексия организма внутри самого себя. Эта рефлексия внутри себя и выражается в форме определенных чувств, которые обнаруживают себя не только как внутренний процесс организма, но и как внешняя многочувственность природы. То, что в неорганической природе обнаруживает себя как твердое, теплое и т. д., т. е. как нечто, внешнее организму, теперь оказывается также определенным состоянием чувства живого организма. Более того, на стадии организма, по Гегелю, выясняется, что внешнее вообще есть не что иное, как модификация ощущения. «Содержание во мне, — писал Гегель, — таково же, как и вне меня, только форма различна» (стр. 474).

Как видим, лишь на стадии организма получает разгадку та мистерия, выражением которой является «Философия природы» Гегеля. Неорганическая природа есть не что иное, как лишь отдельные абстрактные определения понятия. Эти последние и застывают в форме различных проявлений мертвой природы. Но, наконец, эти абстрактные определения возвышаются до конкретности и получают жизнь в форме силлогизма. Материальным силлогизмом, природным его выражением и является, по Гегелю, животный организм. Поэтому, по Гегелю, «животный организм есть приведение распавшейся неорганической природы к бесконечному единству субъективности» (стр. 475).

Такова суть идеалистической теории познания Гегеля в ее применении в трактовке проблем природы. Скрывавшаяся ранее под тяжестью тысячи мелочей и частных и за лесом искусственных построений, суть идеалистической системы и теории познания Гегеля в области учения о животном организме выступает уже в явном и открытом виде и служит непосредственным методом для трактовки рассматриваемой им проблемы ассимиляции.

Итак, по Гегелю, на известной стадии развития идеи налицо распад ее на объективно-внешний мир и на воспринимающий субъект. Это рас-

падение представляет собой противоречие, которое должно быть преодолено и преодолевается, по Гегелю, в процессе ассимиляции.

В теоретическом процессе — первой ступени процесса ассимиляции — внешнее остается неизменным. Наивысшего своего развития теоретическое отношение достигает у человека, причем, по Гегелю, это отношение характеризуется тремя чертами.

Первой чертой теоретического отношения является то, что «мы отходим от явлений природы, оставляем их в неприкосновенности и ориентируемся по ним. Мы при этом начинаем с чувственных сведений о природе» (стр. 10).

Второй чертой теоретического отношения к предметам природы является то, «что они получают для нас определение всеобщности, или, иначе говоря, то, что мы их превращаем в нечто всеобщее» (стр. 11).

И, наконец, третьей чертой теоретического отношения является то, что оно противоречиво само в себе. Стараясь освоить природу такой, какая она есть, «мы превращаем их (вещи.—А. М.) в нечто всеобщее; вещи же в действительности единичны, и льва вообще не существует» (стр. 11).

Теоретический процесс, по Гегелю, распадается в свою очередь на пять чувственных сфер.

Практическое отношение к природе есть, по Гегелю, реальный процесс, и начинается он с того же раз'ятия организма внутри себя, с которого начинается и теоретический процесс. Но здесь это раз'ятие проявляется в чувстве внешности как отрицания суб'екта, в чувстве недостатка, и организм стремится устранить его. Поэтому это чувство проявляется как влечение к овладению внешним и в дальнейшем переходит в чувство уверенности в победе над внешним (стр. 477—478).

Этот процесс практического отношения организма к природе есть, по Гегелю, в то же время имманентный процесс. Само понятие организма требует его раз'ятия, положения его как внешнего и затем преодоление этого внешнего в более высоком единстве. Поэтому понятие организма и его противоречивость — вот движущая сила диалектики отношения организма к внешней среде. По Гегелю, нельзя сказать, что внешняя среда действует на организм. Нет. Внешняя среда, по Гегелю, лишь возбуждает к деятельности те потенции, которые заложены в организме его понятием.

«Здесь—начало идеализма,—писал Гегель,—утверждающего, что вообще ничто не может иметь положительного отношения к живому, если живое само по себе не есть возможность такого отношения, т. е. если последнее не определено понятием и следовательно не является абсолютно имманентным суб'екту» (стр. 478).

Исходя из этих воззрений, Гегель отвергал все попытки об'яснить деятельность организма в его отношении к внешней среде какими-либо иными методами, кроме метода рассмотрения со стороны понятия. Так, он решительно отвергает метод аналогий, так часто практиковавшийся шеллингианством, механически ставившим в параллель органические явления с явлениями из других областей природы. Еще более решительно Гегель возражал против попыток об'яснять деятельность организма путем рассмотрения количественных отношений, путем применения химизма и пр. (стр. 779—480).

Гегель при этом не отрицал, что в организме животного имеют место некоторые не только химические, но и механические явления, например механическое разрывание пищи зубами и т. п. Но все это есть лишь побочный момент, сам по себе не имеющий никакого значения для понимания сущности организма.

«Долгое время было в моде об'яснять процесс ассимиляции механическим равно как и кровообращение или действие нервов, словно последние представляют собой колеблющиеся натянутые струны; но в действительности

нервы вовсе не натянуты. Видели в них и ряд шариков, которые при давлении толкают и перемещают друг друга, причем последний шарик дает будто бы толчок душе. Но душа присутствует в теле повсеместно; и для ее идеализма внеположность костей, нервов, сосудов не имеет никакого значения. Поэтому переносить на жизнь конечные отношения еще более странно, чем (как мы это видели в отделе об электричестве) думать, что на небе происходит то же самое, что и у нас на земле» (стр. 487—488).

Впротивовес этому представлению Гегель развивал то представление, согласно которому живой организм есть приходящее через расчленение к собственному самосознанию понятие. При этом внешнее—природа—есть лишь подчиненный момент в этом движении понятия. Цель этого движения определяется самым понятием. Поэтому не действие внешних причин на организм, а завершение в организме как цели того, что во внешней природе было в неразвитом, еще разрозненном виде,—вот метод решения Гегелем проблемы отношения организма и внешней среды.

Отсюда вытекает, почему Гегель выдвигает телеологию как метод понимания организма в его отношении к внешней среде. При этом телеология в соответствии со всем сказанным рассматривается Гегелем как имманентное движение к цели, которая не внешня организму, а внутренне присуща ему и осуществляется его собственной самодеятельностью.

Так влечение как стремление преодолеть внешнее Гегель рассматривал как деятельность, направленную к определенной цели. «Животное влечение,—писал он,—есть идеализм предметности, согласно которому эта последняя не есть нечто чуждое» (стр. 481).

Исходя из такого представления об организме и его целесообразной (соответствующей понятию) деятельности, Гегель критиковал всякие иные, примитивные, с его точки зрения, представления о телеологии. «Некогда столь излюбленное телеологическое рассмотрение природы,—писал он,—хотя и клало в свое основание отношение к духу, придерживалось, однако, лишь внешней целесообразности и понимало дух как дух конечный, находящийся в плену у естественных целей. Вследствие пустоты тех целей, для достижения которых, как доказывало это телеологическое представление, нужны вещи и явления природы, было дискредитировано также и его стремление доказать премудрость божью. Но понятие цели в этом телеологическом воззрении не только оставалось внешним, не только носило примерно такой характер, как если бы я сказал: «Овцы покрыты шерстью лишь для того, чтобы мы могли ткать из них одежду», но и получало иногда совершенно нелепое применение. Так например прославлялась премудрость божия, как говорится иронически в «Ксениях» «за сотворение пробковых деревьев для закупоривания бутылок, трав для исправления испортившихся желудков и киноvari — для румян» (стр. 9).

Впротивовес этим примитивным воззрениям на телеологию Гегель присоединялся к представлениям о цели, которые в древности развивал Аристотель, а в новое время—Кант. «Основательное определение, которое дал живому Аристотель, учивший, что его следует понимать как действующее по целям, было почти утрачено в новое время, пока Кант не восстановил по-своему это понятие в виде принципа внутренней целесообразности, согласно которому живое должно быть понимаемо как самоцель» (стр. 481—482).

С изложенной точки зрения и рассматривал Гегель формы практического отношения животного к природе. При этом Гегель не рассматривал цель как какую-то обязательно, сознательно поставленную цель. Целесообразная деятельность, по Гегелю, может быть и бессознательной, инстинктивной. Именно эту форму инстинктивной деятельности и рассматривает Гегель

ранее всего, когда он переходит к детальной трактовке практической деятельности организма.

Вступая в общение с вещами природы, животное разрознивает неорганические вещи, ассимилируя их посредством потребления и вместе с тем уничтожения их специфических качеств. Но в самой общей форме этот процесс, по Гегелю, проявляется прежде всего в отношении животного организма к свету, воздуху, воде и земле. Здесь Гегель рассматривает отличие животного организма от растительного в отношении этих стихий.

Что касается ассимиляции внешних объектов, то она происходит в форме пищеварения. При этом Гегель трактует этот процесс в соответствии с общей его трактовкой отношений организма к внешней среде.

Так как внешняя среда, по Гегелю, есть лишь инобытие разрозненных моментов понятия, получающих свое единство и реализацию в животном организме, то ассимиляция внешних предметов не есть собственно усвоение чего-то чуждого организму, а такого, что в возможности уже подчинено власти живого. Организм по отношению к неорганическому оказывается, по Гегелю, всеобщим, поглощающим частное. Это поглощение может, по Гегелю, происходить без всякого опосредования, т. е. непосредственно.

Исходя из этих представлений, Гегель и рассматривал прежде всего так называемое непосредственное пищеварение, т. е. непосредственное усвоение веществ природы организмом. Для такого непосредственного пищеварения и усвоения не нужно никаких промежуточных звеньев, никаких этапов пищеварительного процесса (стр. 490).

С этой точки зрения сложный, опосредованный процесс пищеварения, по Гегелю, является излишним, такой же роскошью, какой являлся, по Гегелю, у растений процесс произведения семян и вообще родовой процесс (стр. 490).

Непосредственное пищеварение Гегель называет также «бессознательным постижением неорганических вещей» (стр. 493). Естественно, что при таком понимании Гегель отказывал химии и, тем более, механике в какой-либо роли в раз'яснении процесса ассимиляции. «На этом непосредственном переходе, — писал он, — на этом превращении терпит крушение всякая химия и всякая механика, здесь они находят свою границу...» (стр. 492).

Однако, подчеркивая значение непосредственного пищеварения, Гегель не мог отрицать наличия опосредованного пищеварения у животных, пищеварения, в котором принимают участие различные органы пищеварительного тракта и различные железы с их секретами. Факт существования такого опосредованного пищеварения Гегель объяснял тем, что, будучи излишним для неорганического, это опосредованное пищеварение нужно ради самого органического. Чем более органическое расчленяется внутри себя, тем полнее процесс его воссоединения с собой, тем напряженнее деятельность организма, «как и дух всегда тем сильнее, — добавлял Гегель, — чем напряженнее была преодоленная им противоположность» (стр. 493).

Именно с этой точки зрения необходимости для самого организма его внутреннего саморасчленения и рассматривает Гегель различные органы пищеварения: кишечник, печень, селезенку и т. д., — а также их секреты: желчь, млечный сок и т. д.

Таково и общее и частное учение Гегеля о практическом отношении организма к природе. Наивысшее свое завершение это практическое отношение к природе получает у человека.

Гегель отмечает три черты этого практического отношения человека к природе. Во-первых, человек имеет дело с отдельными продуктами природы или с отдельными сторонами этих продуктов. При этом человек изобрел разнообразные способы использования и покорения природы. «Какие бы силы ни развивала и ни пускала в ход природа против человека — холод, хищ-

ных зверей, огонь, воду, — он всегда, — писал Гегель, — находит средства против них и при этом черпает эти средства из самой же природы, пользуется ею против нее же самой, хитрость его разума дает ему возможность направлять против одних естественных сил другие, заставляя их уничтожать последние и, стоя за этими силами, сохранять себя» (стр. 8).

Другой чертой практического отношения человека к природе Гегель считал то, что целью отношения человека к природе являются не сама природа, а цели человека. Поэтому предметы природы для человека являются лишь средствами для достижения целей.

Наконец, третьей чертой практического отношения человека к природе является удовлетворение, т. е. то, к чему приходит и животное в его практическом отношении к природе.

От практического отношения к природе Гегель переходил к рассмотрению творческого влечения — третьего момента процесса ассимиляции.

Под творческим, или художественным, влечением Гегель понимал такую деятельность животного организма, направленную на предметы неорганической природы, которая ассимилирует эти предметы, оставляя их в то же время в качестве внешних предметов. Таким образом, получился некий синтез теоретического и практического отношения организма к природе.

К числу проявлений творческого, или художественного, влечения Гегель относил прежде всего постройку гнезд, пещер, логовищ, собирание запасов пищи на зиму и т. д.; другой формой проявлений творческого влечения Гегель считал изготовление животными своего оружия: паутины пауком, коконов гусеницей и т. д.

Результатом творческого влечения Гегель считал чувство наслаждения.

Рассмотрением творческого влечения заканчивается у Гегеля рассмотрение процесса ассимиляции вообще. Процесс взаимодействия животного с внешней природой приводит, по Гегелю, к тому, что субъективное понятие проявляется как истина и объективность и превращается в единичную особь.

Таким образом, процесс ассимиляции, или производства животным организмом самого себя, переходит в воспроизведение самого себя. Вместе с тем непосредственность субъективности, имевшая место на предшествующей стадии, снимается, и понятие субъективности смыкается само с собой, превращаясь в понятие всеобщей конкретности, или род, который «вступает в отношение и в процесс взаимодействия с единичностью субъективности» (стр. 506). Тем самым, по Гегелю, мы получаем единство двух предшествующих стадий (формообразовательного процесса и процесса ассимиляции) и переход к родовому процессу.

«Род, — по Гегелю, — составляет в-себе-сущее простое единство с единичностью субъекта, который имеет в нем свою конкретную субстанцию» (стр. 507).

Род, по Гегелю, выше индивидуума и составляет его истину. Однако род, содержа в себе как подчиненный момент индивидуум, еще не является единым субъектом. Поэтому родовой процесс распадается и существует в виде ряда отдельных процессов, которые, ввиду несоответствия индивидуума (так как индивидуум существует еще как нечто природное) роду, заканчиваются смертью индивидуума.

«Через смерть единичного род, — писал Гегель, — приходит к самому себе и становится таким образом предметом для себя, в чем и состоит возникновение духа» (стр. 508). Лишь дух, по Гегелю, является единством единичного и всеобщего и в то же время нераздельным субъектом, вечно существующим.

Родовой процесс, по Гегелю, распадается на три отдельных момента, являющихся тремя различными формами смерти индивидуума, именно на

- 1) половое отношение, 2) отношение рода и видов и
- 3) отношение рода и индивидуума.

Половое отношение, по Гегелю, «есть процесс, который начинается с потребности, поскольку индивидуум как единичное оказывается несоразмерным имманентному роду и вместе с тем является его тождественным отношением к себе в одном единстве; и таким образом он чувствует этот недостаток. Поэтому род в нем как напряжение, вызванное несоразмерностью его единичной действительности, становится стремлением достигнуть самочувствия в другом представителе того же рода, восполниться через соединение с ним и через это опосредование сомкнуть род с собой и дать ему существование — это есть процесс совокупления» (стр. 509—510).

В половом процессе род есть субъективность как движущая сила, стремящаяся воспроизвести себя в другом. В этом отношении половой процесс сходен, по Гегелю, с творческим влечением, однако, с тем различием, что здесь, во-первых, налицо не отношение органического к неорганическому, а органического к органическому; во-вторых, то, что здесь основное противоречие — всеобщего и единичного — дано в форме рода и индивидуума, а не индивидуума и неорганических тел.

Половое влечение, таким образом, по Гегелю, есть чувство всеобщности, которое проявляется у индивидуумов. Оно, по Гегелю, есть «высшее, до чего может подняться животное» (стр. 510), и в этом отношении сходно с мышлением. Оно отличается, однако, от мышления тем, что конкретная всеобщность рода еще не делается теоретическим предметом созерцания, оставаясь еще чем-то, находящимся вне индивидуума.

В отличие от растений пол проникает у животных весь организм индивидуума, и поэтому образование каждого пола различно. Однако, подчеркивая это различие, Гегель вместе с тем обращает внимание и на моменты первоначального тождества в происхождении половых органов и пола вообще у мужских и женских особей. Он приводит соответствующие, уже известные в его время эмпирические данные, касающиеся этого вопроса.

Считая сущностью полового процесса активное воспроизведение рода через индивидуумы, Гегель в соответствии с этой идеалистической установкой не склонен был придавать значение материальной стороне полового процесса. Поэтому он отрицал как и в отношении растения роль мужского семени и женских половых продуктов (яиц) для формирования нового организма.

Таковы были представления Гегеля о половом процессе. Продуктом этого процесса является род.

Однако род существует лишь в форме единичных особей, т. е. лишь в себе, но не для себя. Лишь дух есть род, существующий «в себе и для себя от века» (стр. 513, см. также стр. 518).

Вследствие того что род дан лишь в себе в форме отдельных индивидуумов, сохранение рода происходит, по Гегелю, лишь в результате гибели отдельных особей. Благодаря этому размножение переходит в дурную бесконечность процесса.

* * *

От полового процесса Гегель переходит к отношению рода и видов.

Наличие различных порядков и видов животных Гегель объяснял тем, что «всеобщий, определенный понятием тип животного» (стр. 513) может реализоваться в природе лишь в более или менее совершенной форме. Различные классификационные группы животных, по Гегелю,

суть различные приближения к «понятию» животного, никогда не осуществляющегося в природе в совершенном виде.

Причиной возникновения различных видов и классов животных Гегель считал «немошь понятия в природе вообще» (стр. 515). «Непосредственность идеи жизни—причина того,—писал он,—что понятие не существует в жизни как таковое; и поэтому его наличное бытие подчиняется многочисленным условиям и обстоятельствам внешней природы и может являться в самых жалких формах; плодородность земли порождает жизнь повсюду и всяческого вида» (стр. 515).

Этой немощностью понятия в природе, внесением природой моментов случайного в классификацию животных Гегель и объяснял отсутствие четких границ между видами и другими классификационными единицами. «Только мысль, рассудок,—писал он,—может устанавливать твердые различия; только дух, потому что он дух, может создавать творения, сообразные этим строгим различиям» (стр. 525).

Таким образом не понятие вида, класса, есть, по Гегелю, отражение существующих в природе отношений, а, наоборот, существующие виды и классы животных суть лишь несовершенные отражения модификации, понятия в природе (стр. 517). Этим самым Гегель становился до известной степени на точку зрения эманационной теории, согласно которой «начальной ступенью является совершенство, абсолютная целостность, бог. Он был творцом, и из него выступили искры, молнии, отображения, так что первое отображение было наиболее похоже на него. Это — первое произведение. Оно в свою очередь не осталось бездеятельным и породило другие создания, но эти создания были уже менее совершенны, и так продолжалось дальше, все более и более ухудшаясь...» (стр. 30). Такая эманация кончается полным отсутствием формы—материей.

Но, стоя на такой позиции, Гегель не признавал и эволюционных учений.

«Природа не ставит своих созданий шеренгами,—писал Гегель,—и понятие проводит различие по качественной определенности» (стр. 31). «Древняя и также и новейшая философия природы исходили из неправильного представления, будто эволюция форм и сфер природы и переход их в высшие формы и сферы являются внешним и фактическим порождением, которое (порождение), однако, отодвигалось в тьму давно прошедших времен единственно лишь для того, чтобы сделать его более ясным для нас. В действительности же природе как раз свойственен характер внешности, ей свойственно дать различиям обособиться и выступать как безразличные друг другу существа» (стр. 28).

То же отрицание эволюции видим мы у Гегеля и в другом его высказывании. Он писал: «Эволюционное понимание, согласно которому начальным звеном является несовершенное, бесформенное, представляет себе дело так, что сначала существовали влажные и водные существа, из водных произошли затем растения, полипы, моллюски, а затем — рыбы; после этого возникли земные животные, а затем из них произошел человек. Это постепенное изменение называют постижением и объяснением, и это вызванное натурфилософией представление распространено еще и поныне. Но хотя такое количественное различие легче всего понять, оно, однако, ровно ничего не объясняет» (стр. 30, 518).

Итак, Гегель отвергал учение о развитии в природе вообще и в частности в применении к животному миру. Поэтому у него неизбежным выводом получалось, что «человек не развился из животного, как и животное не развилось из растения; каждое существо есть сразу и целиком то, что оно есть» (стр. 356). Таким же неизбежным выводом было и отрицание превращения видов одних животных в виды других.

Таковы следствия идеалистического представления Гегеля о том, что природа — инобытие идеи в применении к животному миру. К числу этих следствий принадлежит и представление Гегеля на взаимоотношение строения высших и низших животных.

Низшие ступени животного мира, по Гегелю, можно понять лишь из высших, так как высшие ступени являются наиболее совершенным выражением одного и того же развития идеи, скрывающейся за природной внешностью. «Для понимания низших ступеней, — писал Гегель, — необходимо знакомство с высшим организмом, ибо он является масштабом и первообразом для менее развитых; так как в нем все дошло до своей развернутой деятельности, то ясно, что лишь из него можно познать неразвитое» (стр. 518, 445 и 521). С этой точки зрения Гегель рассматривал обезьяну, как «сатиру на человека» (стр. 529).

На основе всех изложенных выше представлений и подходил Гегель к рассмотрению известных в его время систем классификации животных и растений.

Гегель прежде всего подчеркивал тщетность попыток искусственных классификаций, построенных на основе какого-либо случайного, внешнего признака (стр. 516). Непригодной он считал и классификацию Линнея как «неповоротливую рассудочную систему» (стр. 522).

Наоборот, большим шагом вперед Гегель считал возникновение сравнительной анатомии. Именно эта новая ветвь естествознания делала, по его мнению, сдвиг в направлении к рассмотрению массы эмпирических данных с точки зрения понятия (стр. 514). Поэтому Гегель высоко ценил работы Кювье (стр. 515), Жюсье и Ламарка (стр. 522).

С точки зрения Гегеля в основу классификации нужно было класть понятие единого типа животного, получающего различные степени реализации в природе. Такой подход к классификации Гегель считал наиболее приближающимся к идее.

Этот общий принцип классификации Гегель дополнял вторым принципом — принципом связи лестницы развития органического типа «со стихиями, в круг которых брошена органическая жизнь» (стр. 517). Этот второй принцип Гегель считал приложимым к более высоко организованным формам животных, так как низко организованные, по его мнению, не зависят еще от отдельных стихий.

С этой позиции Гегель и оценивал не только основы, но и частные моменты воззрений видных естествоиспытателей его времени и прежде всего Кювье.

На основе изложенных выше принципов Гегель дал в «Философии природы» характеристику основных классов животных, как они понимались в его время.

На основе этих же принципов Гегель объяснял и наличие нецелесообразных органов в теле животного. «Но если в основе и лежит всеобщий тип, развиваемый природой в отдельных животных согласно их частной определенности, то нельзя все-таки думать, что все наблюдаемое в животном целесообразно. У многих животных встречаются зачатки органов, принадлежащих только к общему типу, а не к частному характеру этих животных и, следовательно, неразвившихся потому, что частному характеру этих животных они ненужны; поэтому они и не могут быть поняты из этих низших организмов, а становятся понятными только из высших» (стр. 521).

Самым совершенным организмом Гегель считал организм человека, являющийся, по нему, уже «орудием духа» (стр. 522).

Таковы были воззрения Гегеля на отношение рода и видов. От рассмот-

рения этих отношений он переходит к рассмотрению отношений рода индивидуума.

Всеобщий тип животного, реализуясь в природе, согласно Гегелю, партикуляризируется, т. е. распадается на частные, несовершенные определения. Поэтому род как всеобщее дан в природе как нечто еще абстрактное и внешнее отдельным индивидуумам и видам. В то же время род свое существование в природе получает лишь в форме индивидуумов. Поэтому индивидуум есть природный носитель всеобщих, родовых черт.

Однако несовершенство выражения рода в отдельных индивидуумах есть противоречие. Это противоречие, как мы видели, в половом процессе снимается через воспроизведение новых индивидуумов и их гибель. Теперь это же противоречие Гегель рассматривает в отношении отдельного организма. Отдельный организм, по Гегелю, представляет собой некую целостность. Но эта целостность есть проявление всеобщего в организме. Это всеобщее дано в форме партикуляризации организма на отдельные процессы, органы и т. д. Течение этих партикулярных процессов и деятельность партикулярных органов в нормальном состоянии организма подчинены всеобщему принципу и являются гармоничными. Эта-то гармония всеобщего и частного в организме и есть, по Гегелю, здоровье.

«Здоровье есть, — писал он, — пропорциональность между органической самостью и его наличным бытием, есть такое состояние, когда все органы являются текучими во всеобщем; оно состоит в равномерном отношении органического к неорганическому, когда для организма нет ничего неорганического, чего бы он не мог преодолеть». (стр. 531).

Однако в том случае, когда та или иная функция или орган приобретают самостоятельное значение и обособляются от целого, нарушая гармонию, организм, впадает в состояние болезни. Организм, писал Гегель, «находится в состоянии болезни, когда одна из его систем (или органов), будучи возбуждена в конфликте с неорганической потенцией, обособляется для себя и упорствует в своей особенной деятельности против деятельности целого, текучесть которого и через все моменты насквозь проходящий процесс наталкиваются таким образом на препятствие» (стр. 530). Таково проявление, по Гегелю, противоречия рода и индивидуума в самом организме животного.

Общую причину этого противоречия и, следовательно, возникновения болезней Гегель видел в том, что в животном организме еще не дано в совершенной форме конкретное тождество единичного и всеобщего, рода и индивидуального строения отдельного организма. Но что служит толчком, причиной, которая здоровый организм приводит в состояние болезни?

Одну из причин болезней, обуславливающую определенную их форму, Гегель видел в зависимости организма животного и человека от стихий природы. Животный организм, погруженный в природу и еще не возвысившийся над ней, принужден, по Гегелю, переживать перемены, происходящие в природе. Такого рода болезни могут носить эпидемический характер.

Другой причиной болезни Гегель считал частное влияние природных факторов, увлекающих в сферу своего влияния не весь организм, как в предыдущем случае, а те или иные органы, отчего происходят болезни печени, легких и т. д.

Наконец, третий род причин болезней Гегель видел в переживании самого организма, что особенно имеет место у человека. Испуг, горе и т. д. — вот причины, выводящие организм из равновесия и гармонического состояния и приводящие к болезни, к душевному заболеванию.

Поскольку Гегель видел суть болезни в противоречии всеобщей природы организма и его частных функций, то не удивительно, что он не при-

давал существенного значения в возникновении болезней заразным началам. Более того, не отрицая значения заразы как дополнительного фактора, он возражал против известных в его время наблюдений о том, что, например, глисты вызываются заражением организма извне.

По Гегелю, обособившиеся в своей деятельности, желудок и кишки могут сделаться настолько самостоятельными, что сами порождают глисты. Поэтому он писал: «Ошибочна гипотеза, будто ленточные черви образуются во внутренностях человека от проглатывания яиц этих животных» (стр. 532).

В соответствии со своими воззрениями на сущность болезни Гегель трактовал стадии течения болезней и метод лечения.

Суть лечения Гегель видел в том, чтобы путем введения лекарства возбудить организм настолько, что он окажется в состоянии преодолеть и действие лекарства и вместе с тем самую болезнь.

Через такое возбуждение, вызванное лекарством, организм, по Гегелю, преодолевает обособленность органов или функций, обуславливающих болезнь. Тем самым организм возвращается к своей целостности и гармонии и, следовательно, исцеляется, выздоравливает.

Однако ничто не может спасти индивидуальный организм от общего противоречия между конечностью его индивидуального существования и бессмертием, вечностью понятия, проявляющегося в роде. Эта несоразмерность всеобщности и индивидуального бытия организма есть, по Гегелю, «и знача́лая болезнь и прирожденный зародыш смерти» (стр. 545). Поэтому смерть индивидуума есть естественный исход его существования и разрешение указанного противоречия.

В отличие от случайной смерти, например от упавшего камня, Гегель рассматривал необходимую смерть как удел всех индивидуальных, природных, погруженных в реальность существ. Смерть, по Гегелю, есть не только разрешение противоречия единичного и всеобщего в области живой природы, но и возвышение над природой. «Над этой смертью природы, из этой мертвой оболочки, — писал он, — подымается более высокая природа, подымается дух» (стр. 547).

Так Гегель, заканчивая свою философию органического и вообще всю свою философию природы, переходил к области духа, к философии духа.

* * *

Как мы видели выше и в области органики, вообще говоря, представляющей более связную и цельную картину чем физика, Гегель демонстрирует основное свое противоречие — несовместимость диалектики природы с идеализмом. Гегель отказывал органическому миру в развитии; по его мнению, организмы сами по себе не развиваются друг из друга, а лишь отражают развитие понятия, идеи. Вместе с тем вопреки этой основной его «идее» на основе его же собственного изложения неотвратимо навязывался вывод, что развитие понятия — лишь ширма, которая должна скрыть спонтанное развитие органического мира как такового.

Признавая «генерацию эквивока», самопроизвольное зарождение простейших организмов, Гегель в то же время оговаривался, что в действительности нет такого самопроизвольного зарождения; изображая последовательность развития органических существ от растений к животным и от простейших животных к наиболее сложным и совершенным, Гегель в то же время подчеркивал, что тут налицо лишь видимость такого развития одних природных образований из других и т. д. Но все такие утверждения Гегеля были в самом резком противоречии с тем, что излагал сам Гегель. Изуче-

ние «органики» Гегеля убеждает в противоположном, в том, что имеется самопроизвольное зарождение организмов, что человек произошел от животных и т. д.

Источник этого основного противоречия Гегеля в области философии органического как и во всей его философии природы заключался в том, что всеобщее, идею, понятие Гегель считал за нечто извечное, неразвивающееся, неизменное. То развитие, которое Гегель допускал в области духа, было развитием в форме самопознания, в форме самодвижения духа. Но никакого порождения одного из другого и в этой области Гегель не признавал.

Поэтому неисторичной была точка зрения Гегеля на понятия класса, рода, вида или типа животного или растения. Для него род, вид, тип животного даны заранее понятием: они не возникли исторически.

Следствием такого воззрения было отсутствие у Гегеля взаимодействия между всеобщим, особенным и единичным в применении к природе. Для Гегеля вид животного не возникает в процессе развития совокупности индивидуумов. Совокупность индивидуумов, составляющая вид, для него — несовершенное выражение определенного типа животного. Переходные формы между видами для него — результаты тех искажений, которые вносит природа в проявления понятия определенных типов животных в природе.

Таким образом, то, что для Гегеля было необходимым следствием диалектического метода в области логики, — переход единичного в особенное и всеобщее и наоборот — в области природы считалось им вопреки всем фактам невозможным. Диалектика Гегеля в применении к природе давала осечку и превращалась в рассматриваемом вопросе в метафизику.

Следствием этой метафизики являются все те неправильные и временами просто нелепые выводы, к которым приходил Гегель в своей органике.

Сюда относятся его отрицание необходимости и значения полового процесса у растений, идеалистическая трактовка роли спермы и яиц у животных, отрицание кровяных шариков в крови, отрицание роли инфекции в возникновении болезней и т. д. и т. п. Выше мы привели достаточно примеров таких неправильных и нелепых выводов Гегеля, обусловленных его идеалистической трактовкой явлений природы.

И все же, несмотря на идеализм и метафизику и в области органики, наряду с нелепым и неверным многое у Гегеля заслуживает самого глубокого изучения и внимания и в наше время.

Сюда прежде всего относится идея всеобщей связи, особенно связи органического и неорганического. Утверждение Гегеля о том, что неорганическое есть лишь недоразвитое органическое, что они в основе своей тождественны, несмотря на общий идеалистический подход к трактовке проблемы, быт по всем тем воззрениям и прежде всего по идеалистическим, которые разрывали и разрывают органическое и неорганическое.

Гегель в этом отношении шел настолько далеко, что он явления мышления ставил в эту связь с неорганическим. Для него пищеварение есть низшая форма постижения неорганического. Правда, Гегель при этом стремился и самое пищеварение истолковать в идеалистическом смысле. Но его трактовка легко может быть обращена против него самого. Разрушая непреходимые перегородки между неорганическим и органическим, между неорганическим и мышлением, Гегель, хотел он того или не хотел, подготавливал исторический взгляд на самое мышление, а следовательно, и подрывал основы своего идеализма вообще.

Установление связи между неорганическим, органическим и мышлением вело к попытке рационально систематизировать весь материал в области органического. И в этом отношении мысли Гегеля в органике заслуживают внимания и в настоящее время. От химизма через геологический организм

к растительному и далее к животному, установление черт, роднящих растения с кристаллом, установление отличий между растениями и животными; наконец, установление связи между отдельными функциями организма (формообразование, ассимиляция, воспроизведение) — все это подчас ставит весьма глубокие проблемы, не решенные и современными учеными, более того, проблемы, на которых некоторые из современных ученых (вроде Дриша, Иксюля, Бергсона и им подобных) сбиваются на идеализм более примитивный чем у Гегеля и повторяют ошибки, которых уже не делал Гегель.

Внимания заслуживают и оценки Гегелем Линнея, Кювье, Ламарка, Жюсье и основ их систематики.

Весьма глубокие мысли, хотя и в идеалистически извращенной форме, мы находим у Гегеля в связи с его трактовкой проблемы целостности.

Как бы нелепы ни были отдельные высказывания Гегеля о причинах эпидемических и иных заболеваний, его рассмотрение организма как целого и болезни как нарушения целостности организма ставит большую проблему, которая ввиду дробления медицины имеет актуальнейшее значение и в наше время.

Таким образом, и в области органики взгляды Гегеля не могут быть просто отброшены как нелепость, как нечто, не заслуживающее внимания. Хотя и развитая на ложной основе, диалектика Гегеля и здесь приводит к замечательным выводам.

Но для того, чтобы правильно оценить роль и те результаты, к которым приводит диалектика Гегеля в области «философии природы», чтобы понять своеобразие этого произведения Гегеля и отличие его, скажем, от «Науки логики», необходимо подвести общие итоги тому, что мы видели во всем предшествующем изложении. К этому мы теперь и переходим.

* * *

В основе взглядов, развиваемых Гегелем в «Философии природы», лежит идеализм. Этот идеализм получил свое выражение в представлении Гегеля о природе как инобытии идеи, в отрицании развития природы как таковой, в пренебрежении к практике, эмпирии, в ограничении последней областью рассудочных представлений, в отрицании приложимости понятия материи областью неорганического, областью количественных отношений и т. д.

Идеализм проявился у Гегеля в «Философии природы» не в форме отдельных идеалистических утверждений, а в целой идеалистической системе представлений, пронизывающих «Философию природы» от начала до конца. При этом нужно видеть, что эта идеалистическая система взглядов имеет и особые специфические черты, отличающие «Философию природы» от других произведений Гегеля (например от «Науки логики»).

При построении системы взглядов в «Философии природы» лесами являлась, как мы видели выше, система особых категорий, долженствовавших у Гегеля изображать движение самопознания абсолютного духа в его инобытии, т. е. в форме природы. При этом природа оказывалась у Гегеля средним членом в общем движении абсолютного духа в его самопознании, тогда как первым членом была «Наука логики».

Поступая так, Гегель сводил природу к явлениям духа и в то же время проявление диалектики, изображенной им ранее в логике, считал здесь, в природе, искаженным, несовершенным. Поэтому то, что и в области логики, т. е. в области чистой мысли, являлось мистическим, идеализмом, здесь, в применении к трактовке явлений природы, приводило к идеализму более грубому, чем в логике, к нелепостям, более вопиющим чем в диалектике чи-

стого мышления. Отсюда проистекало то, что Гегель в «Философии природы» делал шаг назад по сравнению с «Наукой логики».

Мы уже отметили выше, что в трактовке всеобщего, особенного и единичного в применении к области животного организма Гегель делал шаг назад по сравнению с «Наукой логики». В «Науке логики» он признавал взаимный переход всеобщего, особенного и единичного, а в природе этот переход дан у него лишь в несовершенной форме. Всеобщее конкретно не реализуется в природе: оно существует лишь в форме разрозненных, единичных индивидуумов. В духе же, по Гегелю, наступает полное взаимное проникновение единичного, особенного и всеобщего.

То же самое получается у Гегеля с категориями случайности и необходимости. Трактовка этих категорий в «Науке логики» является более глубокой чем в «Философии природы». Это обусловлено тем, что Гегель рассматривает в «Философии природы» случайное как результат искажения материей необходимого движения понятия. Поэтому здесь между случайностью и необходимостью получается разрыв, которого нет у Гегеля в «Науке логики».

То же с количеством и качеством. Доказав их единство в «Логике», Гегель отрицает наличие этого единства для целой области явлений природы, рассматриваемых им в «механике». «Механика» оказывается у него сферой применения исключительно категории количества, тогда как качество выступает на сцену лишь в «физике», и т. д. и т. п.

Поэтому не случайно, что Энгельс общие воззрения Гегеля в «Философии природы» оценивал как метафизические не только в смысле общей идеалистической концепции, но и в смысле особой трактовки явлений природы. Энгельс неоднократно подчеркивал, что метафизика, свойственная, например, французским материалистам при трактовке явлений природы, присуща и Гегелю в его «Философии природы».

Говоря об ограниченности французского материализма, Энгельс писал: «Природа находится в вечном движении; это знали и тогда. Но, по тогдашнему представлению, это вечное движение совершалось в одном неизменном круге и, таким образом, оставалось, собственно, на одном месте: оно всегда приводило к одним и тем же неизменным последствиям. Такое представление было тогда неизбежно. Кантовская теория возникновения солнечной системы тогда только что появилась и казалась простым курьезом. История развития земли, геология, была еще совершенно неизвестна. Мысль о происхождении нынешних живых существ путем продолжительного развития, ведущего от простого к сложному, не могла еще тогда иметь научной основы. Неизбежным становилось поэтому отсутствие исторического взгляда на природу. И этот недостаток тем меньше можно поставить в вину философам XVIII века, что его не чужд даже Гегель. У Гегеля природа как простое «обнаружение» идеи неспособна к развитию во времени; она может лишь развертываться и разнообразиться в пространстве, и, таким образом, осужденная на вечное повторение того же процесса, она одновременно и одну рядом с другой выставляет все заключающиеся в ней ступени развития. И эту бессмыслицу развития в пространстве, но не во времени,—которое есть основное условие всякого развития, Гегель навязывал природе тогда, когда уже достаточно была разработана и геология, и эмбриология, и физиология растений и животных, и органическая химия, и когда, на основе этих новых наук, уже повсюду зарождались гениальные догадки-предтечи новейшей теории развития (например Гете и Ламарк)»¹).

Этой же метафизичностью «Философии природы» объясняется и то, что Энгельс даже в «Диалектике природы», произведении, в котором, казалось

¹) Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 648.

бы, было наиболее естественно особенное внимание уделить «Философии природы» Гегеля, уделяет ей в действительности сравнительно мало внимания и чаще выдвигает вперед не «Философию природы», а «Науку логики».

Отсюда следует практический вывод, что и для естествоиспытателя изучать диалектику у Гегеля следует, как это и рекомендовал Энгельс, прежде всего по его «Науке логики», а не по «Философии природы» и лишь после ознакомления с «Наукой логики» переходить к изучению «Философии природы» Гегеля. Сама же по себе «Философия природы», взятая в отрыве от «Науки логики», не может дать полного представления о диалектике Гегеля, а своими, бросающимися в глаза слабыми сторонами может создать ложное представление о всем методе Гегеля в целом.

Эта отрицательная сторона идеалистической диалектики Гегеля сказалась в применении к явлениям природы и в том, что система переходов от одной ступени к другой (которая, согласно Ленину, даже в «Науке логики» производит впечатление большой натянутости и пустоты) и является «темной»¹⁾ в «Философии природы» еще более произвольна, натянута, пуста и темна.

Действительно, явления природы могут быть истолкованы как инобытие духа лишь при самом зверском с ними обращении. Лишь изображая, например, тяжесть, как «субъективность в самой себе», свет как «самую простую мысль, существующую под формой природы», звук как «жалобу идеального, находящегося под властью другого» и т. д., Гегель и мог соблюсти видимость того, что эти явления суть инобытие идеи.

Столь же произвольны и идеалистичны, как эти определения, и переходы, которые изображает Гегель в «Философии природы». При этом достаточно сослаться прежде всего на изложенное выше в отделе «Физики» и относящееся к переходам от «физики всеобщей индивидуальности» к «физике особенной и целостной индивидуальности».

Результатом такой идеалистической диалектики Гегеля в приложении к явлениям природы и были те грубые ошибки, которые так часто встречаются по конкретным вопросам в «Философии природы». На этих ошибках мы видим, как идеализм мстил за себя.

Однако, даже при наличии таких, особо грубых идеалистических ошибок, примеры которых были приведены в предшествующем изложении, при наличии извращений в трактовке явлений природы, было бы совершенно ошибочным и неправильным считать «Философию природы» Гегеля чепухой и собранием нелепостей. За лесами идеалистической системы категорий, под формой идеалистических переходов у Гегеля в «Философии природы» скрывалось рациональное зерно, не использованное в достаточной степени еще и до сих пор.

И не случайно, что Энгельс писал: «Феноменология духа (которую можно было бы назвать параллельно эмбриологии и палеонтологии духа развитием индивидуального сознания на различных его ступенях, рассматриваемых как сокращенное воспроизведение ступеней, исторически пройденных человеческим сознанием), логика, философия природы, философия духа, разработанная в ее отдельных исторических подразделениях, философия истории, права, религии, история философии, эстетика и т. д., — в каждой из этих различных исторических областей Гегель старается найти и указать проходящую через нее нить развития. А так как он обладал не только творческим гением, но и всесторонней ученостью, то его появление везде составило эпоху. Само собой понятно, что нужды «системы» довольно часто заставляли его прибегать к тем насильственным теоретическим по-

¹⁾ Лен. сб. IX, стр. 79, 99.

строениям, по поводу которых до сих пор так ужасно кричат его ничтожные противники. Но эти построения служат у него только рамками работы, лесами возводимого им здания. Кто, не останавливаясь около них, проникает в самое здание, тот находит там бесчисленные сокровища, до настоящего времени сохранившие свою полную ценность»¹⁾).

Прежде чем привести доводы, подтверждающие справедливость высказанного Энгельсом положения и в применении к «Философии природы» Гегеля, отметим еще то, что гегелевский идеализм был своеобразным идеализмом и своеобразным как в общем его проявлении, так и в применении к области явлений природы. Идеализм Гегеля был идеализмом, достигшим высшего своего развития и дошедшим до собственного своего отрицания. Гегелевская система была концом вообще идеалистической философии, концом всякой философии, ставившей себя над конкретными науками.

Этот «конец философии» можно проследить и на «Философии природы» Гегеля. По Гегелю, природа — это сын божий. Это утверждение, взятое само по себе, — явная поповщина и мистицизм. Но как конкретизирует Гегель это свое утверждение в «Философии природы»? Он доводит его до собственного его отрицания, убеждает всякого читателя с здоровыми мозгами в том, что учение о природе не нуждается ни в каких поповских или идеалистических догматах.

Действительно, Гегель поступает со своим «сыном Божиим» весьма странно. Он заставляет его сначала превратиться в ничем не связанные между собой точки материи, затем в тяготение, в удельную тяжесть, сцепление, звук, свет, магнетизм, электричество, химизм. Даже экскременты животных, по Гегелю, — не что иное, как инобытие идеи, т. е. «сына Божия». Поэтому, чем более читаешь Гегеля, тем более убеждаешься в том, что разговоры о «сыне Божием» лишь маскируют, мистифицируют истинное, действительное движение, движение самой материи, что эти разговоры о «сыне Божием», об «абсолютной идее» и ее «инобытии» нужно отбросить, чтобы увидеть все в настоящем свете.

Не удивительно, что правоверные богословы и попы приходили в ужас от гегелевской трактовки религиозных учений и догматов. Это чреватое отрицательными для религии выводами отношение Гегеля к догматам религии ярко вскрыл еще Бруно Бауэр в «Трубном гласе страшного суда над Гегелем», в котором собраны в большом количестве примеры «опасных» выводов и утверждений Гегеля.

Еще более ужасным мыслителем представлялся Гегель крепостникам и попам России 40-х и позднейших годов прошлого века. Его имя запрещалось упоминать на лекциях в университетах, его учения считались опасными для существующего строя. Даже в более позднее время 60-х годов рассуждения Гегеля о религии считались недопустимыми. Поэтому не удивительно, что в переводах В. Чиждова слова: «бог, религия, христианство» и т. д. — заменены переводчиком и цензурой другими словами, причем один из цензоров нашел такой остроумный выход, что заменил слово «христианство» словом «мусульманство».

Объективный мир в форме природы для Гегеля — лишь инобытие идеи. Поэтому для него мир познаваем. Природное и духовное для него — лишь ступени развития одной и той же сущности. Уже в области неорганического начинается проявляться духовное. Свет, по Гегелю, — уже проявление мышления в форме природы. Пищеварение, ассимиляция у Гегеля — бессознательное постижение неорганического. Родовой процесс, процесс воспроизведения и смерти индивидуумов приводят к возникновению духа и т. д.

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 639—640.

Последовательность ступеней развития или самопознания духа получила у Гегеля отражение в форме природы. Но, стремясь изобразить дело так, Гегель в действительности выражал обратное — отражение ступеней развития природы в последовательности развития категорий. Нужно было перевернуть систему Гегеля с головы на ноги, чтобы сделать отношения между мышлением и бытием правильными. Система Гегеля оказывалась перевернутым вверх ногами материализмом. За такой перевернутый вверх ногами материализм и считали систему Гегеля Энгельс и Ленин¹⁾.

Таким образом и получалось, что несмотря на все искажения, натяжки, ошибки и т. д. «Философия природы» Гегеля отражала в искаженной форме объективную диалектику природы. Энгельс в своих сочинениях неоднократно отмечает диалектический характер ряда утверждений Гегеля, касающихся природы. Сюда относятся утверждения Гегеля о превращении притяжения в отталкивание, о единстве материи и движения, о единстве и переходах пространства, времени и движения, о единстве прерывности и непрерывности вообще и в применении к материи в понимании Гегеля, в частности, об отношении силы и ее проявления, об отношении материи и духа. Сюда же относится гегелевская критика метафизики в естествознании вообще и критика метафизики невесомых телодвижений, электрических и магнитных жидкостей, метафизики сил и т. д.²⁾.

Но в самой общей форме диалектика природы нашла отражение у Гегеля в его учении о взаимодействии и всеобщей связи и в учении о развитии. Как мы видели выше, у Гегеля все ступени развития природы, все ее процессы взаимно связаны и оказывают влияние друг на друга. Органическое, по Гегелю, есть снятое и поднявшееся на высшую ступень неорганическое. Поэтому неорганическое не только исторически порождает органическое, но и заключено в органическое как подчиненный момент.

Особенную заслугу Гегеля в учении о природе Энгельс видел в том, что Гегель первый энциклопедически резюмировал успехи естествознания за предшествующий период, что он рассматривал его как единое целое и дал попытку синтеза и рациональной группировки естествознания³⁾.

Отвлекаясь от всех частных и ошибок, которые имеются у Гегеля, мы видим в «Философии природы» грандиозную попытку отразить в последовательности категорий последовательность ступеней развития природы. Гегель пытался изобразить переходы от полной разрозненности материи к ее организованности в единое, нераздельное целое в форме организма. При этом он поставил ряд важнейших проблем: об отношении движения по инерции (прямолинейного движения) к движению тяготения (криволинейному движению), об отношении сцепления, удельной тяжести и теплоты и звука, о переходах от магнетизма и электричества к химизму и далее, к организму и т. д.

При этом Гегель обнаружил не только способность охватить колоссальнейший материал, но и подвергнуть этот материал глубокой теоретической переработке. В последующее после Гегеля время, если не говорить об Энгельсе, мы не видим даже среди материалистов-естествоиспытателей такой грандиозной и глубокой попытки. Более того, даже то, что было сделано Гегелем, не было усвоено. Гегеля и натурфилософию бранили, не удосужившись понять и усвоить то, что было сделано Гегелем и натурфилософией вообще.

Поэтому Энгельс был целиком прав, когда он писал: «Синтез и рацио-

¹⁾ Лен. сб. IX, стр. 59. Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 646.

²⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 396, 401, 403, 408, 508, 518, 576 и др.

³⁾ Там же, стр. 393, 407, 411, 480.

нальная группировка естествознания у Гегеля являются большим делом чем все те нелепости, вместе взятые, которые наговорили материалисты»¹).

Проблема рациональной группировки и классификации наук стоит как нерешенная проблема и перед современной наукой. Изучение Гегеля может помочь и в этом отношении поднять теоретическую работу на большую высоту.

Однако «Философия природы» Гегеля может быть полезна в настоящее время не только тем, что, будучи перевернутым с головы на ноги, является в ней правильным, но и тем, как это ни странно покажется на первый взгляд, что в ней неправильно. Именно полезно критическое изучение ошибок Гегеля, его идеализма.

Действительно, мы живем в эпоху колоссальной ломки старого, гибели одной общественной формации и зарождения новой. Все старое, желая сохранить себя, пустило в ход все средства, в том числе и идеализм в области естествознания. Этот идеализм сейчас стал более агрессивным чем когда-либо, а по сравнению со временами Энгельса, когда среди естествоиспытателей почти безраздельно торжествовал материализм Бюхнеров, Молешоттов и Фогтов, мы имеем коренное отличие. В этих условиях борьба против идеализма в естествознании приобретает большое значение.

Но каков этот идеализм современных идеалистов-естествоиспытателей, вроде Дриша, Икскуля, Джинса, Эддингтона, Милликена и других, или специализировавшихся на естествознании философов, вроде Бергсона, Кассирера, Шлика и прочих? Этот идеализм является повторением положений, давно отброшенных развитием философии и подобранных современными поборниками идеализма ввиду их скудоумия.

По отношению к таким примитивным идеалистическим и метафизическим утверждениям даже метафизика и идеализм Гегеля служили на пользу материализма. Критикуя с позиций более умного идеализма—более глупый, с позиций более вооруженной метафизики—более примитивную, Гегель бил их и тем самым служил на пользу материализма, обнаруживая общую гниль, общую чепригодность идеализма и метафизики.

В этом отношении изучение Гегеля и критическое преодоление его идеализма дают нам одновременно оружие против идеализма вообще, в каких бы формах он ни обнаруживался. Уже сам Гегель, критикуя Канта, субъективный идеализм и т. д., дает нам в руки аргументы против столь распространенной среди естествоиспытателей капиталистических стран философии махизма, прагматизма, холизма, физикализма и пр. и пр.

Когда читаешь примитивно поповские и идеалистические рассуждения какого-нибудь новоявленного апологета мракобесия, вроде Эддингтона или Джинса, то вспоминаются слова, сказанные Энгельсом по поводу английского биолога Ричарда Оуэна:

«Если Гегель рассматривает природу как обнаружение вечной «идеи» в отчуждении и если это такое тяжелое преступление, то что сказать о морфологе Ричарде Оуэне, который пишет: «Идея — архетип — воплощалась на этой планете различными способами задолго до существования тех животных видов, которые теперь осуществляют ее». «Если это говорит естествоиспытатель-мистик, который ничего не представляет себе при этом, то к этому относятся спокойно; если же подобную истину высказывает философ, который, однако, представляет себе при этом кое-что, и притом по существу правильное, хотя и в извращенной форме, то это—мистика и неслыханное преступление»²).

¹) Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 393. Перевод соответствующего места в XIV томе неправилен.

²) Там же, стр. 522.

Итак, Гегель, и притом материалистически истолкованный, или, по выражению Ленина, «материалистически прочитанный», и сейчас может служить оружием в руках диалектического материалиста против идеализма. Но именно диалектического материалиста, а не того, кто извращает в той или иной форме философию марксизма.

Было бы отступлением от диалектического материализма и от марксизма-ленинизма вообще, если бы мы стали брать Гегеля как такового без учета различия исторических эпох: эпохи, в которую жил Гегель, и эпохи, в которую живем мы теперь. Со времени Гегеля прошло более столетия. За это время выступил на историческую сцену пролетариат как решающая и сознательная сила исторического процесса, создалась и развилась марксистская теория. За это время пролетариатом была проделана долгая и плодотворная борьба, приведшая к победе на одной шестой земного шара. Не видеть этого — значит ничего не видеть.

Поэтому, когда мы теперь обращаемся к Гегелю, мы обращаемся к нему, обогащенные всем опытом борьбы более чем за столетие. Самое революционное в гегелевской философии — его диалектика оказалась не по плечу буржуазной философии и была предана забвению. Но диалектику Гегеля спасли Маркс и Энгельс, вконец переработав ее, создав на основе всего предшествующего развития философии и опыта революционной борьбы материалистическую диалектику — философию пролетариата.

«Капитал» Маркса, «Анти-Дюринг» и «Л. Фейербах» Энгельса и другие произведения основоположников марксизма положили конец идеалистической философии и натурфилософии. С этой поры стало антинаучным возрождение Гегеля как такового. Он предстал с этой поры в критическом освещении и переработке марксизма. В этом же критическом освещении на основе «Диалектики природы» Энгельса и «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина предстала и «Философия природы» Гегеля.

Таким образом, всякое возвращение к Гегелю, не опирающееся на все развитие марксизма, от Маркса и Энгельса до Ленина и Сталина, не опирающееся на весь опыт борьбы пролетариата за коммунизм, есть возвращение вспять, есть движение от марксизма-ленинизма в лоно антипролетарской философии, есть переход в лагерь врага.

Гегель — величайший философ нового времени. И это неоднократно подчеркивали основоположники марксизма. Но они никогда не призывали, когда говорили о Гегеле, к Гегелю — идеалисту, к Гегелю — идеологу прусского абсолютизма. Наоборот, изучая Гегеля, Маркс, Энгельс и Ленин изучали его материалистически, критически перерабатывая его. Все положительные оценки Гегеля, которые дают основоположники диалектического материализма, относятся не к Гегелю — проповеднику мистицизма и поповщины, не к Гегелю — идеалисту, а к Гегелю, взятому, переработанному материалистически. И они неоднократно подчеркивали свое критическое отношение к Гегелю.

«Я вообще стараюсь читать Гегеля материалистически», — писал Ленин. При этом Ленин подчеркивал, что он выбрасывает «боженьку»: «абсолют», «чистую идею», «небо»¹⁾. Лишь у так понятого и истолкованного Гегеля Ленин вскрывал положительное, ценное, достойное сохранения, переработки и усвоения.

То же самое мы видим и у Энгельса. При этом необходимо отметить, что Энгельс сам подчеркивал, что выводы, которые он делал из Гегеля, собственно не содержались у последнего, а лишь вытекали, если правильно, материалистически понять Гегеля²⁾.

Необходимо также иметь в виду, что оценки Гегеля, данные Энгель-

¹⁾ Лен. сб. IX, стр. 57, 59.

²⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 638.

сом, относятся ко времени, когда материализм, как это подчеркивал Ленин, был господствующим течением, когда приходилось более обращать внимание на борьбу с вульгарным материализмом Бюхнера, Мошешотта, Фогта и др.

Итак, еще раз: Гегель может служить оружием в борьбе за материализм, но лишь в руках диалектического материалиста. В противном случае Гегель окажется оружием, направленным против философии марксизма.

В настоящее время освоение гегелевского философского наследства стало делом широких слоев новых пролетарских бойцов, и при этих условиях приобретает особенное значение изучение истории борьбы партии за марксистское овладение гегелевским наследством, за установление правильного понимания отношения марксизма к его философским корням.

Борьба за марксизм тесно связана с борьбой за правильное понимание исторических корней марксизма и в частности с борьбой за правильное понимание отношения марксизма к учению Гегеля. Те, которые когда-либо искажали и извращали марксизм, как правило, искажали и извращали и отношение марксизма к гегелевскому наследию и неправильно трактовали самое содержание и значение гегелевской философии.

Для нас итоги борьбы с антимарксизмом в этом отношении представляют в данном случае интерес постольку, поскольку они дают возможность правильно оценить и использовать «Философию природы» Гегеля.

Уже «прототип» ревизионизма — Бернштейн, извращая марксизм, извращал отношение Маркса и Энгельса к Гегелю. По Бернштейну, выходило, что Маркс и Энгельс некритически переняли диалектику Гегеля. «Она — предательница в доктрине Маркса; она — засада, лежащая на пути к правильной оценке суждения о вещах», — вопил Бернштейн¹⁾.

Это извращение действительного положения — отрицание того, что диалектика Маркса противоположна диалектике Гегеля, хотя и опиралась на ее, — нужно было оппортунисту и ренегату Бернштейну для того, чтобы подвести под гегелянизм революционное учение Маркса. Учение Маркса о диктатуре пролетариата — вот что хотел выдать за «неправильное суждение о вещах» Бернштейн. Вместе с тем Бернштейн извращал и гегелевскую диалектику. Гегеля он понимал так же плохо, как и Маркса, и нападками на Гегеля служил Бернштейну для того, чтобы извратить материалистическую диалектику Маркса. Нечего и говорить, что для Бернштейна не могло быть и речи о какой бы то ни было критической переработке и применении учения Гегеля в области естествознания.

Такое же извращение и Гегеля и Маркса и взаимоотношений между ними мы находим и у старого лакея буржуазии, у другого «столпа» ревизионизма и оппортунизма — К. Каутского. Воевавший на словах с Бернштейном, Каутский, по существу, недалеко ушел от Бернштейна.

Он так же, как и Бернштейн, не понимает философии Гегеля и в то же время считает, что Маркс и Энгельс некритически усвоили диалектику Гегеля, хотя, мол, и говорили о ее перевертывании с головы на ноги²⁾. Поэтому и Каутский видит источник «ошибок» Маркса и Энгельса в диалектике Гегеля.

Извращая в корне отношение марксизма к философии Гегеля и вообще от марксизма, Каутский в то же время сам скатывался на позиции идеализма. Именно, ограничивая сферу гегелевской философии и марксизма кругом проблем истории общественного развития, Каутский проповедывал

¹⁾ Эд. Бернштейн «Социальные проблемы». Перевод П. С. Когана. Изд. 1901 г., стр. 47.

²⁾ К. Каутскому «Die materialistische Geschichtsauffassung». Bd. I. SS. 130—136.

некую примитивную разновидность идеализма в понимании исторического процесса.

В то же время Каутский, отрывая учение об обществе от учения о природе, по вопросам учения о природе стоял на позициях, которые по теоретическому уровню были значительно ниже того, что мы имеем даже в «Философии природы» Гегеля, не говоря уже о «Науке логики» или «Истории философии». Вся премудрость Каутского в этом отношении не идет дальше самого плоского механицизма и учения о столь любезном для него «приспособлении» животных к окружающей среде, мыслей к фактам и... социал-предателей к требованиям жизни, т. е. к требованиям буржуазии.

Ограничение марксизма областью общественных наук — черта, характерная для многих ревизионистов.

Если Бернштейн и Каутский извращали отношение Маркса к Гегелю, выдавая марксистскую диалектику за гегельянскую, в то же время не понимая этой последней, по другой форме оппортунизма и ревизионизма является отрицание вообще связи марксистской философии с гегелевской диалектикой. К этой разновидности принадлежит Кунов, который полагал, что Маркс сначала открыл свои законы общественного развития, а затем уже облек их в гегельянскую форму¹⁾. По существу эта форма ревизионизма ничем не отличается от ревизии Бернштейнов и Каутских.

Таково понимание отношения марксизма к гегелевскому наследию «столпами» ревизионизма и оппортунизма. Поучительной в этом отношении является также история борьбы большевистской партии за марксизм в эпоху реакции после революции 1905 г. в России. В этот период философскими союзниками реакции и черносотенства явились разнообразные поклонники и проповедники эмпириокритицизма, эмпириосимволизма и т. п. В этом отношении не отставали друг от друга и вождь эсеровской контрреволюции В. Чернов и различные подделывающиеся под марксизм, а на самом деле антимарксистские авторы: Богдановы, Базаровы, Юшкевичи и пр.

Черновым философия марксизма (он особенно нападал на Энгельса) выставлялась как «смесь равно устарелых элементов «материализма» и «диалектики»²⁾, причем диалектику марксизма он не отличал от диалектики Гегеля. Вместо диалектики марксизма он выдвигал различные учения буржуазных, идеалистических философов кантианского и субъективно-идеалистического толка.

На той же, по существу, позиции стояли и различные претендовавшие на звание марксистов, а в действительности враждебные марксизму эмпириомонисты, эмпириокритики и т. п. Так, Богданов, отрицая диалектику Маркса—Энгельса и отождествляя ее с гегелевской диалектикой, писал: «Понимание диалектики у Маркса и Энгельса то же, что у Гегеля — «развитие путем противоречий», с той разницей, что дело идет о противоречиях сил, а не только понятий. Принимаются также некоторые основные схемы «Науки логики» Гегеля, особенно схема триады и превращения количества в качество, без попыток объяснить внутренний смысл этих схем, происхождение выражаемой ими закономерности. Отсюда ряд недоразумений в самом применении диалектического метода»³⁾.

К той же категории ревизионистов относился и Берман со своим специальным трудом «Диалектика». Разделяя взгляды Кунова на отношение диалектики к марксизму, Берман считал применение закона единства проти-

¹⁾ «Neue Zeit» N 39, Bd. XIV, S. 11.

²⁾ В. Чернов «Философские и социологические этюды», стр. 38. 1907.

³⁾ А. Богданов «Философия живого опыта», стр. 206—207. 1920. В этом позднейшем произведении Богданов лишь продолжает ту борьбу против марксизма, которую он начал в период 1905 года.

воречий «актом духовного самоубийства» и подменял, как все указанные выше авторы, философию марксизма одной из разновидностей махизма¹).

Результатом всей этой ревизии философии марксизма и ее отношения к гегелевской диалектике было по линии философии природы то, что вместо учения Маркса в естествознании применялись различные выродившиеся учения буржуазных философов. Так, в последние десятилетия XIX в. были распространены различные теории так называемого «социал-дарвинизма», нашедшего своих пропагандистов в лице А. Ланге, Вольфманна и др., различные примитивные и плоские философские упражнения кантианского и агностического характера. В XX в. на смену этому пришла новая мода: махизм и эмпириокритицизм. Во всех трудах довольно многочисленных авторов этих антимарксистских течений о применении диалектики Гегеля вообще, и особенно к области природных явлений, не может быть и речи.

Таким образом, мы видим, что, порвав с марксизмом, ревизионисты порывали и с историческими корнями марксизма, и в первую очередь с гегелевской диалектикой и материализмом французских материалистов, и переходили к апологетике примитивных эпигонов идеализма. Естественно, что у них не могло быть и речи об изучении «Философии природы» Гегеля как одного из произведений, которое послужило в руках основоположников марксизма одним из орудий построения их учения.

Таковы краткие итоги поучительных уроков борьбы за марксизм и за диалектику природы в период до установления диктатуры пролетариата в СССР. Еще более актуальное значение имеет марксизм после установления диктатуры пролетариата в СССР и начала победоносного строительства социализма. В этих условиях, в корне отличных от прежних условий, партии приходилось и приходится преодолевать различные антимарксистские течения, извращавшие марксизм и по вопросу об отношении марксизма к гегелевскому наследству.

Партия под руководством товарища Сталина прежде всего разоблачила антимарксистский характер контрреволюционных учений теоретиков правого оппортунизма и троцкизма, а также всех и всяческих правых и «левых» уклонистов. И у этих теоретиков враждебных марксизму учений мы находим то же, что у теоретиков социал-демократии, — именно искажение отношения марксизма к гегелевской диалектике, искажение самой марксистской диалектики, подмена ее механистическим материализмом и другими формами домарксистской философии, ограничение марксизма сферой общественных наук и т. д.

При этом дело не обстоит лучше у тех представителей антимарксизма, которые ex professio особенное внимание уделяли изучению философии и естествознания или исторических корней марксизма. Так например ренегат и перебежчик в лагерь контрреволюции Тальгеймер, немало писавший по вопросам философии и естествознания, утверждал, что диалектический метод Марксом и Энгельсом был получен от Гегеля²). При этом не только утверждалось положение, прямо противоположное тому, что заявлял сам Маркс в предисловии к «Капиталу», но и давалась такая трактовка философским взглядам марксизма, которая их сближала с гегельянством.

Антимарксистское сближение Маркса с Гегелем имеет место у Тальгеймера как раз в связи с его трактовкой «Философии природы» Гегеля. Не видя метафизичности и идеализма этого произведения Гегеля игнорируя оценку «Философии природы» Гегеля Энгельсом как произведения в основном метафизического, Тальгеймер выдавал это произведение за такое, в котором имеется лишь «налет софистики», в котором диалектика лишь по

¹) Берман «Диалектика в свете современной теории познания», стр. 164, 15 и др. 1908.

²) А. Тальгеймер «Введение в диалектический материализм», стр. 115, 1928.

форме «софистична и мистична». Не удивительно, что при таком подходе к этому произведению Гегеля Тальгеймер видел различие между Марксом и Гегелем лишь в частностях, а не по существу¹⁾.

Не лучше обстояло дело и у «ученого марксоведа» и агента Каутских и К^о, врага ленинизма — Рязанова. Занятый собиранием множества фактов и анекдотических подробностей, этот «ученый марксовед», по существу, оставался на позициях методов буржуазной историографии. Мы у него не находим никакой принципиальной, марксистской оценки исторических корней марксизма, а лишь некритическое и претенциозное нагромождение множества исторических подробностей.

Так, Рязанов тысячу имеющих и не имеющих отношения к делу исторических подробностей затемнил суть исторического переворота, произведенного Марксом и Энгельсом в философии. То же самое относится и к «Диалектике природы» Энгельса, изданной Рязановым несмотря на претензии на ученость с большим числом ошибок, искажающих смысл этого произведения.

Что же касается таких работ Рязанова, как курс лекций «Маркс и Энгельс», где нельзя было обойтись без ответа на принципиальные вопросы, то здесь рязановская «ученость» разоблачает себя как антимарксизм и пустая болтовня. Так например, по Рязанову, выходило, что Маркс как философ лишь объяснял мир, а теоретическая работа у него шла лишь одновременно с практической. «Но Маркс был, — читаем мы у него, — не только философом, который желает объяснить мир, он был революционером, который хочет изменить его. Теоретическая работа шла у него одновременно с практической». Итак, теория — одно, а практика — другое²⁾.

Таковы некоторые поучительные примеры искажения марксизма в связи с проблемой отношения марксизма к гегелевскому наследству. В заключение этого краткого рассмотрения скажем еще об итогах борьбы партии под руководством Сталина против антимарксистских течений механицизма и меньшевистствующего идеализма.

Механисты, борясь против материалистической диалектики, видели в философии Гегеля лишь идеализм, мистику, поповщину, не проникали далее тех лесов, которые служили Гегелю для построения его системы и о которых писал Энгельс. Поэтому механисты просто отбрасывали Гегеля как мыслителя, который якобы давным-давно преодолен новейшим развитием естествознания. Они при этом не понимали роли философии для естествознания, роли, которую еще Гегель так метко характеризовал в своем введении к «Философии природы».

Другого рода ошибку делали меньшевистствующие идеалисты, которые брали положения Гегеля механически, не вскрывая идеалистической сущности его взглядов. Благодаря этому меньшевистствующие идеалисты, по существу, оставались на позициях Гегеля, не подымаясь до высот диалектического материализма, идеалистически извращая последний³⁾.

Эта антимарксистская линия распространялась у меньшевистствующих идеалистов и на вопросы учения о природе и на трактовку «Философии природы» Гегеля. Так, бывший «вождь» меньшевистствующих идеалистов т. Деборин в ряде своих статей, объединенных позднее в сборнике «Диалектика и естествознание», утверждал, что «метод Гегеля по существу был совершенно правилен и научен»⁴⁾. В применении к оценке «Философии природы» Гегеля

¹⁾ «Под знаменем марксизма» № 1—2, стр. 88—100. 1925.

²⁾ Рязанов «Маркс и Энгельс», стр. 74. 1923.

³⁾ См. Постановление ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма» и о Комакадемии, а также материалы об итогах философской дискуссии. «Справочник партийного работника», вып. 8-й, 1934 г., стр. 340; Сборник «За поворот на философском фронте», 1931 г.

⁴⁾ Деборин «Диалектика и естествознание», стр. 50. 1929.

это приводило к сближению ее с «Диалектикой природы» Энгельса, что было вопиющим извращением сути марксистской диалектики. «Разница между Гегелем и Энгельсом, — писал т. Деборин, — заключается в том, что в то время как первый построил особую «натурфилософию», второй, соглашаясь в общем с методологической критикой Гегеля (т. е. критикой Гегелем естествознания. — А. М.), продолжая и углубляя ее, считает необходимым преодолеть всякие натурфилософские построения путем проникновения самого естествознания диалектическим методом»¹⁾.

В действительности, как мы видели выше и при изложении «Философии природы» Гегеля и оценки ее Энгельсом, «Диалектика природы» Энгельса никак не может считаться «продолжением» и «углублением» натурфилософии Гегеля.

Такого же рода подкрашивание Гегеля под диалектический материализм, а основоположников марксизма под Гегеля мы видим и у других представителей меньшевистствующего идеализма. Так, скатившийся до контрреволюции Карев, поучавший естествоиспытателей диалектике, не пошел далее апологетики Гегеля и его «Философии природы».

Долгая история борьбы за партийность в философии, за марксистско-ленинскую философию учит тому, что всякое отступление от марксизма чревато ошибками и отходом от марксизма как по философской, так и по политической линии. Это относится и к вопросу о гегелевском наследстве и в данное время к изучению «Философии природы» Гегеля.

Польза от Гегеля будет не только, когда будут относиться к нему критически, а и когда переработка Гегеля будет происходить на основе всей современной практики, всего развития науки.

Меньшевистствующий идеализм тем и отличался, что он по-меньшевистски разрывал теорию и практику, философию и политику, философию и конкретную работу в области наук.

Опираясь на успехи социалистического строительства и на все растущие успехи науки в СССР, перерабатывая все завоевания философии за предшествующую историю развития человечества и особенно высшее выражение этого развития — философию Гегеля, — естествоиспытатели СССР создадут такие обобщения, такую рациональную группировку и синтез естествознания, которые создадут такую же новую эру в развитии науки, какую составила во всех областях жизни: политической, экономической и идеологической — Октябрьская революция.

В заключение необходимо отметить, что при выпуске рассматриваемого в настоящей работе издания «Философии природы» Гегеля была проявлена недостаточная бдительность и допущена грубая ошибка, выразившаяся в том, что в части тиража издания на странице 645, в библиографическом перечне, в общем подзаголовке «Гегель, диалектический материализм и естествознание» следует перечисление как махистской, так одновременно и анти-марксистской литературы, представителей механицизма и меньшевистствующего идеализма. Не был должным образом отредактирован и самый список литературы.

¹⁾ Деборин «Диалектика и естествознание», стр. 48. 1929.

Фило- и онтогенез клетки*)

О. Лепешинская

Это вопрос старый, но вечно юный. Над этим вопросом работают давно, начиная с теории «свободного образования клеток» Шлейдена и Шванна. Вслед за ними над образованием клеток и историей их развития работал целый ряд таких исследователей, как Гис, Рюккерт, Р. Гертвиг, Лавдовский, Тишуткин, энергетик Мавродиadi, Усов, Крайль, Телькеси Роланд, Фос и др.

Вопрос о фило- и онтогенезе клетки является чрезвычайно важным и серьезным вопросом в учении о клетке. Малейшая неправильность в постановке этого вопроса может привести к весьма нежелательным и крупным ошибкам в развитии клеточных теорий и дальнейшем ходе изучения всех тесно связанных с онто- и филогенией клетки проблем.

Поэтому, приступая к изучению фило- и онтогенеза клетки, мы обязаны быть чрезвычайно осторожны, чтобы не завести исследовательскую работу в этом направлении на неправильный и опасный путь метафизики.

И прежде всего необходимо четко установить, что мы понимаем под онто- и филогенезом клетки.

Под филогенезом организма мы понимаем историю происхождения видов животных и растений. Изучение его сводится к установлению родства между видами и к вскрытию закономерностей их развития.

Филогенез клетки—это не что иное, как история происхождения первобытных клеток и видов клеток. Изучение переходных форм от протоплазматических, не оформленных в клетки масс до вполне оформленной клетки и дальнейшее происхождение видов клеток. Изучение всех закономерностей этого развития и есть изучение филогенеза клетки.

Геккель и проф. Минчин дают нам следующую научную и правдоподобную гипотезу о филогенетическом развитии клеток. Геккель указывает на два совершенно различных процесса происхождения клеток, а именно: на автогению и плазмогению. Под первым процессом он понимает возникновение простейшего плазматического тела — плассона для кариоплазмы в неорганизованной жидкости, содержащей в растворе все требуемые составом организма элементы в их простых соединениях. Плазмогенией он называет первичное зарождение индивида из органической образовательной жидкости, в которой имеются уже белок, жиры и углеводы. При этом он предполагает, что автогения, т. е. образование плассона, несомненно, предшествует образованию гомогенных, еще не дифференцированных организмов, так называемых монер или пробионтов. В гомогенной плазме простейших монер он допускает весьма сложную молекулярную структуру,

*) Придавая большое значение проблеме фило- и онтогенеза клетки, редакция «ПЗМ» призывает научных работников принять участие в обсуждении проблем, поставленных в статье О. Б. Лепешинской. Настоящая статья печатается в порядке обсуждения. — Р е д.

но последняя, по его мнению, не обнаруживается ни анатомическим, ни микроскопическим анализом.

В позднейшее время существование монер Геккеля стали совершенно отрицать на том основании, что новейшими и более усовершенствованными методами микроскопической техники удалось установить, что в образованиях, которые принимались за геккелевские безъядерные монеры, были найдены ядра в форме рассеянных по всей монере хроматиновых зернышек. На наш взгляд, эти доводы для отрицания существования монер совершенно недостаточны. Во-первых, они недостаточны потому, что установление более точной структуры образования не есть отрицание их, не есть основание для утверждения исчезновения монер. Когда более точными методами исследования было найдено, что атом состоит из протона и электронов, то от этого атом не исчез. Почему же монера должна была исчезнуть, когда более точной техникой были выявлены детали ее строения, а именно — содержание в ее теле хроматиновых зерен. Во-вторых, распыленный по всей монере хроматин не есть еще ядро, и говорить, что в монере найдено ядро, является большой и вредной натяжкой, задержавшей, быть может, на многие десятки лет правильное изучение онтогении клетки, а следовательно, и ее филогении. Распыленный хроматин не есть еще настоящее ядро. Ядро имеет определенную структуру, которой в данном случае в монере еще нет. Распыление ядерного вещества — признак ранней стадии развития ядра. Эта монера с распыленным ядерным веществом, несомненно, находится только в стадии развития нормального ядра. Это есть зарождение, эмбриональное состояние будущей клетки.

Геккель пишет: «Более густая центральная масса, первоначально распределенная в окружающей плазме, впоследствии отделилась от нее и образовала обособленное круглое, несколько химически отличающееся белковое тельце, ядро (nucleus). Путем этого процесса возникла клетка».

Геккель построил свою гипотезу о филогенетическом развитии клетки еще в 80-х годах; но в 1923 г., т. е. совсем недавно, такие же идеи на основании громадного фактического материала высказывает проф. А. А. Минчин, о котором академик А. Н. Северцев пишет, что он, «один из самых крупных и выдающихся протистологов нашего времени, попытался дать гипотетическое решение некоторых, самых трудных, а вместе с тем и самых интересных вопросов биологии, а именно вопросов о первичном строении и эволюции клетки... и построил оригинальную и остроумную гипотезу о происхождении клетки». Минчин, не совсем признавая монеры Геккеля и весь ход филогенетического развития клетки, какой описывает Геккель, не отрицает возможности существования современных монер и образования молодых клеток в организме из протоплазматических масс через промежуточные формы в виде монерального состояния или цитод Вундта и еще более детально описывает филогенез клетки. Он начинает свое описание эволюционного процесса клетки с так называемой псевдомонеральной стадии, или цитодальной стадии; место этих организмов в системе общей эволюции жизни весьма близко соответствует представлению Геккеля о монерах. Тела этих организмов состоят, по мнению Минчина, не из гомогенного плассона, но из периплазмы, соответствующей цитоплазме клетки, заключающей в себе в рассеянном виде некоторое количество биоккокков, или хроматиновых зерен.

В жизненном цикле одноклеточных животных, в особенности у корненожек, нередко можно встретить с фазами развития, которые в точности воспроизводят картину псевдомонеральной стадии эволюции, с фазами, при которых ядро или ядра исчезают, распадаясь на некоторое количество хроматиновых зерен, или хроматид, рассеянных внутри цитоплазмы. Следующей стадией в эволюции явилось соединение хроматиновых зерен в определен-

ные ядра, т. е. процесс, который в настоящее время можно наблюдать у многих одноклеточных животных, у которых «вторичные ядра» образуются из хроматид. Но, по мнению Минчина, прежде чем образуются так называемые кариозомы, т. е. ядра из скопления в центре монеры хроматид, сначала из протоплазматического вещества образуется лининовый остов. Вот что он пишет: «В таком хромадиальном состоянии хроматиновые зерна, рассеянные по цитоплазме, размещались в узлах альвеолярного остова. Следовательно, первоначальный ядерный остов цитоплазматического происхождения, послуживший основанием для лининового остова, был, вероятно, с самого начала главной составной частью клеточного ядра. С момента образования ядра цитода, или псевдомонеральной стадии, стала истинной клеткой простейшего типа, для которой я (Минчин) предлагаю термин «протоцита». Протоцита стала исходным пунктом для бесконечного ряда дальнейших усложнений в разных направлениях».

Резюмируя приведенные нами данные о филогенетическом развитии клетки, можно сказать, что из протоплазматических масс выделяется монера с распыленными во всей протоплазме хроматиновыми зернами, обладающая способностью давать псевдоподии. Из протоплазматического вещества в монере прежде всего образуется лининовый остов, природа которого еще не изучена и который затем заполняется хроматиновыми зернами и дает картину настоящего ядра. Цитода, или монера, превращается во вполне оформленную клетку.

Вот те данные, которые имеются о филогении клетки у крупнейших наших ученых. Перейдем теперь к онтогении клетки и попытаемся установить, что такое онтогенез клетки.

Под онтогенезом организма понимают развитие индивидуума. Но какую часть развития индивида должен охватывать онтогенез, остается спорным.

Одни под онтогенезом понимают только эмбриональное развитие, другие — эмбриональное и постэмбриональное, но только до половой зрелости. Более же правильным было бы под онтогенезом понимать господствующее теперь мнение, что онтогенез есть весь цикл развития индивида от оплодотворенной или начавшей партеногенетически делиться клетки до конечной стадии развития организма, т. е. до естественной смерти его.

Что же следует понимать под онтогенезом клетки? Вот тут-то допускается еще больше ошибок, в высокой степени опасных для биологии и для постановки дальнейших исследовательских работ.

Если онтогенез многоклеточного организма начинается с одной клетки, т. е. идет по тому же пути, как шел и филогенез многоклеточных организмов, то, следуя за филогенией клетки и за ее первичным происхождением из протоплазмы, мы должны начало онтогенеза клетки искать в живой протоплазме и ее изменениях.

В вопросе, с чего начать изучение онтогенеза клетки, допускается целый ряд недоразумений.

Тов. Токин, например, считает, что онтогенез клетки — это развитие клетки между двумя делениями. Онтогенез, по его мнению, протекает от деления до деления.

Какие же стадии развития клетки, по мнению тов. Токина, охватывает таким образом онтогенез? Почему из онтогенеза клетки вычеркивается стадия деления клетки? Где в этом онтогенезе эмбриональный период, его старость и смерть клетки?

Онтогенез клетки — это все стадии развития ее в онтогенезе организма. Онтогенез клетки должен включать и эмбриональное состояние клетки, и ее период возмужания и подготовки к делению, и старость и смерть клетки.

Тов. Токин считает, что клетка после деления становится «эмбриональной», но ведь эмбриональное состояние — это период, когда организм оформляется, а отделившаяся клетка — это хотя и молодая клетка, но вполне оформленная и способная к самостоятельному существованию. Значит, клетка после деления неэмбриональна. Оформление новой клетки происходит в материнской во время самого процесса деления, во время кариокинеза.

Исходя из этого положения, тов. Токин впадает в другую, не менее серьезную ошибку. Если одноклеточные после деления делаются эмбриональными, следовательно, они омолаживаются. А где тогда смерть и старость клетки? Таким образом, естественный вывод, что клетки бессмертны, а следовательно, вечны. Чистейшая метафизика, и напрасно тов. Токин стыдливо прикрывается кавычками от признания «индивидуального бессмертия». Исходя из неправильного положения, он логически должен прийти к выводу, что клетки бессмертны, так как они после деления омолаживаются и начинают новую жизнь.

Тов. Токин прав, утверждая, что клетка после деления является более простой. Я прибавлю к этому, что как молодая клетка она более жизнеспособна чем недоразвившаяся эмбриональная клетка или старая, потерявшая способность делиться и размножаться.

Чтобы понять явления регенерации, чтобы уметь оценить их значение в том или ином их процессе, надо действительно иметь представление об онтогенезе клетки и о различных стадиях ее развития, а этого как раз у тов. Токина и нет.

Где источник этих грубых ошибок у тов. Токина, поддерживаемых не только тов. Токиным, но Филькенштейном и др.?

Клетка эмбриональна, когда формируется; она образуется не после деления, а во время самого деления, во время кариокинеза.

Далее, ошибка вытекает из другого положения, что клетка при делении как материнская клетка перестает существовать и дает две равноценных дочерних клетки (эмбриональных).

Вопрос о равноценности или неравноценности двух только что образовавшихся путем деления клеток, вопрос о дочерних и материнских клетках самым тесным образом связан с проблемой «смерти и бессмертия одноклеточных».

По этому вопросу имеется целый ряд самых разнообразных взглядов, часто совершенно противоречивых.

Гартман, Холодковский, Вейсман, Бюкли и другие считают, что естественная смерть является неизбежным концом только высших, многоклеточных организмов, а одноклеточным несвойственна неизбежная смерть, и «таким образом между одноклеточными и многоклеточными организмами оказывается глубокая пропасть» (Холодковский).

Камерер признает даже возможность бессмертия не только для одноклеточных, но и для многоклеточных.

Мопэ (в 1888 г.), Г. Гертвиг и Калкинс путем целого ряда экспериментов показали, что «простейшие подобно многоклеточным животным умирают от старости».

Калкинсу удалось на протяжении 742 поколений сохранить без конъюгации парамеции, омолаживая их различными химическими воздействиями, и тем не менее он все же пришел к выводу, что «естественная смерть от старости в условиях лаборатории, несомненно, присуща протоплазме столь мало дифференцированной, как протоплазма этих одноклеточных животных».

Жуковскому и Метальникову удалось поставить опыты, на основании которых они пришли к выводу, «что все эти явления депрессии и стар-

ческих изменений во многих случаях вызываются не столько внутренними причинами, сколько часто внешними, часто неуволними причинами».

Самое вредное — это когда стараются примирить два непримиримых направления, причем вопрос не только не выясняется, но запутывается еще больше.

К таким направлениям в области разрешения вопроса о смерти и бессмертии следует отнести прежде всего тех, которые думают, что клетки после деления бывают обе дочерними, материнская же клетка не умирает, но, с другой стороны, они допускают, что клетка и умирает, так как теряет свою индивидуальность.

Адептами такого учения являются прежде всего Филькенштейн и тов. Токин. Филькенштейн, с одной стороны, заявляет, что «вместе с возникновением жизни возникло и потенциальное бессмертие живого вещества». Но то, что бессмертно, не имеет конца, а что не имеет конца, не имеет и начала. С другой стороны, Филькенштейн пишет, что «смерть большинства первичных организмов была в равной мере и случайной и необходимой», «потенциальное бессмертие сохраняется лишь у половых клеток», «многоклеточные животные умирают неизбежно. Но и здесь случайность не теряет своего значения», «даже неизбежная смерть от старости осуществляется случайно», «антитезом к потенциальному бессмертию простейших является естественная смерть многоклеточных индивидов». При сопоставлении вместе всех этих основных положений Филькенштейна всякому становится ясно, что у него совершенно отсутствует точное представление о том, бессмертны ли не только одноклеточные, но и многоклеточные или для них закон «жизнь рождает смерть» имеет какое-нибудь значение. Живут ли одноклеточные вечно или смерть для них — естественный физиологический процесс? Никакой ясности — путаница и неразбериха!

Перейдем теперь к взглядам тов. Токина по вопросу о бессмертии и смерти у одноклеточных.

Тов. Токин наряду с совершенно правильными мыслями, что «в какой-то форме, нам неизвестной, печать филогении лежит на онтогенезе клетки» или: «естественно думать, что на онтогенезе клетки в какой-то форме накладывается печать и онтогенеза всего организма», — высказывает и такое нездоровое положение, которое определенно ведет к метафизическим выводам. Он говорит, что онтогенез клетки — это «отрезок времени между двумя делениями».

Одна эта мысль, одно положение, что онтогенез клетки находится между двумя делениями, уже чревато своими отрицательными последствиями. Если же мы к этому еще добавим второе положение, что клетка после деления «эмбриональна», то это дополнение, еще больше углубляя ошибку тов. Токина, заводит науку в тупик метафизики.

Постараемся проанализировать и расшифровать эту последнюю мысль тов. Токина.

Если онтогенез клетки охватывает период между двумя делениями, то самое деление, т. е. период формирования новой клетки, у него не входит в онтогенез. Этот период у тов. Токина выпадает из онтогенеза клетки.

Каковы же последствия этого немаловажного обстоятельства? Ведь эмбриональную стадию клетки никак нельзя выкинуть из онтогенеза, поэтому у тов. Токина получается, что клетка тотчас после деления «эмбриональна». Все обстоит благополучно... Но где же старость и смерть клетки? Надо при этом отметить, что тов. Токин, говоря, что клетки после деления становятся «эмбриональными», нигде не отмечает, что одна из новых клеток, получившихся после деления, есть дочерняя, а другая — материнская. Очевидно, с точки зрения тов. Токина, обе клетки дочерние и притом

эмбриональные. А где же в таком случае материнская клетка? Исходя из положений Токина, можно сделать только два предположения:

1. Или материнская клетка омолодилась и равна поэтому дочерней клетке и тогда естественно, что стало две дочерних клетки. Отсюда прямой вывод, что одноклеточные бессмертны. Если делящаяся клетка омолаживается, она продолжает жить, она бессмертна, и, значит, клетка вечна. Такой вывод — явно метафизический вывод, противоречащий основной идее «жизнь рождает смерть» (Энгельс).

2. Если же материнская клетка умерла во время деления, то ведь смерть — это физиологический процесс, и непременным атрибутом смерти является труп, т. е. такие морфологические изменения, которые отображают собой дегенеративный процесс в клетке, происходящий во время умирания ее. В процессе деления клетки таких признаков умирания мы никогда не наблюдаем, да этого и не может быть, так как самое деление есть не регрессивный, а прогрессивный процесс образования зарождающейся новой клетки.

По мнению Гартмана и Немилова, образование трупа не имеет никакого значения, так как мы должны «рассматривать смерть как прекращение индивидуального развития. С этой точки зрения деление без образования некрона есть прекращение существования материнского организма, т. е. смерть».

Такое представление о смерти в корне неправильно. Это прямой отрыв функции от формы. Смерть — функция жизни, которая неразрывно связана с формой, с морфологией клетки. Там, где есть смерть, там есть и труп, со всеми признаками умирания клетки.

Таким образом, тов. Токин, неизбежно исходя из своих двух основных положений, должен отказаться от своего «теоретического введения» и от своей «новой главы биологии — онтогении клетки и простейших». Эта его глава, неправильно построенная, должна привести к признанию бессмертия одноклеточных, т. е. к чисто метафизическим выводам. Он должен глубже продумать, что такое онтогения клетки, и признать, что онтогения клетки начинается с момента ее возникновения в материнской клетке и до момента смерти в дальнейшем развитии клетки в культуре или в организме.

Вся эта позиция тов. Токина чрезвычайно шатка. С одной стороны, он не хочет признать, что клетка бессмертна, а с другой стороны, что клетка возникает, растет, размножается, стареет и умирает. Выдвигая идею о новой главе об онтогении клетки, он не потрудился дать себе ясного представления о том, что следует понимать под онтогенией клетки и простейших. В результате совершенно неясное представление о том, что такое онтогенез клетки и простейших.

Очень правильно подошел к разрешению вопроса о смерти и бессмертии одноклеточных проф. Шмальгаузен, но его смутили опыты Вундрефа.

Шмальгаузен пишет: «При делении животного надвое, понятно, теряет индивидуальность материнской особи: она как бы растворяется в дочерних», «Объективно такая потеря индивидуальности со смертью несравнима. В некоторых случаях, однако, трудно говорить даже о потере индивидуальности. Некоторые простейшие размножаются путем обособления лишь незначительной части своего тела, путем так называемого почкования (особенно у сосущих ацинет), в этом случае материнская особь, очевидно, вполне сохраняет свою индивидуальность. Между таким почкованием и обычным делением надвое наблюдаются все переходы в виде неравных делений различного типа, и трудно указать, где индивидуальность материнской особи при этом теряется, где нет».

Это совершенно правильная мысль. Почему, действительно, не относиться к делению на две клетки как к отпочкованию от материнской одной дочерней клетки, равной по величине материнской клетке?

Проф. Шмальгаузен все время рассуждал правильно, но он неправильно оценил опыт Вундрей и Метальникова. Поэтому он и пришел к выводу, что «явления старости имеются, но смерть целого не наступает благодаря периодическому омоложению». Но ведь Вундрей применяла такую методику, которая давала результаты, позволяющие совершенно не делать никаких определенных выводов о старении клеток, их умирании или, наоборот, об их бессмертии. Вундрей ежедневно изолировала одну особь (*Paramecium aur*), совершенно не зная, какую она изолирует клетку: материнскую или дочернюю, и поэтому, конечно, не могла проследить за длительным развитием первой материнской клетки. На основании своих опытов она могла сделать только одно правильное заключение, что этот вид одноклеточных (*Paramecium aur*) может при благоприятных условиях частой смены питания жить чрезвычайно долго, но сохраняется ли индивидуально та или иная клетка, бессмертна она или нет, этого вопроса Вундрей при своей постановке опытов решить не могла. Вид этих одноклеточных сохранялся потому, что она брала все новые и новые поколения. Индивидуальное животное, собака или кошка, умирает, а вид кошки или собаки живет, так и в данном случае мы имеем то же самое явление. Отдельные парameции, прожив некоторое время, даже дав несколько поколений, должны придти к естественной смерти, а вид их, или культура из парameций, может жить чрезвычайно долго, но даже и культура может в конце концов выродиться.

Чтобы проследить за развитием жизни одноклеточного организма, за старением отдельной клетки и ее смертью, необходимы другие методы исследования, на которые мы ниже укажем. Исследователи же, пользующиеся методами пересадок отдельных особей, конечно, впадают в ошибки и делают методологически неправильные выводы. На основании ряда данных, о которых речь будет ниже, материнская клетка дает одну дочернюю клетку, а при мультиполярном делении она может дать их несколько, но самое главное, что она продолжает существовать как материнская, качественно отличная от дочерней клетки. Таким образом, при делении получаются две или больше, но неравноценных клетки: материнская и дочерняя.

В подтверждение этого предположения укажем на очень интересный материал акад. А. Н. Северцева. В своей статье «Морфологические закономерности эволюционного процесса» (СОРЕНА, 1934) он пишет: «В некоторых случаях в одной из дочерних клеток происходят гистологические изменения, после которых она делается подобной материнской клетке. Так, при делении инфузории *Stentor* у одной из дочерних клеток образуется новый перистом, у *Euglen'a* внутри тела материнской особи развиваются новые пластинки скелета одной из дочерних клеток. Отмечаем, что здесь мы имеем гистогенетические изменения, касающиеся одной из дочерних клеток и делающие ее подобной другой дочерней клетке, сохраняющей признаки материнской клетки».

Таким образом, цитата из работы акад. Северцева целиком подтверждает мою мысль, во-первых, что материнские и дочерние клетки неравноценны, во-вторых, что материнская клетка при делении не исчезает и не омолаживается, а, следовательно, продолжает свой дальнейший цикл развития.

Тов. Красовская, работая в нашей лаборатории над искусственным оплодотворением яиц млекопитающих (кролика), сделала наблюдение, что при первом дроблении яйца кролика бластомеры получают неравноценными и даже резко отличаются друг от друга по своей величине.

Кроме того акад. Надсон в своем докладе в Академии наук 21/XII 1934 г. на тему «Биологическое влияние металлов на расстоянии» указал на очень интересный для нас момент. В своих экспериментах он сделал наблюдение, что две дочерних клетки, получившиеся после деления, будучи совершенно одинаковыми, совершенно различно реагируют на влияние металла.

Этот вскользь приведенный факт имеет громадное значение как подтверждение того, что две дочерних клетки неравноценны и что этот метод может быть хорошо использован для изучения возрастных изменений одноклеточных. Признание, что клетки после деления неравноценны, что материнская клетка продолжает существовать и дальше идти в своем развитии, есть важнейший момент, который переворачивает весь вопрос о потенциальном бессмертии одноклеточных и ставит его на совершенно другие рельсы, на более правильный методологический путь. Следя за дальнейшей судьбой материнской и дочерних клеток, можно а priori сказать, что, изолируя клетки друг от друга и ставя их в нормальные условия развития, мы будем иметь возможность проследить дальнейшее их развитие, устарение и смерть клетки и убедиться, что одноклеточные не «бессмертны», что жизнь действительно рождает смерть. Если не удастся заметить старческих изменений в поколениях, близко друг от друга отстоящих, то на далеком расстоянии это различие, несомненно, удастся констатировать. Опыты Гартмана, создающие ненормальные условия для развития одноклеточных, быть может, доказательны для возможности продления жизни, но неубедительны как доказательство бессмертия клетки.

Кроме того мы знаем хорошо, что повышение вязкости связано с понижением электрического потенциала, с понижением степени гидратации и дисперсности белковых частиц, т. е. с понижением всех свойств протоплазмы, необходимых для более живого и энергичного обмена веществ. При понижении обмена веществ, вне всякого сомнения, понижается жизнедеятельность клетки, и она стареет, а при отсутствии обмена она умирает. Отсюда вытекает, что одним из основных признаков устарения клетки является повышение степени вязкости протоплазмы со всеми сопутствующими ей явлениями, поэтому методика определения вязкости может нам также помочь установить различие между дочерними и материнской клетками, а также поможет проследить весь процесс устарения и смерти клетки.

Между прочим, Фри и Перк, а также и Гельбрун уже проделали в этом направлении работу и пришли к следующим выводам: Гельбрун утверждает, что вязкость высока во время профазы, низка во время метафазы и анафазы и высока во время телофазы, т. е. в начале и конце деления вязкость высока, а в середине митоза низка. Фри и Перк, повидимому, делают более правильные выводы, что «вязкость, низкая во время профазы, становится выше во время метафазы и высока во время анафазы и телофазы, т. е. к концу деления вязкость повышается».

Таким образом, все три автора сходятся в том, что к концу деления вязкость повышается. Это вкорме противоречит утверждению тов. Токина, что разделившиеся клетки эмбриональны. К сожалению, никто из этих авторов не исследовал различия в вязкости двух только что разделившихся клеток, а также и вязкости в интеркинезе, где идет созревание молодой клетки до появления у нее способности к делению.

По гипотезе о филогенетическом развитии организмов и клетки организмы развиваются из клетки, а клетка — из протоплазмы через переходные формы: монара, лининовый остов, кариозома и молодая клетка.

Онтогенез многоклеточного организма начинается также с яйцевой клетки. Будучи последовательными, мы должны сказать, что и всякая

клетка начинает свой онтогенез с протоплазмы и эмбриональная часть ее онтогенеза является периодом, когда клетки, повторяя свой филогенез, развиваются из протоплазмы. В эмбриональной ее стадии мы должны наблюдать образование монары с распыленными хроматиновыми зернами в протоплазме, затем образование в ней линиового остова и, наконец, кариозомы, состоящей из хроматиновых зерен, собравшихся в линиовом остове. Таким образом, появление молодой клетки еще не способно даже к кариокинетическому делению. Далее идет период возмужалости клетки и подготовка ее к делению, и, наконец, период, когда клетка перестает делиться. Наступает период старения клетки, сопровождаемый понижением обмена веществ, изменением вязкости и электрического потенциала, происходят и другие изменения ядра и протоплазмы, в конечном счете прекращается обмен веществ и наступает смерть клетки. Изучение всего этого цикла изменений в клетке есть изучение онтогенеза клетки.

Мы до сих пор имели в виду образование клеток из высокопотенциальной протоплазмы в яйцевых клетках, но возникает вопрос: где же искать эмбриональную стадию для тех клеток, которые произошли не путем образования из протоплазмы половой клетки, а путем деления клетки материнской в той или иной стадии онтогенеза организма?

И на этот вопрос должен быть дан тот же общий ответ: эмбриональное состояние клетки — это период ее образования из протоплазмы. Ее эмбриогенез надо искать также в изменениях протоплазмы материнской клетки во время кариокинеза.

Далее, возникает вопрос: где же эмбриогенез половой клетки? Эмбриогенез клетки — это ово- и сперматогенез. До сих пор еще не изучено происхождение половых клеток, и над этим работает проф. Щеголев. В настоящее время он занят изучением зародышевого пути и происхождения гоноцитов, а Теплякова работает над изучением овоцитов. По нашим наблюдениям, яйцевая клетка в период большого роста так рассеивает по всей своей протоплазме ядерное вещество, что принимает монаральный вид. Перед первым дроблением ядро снова оформляется. Каким образом это происходит, будет сказано ниже.

Наконец, последний вопрос: есть ли онтогенез у одноклеточных?

Я не могу согласиться с утверждением акад. А. Н. Северцева, что у одноклеточных нет эмбриогенеза. А. Н. Северцев говорит о клетке после деления. Здесь мы имеем дело с молодой клеткой, но все же вполне оформленной. А весь процесс, происходящий в материнской клетке, все изменения в ней, вся подготовка к делению — разве это не эмбриогенез клетки? У одноклеточных есть стадия роста: возмужалость клетки, несомненно, старость и смерть. Только никто этими вопросами не занимался. Другой вопрос: повторяют ли одноклеточные свое филогенетическое происхождение из протоплазмы, или это уже настолько осложненные историей развития, осложненные анаболиями, девиациями, архалаксисом и т. п. способами изменения, описываемыми акад. Северцевым, что они далеко ушли от своего филогенетического развития и не дают совершенно явлений рекapитуляции своего филогенетического развития? Несомненно только, что и одноклеточные имеют свой онтогенез и свой эмбриогенез.

Возникают самые естественные вопросы: из какой же протоплазмы образуется клетка, и где искать эту протоплазму, из которой может образоваться новая клетка?

Если бы мы могли получить живую протоплазму, то, конечно, стали бы наблюдать, как она трансформируется и не образуется ли из нее клетка. Но пока такой протоплазмы мы не имеем. Но мы имеем живую протоплазму, в которой имеются желточные зерна, содержащие в себе, по наблюдениям Тепляковой, тимонуклеиновую кислоту, т. е. составную часть

хроматинового вещества. В яйцевой клетке идет сильное нарастание клеток, и вот этот-то желток является наиболее удачным и подходящим объектом для изучения эмбриогенеза клетки.

Таким образом, изучить онтогенез клетки и в особенности ее эмбриогенез мы должны в онтогенезе организма, стоящего по возможности на самой низшей ступени филогенетического развития. В онтогенезе более сложного организма половая клетка также стоит на самой низшей ступени, а потому протоплазма яйцевой клетки — самый подходящий объект для изучения эмбриогенеза клетки. При этих условиях онтогенез клетки должен дать максимальное количество рекапитуляций из филогенеза клетки и наиболее точно их передать.

Итак, мы должны стать на путь отыскания таких протоплазматических масс, которые трансформируют, повторяют филогенез клетки, проходя через образование монер, линиового остова и кариозомы до образования молодой клетки, которая должна пройти еще путь созревания, чтобы дать уже нормальное кариокинетическое деление.

Это значит, что мы должны стать на путь изучения проблемы образования клеток из протоплазматических масс, что и делает гистологическое отделение Биологического института им. К. А. Тимирязева под руководством проф. О. Б. Лепешинской. О достижениях в этой области будет сказано ниже.

Прилагаемая при этой статье схема из работы О. Б. Лепешинской «Образование клеток и кровяных островков из желточных шаров куриного эмбриона» (Биологический журнал. Т. III, вып. 2-й, 1932) была составлена нами на основании большого экспериментального материала, полученного самыми разнообразными методами исследования: путем гистологической обработки различных стадий развития куриного эмбриона, методом культивирования тканей и наблюдений *in vitro* и методом наблюдения развития куриного эмбриона в нормальных условиях при помощи ультропака. Результаты всех этих наблюдений, зафиксированных фотографией, изображены

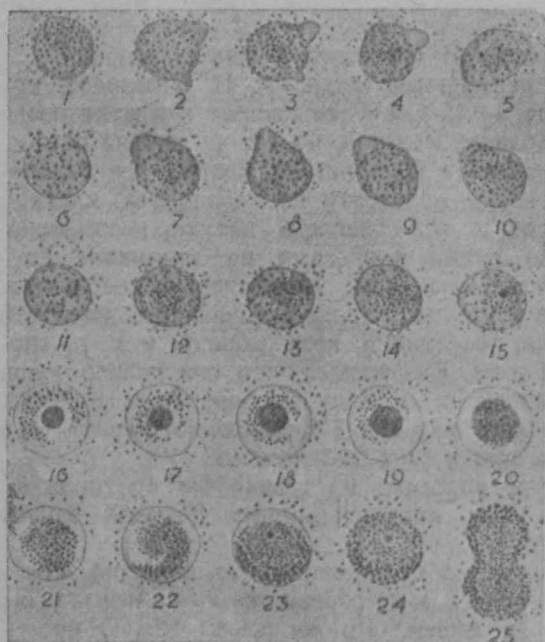

Рис. 1—25.

еще на схеме в последовательности стадий развития клетки из желточных шаров яйцевой клетки.

К каким же выводам мы приходим на основании длительной и большой этой работы над образованием клеток из протоплазматических масс?

Кратко резюмируя наши наблюдения, мы можем сказать, что

1) из желточной массы куриного яйца, состоящей из протоплазмы и имеющей в своем составе в той или иной форме ядерное вещество, выделяются желточные шары, которые подобно монерам Геккеля обладают способностью давать псевдоподии (схема №№ 1—10) и не имеют оформленного ядра;

2) в центре таких желточных шаров (монер) обра-

зается скопление протоплазматической зернистости, расположенной лучами (рис. 11, 12, 13); эта зернистость не дает, по наблюдениям Тепляковой, редакции на тимонуклеиновую кислоту, т. е. на составную часть хроматина;

3) в центре протоплазматических лучей образуется протоплазматическая вакуоль (рис. 14), постепенно растущая и красящаяся как протоплазма и также не дающая реакции на тимонуклеиновую кислоту; это начало образования лининового остова, описываемого Минчиным (рис. 14, 15, 16);

4) хроматиновое вещество, красящееся основными красками и дающее реакцию на тимонуклеиновую кислоту в виде хроматиновой зернистости, собирается в вакуоле или в лининовом остове и образует молодое зернистое ядро, соответствующее кариозоме Минчина (рис. 17—20). Далее, на рис. 21, 22, 23, 24 схематически изображена дальнейшая стадия образования клеток, а на рис. 25, 26 и 27 — деление их.

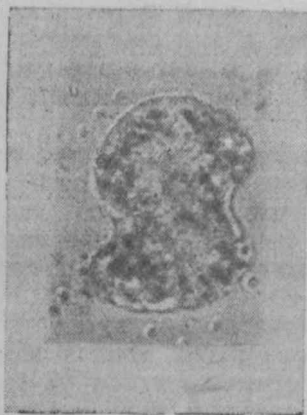

Рис. 26.

Рис. 27.

Если бы наблюдаемая нами картина не соответствовала тому представлению о филогенетическом развитии клетки, которое имеется у нас на основании гипотез, построенных Геккелем и Минчиным, мы должны были бы прийти к выводу, что либо неверны наши наблюдения, либо неверны гипотезы, либо неверно и то и другое.

Если же наши наблюдения и наша схема действительно совпадают с представлениями о филогенезе клетки на основании имеющихся гипотез, то мы должны признать, что такое совпадение не может быть случайным. Факты говорят сами за себя и являются несомненным подтверждением того, что мы стоим на правильной точке зрения и наши наблюдения лишний раз говорят о возможности явления рекатитуляций в онтогенезе.

И, действительно, не вдаваясь в дальнейшие подробности процесса образования клеток из желточной массы и сделанных нами еще более детальных наблюдений, мы уже на основании прилагаемой здесь схемы можем указать на полное сходство картин, наблюдаемых при образовании клеток из протоплазматических масс, с теми картинами, которые рисуют нам авторы гипотез о филогенетическом развитии клеток также из протоплазмы.

Такая же картина наблюдалась и на искусственно оплодотворенной яйцевой клетке севриги перед первым ее дроблением. Здесь мы видим, как ядро, бывшее рассеянным, начинает снова организовываться

и как в анимальной части протоплазматическая зернистость располагается лучами, направляющимися в одну точку. В более поздней стадии в этой точке образуется сначала маленькая вакуоль, она становится все больше и имеет протоплазматический характер как лининовый остов. Красится она только кислыми красками; затем по лучам в виде мельчайших зернышек собирается хроматиновая зернистость и заполняет лининовый остов, образуя нормальное ядро.

В клетке, которая готовится к делению, т. е., выражаясь фигурально, к рождению новой клетки, идет эмбриональное развитие новой клетки, которой в ней раньше не было. Наблюдая на очень демонстративных препаратах за делением бластомера в искусственно оплодотворенном яйце себрюги, я убедилась, что и здесь мы имеем ту же самую картину образования новой клетки из протоплазмы, какую много раз мы уже описывали. В делящейся кариокинетической клетке прежде всего получается лучистая сфера, в центре которой появляется сначала одна, а затем две блестящих вакуоли (центриоли), или будущий лининовый остов будущей клетки, отдельный для каждой клетки. Затем по лучам к ним стягивается хроматиновое вещество в виде мельчайшей зернистости и дает новое ядро. Опять-таки и здесь основные моменты кариокинеза целиком повторяют все этапы филогенетического развития клетки.

Всякие отклонения от этого пути развития, например отсутствие центриолей, т. е. будущего лининового остова у растений при кариокинетическом делении клетки, объясняются, несомненно, теми изменениями в ходе индивидуального развития, которые очень хорошо изложены у акад. Северцева, т. е. надставками в начале развития, в средних стадиях — выпадениями, удлинениями и т. д.

Таким образом, нам удалось экспериментальным путем проследить, как из желтка образуются клетки, которые затем делятся или прямым или митотическим делением. Эти наши достижения никем не были оспариваемы, но вся критика нашей работы сводилась к тому, что мы не проследили этот процесс образования клеток на одном и том же желточном шаре.

Проф. Румянцев (выписка из стенограммы) на моем докладе сказал: «Вы применяли метод *in vivo* и *in vitro*. Я считаю, что тот момент, когда вы сможете на киноленте показать, как изменяется один желточный шар постепенно и превращается в клетку, — это будет одним из серьезнейших и блестящих завоеваний науки за последние годы. Это будет ответственным и серьезным моментом».

Это было самым существенным и главным возражением, но нам удалось этот пробел заполнить и таким образом отпарировать удар.

Не имея материальных возможностей к постановке в нашем Институте опытов с микрокино, нам все же удалось сделать такую серию снимков, которые в значительной мере могут заменить опыты с микрокино и быть достаточно убедительными. Нам удалось заснять одно и то же поле зрения с несколькими желточными шарами и в одном и том же фокусном расстоянии, т. е. в одной и той же плоскости в два различных момента.

Первый момент (рис. 1), когда желточные шары находятся еще без всякого изменения и ни у кого не возникает никакого сомнения в том, что это действительно желточные шары без всяких признаков ядра. И второй момент (рис. 2), через 1 час 35 минут после первого, когда один шар, очевидно, начавший позднее трансформироваться в сторону образования клетки, дал только стадию лининового остова, другой остался без изменений, а третий шар уже превратился в такую же клетку, какая находилась в поле зрения еще до первого заснятия и которая при окраске дала настоящую картину

молодой клетки с базально окрашенной протоплазмой и ядрышком и с ядром, окрашенным кислой краской (см. предлагаемые рисунки). Также удалось нам заснять, как такие же клетки делятся кариокинетически. На одной и той же клетке, заснятой в разные моменты, мы получили стадию анафазы и телофазы. Таким образом, из этих фотографий ясно видно, что из желточного шара образовалась клетка-шар, делящаяся кариокинетически.

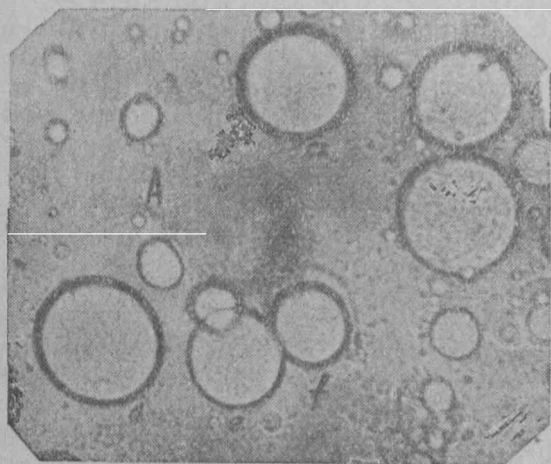

Рис. 1.

она не решается сказать последнее слово и называет их хромосомоподобным образованием, хотя проследила даже почти все стадии кариокинеза. Она считает возможным ввиду важности проблем образования клетки признать вопрос о хромосомах решенным лишь после того, как ей еще удастся проследить этот процесс *in vivo* в культуре.

На прекрасных препаратах Тепляковой видно, что в желточных шарах куриного эмбриона в трехчасовой инкубации образование лининового остова протекает, не давая реакции на тимонуклеиновую кислоту, а на стадии тридцатичасовой инкубации ядерное вещество, распыленное по всему желточному шару, собирается в лининовом остове, и эта зернистость дает резкую фельгеновскую реакцию на тимонуклеиновую кислоту. Одновременно с этим желточные зерна в шарах, которые до конденсации ядерного вещества давали положительную фельгеновскую реакцию, после образования скопления зерен хроматинового вещества уже не дают этой реакции и совершенно обесцвечиваются.

Для того чтобы наша работа по образованию клеток из желточных шаров куриного эмбриона не вызывала больше сомнений у самых строгих

Тов. Шейнис, приступая к работе над общей нашей проблемой об образовании клеток, открыто выражала свое неверие в возможность формирования клеток в желтке иными путями чем делением. Но при тщательном изучении морфологии желтка воробьиных яиц и происходящих в нем процессов на ранних стадиях эмбрионального развития она проследила весь ход изменений в желточных шарах до образования так называемых протоцит и формирования в них хромосом. Однако из осторожности, несмотря на всю убедительность картины формы хромосом,

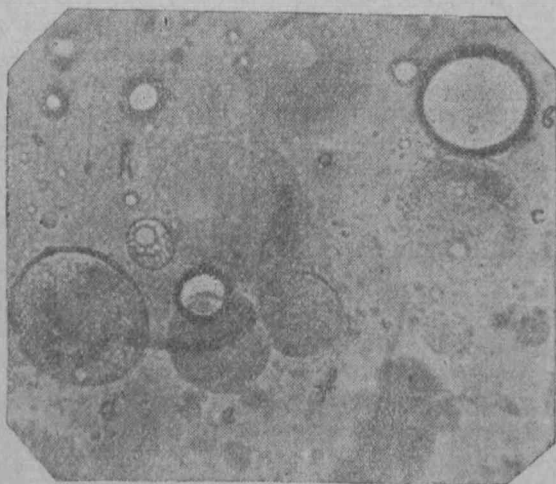

Рис. 2.

критиков и скептиков, нам очень хочется зафиксировать все наши наблюдения на кинофильме и продемонстрировать весь процесс в движении.

Напрасно генетики волнуются и думают, что работы об образовании клеток из неклеточных протоплазматических масс, работы, которые сталкиваются с учением о ядре, с учением о хромосомах и наследственности, т. е. с учениями, уже давшими блестящие результаты не только в теории, но и на практике, могут разрушить все до сих пор полученные результаты.

Это большая ошибка со стороны генетиков. Факты остаются фактами. Но, несомненно, изучив историю развития клетки и доказав возможность ее образования в организме из неклеточных форм протоплазмы, мы тем самым должны заставить пересмотреть взаимоотношение этих самых фактов и прежде всего пересмотреть вопросы о статическом состоянии хромосом и о хромосомах как единственном органоиде клетки, способном передавать наследственные качества. Наследственные качества, несомненно, передает вся клетка в целом (как часть целого организма), а не одни только хромосомы.

Проф. Н. К. Кольцов пишет: «В хромосомном комплексе — тысячи генов, и все они занимают определенное место. Если они разойдутся и смешаются в однородном веществе (как хромидии гертвиговой школы), то вероятность того, что при новом синтезе они сами собой попадут на свои прежние места, будет ничтожно мала: единица на квадриллионы квадриллионов. А ведь в момент митоза каждой зиготы все гены оказываются действительно на своих прежних местах».

Но проф. Кольцов, повидимому, забывает, что все органы в организмах всегда индивидуальны и наследственно сохраняют в той или иной степени точности свою форму и строение, а между тем они же состоят из квадриллиона квадриллионов клеток. Он также упускает из виду, что каждый орган образуется по определенным законам механики развития.

Хромосома — органоид клетки и как таковой имеет также свои собственные законы развития, которые до сих пор не изучались и должны быть изучаемы.

Работы по образованию клеток из неклеточных форм протоплазмы должны заставить изучать историю развития хромосом и все закономерности этого развития, соотношения между хромосомой и всей клеткой как части целого организма и, наконец, изучать законы наследственности не только в связи с хромосомами, но и в связи со всей клеткой и даже со всем организмом.

Такое направление в исследовательской работе поставит науку о наследственности на более правильный, методологический путь, а биологам придется отказаться от когда-то прогрессивной, а ныне устаревшей идеи Вирхова, что «клетка есть последний морфологический элемент, способный к науке — деятельности», и перестать проходить мимо, отмахиваясь от многообразия ядерных форм и «причудливых морфологических образований» (Кольцов) в желтке, а по-научному подойти и изучить все закономерности развития и изменчивости желтка как живой системы, а также и законы развития этих «причудливых образований» Кольцова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1) ТОКИН Б. П. Проблемы онтогении клетки. 1-е сообщ. «Регенерация в свете проблемы онтогении клетки». «Биол. журн.» Т. III, № 2. 1934.
- 2) ТОКИН Б. П. Теоретическая биология и ее достижения, журн. «Фронт науки и техники», № 8, 1934.
- 3) SCHLEIDEN. Abhandlung über die Bildung von Pflanzenzellen. Müller Arch. 1837.
- 4) SCHWANN. Untersuchungen über die Ubereinstimmung in der Struktur und dem Wachstum der Tiere und der Pflanzen. 1839.
- 5) HIS W. Untersuchungen über die erste Anlage des Wirbeltierleibes. Die erste Entwicklung des Hühnchens im Ei. Leipzig. 1868.
- 6) RUCKERT. Handb. der vergleichend und experiment Entwicklungslehre des Wirbeltieres. O. Hertwig. B. II. T. I. 1906.
- 7) HERTWIG R. Handb. der vergleichend und experiment Entwicklungslehre des Wirbeltieres. O. Hertwig. B. I. T. I. 1906.
- 8) LAWDOWSKY u. TISCHUTKIN. Von den Beziehungen der Dotterelementen zu den Keimblätterzellen. Biol. Ztbl. B. XIX. 1899.
- 9) USSOW S. A. Eine besondere Entstehungsweise von zellen bei Wirbeltierembryonen. 1927.
- 10) CRILE G., TILKISS M. u. ROWLAND A. Autosyntetic cells. Protoplasma. B. XV. H. 3. Apr. 1932.
- 11) VOSS K., Der hisfotopochemische Nachweis einer Nucleinsäuresynthese in der Fruchtentwicklung der Amphibien nebst Bemerkungen über die Bedeutung des Dotters als Quelle indizierende Substanzen. Zeitschr. f. microsk. Aufl. Forschung. B. 34. H. 2. 1933.
- 12) ЛЕПЕШИНСКАЯ О. Б. К вопросу о новообразовании клеток в животном организме.
Образование клеток и кровяных островков из эмбриональных шаров куриного эмбриона. «Биол. журн.», Т. III, № 2. 1934.
- 13) ГЕККЕЛЬ. Естественная история миротворения. Ч. I. 1908.
- 14) МИНЧИН. Эволюция клетки. 1923.
- 15) ФИЛЬКЕНШТЕЙН М. Возникновение и развитие естественной смерти. «Естествознание и марксизм». Т. IV. 1929.
- 16) HARTMANN M. Tod und Fortpflanzung. München. 1906.
- 17) ХОЛОДКОВСКИЙ Н. А. Учебник зоологии. 5-е изд. Гиз. 1925.
- 18) ВЕЙСМАН Авг. О жизни и смерти. Новые идеи в биологии. Сб. III. 1914.
- 19) КАММЕРЕР П. Смерть и бессмертие. Перев. с нем. Гиз. 1925.
- 20) КАЛКИНС Г. Н. Протозоология. Перев. с англ. М. 1912, стр. 125.
- 21) ГЕРТВИГ Р. О причинах смерти. Новые идеи в биологии. Сб. III. 1914.
- 22) МЕТАЛЬНИКОВ С. Проблема бессмертия в современной биологии. Петроград. 1917.
- 23) ШМАЛЬГАУЗЕН. Проблема смерти и бессмертие. Гиз. 1926.
- 24) WOODROFF Lh — Dreitausend und dreihundert Generationen von Paramecium oder künstl. Reizung.—Biolog. Zentrbl. B. 33. 1913.
- 25) Акад. СЕВЕРЦЕВ. Морфологические закономерности эволюционного процесса, «СОРЕНА» № 3. 1934.

С НАУЧНОГО ФРОНТА

Работы Института мозга при Ученом комитете ЦИК СССР

Задачи Института мозга состоят в изучении морфологии центральной нервной системы, в первую очередь в изучении архитектоники коры большого мозга—этого основного субстрата нашей нервно-психической деятельности—с точки зрения локализационных проблем.

Энгельс в своей замечательной статье «О роли труда в очеловечении обезьяны» дает исключительную по своей ясности и важности предпосылку исторического развития этого важнейшего человеческого органа: «Сначала труд, а затем и рядом с ним членораздельная речь явились самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьян мог постепенно превратиться в человеческий мозг, который, при всем сходстве в основной структуре, превосходит первый величиной и совершенством».

Изучение структуры столь сложного и столь важного органа и его «совершенства» приобретает особенно большое значение и в теоретическом и в практическом отношении благодаря весьма тесной связи современного учения об архитектонике с проблемой локализации функций в коре большого мозга, что является необходимым условием правильного понимания механизма его работы.

Особенно большая работа была проведена исследователями по изучению извилин и борозд коры человеческого мозга вообще и по изучению извилин и борозд выдающихся людей в частности. По этому вопросу накопилось колоссальное количество работ, но в настоящее время все эти исследования не привели ни к каким определенным выводам, и можно считать твердо установленным, что в настоящее время нельзя только на основании изучения характера борозд и извилин, их количества и формы говорить об особенностях, связанных с определенными особенностями нервно-психической деятельности.

Достижения последних десятилетий в области изучения анатомии центральной нервной системы показывают, что один из основных отделов мозга—так называемая кора мозга, которая покрывает все борозды и извилины, по своему внутреннему строению является неоднородной и представляет целую систему органов, являющихся основным субстратом нашей нервно-психической деятельности. Сперва работами киевского ученого Беца, затем немецкого ученого Мейнерта, а в конце прошлого века и в начале XX в. особенно работами Бродманна, Фогта и Экономо была создана особая дисциплина в анатомии центральной нервной системы—так называемая архитектоника коры мозга. Работами этих ученых было показано, что кора мозга по внутреннему своему строению и структуре (форма, количество, величина клеточных элементов и расположение слоев, из которых состоит кора) делится на многочисленные, отличающиеся друг от друга области, или, как принято говорить, архитектонические поля. Классическими работами Бродманна было установлено, что по возрастающей лестнице животного мира количество этих «полей» в коре мозга увеличивается и усложняется по своему характеру. По данным Фогта, у человека количество архитектонических полей мозга достигает до 200. Если к этим данным архитектоники мозга добавить,

что кора мозга в процессе видового развития (филогенез) является самым поздним образованием, то значение учения об архитектонике этого отдела центральной нервной системы становится еще более очевидным.

Архитектоника коры большого мозга — сравнительно новая дисциплина, и, несомненно, ценный вклад в науку представляют работы Эллиота Смита, Кемпбелля, Бродманна, С. и О. Фогт, а также работы Розе, Экономо, Коскинаса, у нас работы Филимонова и др.

Благодаря этим работам мы познакомились со структурой коры большого мозга, с ее делением на многочисленные, различно построенные участки, или так называемые «поля» (цитоархитектоника) целого ряда животных и человека (Бродманн), с волокнистым строением коры мозга человека (О. Фогт). Мало того, мы получили возможность говорить о функциональной значимости отдельных структурных особенностей. Мы имеем в виду физиологические опыты О. Фогта на обезьянах и опыты знаменитого нейрохирурга О. Ферстера на человеческом мозге во время черепных операций.

Московский Институт мозга, исходя из того основного положения, что правильное понимание структурных (а также и функциональных) особенностей центральной нервной системы возможно только при условии изучения их в процессе развития (в отличие от господствующего изучения ЦНС, сводящегося только к описанию, к статике), всю свою тематику ставит в разрезе филогенеза (видового и индивидуального развития), т. е. изучает динамику развития ЦНС и в этой динамике развития изучает закономерности, связи и соотношения всех структурных образований коры большого мозга человека. В соответствии с этим вся тематика Института построена на изучении структурных особенностей (архитектоники) коры мозга: 1) у взрослого мозга и вариации этих структурных особенностей; 2) онтогенез структурных особенностей мозга человека и 3) филогенез.

Соответственно вышесказанному, Институт занимается прежде всего вопросами онтогенеза, изучением которых он занимался и раньше (работы И. Н. Филимонова, С. А. Саркисова). Исследования И. Н. Филимонова показали, что дифференцировка клеточных слоев, из которых состоят исследованные им поля, приобретает ко времени рождения в общем уже свою окончательную форму, но что развитие самых клеток отдельных слоев в очень значительной степени падает на послеродовой период жизни. Вначале это развитие идет очень быстрым темпом, далее замедляется, так что у 3-годовалого ребенка клетки уже достигают высокой степени совершенства, а у 8-годовалого — уже близко напоминают клетки взрослого мозга. Само собой понятно, какие широкие перспективы открывает это обстоятельство для выяснения соотношений между анатомическим развитием и развитием функций: возможной становится задача не только сопоставлять анатомическое развитие с малодоступным наблюдению развитием функций в зародышевом периоде, но также и с легко доступным наблюдению развитием функций после рождения. Исследования С. А. Саркисова на экспериментальных животных (от момента рождения до месяца жизни) обнаружили то существенно важное обстоятельство, что поля 4 и 17, которые мы связываем с элементарными двигательными и чувствительными (зрительными) функциями, формируются в процессе развития значительно быстрее чем поле 6, которое является носителем более сложных двигательных реакций. Таким образом, выявляется соответствие темпа развития отдельных полей сложности и свойственных им функций. Работа Г. И. Полякова дает интересные указания относительно закономерностей развития этого «совершенства», о котором говорит Энгельс. О лобных долях мозга человека много писалось как о специфически человеческой области, связанной с функциями высшего порядка. Оказывается, еще в раннем онтогенезе формирование коры лобной области идет значительно более быстрыми темпами чем формирование филогенетически более старой области коры — окципитальной (зрительная область). Мы склонны эти данные онтогенеза объяснить тем, что новые области коры большого мозга, имеющие особенно большое значение для данного пред-

ставителя животного мира и достигающие у него наибольшего развития по сравнению с ниже его стоящими в ряду филогенеза, появляются в течение онтогенеза значительно раньше и развиваются в значительно более интенсивном темпе по сравнению с филогенетически более старыми областями, отступающими по своему значению на задний план.

Все эти данные позволяют глубже проникнуть в понимание строения и функций коры головного мозга у взрослого человека с точки зрения истории индивидуального развития его. Но они приобретают большое значение также и в другом направлении, а именно при сопоставлении их с теми данными, которые получены при изучении развития коры головного мозга у человека в ряду всего животного мира (филогенез). Такое сопоставление даст возможность выяснить в отношении развития важнейшей части нервной системы одну из актуальнейших проблем современной биологии — проблему соотношения онтогенеза и филогенеза (так называемый биогенетический закон).

Изучение этого последнего (филогенеза) имеет не меньшее значение для разрешаемых Институтом задач. Как пример можно привести исследования И. Н. Филимонова о сравнительной величине полей затылочной области у человека, высших и низших обезьян. Эти исследования показали, что не только функции поля 17, которое, несомненно, связано с элементарным зрением, но также функции полей 18, 19, которые нам известны вообще очень мало, не представляются функциями особо высокого порядка и что их относительное значение у обезьян в сравнении с человеком не только не уменьшается, но даже значительно возрастает. Таким образом, и здесь мы получаем известный подход к выяснению вопроса о соотношениях функции и структуры.

Далее, Институт занимается изучением строения отдельных областей коры и особенно изучением изменчивости этого строения от случая к случаю. Исследования, произведенные пока на 30 полушариях, показывают, что изменчивость эта у высших обезьян и особенно у человека очень велика и что в настоящее время совершенно невозможно дать такую архитектурническую карту, которая покрывала бы более или менее точно все индивидуальные случаи. Соответственно этому Институт дает индивидуальные карты архитектурнических полей целого ряда мозгов, чем реализуется возможность при изучении мозга людей проводить сравнение не со схемой мозга человека вообще, а с конкретными отдельными мозгами. Это имеет и большое практическое значение для целей оперативной хирургии. Мы не можем, правда, на данном мозге указать точное распределение того или иного поля, не прибегая к архитектурническим исследованиям, — эта возможность почти полностью, как уже сказано, исключается вследствие господствующей здесь большой изменчивости; но мы можем на основании изучения вариантов предвидеть, с какими возможностями мы можем здесь встретиться, а уже и это представляет для определения места поражения и хирургического вмешательства факт значительной важности.

Весьма трудной здесь является техническая подготовка материала. Надо иметь в виду, что весь мозг делится на сериальные срезы толщиной каждый в 20 микрон. Количество срезов — 15 тыс. Благодаря этому мы имеем возможность в любое время восстановить по срезам первоначальную форму мозга со всеми его деталями, сопоставить отдельные изучаемые участки и, что особенно важно, установить соотношение этих участков. Но такая подготовка мозга прежде всего требует большого технического навыка и большого количества времени.

Располагая уже в настоящее время целым рядом мозгов умерших выдающихся деятелей Союза, а также специально собираемыми Институтом сведениями об особенностях этих деятелей, об их одаренности и т. д., Институт также занимается и накоплением материала для последующего разрешения вопроса о том, какие отношения при современном уровне наших знаний могут быть вскрыты между структурой и функцией коры большого мозга человека и в этом направлении. Необходимо указать, что изучение мозгов выдающихся людей ставится и

разрешается многими буржуазными учеными совершенно спекулятивно, ненаучно, в большинстве случаев носит более или менее выраженный характер прямого выполнения социального заказа буржуазии. Ненаучный характер этих работ, помимо всего прочего, заключается и в том, что на основании изучения веса, борозд и извилин отдельных мозгов пытались доказать гениальность, одаренность того или другого лица. Кстати укажем, что, к сожалению, и у нас еще и теперь иногда делаются попытки упрощенно разрешать вопросы гениальности и одаренности с точки зрения характера борозд и извилин того или другого мозга. Между тем совершенно очевидно, что если говорить о каком-либо соотношении одаренности с основным субстратом нервно-психической деятельности — мозгом человека, то изучение его должно идти прежде всего по линии изучения тонких структурных особенностей коры мозга. При этом, разумеется, не должны игнорироваться также и характер борозд и извилин и их соотношений.

Само собой понятно, что выполнение этой задачи возможно только в тесной связи с указанным выше изучением вариативности строения коры большого мозга. В таком разрезе Институтом и изучаются известные области мозга у людей, отличавшихся при жизни особо высокой одаренностью в соответствующем направлении.

Приведем два примера.

В психоневрологической науке известно, особенно по данным клиники, что так называемая височная область мозга имеет близкое отношение к восприятию звука, к музыкальному слуху, к пониманию речи и музыкальных звуков, т. е. имеет отношение к музыкальным способностям. Отсюда уже давно возникла мысль, что у музыкально одаренных людей некоторые участки мозга функционируют иначе чем у людей немusических, в соответствии с чем было проведено много работ по изучению борозд и извилин височной области у выдающихся музыкантов. Однако эти исследования не дали определенных результатов. Изучение мозга одного из выдающихся дирижеров и композиторов нашего Союза — В. И. Сука — у нас в Институте (д-р Блинков) и сопоставление этих данных с данными архитектоники височной же области других мозгов показали, что здесь имеются такие особенности в архитектоническом строении и в соотношении полей друг к другу, которых мы не находим в той же области в других мозгах.

Интересные данные мы получили и при архитектоническом исследовании мозга Маяковского. Еще не все области этого мозга изучены. Однако те области, которые изучены, представляют большой интерес. Товарищи Станкевич и Шевченко проводили изучение так называемой нижнепарietальной области на 16 полушариях, в том числе и мозга Маяковского. Эта область мозга особенно хорошо выражена у человека и значительно слабее выражена у человекоподобных обезьян, а у ниже стоящих совершенно не выражена. Таким образом, эта область мозга, видимо, является носительницей особо высоких функций мозга. Работы Станкевича и Шевченко показали, что у Маяковского имеется большое своеобразие в архитектоническом строении этой области: 1) своеобразие в сложности борозд и извилин; 2) относительное преобладание этой области по сравнению с этой же областью в других мозгах; 3) своеобразие в распространении архитектонических полей и своеобразие в архитектонике коры этой области.

Необходимо указать, что и эта сравнительно новая и важная область науки (архитектоника) была использована для реакционной теории о высших и низших расах. Буржуазно-классовый смысл имеет утверждение одного из основоположников учения об архитектонике Бродманна, когда он на основании архитектонического исследования одного — двух мозгов делает «вывод» о мозгах «высших» и низших рас. В некоторых случаях зрительная область коры Area striata, т. е. область мозга, где концентрируются зрительные ощущения, у человека тянется чрезвычайно далеко по наружной поверхности мозга, что соответствует распространению этого поля, наблюдающемуся у обезьян. Такой вариант распространения зрительной области коры мозга был описан Эл. Смитом и Бродманном и

наблюдался ими у феллахов и яванцев и на основании этого факта рассматривался Бродманном как «расовый» признак.

Работы И. Н. Филимонова (у нас в Институте) об изменчивости затылочной области на достаточно большом количестве материала показывают, что взгляд этот совершенно неправилен, так как указанный вариант весьма нередко обнаруживается и у европейцев. Особенно же в этом отношении показательна одна из последних работ венского ученого Экономо, в которой описаны три мозга, принадлежащие, несомненно, немцам, где указанный тип распространения зрительной области коры был выражен чрезвычайно резко. Против этих извращений научных данных в пользу реакционных воззрений надо и дальше вести борьбу.

С другой стороны, мы должны вести борьбу против тех, кто использует данные архитектоники для того, чтобы показать, что различные высшие нервные функции зависят от работы только одного ограниченного архитектурного поля. В этих функциях принимает участие весь мозг, однако участие разных участков в этой функции различно. Так например если говорить о височной области, о которой мы говорили выше, то известно, что различные части этой области имеют особое значение для музыкальной способности. Таким образом, речь идет не только об изучении отдельных архитектурных полей, но — что важнее всего — об их соотношении и зависимости друг от друга.

Необходимо указать, что здесь еще до сих пор продолжают существовать воззрения, которые базировались и продолжают базироваться у многих исследователей на старой, узко локализационной теории, связывающие даже сложные функции невро-психической деятельности (речь, память и т. д.) с совершенно определенно резко ограниченными областями мозга, — теории, которая опровергается ежедневно практикой клиники, физиологии и т. д.

Из этой концепции и исходили те представители архитектуры, которые совершенно необоснованно признавали исключительную роль и решающее значение архитектоники не только в понимании вопросов локализации функций (забывая о клинике, физиологии и т. д.), но и в понимании гораздо более широкой проблемы — проблемы личности, — «забывая» о таких вопросах, как вопрос о роли социально-экономических факторов в формировании личности.

Однако тут же необходимо подчеркнуть, что, продолжая критику старой мозговой локализации, одновременно необходимо в неменьшей степени провести критику и тех авторов, которые под видом борьбы против узких локализационистов, по существу, отрицают вообще локализацию функций в мозгу. Примером этого направления может служить хотя бы последняя работа американского исследователя Лешли «Мозг и интеллект». Ведя в основном правильную критику традиционной мозговой локализации, Лешли в этой работе, нам кажется, впадает в другую крайность, заявляя, что «факты, касающиеся локализации функций, хотя они и имеют бесспорное клиническое значение в таких вопросах, как локализация опухолей и т. д., представляют небольшую ценность для понимания механизма мозга» или что «интеграции высшего уровня не зависят от локализационных структурных дифференциаций».

От этих заявлений — прямой путь к недавним высказываниям знаменитого невролога Монакова, который в своей критике против старой, механистической мозговой локализации дошел до интуитивизма и витализма.

Правильная точка зрения состоит в том, что, во-первых, на основании современных данных мы можем и должны признать доказанную точную связь элементарных двигательных и чувствительных функций с определенными участками коры большого мозга. Во-вторых, признавая, что высшие функции являются, несомненно, результатом работы всей коры большого мозга, следует все же считаться с тем обстоятельством, что участие различных областей, или «полей», коры является здесь далеко не одинаковым для различных функций. Таким образом, и в изучении локализации высших функций архитектора ни в коем случае не утрачивает своего большого значения.

Наконец, остановимся еще на одном новом разделе работы Института — на изучении биоэлектрических явлений коры мозга, открывающем, несомненно, новые возможности в понимании механизмов деятельности мозга и коры его, ставя и разрешая этот вопрос в тесной связи со структурой коры мозга — с архитектурной.

Полученные за год работы первые результаты вызвали большой интерес у нас в Союзе (доклад на съезде психоневрологов в Харькове в 1934 г.).

Надо указать, что за последнее время в специальной литературе по психоневрологии и по физиологии нервной системы все чаще появляются работы по изучению биоэлектрических явлений центральной и периферической нервной системы. Но было бы неправильно думать, что вопрос об изучении биоэлектрических явлений нервной системы является новым вопросом, вопросом последнего времени.

Еще известный физиолог Дю-Буа-Раймонд (1849 г.) на лягушках, черепахах и кроликах установил, что мозг, так же как и нервы и мышцы, обладает электрическими свойствами. Катон в 1875 г., изучая электрический ток больших полушарий мозга, показал, что деятельная часть мозга электроотрицательна, переход ее в состояние возбуждения сопровождается поэтому отрицательным знаком. Изучению этих же вопросов посвящен ряд работ известного физиолога Данилевского (1876 г.), Сеченова (1882 г.), Вериги (1889 г.) и целого ряда других авторов — русских и иностранных.

Однако, говоря о наличии электрогенных свойств мозга той или другой части центральной или периферической нервной системы, исследователи того периода могли пользоваться грубыми, недостаточно чувствительными измерительными приборами. Между тем электрические напряжения, создаваемые мозгом, центральной нервной системой, настолько слабы (около десяти тысячных долей вольта), что требовались чрезвычайно чувствительные приборы, которые явились уже продуктом более позднего времени (струнный гальванометр). При помощи этих аппаратов в изучении биоэлектрических явлений живых тканей организма (особенно мышц и периферической нервной системы), несомненно, были сделаны значительные достижения. К этим достижениям относятся также чрезвычайно интересные работы Бека и Цибульского (1892 г.), которые изучают биоэлектрические токи центральной нервной системы над собаками и обезьянами. В 1900 г. Fleish v. Marxow получил токи действия с зрительной области мозга при освещении глаза. Но уровень техники того периода все еще не давал возможности, помимо констатации наличия электрогенных свойств мозга или отдельных его областей, говорить о характере этих биоэлектрических явлений, об их закономерностях, особенно если говорить о биоэлектрических явлениях основного субстрата нашей нервно-психической деятельности коры большого мозга. Отсутствием этих технических возможностей объясняется и отсутствие после работ Бека и Цибульского более или менее значительных работ по изучению биотоков мозга. Русский исследователь Кауфман, который подтвердил данные Бека и Цибульского об изменении электрического потенциала в зрительных областях коры мозга при периферических зрительных раздражениях, заканчивает свою интересную работу так: «Можно только удивляться, почему в течение 20 с лишком лет, протекших после прекрасных исследований Бека и Цибульского, он (метод изучения биоэлектрических токов. — С. С.) оставался как бы в забвении».

Развитие и успехи современной техники, в частности появление в сравнительно недавнее время очень чувствительных измерительных приборов и катодных усилителей, вновь поставили перед исследователями вопрос об изучении биоэлектрических явлений живых тканей организма и особенно наиболее тонко организованной из них — нервной ткани, которая притом же обладает сравнительно слабыми электрогенными свойствами.

Основное достижение здесь состоит в том, что мы сейчас в состоянии не только определить наличие биоэлектрических явлений в центральной нервной си-

стеме, в частности, в коре головного мозга, но и, улавливая эти биотоки, мы в состоянии в значительной степени их усилить и, кроме того, в состоянии эти биотоки графически регистрировать, а это уже дает нам возможность изучить и вывести ряд закономерностей «покойного» и действующего мозга. Кстати укажем, что на этом примере чрезвычайно наглядно можно видеть значение развития техники для науки, в данном случае для психоневрологической науки.

Если же говорить о современных достижениях по изучению биоэлектрических токов коры большого мозга, то здесь наряду с нашими теперешними возможностями технического порядка — наличие мощных усилителей, наличие аппаратов, не только усиливающих биоэлектрические токи, но и тут же регистрирующих графически эти токи («нейрограф»), которые дают нам возможность читать характер и особенности их (громадное значение имеют современные наши знания о структурных особенностях коры большого мозга, так называемая архитектоника мозга).

В чем состоит значение этих данных архитектоники мозга для современного учения о биоэлектрических явлениях мозга?

Если до самого последнего времени все исследователи могли говорить об электрических потенциалах мозга при отведении токов от «двух полюсов мозга», или двух «областей» мозга, то современные наши знания об архитектонике мозга позволяют нам значительно ближе подойти к пониманию связей, взаимоотношений этих биоэлектрических токов с отдельными архитектурными полями коры мозга, что открывает новые возможности для проникновения в темные области работы мозга.

Работы такого направления начаты за последние годы в берлинском Институте мозга. В настоящее время московский Институт не только освоил соответствующую аппаратуру и методику, но и достиг весьма важных результатов в этой области¹⁾.

Нам удалось показать, что отдельные архитектурные поля, о которых мы говорили выше, как например моторное, зрительное и слуховое, имеют свои характерные для данной области электрические токи, так называемые собственные токи коры. Далее, наши исследования показали, что при соответствующих внешних раздражениях эти собственные токи дают изменения. Так например если отвести собственные токи от зрительной области коры мозга, т. е. области, которая заведует нашими зрительными функциями, и тут же нанести внешнее раздражение глазу светом, то сейчас же происходит изменение кривых в момент нанесения раздражения, что графически фиксируется на автоматически действующей фотокамере. Но еще более разительно то, что, оказывается, внешнее раздражение, нанесенное зрительной области коры, является не безразличным и для соседнего поля, так как собственные кривые этого соседнего поля значительно уменьшаются в амплитудах. Этот факт имеет для нас чрезвычайно большое значение в понимании механизмов работы коры мозга, в понимании взаимоотношений отдельных областей коры в том или другом акте. Если до сих пор мы могли на основании капитальных работ школы И. П. Павлова, а также известных работ А. А. Ухтомского и других говорить о целом ряде важных положений об основных механизмах деятельности коры больших полушарий, то, несомненно, метод улавливания записи биоэлектрических токов дает некоторое объективное выражение этих механизмов.

Само собой разумеется, насколько важным является наряду с этими данными изучение и природы самых получаемых нами биоэлектрических явлений коры мозга: выведение ряда закономерностей о характере получаемых кривых,

¹⁾ С. Саркисов и М. Ливанов «О биоэлектрических явлениях и их локализации в коре большого мозга» («Советская невропатология, психология и психотехника». Т. II. 1933).

С. Саркисов «Биоэлектрические токи коры большого мозга» («Советская невропатология, психология и психотехника». Т. III, вып. 10. 1934).

об их соотношениях с отдельными областями коры мозга и т. д. Корнмюллером отмечено то положение, что те области коры мозга, которые характеризуются наличием мелкоклеточности (в частности, зрительная область коры — *area striata*), дают кривые с значительно выраженными амплитудами и, наоборот, области коры мозга, характеризующиеся отсутствием мелкоклеточности и богатством крупных клеточных элементов, дают кривые с мелкими амплитудами. Наши опыты полностью подтверждают это положение. Кроме того по вопросу об изучении кривых биоэлектрических токов в смысле выявления ряда закономерностей в нашей лаборатории проведена специальная работа М. Н. Ливановым, который на основании математического анализа этих кривых по методу анализа аperiodических кривых Н. А. Бернштейна пришел к интересным предположениям о характере кривых отдельных областей, их природы и закономерности¹⁾. Мы сейчас уже имеем возможность вникать еще глубже в природу получаемых нами кривых биоэлектрических токов не только в смысле связи их с отдельными архитектурными полями коры мозга, но и в смысле соотношения отдельных слоев коры в выявлении этих биоэлектрических токов — факт огромной важности для уяснения механизмов работы коры в целом и различных областей ее в отдельности.

И, наконец, последние наши достижения в этих исследованиях состоят в том, что если в первый период наших работ мы получали биоэлектрические токи непосредственно от мозга, т. е. вскрывали черепную коробку подопытного животного, то сейчас мы получаем биоэлектрические токи, не вскрывая черепа, т. е. через костную ткань. Правда, токи, получаемые через костную ткань, в отличие от токов, непосредственно получаемых от мозга, не так сильно выражены, но здесь вопрос может идти только о дальнейшем усовершенствовании техники и методики наших исследований. Но сами по себе эти данные уже открывают путь к более важным исследованиям — к исследованиям биоэлектрических токов у человека. Благодаря большому интересу и содействию этим работам со стороны известных наших клиницистов акад. М. Б. Кроля и проф. В. В. Крамера мы имели возможность поставить ряд опытов, используя для этого клинические случаи заболевания мозга и случаи с черепными операциями. Первые результаты, которые мы имеем, правда, еще не достаточны, но они дают нам полную уверенность в том, что и здесь открывается новый чрезвычайно важный путь к изучению мозга человека.

Таким образом, первые результаты наших исследований показывают, что, во-первых, метод записи биоэлектрических токов в связи с современными данными учения об архитектонике мозга является новым и чрезвычайно ценным методом для изучения механизмов работы мозга, и, во-вторых, что, имея возможность улавливать и регистрировать биоэлектрические токи мозга через костную ткань (черепную коробку), мы имеем возможность подойти к эксперименту на человеке. И здесь этот метод, несомненно, открывает новые возможности изучения электрических явлений и прежде всего применения его при диагностике корковых заболеваний мозга.

С. САРКИСОВ

¹⁾ Ливанов «Анализ биоэлектрических колебаний в коре головного мозга кролика» («Советская невропатология, психология и психотехника». Т. III, вып. 11—12. 1934).

КРИТИКА

и БИБЛИОГРАФИЯ

И. К. Луппол — „Дени Дидро“. Соцэкгиз. 1934.

Рецензируемая книга посвящена одному из наиболее блестящих и глубоких мыслителей, каких могла выделить буржуазия в пору своей молодости. Дени Дидро — философ-материалист, воинствующий безбожник, враг земных деспотов и небесных царей, редактор знаменитой «Энциклопедии», гениальный идеолог поднимающейся французской буржуазии второй половины XVIII столетия.

Изучение философских воззрений этой эпохи, эпохи кануна Французской буржуазной революции 1789 г., для нас, современников и участников эпохи великих пролетарских революций, представляет огромный интерес во многих отношениях. Тогда шла великая борьба против отживших общественных форм в области экономической, политической и духовной, борьба против крепостничества в экономике, в учреждениях, в идеологии. Молодая революционная буржуазия в лице своих передовых идеологов объявила тогда решительную борьбу против идеалистической метафизики, фидеизма, средневекового религиозного хлама, мистики, ханжества. Боевой лозунг «Раздавить гадину!», направленный против самой реакционной силы — католицизма, — был одним из популярнейших лозунгов того времени. Критика идеализма, религии тогда была преддверием, предпосылкой критики в области политики, критика неба перешла в критику земли, а оружие критики превратилось на известном этапе в критику оружием (Маркс).

Произведения великих материалистов XVIII столетия полны боевого пыла и страсти, революционной ненависти к церкви, религии, идеализму. Нам в известном смысле близка и понятна та борьба, которую вели передовые представители революционной буржуазии против вековых устоев феодализма, церкви, религии. Духовным оружием современных реакционных классов также является идеализм, религия, оккультизм. Идеализм лишь несколько изменил свою форму, переименовал одежду, название, а суть его осталась та же, а именно: разновидность поповщины, ее идейное обоснование. Но как резко изменилось положение и роль буржуазии! Буржуазия тогда была передовым, революционным классом, перед которым раскрывались великие исторические перспективы. Чтобы нанести более смертоносные удары своему врагу — феодализму — в области идеологии, она выковывает самое острое идеологическое оружие — материализм. Передовые и наиболее последовательные идеологи буржуазии безжалостно срывали тысячелетние священные покровы, освящавшие феодальные порядки, они объявили войну вере, мистическому, сверхъестественному царству и апеллировали к природе, человеческому разуму как самой высшей инстанции.

А что мы видим сегодня? Отказ от всего великого идейного богатства, которое было создано в революционную эпоху, призыв назад, к средневековью, проповедь мистики, оккультизма, иррационализма, расцвет самых реакционных, мистических философских школ. Только пролетариат является подлинным наследником великих философских творений французских материалистов. Материализм — идейное оружие, некогда выкованное буржуазией против идеологии феодализма, мы обращаем сейчас против нее. Переводя произведения великих французских материалистов, популяризируя их философские взгляды, мы пре-

вращаем их в участников современной борьбы с идеализмом, как бы воскрешаем их из мертвых и делаем бессмертными. Такова великая диалектика истории. В этом смысл, почему мы, сторонники и последователи современной формы материализма — диалектического материализма, обращаемся к истории и изучаем взгляды материалистов XVIII столетия и в частности философские взгляды Дени Дидро, одного из наиболее ярких, глубоких и гениальных творцов домарксовского материализма.

Рецензируемая книга представляет собой второе, переработанное издание диссертации, которую тов. Луппол писал в 1923 г. Книга о Дидро написана с большой любовью и теплотой, с большим знанием предмета исследования. Автор основательно изучил произведения самого Дидро и буржуазную историко-философскую литературу о Дидро. Судьба Дидро во многом сходна с судьбой его идейного предшественника и учителя — Спинозы. Как тот, так и другой при жизни были гонимы государством и церковью, а после смерти их великие произведения стремились извратить, выхолостить, превратив их творцов из материалистов и атеистов в идеалистов, из смертельных врагов религии чуть ли не в ее сторонников.

В отношении Спинозы это еще имело некоторые внешние основания ввиду того, что его материализм еще был окутан в теологическую одежду.

В зрелых же произведениях Дидро материализм выступал уже в открытой форме, без всяких теологических привесков. Но Дидро пережил длительную эволюцию от идеализма и ортодоксального католицизма через деизм к материализму.

Буржуазные историки философии, хватаясь за ранние, незрелые произведения Дидро, используя форму его подцензурных произведений, стремились превратить Дидро в своего единомышленника — идеалиста. Поэтому нельзя было писать серьезное марксистское исследование о Дидро, не переворотив всего буржуазного историко-философского хлама, под которым был похоронен подлинный мыслитель-материалист.

Эту работу тов. Луппол проделывает с большой настойчивостью. Следуя марксистскому методу, автор освещает социально-экономическую обстановку, в которой рос и формировался Дидро как идеолог революционной буржуазии. Он прослеживает многосторонние идейные влияния, которые испытывал Дидро со стороны Декарта, Спинозы, Локка, Лейбница и современного ему естествознания. С большой тщательностью автор прослеживает философскую эволюцию Дидро от ортодоксального католицизма и идеализма к материализму. Эту эволюцию автор прослеживает как по основному философскому вопросу, так и по отдельным сторонам его мировоззрения (отношение к религии, проблема познания, философия природы, учение об этике, политике, критика искусства). Дидро как мыслитель-материалист формировался в борьбе с современными ему этот путь развития Дидро.

Рассматривая философское учение Дидро в связи с предшествовавшими философскими течениями, автор по каждой проблеме показывает, что отличает Дидро от предшественников, что нового вносит он в материалистическую философию, опираясь на современное ему естествознание, как он двигает ее вперед, прокладывая пути ее дальнейшего развития. Автор всюду обнаруживает большую эрудицию, добросовестное, тщательное изучение различных источников, исследований и высказываний о Дидро.

Перед читателем вырастает многогранная, гигантская фигура вечно ищущего, творящего Дидро, выдающегося мыслителя, умеющего идти не только в уровень со своим веком, с современной ему наукой, но и сделавшего целый ряд гениальных догадок, которые впоследствии стали научно-обоснованными теориями.

Таковы бесспорные достоинства рецензируемой книги. Но отмечая положительные качества книги, нужно со всей решительностью указать на те существенные недостатки, которые она имеет.

Тов. Луппол прав, когда пишет в своем предисловии, что только тот может считать себя последовательным сторонником того или иного философского направления, кто знает историю, социально-экономические условия его возникновения и его идейные истоки. Это целиком относится и к сторонникам марксистского мировоззрения.

Но это только одна сторона дела. Классики марксизма-ленинизма никогда не забывали положения, что предшествовавшие формы материализма могут быть понятны только с высоты современного научного мировоззрения — диалектического материализма. Еще Гегель в свое время писал, что «лишь с высоты возможно хорошо обозреть предметы и замечать все, но этого нельзя сделать, смотря на них снизу вверх через небольшую щель» (Гегель «Философия истории», Т. XI, стр. 28. Немецкое издание Глокнера). Вот это положение тов. Луппол очень часто забывает в своей книге. Он добросовестно исследует взгляды предшественников Дидро по тому или иному вопросу, он постоянно смотрит в прошлое и на этой основе выясняет то, что принадлежит творческому гению Дидро. Он часто сравнивает Дидро с Фейербахом и Чернышевским, мыслителями, родственными Дидро, но жившими в другую эпоху и в других странах. Это, конечно, хорошо, но и этого для последовательного марксиста недостаточно. После этого его задача состоит в том, чтобы сравнить взгляды Дидро со взглядами высшей, всесторонней и наиболее последовательной формы материализма — т. е. диалектического материализма. Этой последней задачи автор не выполнил. Он лишь стремится то тут, то там указать, в чем Дидро приближался к диалектическому материализму, но не вскрывает те ограниченности и недостатки, которые были свойственны всему французскому материализму, а вместе с ним в основном и Дидро. Автору безусловно известны высказывания Энгельса и Ленина о трех ограниченностях французского материализма. Он сам в одном месте на это указывает. Но это скорее отписка, чем серьезное заявление, обязывающее автора к тому, чтобы он проследил и конкретно показал, в чем именно сказалась ограниченность и непоследовательность материализма Дидро. Тов. Луппол, наоборот, скорее стремится показать, что соответствующие положения классиков диалектического материализма о трех ограниченностях предшествовавшего материализма к Дидро не относятся.

В первом издании книги Дидро был превращен автором чуть ли не в диалектического материалиста, или как сам автор говорит в предисловии к настоящему изданию книги: «Дидро непомерно приближался к диалектическому материализму» (см. 3-ю страницу книги).

Тов. Луппол пишет, что, учтя указания критики, он произвел соответствующие исправления, которые ограничивали бы Дидро рамками XVIII столетия. Но эту работу автор не доделал до конца, произвел подчас лишь внешние исправления, устранил наиболее категорические формулировки, но в основном все же сохранил свою старую точку зрения на Дидро.

Но прежде чем перейти непосредственно к разбору книги тов. Луппола по отдельным вопросам, мы позволим себе привести ленинскую оценку всего до-марковского материализма. Вот это всем известное высказывание Ленина в статье «К. Маркс».

«Основным недостатком «старого», в том числе и феербаховского (а тем более «вульгарного», Бюхнера — Фогта — Молешотта) материализма, — пишет Ленин, — Маркс и Энгельс считали (1) то, что этот материализм был «преимущественно механическим», не учитывая новейшего развития химии и биологии (а в наши дни следовало бы еще добавить: электрической теории материи); (2) то, что старый материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития; (3) то, что они «сущность человека» понимали абстрактно, а не как «совокупность» (определенных конкретно-исторически) «всех общественных отношений» и потому только «объясняли» мир тогда, когда дело идет об

«изменении» его, т. е. не понимали значения «революционной практической деятельности»¹⁾.

В своей оценке всего домарксовского материализма Ленин, как видим, опирается на прямые высказывания Маркса—Энгельса. Причем Ленин вслед за основоположниками диалектического материализма считает, что тремя ограниченностями (метафизика, механицизм и идеализм в объяснении общественных явлений) страдали взгляды не только французских материалистов, но даже и материалиста XIX в. — Фейербаха, мыслителя, прошедшего школу Гегеля, опиравшегося на более широкую и прочную базу естествознания, чем та, на которую могли опираться французские материалисты, в том числе и Дидро. Определенная школа философов, как известно, у нас в свое время игнорировала эту марксистскую оценку старого материализма. Во всех своих брошюрах, статьях и выступлениях тов. Деборин пересматривал, ревизовал взгляды Маркса—Энгельса—Ленина как в отношении французских материалистов, так и в отношении Фейербаха. Все они были превращены чуть ли не в основоположников диалектического материализма, а теория познания Фейербаха отождествлялась с теорией познания марксизма. Это последнее шло от Плеханова. Во всех статьях А. М. Деборина, посвященных работам французских материалистов: «Избранные сочинения» Ламетри, «Избранные сочинения» Дидро, о «Системе природы» Гольбаха и в брошюре о Фейербахе (меньше в работе о Гольбахе, но даже и в ней), — проводится точка зрения, модернизирующая взгляды идеологов буржуазии, отождествление старого материализма с диалектическим, замазывание механицизма, метафизичности и прямое пренебрежение оценки этих мыслителей основоположниками марксизма. Больше того, по существу происходила полемика по поводу этой оценки.

Эта модернизация взглядов старого материализма и в частности французского материализма XVIII столетия вела практически не только к тому, что воззрения мыслителей прошлого извращались, освещались не объективно, не адекватно, но одновременно диалектический материализм в этих высказываниях и писаниях низводился до уровня старого созерцательного материализма. Это последнее обстоятельство, имеющее наиболее вредные последствия, непосредственно вытекало из первого и было его оборотной стороной. Определенная точка зрения на целый ряд мыслителей прошлого (Бэкон, Спиноза, французские материалисты, Фейербах) проводилась со всей настойчивостью и последовательностью. Эта точка зрения распространялась не только на материалистов, но и на идеалистов (Кант—Гегель). Известно, что в работах А. М. Деборина диалектика Гегеля отождествлялась с диалектикой Маркса—Энгельса—Ленина. Тов. Луппол в книге о Дидро проводит в общем тот же взгляд, что и А. М. Деборин.

Пересмотр взглядов классиков диалектического материализма на французских материалистов начинается с определения их социальной природы. Известно, что Маркс, Энгельс и Ленин считали французских материалистов идеологами передовой революционной французской буржуазии XVIII в.

Тов. Луппол по существу не согласен с этой оценкой. Он считает, что Дидро является идеологом «революционной мелкой буржуазии с ее идеологией перед революцией» (стр. 208). Эта оценка является неправильной. Во-первых, мелкая буржуазия, в особенности крестьянство, представляя тогда наиболее революционную силу в области социально-политической, не была сторонницей материализма и атеизма. Идеолог и вождь мелкой буржуазии Робеспьер был сторонником деизма Руссо, основателем культа «верховного существа» и противником атеизма и материализма. Поэтому нельзя признать правильным и утверждение тов. Луппола, что мировоззрение Дидро разделяло все революционно-настроенное третье сословие. «Кто разделял эти его взгляды (т. е. материализм Дидро. — Ф. К.)? — пишет Луппол. — По существу, все революционно-настроенное третье сословие были его друзьями». Это не соответствует действитель-

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XVIII, стр. 10.

ности. Наиболее революционная часть третьего сословия — якобинцы — в подавляющей своей части не были друзьями Дидро. Они скорее были его противниками. Якобинцы за атеизм и материализм отправляли сторонников Дидро на гильотину. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» приводит слова Лафарга, что последователи материализма энциклопедистов «были гильотинированы Робеспьером»¹⁾. И это вполне понятно. Материализм — самое передовое научное мировоззрение — мог в это время возникнуть лишь как идеология буржуазии — носительницы нового способа производства, основанного на использовании науки, в противоположность феодальному способу производства, базировавшемуся на использовании допотопных орудий труда, примитивной техники, рутинных приемов обработки земли, на силе привычки, на традиции. Крестьянство — основная часть мелкой буржуазии — жило в условиях зависимости от помещика, сеньора, в нужде и нищете, беспомощное перед стихийными силами природы. Оно не разделяло материалистического мировоззрения, которое выработали французские материалисты, идеологи городской, по преимуществу промышленной, буржуазии. Вообще говоря, при известных конкретно-исторических условиях возможно, что и наиболее гениальные, передовые идеологи крестьянства могут, опираясь на достижения передовой мысли, усваивать и развивать материалистические взгляды в философии. Так было в России с Чернышевским. Во Франции материализм не был идеологией мелкой буржуазии.

В другом месте в противовес приведенным выше высказываниям Луппол сам вынужден признать, что «Руссо и его последователи стремились, наоборот, разрушить троны, но сохраняли религиозные верования. В процессе революции эта точка зрения получила перевес, и она же в лице Робеспьера привела к замене культом «Верховного существа» культ разума» (стр. 52)²⁾.

Руссо и Робеспьер — это представители и идеологи мелкой буржуазии, это представители наиболее революционной части третьего сословия, чем то крыло, которое представляли французские материалисты, в том числе и Дидро. Многие французские материалисты, будучи наиболее революционными в области философии, т. е. общего мировоззрения, не были революционными в области политической. Это относится не только к Ламетри, стороннику просвещенного абсолютизма, но в некоторой мере и к Дидро (его отношение к Екатерине II, его чисто буржуазные проекты создания третьего сословия в России и т. д.).

Луппол безусловно неправ, когда считает, что «Дидро и материалисты для своей эпохи были наиболее последовательны: они разрушали и алтари и троны» (стр. 52). Не все материалисты были сторонниками разрушения тронов. Некоторые видели выход из положения в том, чтобы посадить на трон вместо короля-деспота так называемого просвещенного монарха.

Преклонение Дидро перед Екатериной II и даже переход к ней на жалованье и пенсию с разрешения короля Людовика вовсе не были случайным явлением, так же, как не случайна была служба Ламетри при дворе короля прусского Фридриха.

В связи со всем сказанным следует считать неправильным и утверждение тов. Луппола, что французский материализм XVIII в. расширился тогда «до степени господствующего мировоззрения общества». Ни один историк этой эпохи не утверждает ничего подобного. Так например Олар в своей «Политической истории Великой французской революции», описывая широкое народное движение против реакционной силы — католицизма и контрреволюционного духовенства, сообщает, что это движение повсюду было «по существу деизмом, а не атеизмом» (см. стр. 521). Он же пишет, что даже «Шомет был скорее учеником Жан-Жака

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XIII, стр. 166.

²⁾ Кстати сказать, конфликт между Руссо и Дидро в своеобразной форме также выражал противоречия внутри третьего сословия, между его якобинской, т. е. революционной, частью, с одной стороны, и умеренной частью — с другой.

Руссо. Вольтерьянец Гебер воздавал хвалу доброму санкюлоту Иисусу» (там же).

Конечно, Олар не был бы буржуазным историком, если бы он не преуменьшал размеры антирелигиозного движения. Но правильным является то, что деизм был формой разрыва с традиционной религией — формой борьбы с мистикой, суевериями, средневековьем. Французский материализм был выражением самых передовых идей своего времени, но они не стали тогда господствующими в том смысле, в каком это слово употребляет тов. Луппол. Даже городская буржуазия в своей массе тогда была больше склонна к деизму в вольтеровском духе нежели к материализму.

В истории дело обстоит несколько сложнее, чем этого хочет представитель тов. Луппол. Это особенно относится к эпохе капитализма с его глубокими противоречиями, с несоответствием в развитии различных сторон общественной жизни. В свое время в Англии это нашло выражение в том, что Кромвель и его сторонники, являясь революционными в политике, снесли голову королю Карлу I, а в области общего мировоззрения были пуританами, сторонниками реформированного христианства. Материализм в Англии, по словам Энгельса, был аристократического происхождения. Во Франции те, кто отправляли Людовика XVI на гильотину, не были материалистами, а те, кто исповедывали и развивали материализм, не были самыми радикальными в области политической. Причину этого мы узнали выше.

Автор в предисловии ко второму изданию объясняет допущение «идеологических ошибок» при оценке философских взглядов Дидро в первом издании книги не принадлежностью к определенной философской школе, а грехами молодости. Эти ошибки «идеологического порядка» автор имел намерение устранить при выпуске второго издания книги, сохраняя, однако, как он пишет, «колорит книги».

Читая работу о Дидро в настоящем издании, мы не знаем, «к идеологическим ошибкам» или к «колориту книги» следует отнести следующие места: «XVIII век не знал теории познания, как самостоятельного и специального раздела философии. Это не значит, конечно, что мыслители века просвещения и предшествующего столетия не останавливались перед гносеологическими и методологическими моментами при построении мировоззрения» (стр. 121). Дидро, по мнению автора, «разделяя участь своих современников, не делает ударения на теории познания» (стр. 122).

Все, кто читал произведения французских материалистов, знают, какое огромное место занимают в их произведениях такие центральные проблемы теории познания, как вопрос об отношении мышления к бытию, о первенстве бытия, природы по отношению к сознанию, вопрос об источниках познания и о том, как мысли об окружающем мире относятся к этому миру. Именно французским материалистам принадлежит классическое определение материи как объекта, действующего на внешние органы чувств, определение сознания как свойства высокоорганизованной материи.

Почему тов. Луппол иначе ставит вопрос? Разгадка этого, очевидно, кроется в том, что он вслед за Дебориным понимает содержание теории познания не так, как Энгельс—Ленин, и даже не так, как французские материалисты. Для Луппола проблема отношения мышления к бытию — вопрос о том, что из них первичное и что вторичное, производное — это не проблема теории познания, а проблема «онтологии» (стр. 162). Вот почему в соответствии с этим он так и группирует философские взгляды Дидро по различным очеркам.

По тов. Лупполу, проблема материи, ее свойств — это одно, а проблема теории познания — это другое. Известно, что как раз для меньшевистствующего идеализма теория познания — одна наука, методология — другая. В соответствии с этим они стараются и в философии французских материалистов открыть наряду с теорией познания и общую методологию.

«Итак, — пишет Луппол, — устойчивость наших знаний проистекает лишь в

связи с природой. Положение, имеющее значение не только гносеологической, но и (!) методологической максимы» (стр. 133).

В главе, посвященной теории познания, подводя итоги, Луппол пишет: «При таком решении проблемы познания нетрудно предвидеть и основы методологии Дидро».

Как видим, противопоставление теории познания методологии — не случайная оговорка, а проводимая точка зрения.

Также нельзя признать правильной трактовку проблемы материи и сознания, вопроса о материи и движении как проблемы, особой по отношению к теории познания. Нам кажется, что это также связано с особым, идущим от кантианства и вообще из буржуазных учебников пониманием проблемы теории познания как учения о способностях и границах познания. Для нас, как и для французских материалистов, теория познания решает коренной вопрос философии — вопрос об отношении мышления к бытию, сознания к природе, духа к материи. Как в классическом французском материализме, так и в диалектическом материализме коренной вопрос философии — вопрос об отношении мышления к бытию, в том числе и вопрос о материи и ее свойствах — является коренным вопросом теории познания в отличие от кантианского понимания теории познания. Только некоторой данью буржуазным предрассудкам о материализме можно объяснить следующее место, дышащее ни чем не оправданным презрением. «Теоретико-познавательные постулаты в основных работах Гольбаха, — пишет Луппол, — намечают (!?) и декларируют (!?) гносеологию метафизического материализма, но представляются малоуглубленными, не всегда развитыми, лишь мимоходом обозначенными» (подчеркнуто нами. — Ф. К.). Что теория познания Гольбаха, как, впрочем, и всех французских материалистов, включая и Дидро, страдала метафизичностью, — это, конечно, правильно. Основной недостаток теории познания всего домарксовского материализма, в том числе Дидро, вопреки мнению Луппола заключается в том, что материалисты того времени «не умели применять диалектики к теории познания» (Ленин), что проблему познания они ставили не в свете всемирноисторической практики, не исторически.

Но в отличие от идеалистов, их современников, и от всех идеалистов наших дней как кантианского, так и махистского толка они правильно, глубоко, убедительно, не декларативно, а обоснованно, с точки зрения науки своего времени решают коренные вопросы теории познания — вопрос об отношении мышления к бытию, вопрос о примате природы по отношению к духу, о времени и пространстве как формах существования материи, о движении как атрибуте материи, о способности человека правильно познавать мир, если он не думает выпрыгивать за пределы природы и руководится опытом и разумом.

Для своего времени эти вопросы в «Системе природы» Гольбаха освещены и рассмотрены основательно, отнюдь не декларативно, а убедительно и во всяком случае неизмеримо глубже, чем эти вопросы решают десятки и сотни современных учений мужей идеалистических школ, которые запутывают основной вопрос всякой теории познания — вопрос об отношении мышления к бытию. Не даром, не случайно Ленин, борясь против современных махистов, по этому основному вопросу теории познания опирался на французских материалистов, в частности на Дидро. Когда тов. Деборин в своей статье «Диалектический материализм» пытался усмотреть во взглядах французских материалистов, в частности у Гольбаха, агностицизм и дуализм в духе Канта, Ленин на полях выразительно заметил: «Вранье!» Только махисты и кантианцы с презрением относились к теории познания Гольбаха и других французских материалистов. Нам непонятно, почему это делает и тов. Луппол. Но если тов. Луппол так высокомерен и несправедлив по отношению к Гольбаху и другим французским материалистам, то он весьма благосклонен к Дидро и, следуя общей взятой линии в отношении Дидро, вопреки действительности считает теорию познания Дидро чуть ли не диалектической.

Дидро в «Элементах физиологии» пишет: «Прообраз наших наиболее странннх рассуждений, их связь, их следствия, необходимы в нашем разумении, подобно последовательному ряду, связи действий, причин, об'ектов, качеств об'ектов, существующих в природе».

Приведа эту цитату, тов. Луппол комментирует ее так: «Законы вещей суть я законы мышления, поэтому только и возможно об'ективное познание реального мира». «Конечно, ошибки возможны, — рассуждает тов. Луппол от имени Дидро. — Но они проистекают от отрыва мышления от бытия, от недиалектичности мышления».

Несколькими строками ниже (стр. 135) тов. Луппол утверждает, что, с точки зрения Дидро, «сумма слагаемых не дает арифметической суммы, количество переходит в качество». То же он делает на стр. 139. Так истолковывается утверждение Дидро, что нельзя делать заключений о предмете лишь на основании знания его отдельных частей, что нужно для этого знание всего предмета в целом, что только это ведет к истине.

Выше мы уже привели мнение Ленина, что основной недостаток теории познания французских материалистов состоял в том, что они не знали диалектики и, следовательно, не могли ее применять к теории познания. Тов. Луппол на этот счет думает иное. Он игнорирует и указание Энгельса, что французские материалисты решали вопрос о совпадении законов мышления и бытия лишь с точки зрения содержания, а не формы. Вот что писал Энгельс по этому поводу в своих примечаниях к «Анти-Дюрингу»:

«Над всем нашим теоретическим мышлением господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и об'ективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому оба они не могут противоречить друг другу в своих конечных результатах, а должны согласоваться между собой. Факт этот является бессознательной и безусловной предпосылкой нашего теоретического мышления. Материализм XVIII в., будучи по существу метафизического характера, исследовал эту предпосылку только с точки зрения ее содержания. Он ограничился доказательством того, что содержание всякого мышления и знания должно происходить из чувственного опыта, и восстановил старое положение: *nihil est in intellectu, quod prins non fuerit in sensu*. Только современная идеалистическая — но вместе с тем и диалектическая — философия, в особенности Гегель, исследовала эту предпосылку также с точки зрения формы¹⁾».

Луппол не учитывает эти положения Энгельса и превращает Дидро чуть ли не в диалектика.

Это совмещается с тем, что одновременно созерцательная точка зрения Дидро в вопросе о теории познания не подвергается критике, не показывается ее недостаточность с точки зрения диалектического материализма. Автор ограничивается лишь сопоставлением взглядов Дидро со взглядами Фейербаха. Но это могло бы быть достаточным лишь в том случае, если бы мы считали теорию познания марксизма всего-навсего лишь теорией познания Фейербаха, обогащенной только «гениальной поправкой» о практике. Но вопреки мнению Плеханова, Аксельрод и Деборина это далеко не так. В свое время эта точка зрения подвергалась критике, но, повидимому, эта критика прошла мимо тов. Луппола, ибо он продолжает стоять на старых, разбитых позициях.

Дидро как и ряд других материалистов того времени дошел до понимания значения эксперимента в познании. Это, конечно, уже шаг в признании практики как критерия истины. Дидро в борьбе против идеализма апеллирует к опыту в материалистическом его понимании. Но задача марксиста, излагающего взгляды созерцательного материалиста, состоит в том, чтобы показать ограниченность и узость подобного понимания практики, показать, что лишь диалектический материализм решил до конца эту проблему, выработал понятие всемирноисторической

¹⁾ Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 244.

практики и ввел практику в теорию познания не только как критерий истины, но и как основу познания как «практический определитель того, что нужно человеку» (Ленин).

Луппол не считает нужным проведение этой критики. Он добросовестно, «объективно» излагает, систематизирует взгляды Дидро, иногда изображает их как диалектико-материалистические, принимая желаемое за сущее. Но ведь подобного рода «объективизм», как известно самому тов. Лупполу, не есть метод марксизма.

Перейдем теперь к другому важнейшему вопросу — о свойствах материи. Дидро вслед за английским материалистом Толандом и вместе с другими французскими материалистами считает движение таким же неотъемлемым свойством материи, как и протяженность. Движение — атрибут материи — таков взгляд французских материалистов. В этом вопросе мы стоим с ними на одной позиции. Но мало указать на эту общность. Задача состоит в том, чтобы показать, в чем недостаток точки зрения французских материалистов, в том числе и Дидро, с нашей высшей точки зрения. Правильно оценить взгляды Дидро можно только тогда, когда мы их сравниваем не только со взглядами его предшественников, но и со взглядами диалектического материализма. Этого последнего тов. Луппол не делает.

Тов. Луппол, давая характеристику взглядов Дидро о движении материи, стремится показать, что он преодолел механистический взгляд на движение, что он не сводит движения к перемещению. Но разве механицизм состоит только в этом? Посмотрите, как ставит вопрос о движении и его источнике такой признанный механист, как Гольбах; сравните его аргументацию с аргументацией Дидро — и вы увидите здесь почти дословное совпадение: «Одним словом, соединенное с размышлением наблюдение должно убедить нас, — пишет автор «Системы природы», — что все в природе находится в непрерывном движении; что нет ни одной ее части, которая пребывала бы в настоящем покое; наконец, что природа представляет собой некую действующую целокупность, которая перестала бы быть природой, если бы она не действовала, или в которой, при отсутствии движения, ничто не могло бы происходить, сохраняться, действовать. Таким образом, идея природы заключает в себе необходимым образом идею движения. Но, спросят нас, откуда эта природа получила свое движение? Мы ответим, что от себя самой, ибо она есть великое целое, вне которого ничто не может существовать. Мы скажем, что движение, это — способ существования (*façon d'être*), вытекающий необходимым образом из сущности материи; что материя движется благодаря собственной своей энергии; что ее движение происходит от присущих ей сил; что разнообразие ее движений и вытекающих отсюда явлений происходит от различия свойств, качеств, сочетаний, заключающихся первоначально в различных первичных веществах, совокупностью которых является природа.

Большинство физиков считало неодушевленными или лишенными способности двигаться те тела, которые приводились в движение лишь с помощью какого-нибудь внешнего агента или причины, они считали возможным заключить отсюда, что составляющая эти тела материя вполне инертна по своей природе; они не хотели расстаться с этим заблуждением, хотя и видели, что всякий раз, когда какое-нибудь тело предоставлено самому себе или освобождено от препятствий, мешающих его действию, оно стремится упасть или приблизиться к центру земли равномерно ускоренным движением; они предпочитали допустить какую-то воображаемую внешнюю причину, о которой они не имели никакого представления, чем признать, что тела эти обладают своим движением по своей собственной природе»¹).

А вот что пишет Дидро в одном из наиболее зрелых своих произведений, в «Разговоре Даламбера с Дидро». Указав Даламберу, что существует различие между мертвой и живой силой, Дидро дальше поясняет: «Объясню. Перемеще-

¹ П. Гольбах «Система природы», стр. 23. Госиздат. 1924.

ние тела с одного места на другое не есть движение, а только действие его. Движение есть как в движущемся теле, так и неподвижном. Даламбер. Это новый метод воззрения. Дидро. И все же правильный. Уберите препятствие с пути неподвижного тела, и оно передвинется. Разрядите внезапно воздух, окружающий ствол этого огромного дуба, и вода, содержащаяся в дубе, под влиянием внезапного расширения, разорвет его на сотни частиц. То же скажу я о вашем теле¹⁾.

Или возьмите его «Мысли об объяснении природы». Вот как он объясняет причину движения: «I. Если положиться только на тщетные догадки философии и на слабый свет нашего разума, то можно подумать, что у цепи причин не было начала и у цепи следствий не будет конца. Предположите, что какая-нибудь молекула перемещена; она переместилась не сама собой; имеется какая-нибудь причина ее перемещения, у этой причины — другая и т. д., так что нельзя найти естественных границ для причин в каждый предшествующий момент времени. Возьмите перемещенную молекулу; перемещение молекулы вызовет определенное следствие, за этим последним наступит другое, так что нельзя найти в каждый последующий момент времени естественных границ для следствий. Ум, ошеломленный бесконечным рядом слабых причин и самых незначительных следствий, отказывается от этого предположения и от некоторых других того же рода только благодаря предрассудку, согласно которому нет ничего за пределами наших чувств и все прекращается там, где мы больше ничего не видим; но одно из главных отличий наблюдателя природы от ее истолкователя заключается в том, что последний отправляется от той точки, где чувство и инструменты покидают первого; на основании того, что есть, он строит догадку о том, что еще должно быть; из порядка вещей он выводит общие и абстрактные заключения, которые имеют в его глазах очевидность осязаемых и конкретных истин; он поднимается даже до сущности порядка; он видит, что для него недостаточно чистого и простого сосуществования чувствующего и мыслящего существа с какой-нибудь цепью причин и следствий, чтобы вынести о них абсолютный приговор; он останавливается здесь: сделай он еще один шаг, и он вышел бы за пределы природы»²⁾.

Недостаток всего предшествующего материализма до Фейербаха включительно состоял в том, что он не понимал движения как изменения вообще и что он не мог объяснить источника самодвижения материи, оставляя этот источник в тени и тем самым оставляя лазейку идеализму. Лишь диалектический материализм с его учением о противоречии, борьбе противоположностей решил проблему источника самодвижения и развития объективного материального мира — проблему, над которой бились Дидро и его современники-материалисты и которую они еще не в состоянии были решить до конца. Дидро, несомненно, был великим материалистом, но и он не мог выпрыгнуть за пределы своего века. Развитие естествознания в его эпоху не давало ему возможности сделать то, что выпало лишь на долю Маркса и Энгельса. К тому же нельзя забывать, что Дидро был идеологом буржуазии. Поэтому незачем стараться рядить Дидро в одежды XIX столетия и приписывать ему то, что ему не принадлежит. Это, в частности, относится и к учению о развитии.

Как в первом, так и во втором издании книги тов. Луппол вопреки истине и мнению Энгельса—Ленина стремится провести взгляд, что Дидро — не метафизик, что он стоит на точке зрения развития, что он устанавливает связь всего органического мира, что Дидро принадлежит заслуга открытия принципов дарвинизма. Нет спора, что у Дидро как и у других материалистов XVIII в., в частности у Ламетри (примеч у последнего раньше чем у Дидро), есть гениальные догадки, предвосхитившие в некоторых отношениях теорию Дарвина, но именно всего лишь

¹⁾ Дидро. Избр. соч. Т. I, стр. 139—140.

²⁾ Дидро «Мысли об объяснении природы». Избр. соч. Т. I, стр. 119.

догадки, не опирающиеся на данные современного им естествознания. Это всего лишь гениальные зародыши, способные к дальнейшему развитию, но не оказавшие существенного влияния на их миропонимание в целом.

В самом деле, такой бесспорно механический материалист, как Ламетри, считавший человека машиной, даже он признает наличие связи всего сущего в природе. Порой ему не чужды высказывания о развитии, которые могут быть при желании истолкованы в духе дарвинизма. Впрочем, тов. Деборин так и делает в своем предисловии к собранию избранных сочинений Ламетри.

В самом деле, в своих произведениях «Человек—растение» и «Система Эпикура» Ламетри пытается установить связь трех царств природы, построить лестницу существ, начиная от кристаллов, простейших растений и кончая человеком.

Характерно, что все три фактора эволюции: изменчивость, наследственность и гибель неприспособленных, — о которых говорится в произведениях Дидро, фигурируют также и в сочинениях Ламетри.

Сравните объяснение развития, которое дается Дидро в его «Письме о слепых в назидание зрячим», и «Систему Эпикура» Ламетри. Это объяснение, заимствованное от древних, совпадает дословно. Вот что пишет Ламетри в «Системе Эпикура»: «Первые поколения живых существ были, должно быть, очень несовершенны. У одних не было пищевода, у других — желудка, наружных женских половых органов, кишок и т. д. Очевидно, что только те животные могли выжить, сохраниться и размножиться, у которых имелись все необходимые для размножения органы, у которых, словом, не отсутствовало ничего существенного. И, наоборот, те из животных, которые были лишены какой-нибудь абсолютно необходимой части, должны были умереть или весьма скоро после появления на свет, или, во всяком случае, не произведя потомства. Совершенство не является делом одного дня, — в области природы точно так же, как и в области искусства...

Материи пришлось пройти через бесчисленное количество всяких комбинаций, прежде чем она достигла той единственной, из которой могло выйти совершенное животное. И сколько понадобилось еще других комбинаций, прежде чем различные породы достигли того совершенства, какое они имеют в настоящее время!»¹⁾

А вот что пишет Дидро: «Я могу, например, спросить у вас, спросить у Лейбница, Кларка, Ньютона, откуда они знают, что животные, при первоначальном своем образовании, не были одни без головы, а другие без ног. Я могу утверждать, что некоторые из них не имели желудка, а другие не имели кишок, что животные, которым наличность желудка, неба и зубов обещала, как будто, длительное существование, вымерли из-за какого-нибудь недостатка в сердце или легких, что постепенно вывелись чудовища, что исчезли все неудачные комбинации и что сохранились лишь те из них, строение которых не заключало в себе серьезного противоречия и которые могли существовать и продолжать свой род»²⁾.

Мы могли бы указать еще на такого бесспорного механиста, как Гольбах. Что и ему не чужды были догадки о развитии в природе, свидетельствует следующее место из «Системы природы»:

«Но, спросят, всегда ли существовал человек? От века ли создан человеческий род, или он является происшедшим в определенное время продуктом природы? Всегда ли существовали подобные нам люди и всегда ли будут они существовать? Всегда ли существовали самцы и самки? Существовал ли первый человек, от которого произошли все прочие? Что чему предшествовало: яйцо животному или животное яйцу? Если виды организмов не имеют начала, то значит ли это, что они не будут иметь конца? Неуничтожимы эти виды, или же они преходящи подобно индивидам? Всегда ли человек был тем, что он есть теперь, или же, прежде чем дойти до теперешнего состояния, он должен был пройти бесчи-

¹⁾ Ламетри «Система Эпикура», стр. 256, 257, 258.

²⁾ Дидро «Письмо о слепых в назидание зрячим». Избр. соч. Т. I, стр. 33—34.

сленное множество промежуточных стадий? Наконец, может ли человек считать, что он дошел до окончательного, неизменного состояния, или же человеческому роду еще предстоят новые изменения? Если человек есть продукт природы, то, спросят нас, может ли эта природа произвести новые существа и уничтожить старые виды организмов? Наконец, допустивши последнее, могут спросить, почему природа не производит на наших глазах новых существ или новых видов?

По всем этим вопросам,—не имеющим, в сущности, принципиального значения,—можно, кажется, остановиться на любом решении. При отсутствии опытных данных только гипотезы и догадки могут удовлетворить любознательность, устремляющуюся за грани того, что доступно нашей мысли. Признав это, наблюдатель природы ответит, что он не видит никакого противоречия в допущении, что человеческий род, как мы его видим теперь, был создан от века или же в некоторый определенный момент времени; ни в допущении, что человеческий род дошел до своего теперешнего состояния через ряд последовательных фаз развития. Материя вечна и необходима, но ее сочетания и формы преходящи и случайны; а что такое человек, как не сочетавшаяся известным образом материя, форма которой меняется с каждым мгновением?

Однако есть ряд соображений, говорящих, повидимому, в пользу гипотезы о том, что человек произошел в определенный момент времени, что это — существо, которое свойственно земному шару и которое, следовательно, может существовать лишь с момента существования земли, являясь результатом специфических управляющих ею законов»¹⁾.

Тов. Деборин, цитируя это место, не без основания заключает, что сам Гольбах склонялся к утверждению об изменчивости животного мира. Но о чем это говорит? Это говорит вовсе не о том, что Гольбах не был механистом, метафизиком в целом. Нет, его мировоззрение было, бесспорно, антидиалектическим, метафизическим, как и у Ламетри и в основном у Дидро. Приведенные выдержки из произведений трех великих материалистов XVIII в. свидетельствуют лишь о том, что идея развития навязывалась им как философам природы, что она носилась в воздухе. Но вместе с тем современное естествознание не давало возможности дать научное обоснование их догадкам и покинуть почву метафизического мировоззрения.

Можно привести еще одно место из «Системы природы» Гольбаха, которое прямо напоминает взгляды Канта, развитые им в его «Естественной теории неба»: «Природа, с помощью своих сочетаний, порождает солнца, становящиеся в центре соответствующих систем; она производит планеты, которые, в силу своей собственной сущности, тяготеют и вращаются вокруг этих солнц; мало-помалу движение изменяет те и другие; когда-нибудь оно, может быть, рассеет части, из коих оно составило эти удивительные массы, которые человек — в своем мимолетном существовании — замечает лишь мимоходом»²⁾.

Мы приводим, быть может, слишком большое количество цитат, но это необходимо, так как надо показать, как некоторыми философами пишется история материализма, в частности французского. Нам известна точка зрения классиков марксизма о всем предшествующем материализме как по преимуществу механическим и метафизическим. Это указание обойти трудно, поэтому пускается в ход такой прием: тов. Деборин, говоря, например, о Фейербахе или Ламетри, замечает, что оценка Маркса—Энгельса—Ленина к ним не относится, что эта оценка справедлива лишь по отношению к Гольбаху. То же пишет автор монографии о Дидро. А когда Деборин говорит о Гольбахе, то он констатирует, что в общем

¹⁾ Гольбах «Система природы», стр. 67—68. Разрядка моя. — Ф. К.

²⁾ Там же, стр. 36.

и ему не чужда точка зрения развития. Выходит, что точка зрения классиков диалектического материализма о трех ограниченностях всего предшествовавшего материализма есть легенда, миф.

Нам нет основания отказываться от взглядов классиков марксизма по этому вопросу. И здесь, как и всегда, правы Маркс—Энгельс—Ленин, а не те, кто молчаливо или открыто критикует их точку зрения.

Во-первых, ни Энгельс, ни Ленин вовсе не утверждали, что французским материалистам чужда идея развития. Нет, они утверждали, во-первых, что взгляды французских материалистов по преимуществу, в основном метафизические, механические, хотя в специальных областях они давали блестящие образцы диалектики (Дидро «Племянник Рамо»), но как гениальные мыслители они делали ряд догадок, которые иногда выводили их за пределы своего века. «Выводили» в том смысле, что идеи, гениальные догадки, которые ими были высказаны, получили и могли получить свое обоснование лишь через многие десятилетия.

Вот всем известное высказывание Ленина о двух концепциях развития:

«Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношения между ними).

При первой концепции движения остается в тени само движение, его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится во вне—бог, субъект, etc). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника «самого» движения.

Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к «уничтожению старого и возникновению нового»¹⁾.

Если подойти с этой точки зрения, то куда следует отнести Дидро—к сторонникам метафизической концепции развития или ко второй концепции развития—диалектической? Если так ставить вопрос, то двух ответов здесь быть не может. Но только так и только так может ставить вопрос последовательный материалист-диалектик. Дидро, как и все материалисты домарковского периода включая и Фейербаха, в решении вопроса об источнике движения стоял в основном на метафизических позициях. Отличие Дидро от остальных французских материалистов сводится к следующему. Дидро глубже понимал чем Гольбах вопрос об источнике движения. Дидро в этом вопросе шел дальше своих великих современников. Дидро вообще не чуждо было понимание самодвижения материи, но это самодвижение он понимал ограниченно как «внутреннюю интимную силу», как жизнь, а не как противоречие.

Дидро в историческом подготовке диалектического решения вопроса о движении сделал большой шаг вперед в развитии материализма. Это и дало основание Ленину сказать, что Дидро в столь решающем вопросе, как взаимоотношении материи и сознания, «вплотную подойдя к взгляду современного материализма», признавал ощущение «одним из свойств движущейся материи» (стр. 28—38).

Как в вопросе о материализме и идеализме мы выдвигаем коренной вопрос философии—вопрос об отношении мышления к бытию, так и в вопросе о метафизике и диалектике надо ставить вопрос о двух концепциях развития. Луппол отступает от этого принципа, он обходит такую постановку вопроса, ибо если бы он так поставил вопрос, то ему пришлось бы кое-что пересмотреть в своих взглядах на Дидро. Это открыло бы ему путь к устранению целого ряда противоречий, которые имеются в его книге. И эти противоречия далеко не диалектического

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XIII, стр. 301—302.

порядка. Чтобы показать, что Дидро в его учении о развитии стоит в общем на метафизической точке зрения, приведем следующий пример.

Вот как Дидро в своем «Разговоре Даламбера с Дидро» объясняет развитие:

«Дидро. Если вас смущает вопрос о приоритете яйца перед курицей или курицы перед яйцом, то это происходит от того, что вы предполагаете, что животные вначале были такими же, какими мы их видим теперь. Какая бессмыслица! Ведь совершенно же неизвестно, чем они были прежде, равно как неизвестно и то, чем они будут впоследствии. Невидимый червячок, который возится в грязи, находится, может быть, на пути к превращению в большое животное, а огромное животное, которое ужасает нас своей громадой, является, может быть, случайным, эфемерным произведением нашей планеты.

Даламбер. Как так?

Дидро. Я сказал бы вам... Но это отвлечет нас в сторону от предмета нашей беседы.

Даламбер. Так что же из этого? От нас зависит вернуться или не вернуться к нему.

Дидро. Позвольте ли вы мне отступить на несколько тысячелетий назад?

Даламбер. Отчего нет? Для природы такие сроки — ничто.

Дидро. Вы, следовательно, соглашаетесь, чтобы я потушил наше солнце?

Даламбер. Тем охотней, что до него другие потухали.

Дидро. Что же произойдет? Солнце потухло. Планеты и животные погибнут, и земля превратится в немую пустыню. Зажгите вновь это светило, и в миг восстановится действие причины, необходимой для зарождения бесконечной цепи новых поколений, и я не осмелюсь бы утверждать: возродятся или не возродятся, спустя века, современные нам животные и растения¹⁾. Так пишет «диалектик» Дидро.

А вот что говорит механист Гольбах: «Как бы то ни было, если нас заставят обратиться мысленно к началу вещей и колыбели человеческого рода, то мы скажем, что весьма вероятно, что человек явился в результате выхода земного шара из состояния хаоса, или что он представляет один из результатов тех качеств, свойств, энергии, которые свойственны земле в ее настоящем положении; что с самого рождения он делился на два пола: мужской и женский; что его существование координировано с существованием земного шара; что, пока будет существовать эта координация, человеческий род сохранится, размножаясь согласно первоначальным, вызвавшим его к жизни законам; что если бы прекратилась эта координация, если бы земля, сместившись, перестала испытывать те же самые влияния со стороны действующих теперь на нее и сообщающих ей ее энергично причин, то человеческий род изменился бы и уступил бы место новым существам, способным координироваться с состоянием, которое пришло бы на смену настоящему состоянию.

Следовательно, если допустить наличие изменений в положении земного шара, то первобытный человек отличается от современного человека, может быть, больше, чем четвероногое отличается от насекомого. Таким образом можно утверждать, что человек, подобно всему существующему на земле и на других планетах, находится в процессе непрерывного изменения, и конец его существования нам так же неизвестен — и так же неинтересен, — как и начало его. Таким образом, нет никакого противоречия в допущении, что виды организмов непрерывно изменяются, и что мы так же не можем знать того, чем они станут, как и того, чем они были²⁾. И несколько дальше: «Разве вокруг нас не изменяется все? Разве мы сами не изменяемся? Разве не очевидно, что вселенная не была в своем бесконечном прошлом в точности такой, какова она теперь, и что невозможно, чтобы в своем вечном будущем она была хоть на мгновение в точности такой же

¹⁾ Дидро «Разговор Даламбера с Дидро». Избр. соч. Т. I, стр. 143—144.

²⁾ Гольбах «Система природы», стр. 70.

самой, какова она теперь? Как же можем мы угадать, что принесет с собой бесконечная смена разрушений и созиданий, сочетаний и разложений, метаморфоз, изменений, перемещений? Солнца гаснут и покрываются твердой корой; планеты гибнут и рассеиваются в эфирных пространствах; новые солнца зажигаются, новые планеты образуются, описывая новые орбиты и новые пути, а человек — эта бесконечно малая частица шара, который сам лишь незаметная точка в необъятном мире, — думает, что вселенная создана для него, воображает, что он должен быть императором природы, считает себя вечным, называет себя царем вселенной¹⁾.

Из этого видно, что взгляды Дидро здесь чуть ли не дословно совпадают с механистическими, метафизическими взглядами Гольбаха, что, следуя логике тов. Луппола, надо и автора «Системы природы» и его произведения зачислить в разряд диалектических. Если бы тов. Луппол в своей работе над философией Дидро руководился указаниями классиков диалектического материализма, он сумел бы правильной оценить и осветить философию Дидро. Ему тогда пришлось бы исходить не из отдельных положений в произведениях Дидро, из его догадок, восполняя их тем, что добыто в XIX и XX вв., а исходить из его философии в целом, не оправдывать, а объяснять.

А что тов. Лупполу очень часто в своей книге приходится без нужды оправдывать Дидро, в этом может убедиться всякий, прочитавший эту книгу.

Когда мы говорим, что Дидро в основном стоял на общей для всех французских материалистов метафизической точке зрения, это вовсе не исключает того, что у него не может быть многих подлинно диалектических положений.

Даже можно сказать так: элементов диалектики или, вернее, подходов к ней у него было больше чем у кого-либо из других французских материалистов. Однако это ни в коей мере не снимает данной выше общей характеристики его взглядов. То же можно сказать даже в отношении общепризнанного метафизика Гольбаха. Он вместе с Дидро повторяет положение древних мыслителей, что «кто знает, не значит ли жить — умереть, а умереть — жить?» («Система природы», стр. 37), но если мы на этом основании зачислим Гольбаха в диалектики, то всякий поймет всю нелепость этого. Он будет вправе сказать, что если у великого материалиста и есть отдельные диалектические положения, то вся беда его состояла в том, что он, как и другие материалисты, «не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития».

Диалектическая теория развития (в отличие от метафизической, которой придерживался Дидро) объясняет развитие как борьбу противоположностей, со скачками, катастрофами, революциями. Диалектическая теория развития есть наиболее полная, глубокая и всесторонняя в отличие от метафизической концепции развития, односторонней, плоской, поверхностной, калечащей и извращающей действительный ход развития как в природе, так и в обществе. Тов. Луппол сам должен признать, что Дидро вместе с остальными своими современниками разделял предрассудок своего века и вслед за Лейбницем повторял, что «природа не делает скачков». Но ведь это ключ к пониманию всего вопроса. Отрицать скачки — значит закрыть себе дорогу к возникновению нового, значит стереть качественные грани между различными формами материи. Только этим можно объяснить отождествление Дидро статуи и человека, утверждение, что камень мыслит. То же с иллюстрацией возникновения живого существа на примере яйца. И тут нужны не оправдания, что, мол, даже Дарвин не дошел до скачков, а надо объяснить и показать, что Дидро стоял на метафизической позиции. Но этого не хочет тов. Луппол; он знает, что это перевернет всю его концепцию вверх ногами. Ведь он поставил своей задачей доказать, что Дидро — не механист, не метафизик и даже не идеалист в области истории, что он представляет исключение из системы взглядов, характеризующих французский

¹⁾ Гольбах «Система природы», стр. 71.

материализм как ограниченный. Кстати, только этим можно объяснить ту боязнь последовательного и всестороннего сопоставления взглядов Дидро с другими материалистами — Гольбахом, Ламетри. Там же, где тов. Луппол сравнивает он не делает обобщающих выводов. А это сопоставление привело бы к несколько иным выводам тов. Луппола, чем те, к которым он пришел в своей работе. В самом деле, возьмите такой вопрос, как гомогенность и гетерогенность материи. О французских материалистах принято говорить, и правильно, что они как механисты признавали материю однокачественной и многообразие мира объясняли лишь различным сочетанием материи, что мир вообще различается лишь количественно, но не качественно. И вот когда берут Дидро и находят у него признание многокачественности мира, то это служит основанием выделить его и по этому вопросу из среды других французских материалистов, поставив его на другое, особое место.

Вот что по этому вопросу пишет механист Гольбах:

«Действительно, неправильно думать, будто материя представляет собой однородное тело, части которого отличаются друг от друга лишь своими различными модификациями. Среди особой одного и того же вида нет, насколько мы знаем, и двух, которые в точности походили бы друг на друга. Оно и должно быть так: одно различие местоположения должно неизбежно повлечь за собою более или менее заметное различие не только в модификациях, но и в сущности, в свойствах, во всей системе существ¹⁾».

«Если принять во внимание этот принцип, который опыт, повидимому, всегда подтверждает, то можно убедиться, что первичные элементы, или вещества, из которых составлены тела, не одной и той же природы и, следовательно, не могут обнаружить ни тех же самых свойств, ни тех же самых способов двигаться и действовать. Их и без того уже различные деятельности и движения становятся еще более разнообразными, увеличиваются или уменьшаются, ускоряются или замедляются, в зависимости от сочетаний, пропорций, веса, плотности, объема и веществ, которые входят в их состав²⁾».

Характерно, что и Гольбах и Дидро в этом вопросе опираются на учение Лейбница о монадах.

Но можно ли из этого делать вывод, что Гольбах — не механист? Ни в какой мере. В другом месте Гольбах сам переходит на точку зрения древних о четырех стихиях и, исходя из этого, стремится вывести все многообразие мира.

Мы остановимся еще на одной стороне философии Дидро — на его взглядах на общество.

Всем известно, что Дидро, как и все французские материалисты, был в объяснении общественных явлений идеалистом, что он не мог провести последовательно точки зрения материализма. Тов. Луппол и здесь по-своему последователен: он стремится превратить Дидро в материалиста. В первом издании книги он характеризует общественные взгляды Дидро как «политический материализм» в отличие от «экономического материализма» Маркса³⁾. Название для Дидро несуразное, и тов. Луппол, очевидно, сам это понял и во втором издании этот термин снял. Но мы уже выше сказали, что тов. Луппол, желая сохранить «колорит книги», устранил лишь наиболее резкие формулировки, сохранив прежнюю точку зрения и в этом вопросе. В результате концы с концами не сведены. Видно, что автор вынужден вступать сам с собой в кричащие противоречия.

¹⁾ Лица, наблюдавшие природу внимательно, знают, что даже две песчинки не равны между собой в точности. Раз для существ одного и того же вида обособления или модификации не одни и те же, то между ними не может быть точного сходства. (См. гл. VI).

²⁾ Гольбах «Система природы», стр. 28.

³⁾ Луппол, очевидно, здесь смешивал экономический материализм с историческим материализмом.

В начале девятого очерка книги тов. Луппол пишет: «Материалисты в истолковании природы, французские материалисты XVIII века, остаются идеалистами в области наук об обществе, в области истории, политики и этики. Мы умышленно в самом начале привели в двух словах этот суровый приговор, ибо он относится, между прочим, и к Дидро» (стр. 185—186).

В этом пункте автор, наконец, солидаризируется с классиками марксизма в оценке Дидро.

Но уже на следующей странице он отождествляет натурализм Дидро в области морали с материализмом. А в конце очерка, подводя итоги взглядов Дидро в области общественной, автор пишет: «Мораль Дидро, отрицающая врожденные нравственные принципы и исходящая из реального человека, в истоках своих натуралистична и сенсуалистична. Но этот натурализм и физиологизм, будучи перенесен в общество и развиваем там без связи со специфически общественными условиями, весьма отдаёт рационализмом и идеализмом. Эгоизм борется с альтруизмом, и если побеждает второй, то победа его превращает индивидуалистическую вначале мораль Дидро в мораль универсальную с утопическими элементами. Его мораль антиисторична.

Обоснование общества стоит на реалистической основе, но при переходе к собственно государству вновь выявляются рационалистические моменты «общественного договора». Взаимоотношение морали в широком смысле и политики строится не по принципу исторического материализма, а поэтому, являясь недостаточным, оказывается антиисторическим. Требования реорганизации государственной конструкции являются максимумом необходимого и достаточного для буржуазии Франции XVIII века¹⁾.

Как видит читатель, учение Дидро о морали лишь «отдает» идеализмом, но по существу, очевидно, это учение материалистично.

Что это за материалистическая основа? Материализм это или идеализм? Вот как нужно ставить вопрос, а автор и здесь замазывает коренной гносеологический вопрос и словечком «реалистический» хочет прикрыть идеализм Дидро в общественных взглядах. Всем известно, что словом «реализм» в философии чаще всего прикрываются наиболее реакционные философы-идеалисты в наше время. Луппол это знает. Но почему он тогда заимствует эту нарочито двусмысленную терминологию вместо общепринятой, ясной и четкой марксистской терминологии—идеализм и материализм? Автор это делает потому, что ему и здесь хочется приукрасить Дидро и подправить его взгляды. Зачем и кому это нужно?

Почему в общественных воззрениях Дидро выявляются лишь рационалистические «моменты», а не линия, не система взглядов? Нам кажется, что причина этих извращений вовсе не случайна и вытекает не только из любви к предмету, из увлечения объектом исследования. Эта причина кроется в неправильном толковании в данном вопросе общественно-исторической теории Маркса. Это видно особенно на первом издании книги.

Вот что здесь пишет автор: «Подобно тому, как мы говорим об экономическом материализме пролетариата в лице Маркса, нам кажется возможным, переносясь мысленно в XVIII век, говорить о политическом материализме буржуазии в лице Дидро».

Из этой цитаты видно, что автор не только превращает идеализм в политический материализм, но и смешивает буржуазную теорию—экономический материализм—с историческим материализмом Маркса. Это сказалось на всем его анализе общественных взглядов Дидро, начиная от вопросов этики и политики и кончая вопросами эстетики. Автор смешивает натурализм и материализм, но натурализм в области общественных вопросов—это не разновидность материализма, а разновидность идеализма. Это особенно видно на таких натуралистических социологиях, как социология Конта, Спенсера, или на современных ра-

¹⁾ Луппол «Дени Дидро», стр. 212. Огиз. 1934.

систских теориях. Натурализм и идеализм здесь — не противоположности, а разновидности.

Итог. Мы отметили вначале достоинство книги тов. Луппола. Но эти достоинства в ряде вопросов снижаются теми недостатками, которые тов. Луппол допускает в новом издании. Автор, перерабатывая книгу, вопреки своему заявлению в предисловии не учел указаний критики, не довел до конца работы по исправлению допущенных ошибок. Эти исправления, по сути дела, лишь внешние; сохранилось в сильной степени «непомерное приближение Дидро к диалектическому материализму», извращение исторических перспектив.

Ф. КОНСТАНТИНОВ

Программные документы коммунизма

Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б). К. Маркс и Фр. Энгельс. Сочинения под редакцией В. Адоратского. Том XV. Статьи и корреспонденции. 1873—1883 гг. Партиздат. М. 1923. XIII стр.+728.

Рецензируемый XV том сочинений Маркса и Энгельса — огромный вклад в литературу по марксизму-ленинизму. Работы, вошедшие в XV том, относятся к 1873—1883 гг., последнему десятилетию жизни К. Маркса, периоду политической реакции в Европе, наступившему в результате разгрома Парижской коммуны. В ряде статей настоящего тома основоположники марксизма развенчивают легенду, созданную представителями различных направлений, боровшихся против марксизма, — легенду о том, что в связи с прекращением деятельности I интернационала наступил конец революционному рабочему движению вообще. Этой клевете на рабочее движение Маркс противопоставляет факт создания самими рабочими массами социал-демократических рабочих партий, организованных в национальном масштабе в ряде стран Европы. Содержание XV тома сочинений Маркса и Энгельса наглядно показывает нам огромную революционную и теоретическую деятельность основоположников марксизма, их непрестанное руководство международным рабочим движением и после распада I интернационала.

При всем разнообразии содержания рецензируемого тома его пронизывает центральная идея — борьба за подлинно коммунистическую партию, не зараженную буржуазным и мелкобуржуазным утопизмом, борьба за диктатуру пролетариата. Начнем с работ, направленных против лассальянства. В этом цикле первое место принадлежит заметкам Маркса на полях программы германской рабочей партии, известным под названием «Критика Готской программы», и письму Энгельса А. Бебелю от 18(28) марта 1875 г.

Написанная в мае 1875 г. «Критика» была направлена против оппортунистических ошибок в программных вопросах, допущенных вождями германской социал-демократии при объединении «Социал-демократической рабочей партии Германии», руководимой Либкнехтом и Бебелем, с «Всеобщим германским рабочим союзом», возглавлявшимся лассальянцами Газенклевером, Гассельманом и Телье.

«Критика Готской программы» — программный документ марксизма, посвященный основным проблемам пролетарской революции. В этой работе на фоне критики лассальянства дан анализ связи между развитием коммунизма и отмиранием государства. Маркс, писал Ленин, «подводит итог всему его революционному учению»¹⁾ и применяет теорию развития «и к предстоящему краху

¹⁾ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 338.

капитализма и к будущему развитию будущего коммунизма»¹⁾. В «Критике» видна непримиримость основоположников марксизма к эклектизму в теоретических формулировках, к попыткам «торгашества принципами» (Ленин), ибо они считали, что программа партии — это открыто водруженное знамя, вехи, по которым судят об уровне партийного движения.

В этом произведении мы имеем яркое, чеканное определение переходного периода и диктатуры пролетариата как необходимой, особой стадии или особого этапа развития к коммунизму. «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Ему соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть не чем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата»²⁾. Как известно, К. Каутский, считавший приведенное определение Маркса «случайно брошенным словечком», «исправил» его в духе «мирного вращивания капитализма в социализм». По Каутскому, в «переходный политический период... правительство, как общее правило, имеет форму коалиционного правительства». В своих последних контрреволюционных статьях против большевизма Каутский писал: «Демократия является не только дорогой к социализму, но также куском (Stück) социализма, который стремится не только к благосостоянию, но и к свободе и равноправию для всех»³⁾.

«...Без демократии не только невозможен социализм, но никакого другого пути к социализму не дано, как через демократию»⁴⁾.

В заявлении, сделанном Марксом в июле 1850 г. в письме фельетонисту одной немецкой газеты по вопросу о диктатуре пролетариата, Маркс указывает, что, начиная с самых ранних произведений, он разрабатывал как главное и решающее в своем учении теорию о диктатуре пролетариата, что об уничтожении классов через диктатуру пролетариата идет речь не только в «Коммунистическом манифесте», но и в «Нищете философии». Отметим, что уже в «Немецкой идеологии» была дана в зародышевой форме идея диктатуры пролетариата. Основоволожники марксизма писали, что каждый, стремящийся к господству класс, если даже его господство обуславливает, как у пролетариата, уничтожение всей старой общественной формы и господства вообще, должен прежде всего завоевать себе политическую власть.

И в другом месте Маркс указывает: «Революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что свержающий класс только в революции может избавиться от всей старой мерзости и стать способным создать новое общество»⁵⁾.

Взгляды Каутского на демократию были разоблачены Лениным как софизмы формально-юридического, буржуазно-либерального характера. Говоря о демократии при диктатуре пролетариата, Ленин писал, что она впервые дает демократию для народа наряду с необходимым подавлением эксплуататоров. В своих предварительных набросках «Марксизм о государстве» Ленин дает следующую схему демократии при капитализме, при диктатуре пролетариата и при коммунизме: I — демократия только для богатых и для маленькой прослойки пролетариата. [Бедным не до нее!], II — демократия для бедных, для 9/10 населения, подавление силой сопротивления богатых, III — демократия полная, входящая в привычку и потому отрицающая, уступающая место принципу: «каждый

¹⁾ Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 428.

²⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 283.

³⁾ Karl Kautsky «Demokratie und Diktatur», «Der Kampf», S. 45. Februar. 1933.

⁴⁾ Там же, стр. 45—46. Вопросам демократии и диктатуры Каутский уделяет большое внимание в недавно вышедшей брошюре «Neue Programme «Eine kritische Untersuchung» Wien — Leipzig, продолжая в ней прежнюю социал-фашистскую линию.

⁵⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 60.

по способностям, каждому по потребностям»¹⁾. «Демократия для гигантского большинства народа и подавление силой, т. е. исключение из демократии эксплуататоров, угнетателей народа,— вот каково,—писал Ленин,—видоизменение демократии при переходе от капитализма к коммунизму»²⁾. Советский строй, привлекая к государственному управлению в грандиозных размерах широкие массы трудящихся, является воплощением высшего типа демократизма. Однако, если на определенном этапе ограничения в избирательной системе были неизбежны, то теперь, в результате победы социализма в нашей стране, на основе завершения в основном ликвидации капиталистических элементов «советский союз все ближе подходит к полной отмене всяких ограничений и всеобщего избирательного права»³⁾. Постановление VII съезда советов Союза ССР в направлении дальнейшей демократизации избирательной системы путем замены не вполне равных выборов равными, многостепенными — прямыми, открытыми — закрытыми — знаменательная веха в развитии советского пролетарского демократизма.

Маркс в «Критике» дает обстоятельный анализ вопроса о государстве. Ленин писал, что в «Критике» дано «самое обстоятельное раз'яснение вопроса» об экономических основах отмирания государства. Маркс вскрывает всю вздорность разговоров о «народном государстве», Маркс разоблачает ту путаницу, которая вносится Готской программой в вопрос о соотношении государства и общества, где государство рассматривается как некая самостоятельная сущность, обладающая своими собственными «духовными, нравственными, свободными основами».

Маркс говорит о будущем обществе как основе будущего государства, о будущей государственности коммунистического общества.

В письме Фр. Энгельса к А. Бебелю по поводу Готской программы от 18(28) марта 1875 г. мы читаем: «Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать»⁴⁾.

Ленин писал, что в «Критике Готской программы» «заключается признание государства вплоть до перерастания победившего социализма в полный коммунизм»⁵⁾. Приведенные высказывания Маркса, Энгельса и Ленина весьма актуальны и злободневны, ибо выполнение второй пятилетки — завершение технической реконструкции народного хозяйства СССР, завершение коллективизации — возможно лишь через укрепление пролетарского государства, через укрепление пролетарской диктатуры. Отсюда грубейшей политической ошибкой являются воззрения некоторых «теоретиков», полагающих, что уже сейчас наше государство отмирает. На XVI партсъезде товарищ Сталин говорил: «Мы за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть из всех существующих до сих пор государственных властей. Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти — вот марксистская формула. Это «противоречиво»? Да, «противоречиво». Но противоречие это жизненное, и оно целиком отражает марксову диалектику»⁶⁾.

¹⁾ Лен. сб. XIV, стр. 267.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXI, стр. 431. Разрядка моя.—А. Р.

³⁾ В. М. Молотов «Об изменениях в советской Конституции», стр. 21. Партиздат. 1935.

⁴⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 292.

⁵⁾ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 243.

⁶⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 427. 10-е изд.

Подчеркивая роль пролетариата как действительно революционного класса Маркс подвергает резкой критике лассальянский тезис Готской программы, что по отношению к рабочему классу все остальные классы составляют лишь одну реакционную массу, — тезис, возрожденный троцкизмом. «Разве, — спрашивает Маркс, — на последних выборах заявляли ремесленникам, мелким промышленникам и т. п., а также крестьянам: «По отношению к нам вы с буржуа и феодалами образуете лишь одну реакционную массу?»¹⁾.

Если бы в Германии демократическая мелкая буржуазия составляла одну реакционную массу, то, спрашивал Энгельс Бебеля, как могла бы социал-демократическая рабочая партия годами идти с нею рука об руку.

В «Критике» дан анализ «ступеней экономической зрелости коммунизма» (Ленин). Как писал Ленин, «Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естественный процесс поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется»²⁾.

Подвергая критике лассальянский «неурезанный трудовой доход», Маркс анализирует процесс расширенного социалистического воспроизводства. Вычет из совокупного общественного продукта — расходов по возмещению потребленных средств производства, добавочной части для расширения производства, резервного или страхового фонда — Маркс считает экономической необходимостью. Переходя к анализу остающейся после указанных вычетов части совокупного общественного продукта, Маркс отмечает вычеты по издержкам управления, доля которых значительно сократится по сравнению с буржуазным обществом, — вычеты, предназначенные для совместного удовлетворения потребностей школы, здравоохранение, доля которых по сравнению с буржуазным обществом значительно возрастает, и, наконец, фонды для нетрудоспособных. Остальная часть общественного продукта вступает в фонд личного потребления производителей. Маркс развенчивает представление о первой стадии коммунизма как о царстве равенства, царстве «справедливого» распределения. Социалистическое общество сохраняет еще «родимые пятна» буржуазного общества. Труд, затраченный на производство продуктов, не проявляется как стоимость этих продуктов, потому, что индивидуальный труд является непосредственно общественным трудом; однако при распределении индивидуальных предметов потребления здесь господствует тот же принцип, который регулирует товарообмен. Поэтому здесь равное право по принципу, полагает Маркс, является правом буржуазным. «Этот равное право есть неравное право для неравного труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому каждый является только рабочим, как и все другие. Но оно молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность и следовательно, и неравную работоспособность — естественными привилегиями. Поэтому оно по своему содержанию является правом неравенства, как и вообще всякое право»³⁾.

В письме к Бебелю Энгельс писал, что взгляд на социалистическое общество как на царство равенства есть одностороннее французское представление связанное с лозунгом «свободы, равенства и братства», — представление, которое должно быть преодолено.

В условиях новой исторической эпохи, в обстановке борьбы за свержение буржуазии и установление пролетарской диктатуры, проблему равенства при социализме дальше разрабатывал Ленин, а в наши дни — товарищ Сталин.

На XIV съезде товарищ Сталин, разоблачая мелкобуржуазный характер выдвинутого Зиновьевым лозунга равенства, говорил: «Лозунг о равенстве в данный момент есть эсеровская демагогия. Никакого равенства не может быть пока есть классы и пока есть труд квалифицированный и неквалифицированный».

¹⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 277.

²⁾ Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 428.

³⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 275.

(см. «Революция и государство» Ленина). Надо говорить не о неопределенном равенстве, а об уничтожении классов, о социализме»¹). К вопросу о равенстве товарищ Сталин возвращался неоднократно. На XVII партс'езде, разоблачая «уравниловские» тенденции в современных условиях, товарищ Сталин дал классическое определение равенства: «Под равенством марксизм понимает не уравниловку в области личных потребностей и быта, а уничтожение классов, т. е. а) равное освобождение всех трудящихся от эксплуатации после того, как капиталисты свергнуты и экспроприированы, б) равную отмену для всех частной собственности на средства производства после того, как они переданы в собственность всего общества, в) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их труду (социалистическое общество), г) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их потребностям (коммунистическое общество). При этом марксизм исходит из того, что вкусы и потребности людей не бывают и не могут быть одинаковыми и равными по качеству или по количеству ни в период социализма, ни в период коммунизма. Вот вам марксистское понимание равенства. Никакого другого равенства марксизм не признавал и не признает»²).

В «Критике» Маркс развивает свои положительные взгляды на фоне критики Лассалья и его последователей. Тезис Готской программы, что в «современном обществе средства труда являются монополией класса капиталистов», Маркс объяснял тем, что «Лассаль, по мотивам в настоящее время всем известным, нападал только на класс капиталистов, но не на землевладельцев»³).

По Марксу, Лассаль был в союзе «с абсолютистскими и феодальными противниками против буржуазии»⁴). Маркс считал, что «Лассаль подходил к рабочему движению с самой узкой, национальной точки зрения»⁵). В письме к Бебелю Энгельс также отмечает, что лассальянцами отвергается принцип международнойности рабочего движения. «Что же остается в конце концов, — восклицает Энгельс, — от интернационализма рабочего движения? Только слабая надежда даже не на сотрудничество европейских рабочих в дальнейшем, в борьбе за свое освобождение, нет, — а на будущее «интернациональное братство народов», на «Соединенные Штаты Европы» господ буржуа из Лиги мира»⁶).

Таким образом, троцкистский лозунг «Соединенные штаты Европы», о котором Ленин писал, что «с точки зрения экономических условий империализма... Соединенные Штаты Европы при капитализме либо невозможны, либо реакционные», имеет почтенных предков.

О лассалевском «железном законе заработной платы» Маркс писал, что «это не что иное, как... теория Мальтуса о народонаселении. Но если эта теория правильная, то устранить самый закон уж никак невозможно, хотя бы мы тысячу раз устраняли наемный труд, потому что закону этому подчинена тогда уже не только система наемного труда, но и всякая общественная система»⁷). Маркс вскрывает оппортунизм воззрений Лассалья на производительные ассоциации. По Лассалю, вместо процесса революционного преобразования общества «социалистическая организация совокупного труда» «возникает» из «государственной помощи», оказываемой производительным товариществам, которые «призваны к жизни» (государством), а не рабочими»⁸).

Отметим также высказанный Энгельсом в письме к Бебелю взгляд на профсоюз, что это «подлинная классовая организация пролетариата».

¹ Сталин. Политический отчет ЦК XIV с'езду ВКП(б), стр. 75—76. Партиздат. 1933.

² Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 583. 10-е изд.

³ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 271.

⁴ Там же, стр. 277.

⁵ Там же, стр. 278.

⁶ Там же, стр. 289.

⁷ Там же, стр. 279.

⁸ Там же, стр. 281.

риата, в которой он ведет свою повседневную борьбу с капиталом, которая является для него школой и которую теперь уже никак не сможет задуть даже злейшая реакция...»¹). Тезис, не потерявший свою злободневность для наших братских компартий.

В «Критике» мы встречаем также постановку ряда общих методологических проблем. Маркс вскрывает ошибочность тезиса, что труд — источник всякого богатства²). Маркс указывает на примат экономических отношений по отношению к правовым³), на соотношение производства и распределения⁴). О заработной плате Маркс пишет, что она «не то, чем она кажется с виду, не стоимость или цена труда, а замаскированная форма стоимости или цены рабочей силы»⁵). «Критика Готской программы» — один из основных документов революционного марксизма, где поставлены коренные вопросы пролетарской революции, где дана убийственная критика лассальянства. Вот почему социал-фашисты, для которых Лассаль является «духовным отцом», «Критику» всячески замалчивают.

* * *

Перейдем к анализу работ, направленных против мелкобуржуазного прудонизма и бакунистского анархизма.

Поводом к появлению «Жилищного вопроса» Энгельса была серия статей, напечатанных в «Volksstaat» в 1872 г. прудонистом Мюльбергером. Содержание этой работы Энгельса шире ее названия. На конкретном примере жилищного вопроса Энгельс противопоставляет мелкобуржуазным и буржуазно-филантропическим теориям марксистский, подлинно революционный путь осуществления социализма. В работах Ленина мы встречаем неоднократные ссылки на «Жилищный вопрос». Еще в 1895 г. в статье «Фридрих Энгельс» Ленин, говоря о разделении труда между Марксом и Энгельсом, отмечал «замечательные статьи о квартирном вопросе»⁶). Содержание «Жилищного вопроса» знаменательно еще тем, что он появился после поражения Парижской коммуны. Ленин писал: «В своем сочинении о жилищном вопросе Энгельс учитывает уже опыт Коммуны, останавливаясь несколько раз на задачах революции по отношению к государству»⁷). По Энгельсу, в Парижской коммуне прудонисты, сильно в ней представленные, не сделали ни малейшей попытки ликвидировать старое общество на основе принципа Прудона.

«К величайшей чести Коммуны, — писал Энгельс, — «живую душу» всех ее экономических мероприятий составляли не какие-либо принципы, а... простая практическая потребность. Но потому-то эти мероприятия — отмена ночного труда пекарей, запрещение денежных штрафов на фабриках, конфискация закрытых фабрик и мастерских и предоставление их рабочим ассоциациям — соответствуют вовсе не духу Прудона, а духу немецкого научного социализма. Единственное социальное мероприятие, проведенное прудонистами, — это отказ от конфискации Французского банка, что и было одной из причин гибели Коммуны.

Точно так же и так называемые бланкисты, как только они сделали попытку из чисто политических революционеров превратиться в социалистическую рабочую фракцию с определенной программой... провозгласили... воззрения немецкого научного социализма о необходимости политического действия пролетариата и его диктатуры, как перехода к отмене классов, а вместе с ними и

¹) К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 291. Разрядка моя. — А. Р.

²) Там же, стр. 269.

³) Там же, стр. 272.

⁴) Там же, стр. 276.

⁵) Там же, стр. 280.

⁶) Ленин. Соч. Т. I, стр. 414.

⁷) Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 408—409

государства, как было сказано об этом еще в «Коммунистическом манифесте» и с тех пор повторялось бесчисленное количество раз»¹⁾.

Итак, по Энгельсу, «живую душу» Парижской коммуны представляли те ее экономические мероприятия, которые соответствовали принципам научного социализма. Энгельс подчеркивал, что лозунг диктатуры пролетариата был выдвинут еще в «Коммунистическом манифесте», что ближайшая цель борьбы подлинно пролетарских партий — это диктатура пролетариата.

Интересно также отметить высказывание Энгельса о целях, которые ставит перед собой всякая подлинно пролетарская партия:

«Всякая действительно пролетарская партия, начиная с английских чартистов, всегда выставляла первым условием классовую политику, организацию пролетариата в самостоятельную политическую партию, а ближайшей целью борьбы — диктатуру пролетариата»²⁾.

Исходя из предпосылки, что государство — это «совокупный капиталист», что «государство есть не что иное, как организованная совокупная власть имущих классов, землевладельцев и капиталистов, направленная против эксплуатируемых классов, крестьян и рабочих»³⁾, Энгельс считает, что буржуазное государство не может и не хочет устранить жилищное зло. Жилищная нужда, будучи необходимым продуктом буржуазного общества, в то же время «представляет собою одно из бесчисленных мелких, второстепенных зол, вытекающих из современного капиталистического способа производства»⁴⁾. Лишь с уничтожением капиталистического способа производства будет разрешен и жилищный вопрос. Энгельс разоблачает реакционно-утопический характер реформистских способов разрешения жилищного вопроса. Энгельс пишет: «И пока существует капиталистический способ производства, до тех пор глупо пытаться решать в отдельности жилищный или какой-либо другой общественный вопрос, затрагивающий судьбу рабочего. Решение состоит только в уничтожении капиталистического способа производства, в присвоении самим рабочим классом всех средств существования и средств труда»⁵⁾.

Разрешить жилищный вопрос, являющийся производным по отношению к более кардинальной проблеме — уничтожению противоположности между городом и деревней, по Энгельсу, может лишь диктатура пролетариата. Энгельс писал:

«Как решит этот вопрос социальная революция, это зависит не только от обстоятельств времени и места, это связано также с вопросами, идущими гораздо дальше, среди которых один из важнейших — вопрос об уничтожении противоположности между городом и деревней».

Дальше, Энгельс намечает политику пролетариата в жилищном вопросе в момент его прихода к власти: «...Уже теперь в больших городах достаточно жилых зданий, чтобы тотчас помочь действительной «нужде в жилищах» при разумном использовании этих зданий. Это осуществимо, разумеется, лишь посредством экспроприации теперешних владельцев и посредством поселения в этих домах бездомных рабочих или рабочих, живущих теперь в слишком перенаселенных квартирах»⁶⁾. Об этом высказывании Энгельса Ленин писал: «Вот наглядно — одна из функций диктатуры пролетариата, одна из задач государства (объединение пролетариев) в переходную эпоху от капитализма к полному

¹⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 59—60. Разрядка моя.—А. Р.

²⁾ Там же, стр. 61. Разрядка моя.—А. Р.

³⁾ Там же, стр. 52. Разрядка моя.—А. Р.

⁴⁾ Там же, стр. 5—6.

⁵⁾ Там же, стр. 57.

⁶⁾ Там же, стр. 19.

коммунизму. Такой вещи нельзя тотчас начать делать без революционного использования государственной власти»¹⁾.

В «Жилищном вопросе» имеется богатейший материал по критике мелкобуржуазного прудонизма, а также ряд замечаний по вопросу о бонапартизме и др. Отметим взгляд Энгельса, что уничтожение противоположности между городом и деревней «с каждым днем все более становится практическим требованием как индустриального, так и сельскохозяйственного производства»²⁾ и что в условиях пролетарской диктатуры «только тесная внутренняя связь индустриального и земледельческого производства наряду с необходимым для этого расширением средств сообщения... в состоянии вырвать сельское население из изолированности и отупения, в которых оно почти неизменно прозябает в течение тысячелетий»³⁾.

Взгляды Энгельса на жилищный вопрос в новых условиях развивались Лениным и Сталиным. Еще в 1907 г. Ленин разоблачал «муниципальный социализм», который «мечтает о социальном мире, о примирении классов и желает перенести общественное внимание с коренных вопросов всего экономического строя и всего государственного устройства на мелкие вопросы местного самоуправления»⁴⁾. В своих работах «Государство и революция» и «Удержат ли большевики государственную власть» Ленин намечал практические мероприятия по облегчению жилищной нужды при приходе к власти большевиков. Товарищ Сталин перед Октябрьским переворотом разоблачал буржуазно-кадетскую сущность оборонческого блока. Товарищ Сталин писал: «Для того, чтобы демократизировать городское хозяйство, обеспечить население продовольствием и жилищем, освободить бедноту от городских налогов и переложить все налоговое бремя на имущих, — для этого необходимо порвать с политикой соглашений, наложив руку на барыши капиталистов и домовладельцев...»⁵⁾. На XVII партсъезде товарищ Сталин констатировал изменение облика наших крупных городов и промышленных центров, исчезновение трущоб, так называемых рабочих кварталов на окраинах городов.

В СССР, стране пролетарской диктатуры, устраняется жилищная нужда трудящихся масс: ВКП(б), вооруженная марксистско-ленинской теорией, осуществляет блестящие прогнозы основоположников марксизма.

В статье «Бакунисты за работой» Энгельс описывает испанскую революцию 1873 г., когда страну охватило восстание крайних республиканцев. Ввиду экономической отсталости Испании борьба за республику не была борьбой за социалистический переворот. «Испания, — писал Энгельс, — в промышленном отношении настолько отстала страна, что там еще не может быть и речи о немедленном полном освобождении рабочего класса. Прежде чем дело дойдет до этого, Испания должна еще пройти различные предварительные ступени развития и преодолеть целый ряд препятствий. Республика и давала возможность в кратчайший срок пробежать эти предварительные ступени и быстро устранить эти препятствия. Но воспользоваться этой возможностью можно было только путем действительного политического вмешательства испанского рабочего класса. Рабочая масса чувствовала это; везде добивалась она того, чтобы принять участие в событиях, использовать представляющуюся возможность действовать, а не оставлять, как до сих пор, имущим классам свободное поле для их деятельности и их интриг»⁶⁾. Деятельному участию испанского рабочего класса в революции мешало влияние бакунистов, которые были против всякого участия в революционном правительстве. Подводя итоги урокам испанской революции, Энгельс отмечает, что бакунисты выбросили за борт все свои принципы: они пожертвовали своим

¹⁾ Лен. сб. XIV, стр. 287.

²⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 73.

³⁾ Там же, стр. 74.

⁴⁾ Ленин. Соч. Т. XI, стр. 443.

⁵⁾ Сталин «Муниципальная кампания». «На путях к Октябрю», стр. 37—38. Изд. 2-е Гиз. Л. 1925.

⁶⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 108—109.

учением о необходимости политического воздержания и уничтожения государства; они отбросили принцип, что рабочие не должны принимать участия ни в какой революции, которая не имеет целью немедленное полное освобождение пролетариата; они грубо нарушили догмат, что участие в революционном правительстве было бы изменой рабочему классу. «Одним словом, — писал Энгельс, — бакунисты в Испании дали нам непревзойденный пример того, как не следует делать революцию»¹⁾. В своих «Материалах по докладу о временном революционном правительстве» Ленин писал об этой работе Энгельса, что в ней дан «небезытересный м[а]т[е]р[и]ал по в[опро]су об участии с[оциал]-д[емократии] во врем[енном] рев[олю]ционном прав[ительстве] при б[у]ржуаз[ных] р[е]в[олю]циях»²⁾. На III съезде РСДРП в своем докладе об участии с.-д. во временном правительстве и в последующих своих статьях Ленин, сопоставляя меньшевистские принципы новой «Искры» (революционное действие снизу в противоположность тактике «и снизу и сверху» и участие во временном революционном правительстве есть измена рабочему классу) — со взглядами бакунистов, клеймил эти принципы новой «Искры» как принципы анархические, реакционные.

Статья «Политический индифферентизм» написана Марксом в 1873 г. и направлена против прудонистско-бакунинских идей. Маркс в остроумной форме высмеивает ряд тезисов прудонизма: рабочий класс не должен организоваться в политическую партию, он не должен добиваться законодательного ограничения рабочего дня, рабочие не должны стремиться на место диктатуры буржуазии установить свою революционную диктатуру, ибо все это путь компромисса, нарушение вечных принципов. «Если политическая борьба рабочего класса, — писал Маркс, высмеивая отрицательное отношение анархистов к политике, — принимает насильственные формы, если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру, то они совершают ужасное преступление оскорбления принципов, ибо для удовлетворения своих жалких, грубых потребностей дня, для того, чтобы сломить сопротивление буржуазии, рабочие придают государству революционную и преходящую форму вместо того, чтобы сложить оружие и отменить государство»³⁾. В своих подготовительных материалах о государстве Ленин, выписав приведенную нами цитату, делает заключение: «очень хорошо!»⁴⁾.

Далее, после краткого указания на первых социалистов (Фурье, Оуэна, Сен-Симона и др.) и Брея (автора мютюализма задолго до Прудона), Маркс подвергает критике Прудона, который на основе своих вечных принципов доходил в своем отрицании права рабочих организовывать союзы до признания правомерности расстрела рабочих, участвующих в забастовке. Маркс подвергает критике три вечных принципа Прудона: 1) размеры заработной платы определяют цены товаров, 2) легализация союзов противоречит всякому обществу и порядку, 3) благодаря союзам «рабочая демократия» вместо легальных средств сопротивления предпочитает борьбу классов.

Ленин писал, что Маркс в статье «Политический индифферентизм» подчеркивает «революционную и преходящую форму» государства, необходимого для пролетариата. «Мы вовсе не расходимся с анархистами, — писал Ленин, — по вопросу об отмене государства, как цели. Мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти против эксплуататоров, как для уничтожения классов необходима временная диктатура угнетенного класса»⁵⁾.

Статья Энгельса «Об авторитете», напечатанная в сборнике «*Almanaco Repubblicano per l'anno 1874*», была направлена против бакунистов, которые осуждали всякий акт, представлявшийся им как авторитарный. «Предположим, — пишет

¹⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 124.

²⁾ Лен. сб. V, стр. 255.

³⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 90—91.

⁴⁾ Лен. сб. XIV, стр. 349.

⁵⁾ Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 411.

Энгельс, — что социальная революция свергла капиталистов, в руках которых находится ныне производство и обращение богатств. Предположим, становясь вполне на точку зрения антиавторитаристов, что земля и орудия труда стали коллективной собственностью пользующихся ими рабочих. Исчезает ли авторитет или же он только изменит свою форму? Посмотрим»¹⁾. На примере бумагопрядильни, где желать уничтожения авторитета — значит желать «уничтожения паровой прядильной машины для того, чтобы вернуться к прялке», и на примере железной дороги, где «первым условием является господствующая воля, решающая всякий подчиненный вопрос», Энгельс утверждает: «... Известный авторитет, каким бы образом он ни был создан, а с другой стороны, известное подчинение, — независимо от какой бы то ни было общественной организации, — обязательны для нас в силу материальных условий, при которых происходит производство и обращение продуктов»²⁾. Показав таким образом относительность понятия авторитета, область применения которого меняется с различными фазами общественного развития, Энгельс вскрывает всю вздорность требования анархистов, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета, отмена государства. «Видали ли эти люди когда-нибудь революцию? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, т. е. средств чрезвычайно авторитарных; и если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий, она должна удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве она продержалась бы дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?»³⁾.

Ленин писал, что в статье «Об авторитете» Энгельс ставит конкретно вопрос о революции, который обычно обходится оппортунистической социал-демократией. Анархисты же «именно революции-то в ее возникновении и развитии, в ее специфических задачах по отношению к насилию, авторитету, власти, государству видеть не хотят»⁴⁾.

Статья Энгельса «Об авторитете», выдвигая проблемы организации производства, весьма актуальна и злободневна. Организационный вопрос в истории партии большевиков всегда играл большую роль. На XVII съезде ВКП(б), на новом этапе пролетарской революции, организационные вопросы были подняты на новую высоту. Съезд указал на решающую роль организаторов производства; съезд остро поставил проблему типа работника. Товарищ Сталин указал, что нужно поднять организационное руководство до уровня политического руководства; товарищ Сталин с большим художественным мастерством дал характерные маски честных болтунов, вельмож. Директор должен быть авторитетным руководителем, директор должен обладать всей полнотой власти, ибо без строгого единоначалия не может быть обеспечено выполнение планов, не мыслим расцвет промышленности и сельского хозяйства. Мысли Энгельса об единоначалии, как правильно отмечал ЦО партии «Правда»⁵⁾, звучат так, как будто он их произнес на XVII партсъезде.

Исключительный политический и теоретический интерес представляет собой составленный Марксом «Конспект книги Бакунина» — «Государственность и анархия». В замечаниях, вкрапленных в этот конспект, Маркс ставит узловые вопросы теории пролетарской революции. «Государственность и анархия», написанная в период заката деятельности основателя и руководителя «Альянса», была теоретическим евангелием бакунистов в их борьбе с марксизмом. Этот конспект — ценное пособие и для ознакомления со взглядами Бакунина.

¹⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 134—135.

²⁾ Там же, стр. 136.

³⁾ Там же, стр. 137.

⁴⁾ Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 413.

⁵⁾ «О советском директоре и единоначалии». «Правда» от 25 февраля 1934 г. № 55 (5941).

Отметим наиболее характерные положения конспекта. По Бакунину, лишь в нищенском пролетариате, а отнюдь не в буржуазном слое рабочей массы «заключается и весь ум и вся сила будущей социальной революции». Единственным условием настоящей, а не фиктивной свободы Бакунин считает федеральную организацию снизу вверх рабочих ассоциаций, групп, общин, областей и народов. Бакунин рассматривает «мнимо-народное государство, задуманное г. Марксом» как «управление массами сверху вниз, посредством интеллигентного и по этому самому привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ» (слова Бакунина. — А. Р.)¹⁾. В противоположность немцам, которые ищут своей свободы в государстве, славяне, которые по своей природе — племя неполитическое, ждут своего освобождения во всенародном бунте против всякого государства — в социальной революции. Поэтому, полагает Бакунин, славянский пролетариат не должен вступать «в ряды социально-демократической партии немецких рабочих, руководимых диктаторской властью господ Маркса и Энгельса», ибо она является партией «по своему направлению, по целям и средствам чисто буржуазною и к тому же исключительно немецкою, т. е. славяно-убийственной»²⁾. Отметим психологический портрет Маркса, нарисованный Бакуниным³⁾. В политическом отношении Бакунин считает Маркса учеником Луи Блана. Ссылаясь на Лассалья, которого он считал прямым учеником Маркса, Бакунин утверждает, что «для коммунистов или социальных демократов Германии крестьянство, всякое крестьянство есть реакция, а всякое государство, даже бисмарковское — революция»⁴⁾. Бакунин, отправляясь от положения Маркса о пролетариате как господствующем классе, в результате социалистической революции недоумевает: «...Если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит, останется еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому государству». На это Маркс отвечает: «Это значит, что покуда существуют еще другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется... он должен применять меры насилия, стало быть правительственные меры; если сам он остается еще классом, и если еще не исчезли экономические условия, на которых основывается классовая борьба и существование классов, они должны быть насильственно устранены или преобразованы, и процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен»⁵⁾.

Бакунин утверждает, что пролетариат будет господствовать над «крестьянской чернью», что диктатура пролетариата будет своеобразной формой эксплуатации крестьянства. Как тут не вспомнить блаженной памяти правооппортунистический тезис о «военно-феодальной эксплуатации крестьянства»! На это Маркс отвечает следующее: «...Там, где крестьянин существует в массовом масштабе как частный земельный собственник, там, где он даже образует более или менее значительное большинство, как во всех странах западно-европейского континента; где он не исчез и не заменен сельскохозяйственными батраками, как в Англии, — там произойдет следующее: либо крестьянин станет препятствовать и будет приводить к крушению всякую рабочую революцию, как он это делал до сих пор во Франции, либо же пролетариат... должен в качестве правительства принимать меры, вследствие которых поло-

¹⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 154.

²⁾ Там же, стр. 163.

³⁾ Там же, стр. 181—182.

⁴⁾ Там же, стр. 184.

⁵⁾ Там же, стр. 186.

жение крестьянина непосредственно улучшится и которые, таким образом, привлекут его на сторону революции; меры, однако, которые в зародыше облегчают переход от частной собственности на землю к собственности коллективной, так что крестьянин сам приходит к этому хозяйственным путем; но нельзя огорошивать крестьянина, провозглашая, например, отмену права наследования или отмену его собственности; последнее возможно только там, где арендатор-капиталист вытеснил крестьянина, и настоящий земледелец стал таким же пролетарием, наемным рабочим, как и городской рабочий и, следовательно, имеет с ним одни и те же интересы непосредственно, а не только косвенно; тем более нельзя укреплять мелкую собственность, увеличивая мелкие участки просто путем передачи больших имений крестьянам, как в революционном походе Бакунина¹⁾.

Сознавая всю противоречивость диктатуры, когда представители власти станут представлять не народ, а себя и свои притязания на управление народом, марксисты, утверждает Бакунин, утешаются мыслью, что эта диктатура будет временной, короткой. На это Маркс отвечает: «Классовое господство рабочих над сопротивляющимися им прослойками старого мира должно длиться до тех самых пор, пока не будут уничтожены экономические основы существования классов»²⁾.

Чрезвычайно интересны замечания Маркса о различии между пролетарской и буржуазной демократией. «При коллективной собственности, — пишет Маркс, — исчезает так называемая народная воля, чтобы уступить место действительной воле кооператива»³⁾. Конспект Маркса на книгу Бакунина — документ исключительной политической и теоретической ценности. Марксово учение о пролетарской революции нашло свое развитие в работах Ленина и Сталина, в условиях новой эпохи, эры мировых войн и пролетарских революций. Конспект наглядно демонстрирует преемственность идей основоположников марксизма — Маркса и Энгельса — и великих мастеров и теоретиков пролетарской революции, водчих социалистического общества — Ленина и Сталина.

* * *

Перейдем к анализу цикла статей, направленных против тредюнионизма. В этих статьях, печатавшихся в 1881 г. в органе тредюнионов «The labour standart», Энгельс в мастерски популярной форме развивает мысль о необходимости политической рабочей партии в Англии, борющейся за диктатуру пролетариата.

В первой статье — «Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день» — Энгельс подвергает анализу этот имеющий полувековую давность лозунг английского рабочего движения. Энгельс отмечает положительную роль его в период роста тредюнионов, после отмены законов о союзах и в период чартистского движения. Но времена меняются, и теперь этот издавна почитаемый лозунг устарел. И, далее, Энгельс дает популярное изложение марксовой теории заработной платы.

Социальная справедливость или несправедливость определяется не наукой о нравственности или о праве и не сантиментальным чувством гуманности или милосердия, а «наукой, которая имеет дело с материальными факторами производства и обмена — наукой политической экономии»⁴⁾.

¹⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 187.

²⁾ Там же, стр. 192.

³⁾ Там же, стр. 191.

⁴⁾ Там же, стр. 557.

Дав определение «справедливой заработной платы», «справедливого рабочего дня», отметив влияние промышленно-резервной армии на уровень заработной платы, Энгельс вскрывает подлинный смысл «справедливости» в условиях капитализма. «Справедливость политической экономии, — по Энгельсу, — поскольку последняя верно формулирует законы, управляющие нынешним обществом, эта справедливость оказывается вся на одной стороне — на стороне капитала»¹⁾. Отсюда, вместо старого, отжившего лозунга новый лозунг борьбы — средство труда: сырье, фабрики, машины — во владение самих рабочих!

В статье «Система наемного труда» Энгельс рассматривает деятельность тредюнионов как фактор, влияющий на уровень заработной платы. «Закон заработной платы, — пишет Энгельс, — совсем не такой, который действует незыблемо и прямолинейно. В известных пределах он вовсе не является неумолимым. Во всякое время (за исключением периодов глубокой депрессии) для всякой отрасли производства существует определенная амплитуда колебаний, в пределах которой размеры заработной платы могут быть изменены в результате борьбы между двумя борющимися сторонами»²⁾.

Большой заслугой тредюнионов, по Энгельсу, является то обстоятельство, что благодаря их деятельности закон заработной платы выполняется не без их борьбы за поддержание на известном уровне размеров заработной платы и за сохранение рабочего дня: «Рабочий не получал бы даже того, что ему следует получить соответственно законам системы наемного труда»³⁾. Но так как тредюнионы не производят нападения на систему наемного труда, то подлинное освобождение рабочего класса наступит лишь тогда, когда он станет собственником всех средств труда, собственником всего продукта своего собственного труда.

В статье «Тредюнионисты» Энгельс ратует за необходимость наряду с союзами отдельных профессий политической организации рабочего класса как целого, ибо вся деятельность тредюнионов в ее нынешнем виде является не самоцелью, а средством к полному уничтожению всей системы наемного труда. «Нет в мире такой силы, — восклицает Энгельс, — которая хотя бы в течение одного дня могла сопротивляться британскому рабочему классу, организованному как единое целое»⁴⁾.

В статье «Торговый договор с Францией» Энгельс констатирует, что «промышленная монополия Англии на ущербе»⁵⁾. Это обстоятельство должно привести к революционизированию британского рабочего класса, ибо «будет разбито последнее звено, связывающее еще английский рабочий класс с английской буржуазией», их совместное стремление к национальной монополии.

Приведенное высказывание Энгельса намечает пути революционизирования английского рабочего движения в связи с новыми тенденциями в развитии английского капитализма. В письме к Бебелю от 30 августа 1883 г. Энгельс следующим образом характеризовал причины отсталости английского рабочего движения: «Участие в господстве на мировом рынке было и остается экономической основой политической ничтожности английских рабочих. Плеться в хвосте за капиталистами в деле экономического использования этой монополии, но разделяя все же ее выгоды, рабочие, естественно, в политическом отношении плетутся в хвосте «великой либеральной партии», которая бросает им, со своей стороны, кое-какие мелкие подачки, которая признала за ними право на тредюнионы и стачки, отказалась от борьбы за неограниченный рабочий день и предоставила избирательное право лучше оплачиваемым рабочим»⁶⁾.

¹⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 559.

²⁾ Там же, стр. 561.

³⁾ Там же, стр. 562.

⁴⁾ Там же, стр. 569.

⁵⁾ Там же, стр. 573.

⁶⁾ «Архив Маркса и Энгельса». Т. I (VI), стр. 235.

Если в работах Маркса и Энгельса вскрыты корни рабочей аристократии конца XIX в. в промышленной и колониальной монополии Англии, то Ленин дал анализ наличия привилегированной верхушки рабочих в условиях новой, последней стадии капитализма, монополистического, загнивающего и умирающего капитализма — империализма. Ленин писал: «... Широкая колониальная политика привела к тому, что европейский пролетариат отчасти попадает в такое положение, что не его трудом содержится все общество, а трудом почти поработанных колониальных туземцев. Английская буржуазия, например, извлекает больше доходов с десятков и сотен миллионов населения Индии и других ее колоний, чем с английских рабочих. При таких условиях создается в известных странах материальная, экономическая основа заражения пролетариата той или другой страны колониальным шовинизмом. Это может быть, конечно, лишь преходящим явлением, но тем не менее надо ясно сознать зло, понять его причины, чтобы уметь спланировать пролетариат всех стран для борьбы с таким оппортунизмом»¹).

Статью «Американские продукты питания и земельный вопрос», посвященную влиянию американской революции в земледелии на Европу, в частности на Англию, Энгельс заканчивает выводом, что это должно привести к тому, что «нам придется национализировать землю и обрабатывать ее кооперативными товариществами под контролем народа»²).

В статье «Теория заработной платы в толковании лиги борьбы против хлебных законов» Энгельс подвергает критике воззрение, что заработная плата изменяется обратно пропорционально цене продуктов питания.

В статье «Партия рабочих» Энгельс ратует за необходимость организации в Англии рабочей партии, которая отнюдь не являлась бы придатком «великой либеральной партии», а имела бы ясно выраженный пролетарский характер. Энгельс опровергает утверждение противников политической борьбы рабочего класса, что будто бы чартисты распались и ничего не сделали. Энгельс пишет: «Из шести пунктов Народной хартии два, а именно тайная подача голосов и отмена имущественного ценза, являются теперь законом страны. Третий пункт, всеобщее избирательное право, проведен, по крайней мере приблизительно, в форме избирательного права для квартиронанимателей; четвертый пункт, равные избирательные округа, определенно имеют в виду провести, как реформу, обещанную нынешним правительством. Так что крушение чартистского движения привело к осуществлению доброй половины чартистской программы»³). И в наши дни буржуазными учеными и публицистами культивируется мысль, что «чартисты мало что сделали и исчезли бесследно», недавно высказанная английским писателем Г. Д. Уэллсом в его беседе с товарищем Сталиным. Тов. Сталин ему ответил: «Чартисты и организованное ими забастовочное движение сыграли большую роль, заставили господствующие классы пойти на ряд уступок в области избирательной системы, в области ликвидации так называемых «гнилых местечек», осуществления некоторых пунктов «хартии». Чартизм сыграл свою немалую историческую роль и побудил одну часть господствующих классов пойти на некоторые уступки, на реформы, во имя избежания больших потрясений»⁴).

* * *

В статье «Хлопок и железо» Энгельс намечает ряд новейших тенденций в развитии капитализма. Энгельс отмечает в качестве отличительной черты депрессии, особенно в хлопчатобумажном и железоделательном производстве, ее затяжной характер. Капиталы промышленности, пишет Энгельс, «не могут объединиться для регулирования производства; они могут об-

¹) Ленин. Соч. Т. XII, стр. 79—80.

²) К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 577.

³) Там же, стр. 584.

⁴) Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 611. 10-е изд.

единиться лишь с одной целью: снизить заработную плату своим рабочим»¹⁾. Это бьет не в бровь, а в глаз теоретиков «организованного капитализма» всех мастей! «Разве все еще не понятно, — говорит Энгельс, — что фабриканты как класс более уже неспособны руководить великими экономическими интересами страны; более того, неспособны даже руководить самим процессом производства?»²⁾.

Ряд интересных замечаний по вопросу о новейших тенденциях развития капитализма имеется также в статье «Общественные классы — необходимые и излишние». Землевладельческая аристократия в Англии, указывает Энгельс, стала или экономически бесполезной или положительно вредной. Буржуазия, которая основала британскую колониальную империю, создала железнодорожную сеть, была необходимым классом, пока она выполняла важную функцию руководителя общественного производства: «Экономическая функция капиталистического класса заключалась действительно в том, чтобы создать современную систему паровых фабрик и паровых путей сообщения и сокрушить все экономические и политические препятствия, замедлявшие или тормозившие развитие этой системы»³⁾. Но для конца XIX в. характерна иная картина. Роль руководства перешла в руки служащих, а «капиталист продолжает класть в карман в виде дивидендов вознаграждения за эти функции, хотя он перестал их выполнять»⁴⁾. Капиталисты теперь заняты новой функцией, которая состоит в том, «чтобы спекулировать своими акциями на бирже». Энгельс также говорит о развитии акционерных товариществ, о процессах концентрации и обобществлении производства в огромных предприятиях, где наличие капиталистов излишне и вредно. Эта статья примыкает к фрагменту «Биржа», где Энгельс отмечал, что биржа с 1865 г. становится самой выдающейся представительницей капиталистического производства, что в Англии в результате бурного накопления капитала, протекавшего после кризиса 1866 г., «возрастала и масса рантье, людей, которым надоело вечное напряжение, связанное с ведением дел, и которые хотели лишь развлекаться или иметь лишь необременительные занятия в качестве директоров и членов наблюдательных советов и компаний»⁵⁾. Основоположники марксизма отметили ряд новых тенденций в развитии капитализма, которые привели в дальнейшем к смене режима свободной конкуренции монополий. Ленин же открыл империализм как последнюю стадию капитализма, как канун пролетарской революции, тем самым поднял на высшую ступень марксову теорию пролетарской революции.

Большое количество материалов рецензируемого тома посвящено проблемам исторического развития ряда стран. Ряд статей Энгельс посвящает прошлому Германии и событиям, свидетелем которых он был как их современник.

Работа «Марка» была напечатана Энгельсом в качестве приложения к немецкому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке» и выдержала при жизни Энгельса четыре издания. В этой работе, ставившей своей целью дать «краткий исторический очерк того древнейшего земельного строя германцев, от которого в наши дни сохранились только жалкие остатки, но который на протяжении всего средневековья служил основой и образцом всякого общественного строя...»⁶⁾, Энгельс прослеживает противоречивый процесс превращения свободных членов марки в современных ему свободных крестьян. Перед последними открываются отнюдь не радужные перспективы, так как научные методы сельскохозяйственного производства, рост техники должны уничтожить парцеллярное крестьянское хозяйство и заменить его крупной земельной собственностью. На основе этого анализа Энгельс делает революционные выводы. Выход — в коллек-

¹⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 589. Разрядка моя.—А. Р.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же, стр. 593.

⁴⁾ Там же, стр. 594.

⁵⁾ Фр. Энгельс «О «Капитале» Маркса», стр. 119—120. Партиздат. 1933.

⁶⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 629.

тивном социалистическом земледелии, выход в союзе рабочего класса и крестьянства. Крестьянство может само себе помочь «при содействии своих естественных союзников, рабочих...»¹⁾. Интересно отметить добавление, сделанное Энгельсом в отдельном оттиске: «Но как? Путем возрождения марки, но не в ее старой, пережившей себя, а в омоложенной форме; путем такого обновления общинного землевладения, при котором последнее не только обеспечит мелкокрестьянским общинникам все преимущества крупного хозяйства и применение сельскохозяйственных машин, но и доставит им средства организовать с помощью силы пара или воды наряду с земледелием также и крупную промышленность и притом на счет не капиталистов, а самой общины»²⁾. Победа колхозного строя в СССР на практике доказала правильность энгельсовского прогноза.

В статье «Вильгельм Вольф» Энгельс, пользуясь материалами статей Вольфа, дает небольшой очерк революции 1848 г. в Германии. Энгельс указывает, что вследствие общественной и политической отсталости Германии борьба с феодализмом, которая была всемирноисторической задачей буржуазии, велась последней только для видимости: «Трусливые, как всегда, немецкие буржуа пожертвовали своими общинами, т. е. политическими, интересами ради того, чтобы каждый из них мог спасти свои частные интересы, свой капитал. Лучше возврат к старому бюрократически-феодальному абсолютизму, чем победа буржуазии как класса, чем современное буржуазное государство, завоеванное революционным путем, при усилении революционного класса пролетариата! Таков был крик ужаса немецкой буржуазии, приведший к победе реакции по всей линии»³⁾.

В предисловии к книге «Крестьянская война в Германии» Энгельс останавливается на роли германского пролетариата, который в результате завершения буржуазной революции выдвинулся в качестве авангарда международной пролетарской борьбы. Энгельс отмечает два существенных преимущества немецких рабочих перед рабочими остальной Европы: 1) что они принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы и 2) что они усвоили опыт революционной борьбы всего мирового пролетариата. «...Немецкое практическое рабочее движение никогда не должно забывать о том, что оно развилось на плечах английского и французского движения, что оно могло попросту использовать их дорого купленный опыт и избежать теперь их ошибок, которые тогда были большей частью неизбежны»⁴⁾. Сила немецкого рабочего движения в том, что борьба ведется во всех трех ее направлениях: в теоретическом, политическом и практически-экономическом. Нельзя предсказать, продолжает Энгельс, как долго события позволят немецким рабочим занимать почетный пост авангарда международного рабочего движения. Энгельс призывает вождей освободиться от влияния традиционных представлений старого мировоззрения, ибо «социализм, с тех пор как он стал наукой, требует того, чтобы с ним и обращались как с наукой, т. е. чтобы его изучали»⁵⁾. Энгельс призывает немецких рабочих «сохранять истинно интернациональный дух, исключая возникновение какого бы то ни было патристического шовинизма и радостно приветствующий всякий новый шаг в пролетарском движении, от какой бы нации он ни исходил»⁶⁾. Яркий документ подлинно пролетарского интернационализма! В статье «Прусская водка в германском рейхстаге» Энгельс на примере истории винокурения показывает обусловленность социально-политической жизни Германии хозяйственными процессами.

«...Если Пруссия оказалась в состоянии, — пишет Энгельс, — мало-мальски переварить проглоченные в 1815 г. территории на западном берегу Эльбы, в

¹⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 645. Разрядка моя.—А. Р.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же, стр. 329.

⁴⁾ Там же, стр. 142—143.

⁵⁾ Там же, стр. 143.

⁶⁾ Там же. Разрядка моя.—А. Р.

1848 г. — подавить революцию в Берлине, в 1849 г., несмотря на рейнско-вестфальские восстания, встать во главе германской реакции, в 1866 г. — провести войну с Австрией, а в 1871 г. — подчинить всю Малую Германию руководству этой самой отсталой, самой косной, самой невежественной, еще полуфеодальной части Германии, если Пруссия могла все это сделать, то чему она этим обязана? — Винокурению¹⁾.

Серия статей посвящена бисмарковскому режиму.

Статья «Кризис в Пруссии» посвящена анализу положения об округах, в силу которого власть в земледельческих районах восточных провинций попрежнему останется в руках крупного землевладения. Это положение «отнимает у отдельного юнкера принадлежащую ему в силу феодальной привилегии власть, чтобы под видом самоуправления округов вернуть эту власть юнкерскому классу»²⁾. Статья «Социализм г-на Бисмарка» посвящена анализу двух крупных «социальных мероприятий» Бисмарка: 1) таможенного тарифа, который должен был обеспечить германской промышленности монопольную эксплуатацию мирового рынка, и 2) проекта концентрации всех железных дорог в руках имперского правительства.

О бисмарковском режиме также трактуют «Письмо к Биньями о германских выборах в 1877 г.» и другие.

Из статей, посвященных Франции, отметим «Замечание к странице «истории Коммуны», где Энгельс путем разбора фактического материала устанавливает главную ответственность вождя радикалов Гамбетты за осаду Парижа пруссаками.

Статьи, посвященные Англии, главным образом вращаются вокруг политической деятельности первого и второго министерств Гладстона. В статье «Английские выборы» Энгельс разоблачает убожество многих мероприятий либерального Гладстона, как например ирландского церковного билля и ирландского земельного билля.

Переходя к анализу рабочего движения, Энгельс констатирует отсутствие в Англии после крушения партии чартистов особой политической рабочей партии: «Рабочие, поскольку они участвовали в общей политике через особые организации, выступали в последнее время почти исключительно как крайнее левое крыло «великой либеральной партии», а при такой их роли великая либеральная партия, вполне естественно, надвигалась на них на каждых выборах»³⁾.

Выборы 1874 г., полагает Энгельс, открыли новую эру в политическом развитии Англии, ибо в парламент вступили, с одной стороны, рабочие, а с другой — ирландцы в виде сплоченной национальной партии.

Статья к «Ирландскому вопросу» посвящена разбору течений, существовавших в ирландском движении. Аграрное течение, отличаясь местным, разрозненным характером, никогда не сможет стать общей формой политической борьбы.

Либерально-национальная оппозиция городской буржуазии вынуждена была отыскивать лозунги, которые имели бы успех у крестьян. Энгельс указывает на О'Коннеля, который нашел такой лозунг в католической эмансипации и в отмене унии. В последнее время это направление избрало иной путь. «В то время как в социальной области земельная лига преследует более революционные... цели — полное устранение вторгшихся лендлордов, — политически она выступает довольно мирно и требует только home rule, т. е. местного ирландского парламента, который существовал бы рядом с общепарламентским парламентом и был подчинен ему»⁴⁾. Энгельс выясняет также причины поражения фениализма, течения, возникшего после американской гражданской войны.

Гладстону посвящены статьи, данные в «Приложении III»: 1) «Г-н Гладстон и русская интрига», написанная английским журналистом и членом Генерального

¹⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 307.

²⁾ Там же, стр. 85.

³⁾ Там же, стр. 127.

⁴⁾ Там же, стр. 619—620.

совета I интернационала Барри, по прямым указаниям Маркса и напечатанная 3 февраля 1877 г. в журнале «The whitehall Review», 2) «Г-н Гладстон», написанная Марксом и подправленная Барри, напечатана 3 марта 1877 г. в газете «Vanity Fair», 3) «Великий агитатор разоблачен», написанная Барри по прямым указаниям Маркса, напечатана 10 марта 1877 г. в газете «Vanity Fair».

Богатый материал в XV томе представлен и о России.

В России в 1870 годах на страницах крупнейших журналов вокруг «Капитала» завязалась ожесточенная полемика между виднейшими учеными и публицистами: Ю. Жуковским, Михайловским, Зибером и Чичериным. Ю. Жуковский¹⁾ рассматривал Маркса как утописта-социалиста, социальным идеалом которого являются докапиталистические общественные формации, когда работнику принадлежит полный продукт его труда. Как социолог, Маркс — представитель формалистического направления, рассматривающего исторический процесс как игру случайностей. Как экономист, Маркс, полагает Жуковский, оперирует искусно придуманными априорными диалектическими дедукциями, назначение которых — обосновать право рабочих на прибыль. В противовес марксовым экономическим взглядам Ю. Жуковский выдвинул свое понимание экономических проблем, близкое учению вульгарного Сэя. Выступлению Жуковского дал резкую ответную реплику Н. К. Михайловский. Выдвинув против Ю. Жуковского ряд правильных положений, Михайловский превратил эскиз Маркса о генезисе западноевропейского капитализма в историко-философскую теорию, обязательную для всех народов независимо от времени и места, следовательно, схему, обязательную и для России. «Такой обоюдоострый, страшный и вместе благодетельный, непреодолимый процесс «обобществления» труда, — писал Михайловский, — или, вернее, та форма обобществления, которую излагает Маркс, у нас на святой Руси очень мало подвинулась вперед. Крестьянин наш далеко не в такой мере «свободен» от земли и орудий производства, в какой это необходимо для пышного развития капиталистического производства... С другой стороны, капиталы наши представляют в сравнении с европейскими нечто крайне мизерное. Следовательно, нам предстоит еще пройти вслед за Европой весь тот процесс, который описал и возвел на степень философско-исторической теории Маркс. Разница, однако, в том, что нам придется повторить процесс, т. е. совершать его сознательно. По крайней мере, его должен сознавать тот русский человек, который уверовал в непреложность исторической теории Маркса»²⁾. В душе русского ученика Маркса должно происходить, по Михайловскому, столкновение нравственного чувства с исторической необходимостью. «Идеал его, — писал Михайловский, — если он — ученик Маркса, состоит, между прочим, в совпадении труда и собственности, в принадлежности рабочему земли и орудий и средств производства. Но в то же время, если он — ученик Маркса со стороны философско-исторического взгляда последнего, он должен радоваться разлучению труда и собственности, расторжению связи между работником и условиями производства, как первым шагом необходимого и, в конце концов, благодетельного процесса»³⁾.

Таким образом, Михайловский склонен был рассматривать историческую теорию Маркса как фаталистическую, игнорирующую активную деятельность людей. В ответ на воззрение Михайловского о применимости схемы первоначального капиталистического накопления к русской действительности Маркс отправил письмо в редакцию «Отечественных записок». Маркс писал: «Ему (Михайловскому. — А. Р.) непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию всеобщего пути, на который роковым образом обречены все народы, каковы бы

¹⁾ Ю. Жуковский «Карл Маркс и его книга о капитале». «Вестник Европы», кн. 5-я. 1877.

²⁾ Н. К. Михайловский «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского», стр. 325. «Отечественные записки» за октябрь 1877 г.

³⁾ Там же, стр. 326.

ни были исторические обстоятельства, в которых они оказываются, — для того, чтобы прийти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда наиболее полное развитие (каждого индивидуального производителя) человека. Но я прошу у него извинения. Это значило бы одновременно и оказать мне слишком много чести и доставить мне слишком много стыда»¹⁾. В качестве примера Маркс ссылается на древний Рим. Плебеи древнего Рима первоначально были свободными крестьянами, которые с течением времени были обезземелены. В ходе истории общество оказалось расколотым, с одной стороны, на свободных людей, лишенных всего, кроме своей рабочей силы, с другой стороны, на эксплуататоров этой силы в лице крупной поземельной собственности и владельцев крупных денежных капиталов. Однако римские пролетарии не сделались наемными рабочими, а хозяйство Римской империи не стало капиталистическим. «Таким образом, — заключает Маркс, — события, поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической среде, приводят к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой какой-нибудь общей историко-философской теории (объясняющей все сразу, потому что она не объясняет ничего), наивысшая добродетель которой состоит в ее надисторичности»²⁾. Что касается перспектив хозяйственного развития России, то Маркс писал: «Если Россия стремится стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, — а за последние... годы она немало потрудились в этом направлении, — она не достигнет этого, не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетариев...»³⁾. И в другом месте: «Если Россия будет продолжать (еще лет двадцать) идти по тому пути, по которому следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»⁴⁾. Интерпретируя это письмо Маркса, Ленин писал: «...Теория Маркса состоит в исследовании и объяснении эволюции хозяйственных порядков известных стран, и «приложение» ее к России может состоять только в том, чтобы, пользуясь выработанными приемами материалистического метода и теоретической политической экономии, исследовать русские производственные отношения и их эволюцию»⁵⁾.

Ту же постановку вопроса о судьбах русской общины мы встречаем и в предисловии к русскому изданию «Манифеста коммунистической партии», написанном Марксом и Энгельсом. Основоположники марксизма писали: «Если русская революция послужит сигналом рабочей революции на Западе, так что обе они пополнят друг друга, то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом коммунистического развития»⁶⁾. Таким образом, Маркс и Энгельс в 80-х годах полагали, что русская общинная собственность может развиваться в более высокую форму в условиях пролетарской революции на Западе, которая предоставит материальные средства для кооперирования русского мелкого единоличного хозяйства и перевода его на социалистические рельсы. Следует отметить, что в 90-х годах у Энгельса уже складывается иная оценка состояния русской общины. Так например в письме к Николай-ону от 15 марта 1892 г. Энгельс писал: «Повидимому, приближается момент, когда — по крайней мере, в некоторых округах — вся совокупность старых социальных устоев русской кре-

¹⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 377.

²⁾ Там же, стр. 378.

³⁾ Там же, стр. 377.

⁴⁾ Там же, стр. 376.

⁵⁾ Ленин. Соч. Т. I, стр. 166—167.

⁶⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 601. Разрядка моя.—А. Р.

стьянской жизни не только теряет свою ценность для отдельного, индивидуального крестьянина, но становится для него просто кандалами, точь-вточь как это случилось в прежние времена в Западной Европе. И я боюсь, что нам скоро придется рассматривать вашу общину как мечту о невозвратном прошлом и считаться в будущем уже с капиталистической Россией. Несомненно, таким образом, потеряны огромные шансы, но против экономических фактов нельзя ничего поделать»¹⁾.

Ту же мысль Энгельс проводит и в письмах к Николаю-ону от 18 июля 1892 г., 17 октября 1893 г. и 3 ноября 1893 г.

Итак, основоположники марксизма считали возможным некапиталистический путь развития отсталых стран под руководством победившего пролетариата, они придавали всемирноисторическое значение грядущей русской революции.

На основе своей теории империализма, возможности построения социализма в одной стране Ленин дальше развил учение Маркса—Энгельса о некапиталистическом развитии отсталых стран. На II конгрессе Коминтерна Ленин говорил: «Можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса. Мы ответили на этот вопрос отрицательно... Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития, — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»²⁾.

В статье «Славянскому митингу 21 марта 1881 г. в честь годовщины Парижской коммуны» Маркс и Энгельс отметили казнь Александра II как предвестник грядущей революции. Они писали: «Когда (около десяти лет назад) Парижская коммуна была подавлена после свирепой бойни, устроенной защитниками «порядка», победители меньше всего думали о том, что не пройдет и десяти лет, как в далеком Петербурге произойдет событие, которое после борьбы, — быть может, длительной и жестокой, — в конце концов должно неизбежно привести к созданию Российской коммуны»³⁾.

В этой статье отмечается также подъем рабочего движения в этот период вопреки правительственным декретам и исключительным законам. Великая Октябрьская революция, победоносное социалистическое строительство в СССР блистательно доказали правильность гениального пророчества Маркса и Энгельса, что победа русской революции будет продолжать дело Парижской коммуны. Но если у Маркса и Энгельса это была лишь гениальная догадка, то Ленин на основе своей теории империализма доказал возможность построения полного социалистического общества в стране пролетарской диктатуры, наметил конкретные пути экономической политики и постепенной переделки основных масс крестьянства в духе социализма, блистательно применив эти принципы к России — преемнице Парижской Коммуны.

В 1874 г. в Лондоне Ткачевым была издана брошюра «Задача революционной пропаганды в России», направленная против Лаврова, в которой он развивал бланкистскую схему революции в России. В одной из своих статей, напечатанной в газете «Der Volkstaat», отмечая всю эклектичность теоретических и политических взглядов Лаврова, «друга Петра», Энгельс в полемике Ткачева с Лавровым стал на сторону последнего. В ответ на это выступление Энгельса Ткачев отправил «Открытое письмо господину Фридриху Энгельсу», в котором он пытался доказывать, что «осуществление социальной революции в России не представляет никаких затруднений». Свои надежды на успешность социальной революции в России Ткачев строил на экономической ее отсталости. Помещичье земле-

¹⁾ Летописи марксизма № III (XIII), стр. 121. 1930.

²⁾ Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 354.

³⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 552.

владение и промышленность не представляют собой самостоятельной экономической силы, русское государство не имеет никаких корней в экономической жизни народа, оно одинаково давит все общественные классы. «Идея коллективной собственности, — писал Ткачев Энгельсу, — так крепко срослась со всем миросозерцанием русского народа, что теперь, когда правительство начинает понимать, что идея эта несовместима с принципами «благоустроенного» общества, и во имя этих принципов хочет ввести в народное сознание и народную жизнь идею частной собственности, оно может достигнуть этого лишь при помощи штыков и нагайки. Из этого ясно, что наш народ несмотря на свое невежество стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Западной Европы, хотя последние и образованнее его»¹). В ответ на письмо Ткачева Энгельс выступил в «Volkstaat», где на фоне анализа социальных отношений в России вскрыл, с одной стороны, бланкистский характер его воззрений на революцию, с другой стороны, его близость во взглядах на общину к Герцену и Бакунину. Отметим лишь высказывание Энгельса о судьбах русской общины: «...Общинная собственность в России давно уже пережила время своего расцвета и, по всей видимости, идет к своему разложению. Тем не менее неоспоримо, что существует возможность перевести эту общественную форму в высшую, если только она сохранится до тех пор, пока созреют условия для этого, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю уже не раздельно, а совместно; тогда русские крестьяне перейдут к этой высшей форме, минуя промежуточную ступень буржуазной парцеллярной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если в Западной Европе еще до окончательного распада этой общинной собственности произойдет победоносная пролетарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода, — в особенности материальные средства, которые нужны ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей системе земледелия»²).

Статьи Энгельса о России представляют большой интерес как материал в серии откликов основоположников марксизма на русское революционное движение, а также по постановке ряда проблем политического и методологического характера, например по вопросам о предпосылках революции, некапиталистического пути развития и др. В новых условиях, в условиях империалистического капитализма, эти проблемы были развиты Лениным, а в наши дни разрабатываются дальше тов. Сталиным. В своей работе «Что такое «друзья народа» Ленин говорит о рассмотренных работах Энгельса против Ткачева, что они представляют собой «очень ценные статьи об экономическом развитии России»³).

* * *

В XV томе напечатаны также «Замечания на книгу Адольфа Вагнера», очевидно, посмертная работа Маркса, в которой с исключительной глубиной поставлен ряд проблем политической экономии, в особенности теории товара.

Предметом своего исследования Маркс считает не «стоимость» и не «меновую стоимость», а товар, который он определяет как «конкретный общественный образ продукта труда», как «простейшую экономическую конкретность»; Маркс пишет, что он исходит «из простейшей общественной формы, в которой продукт труда представляется в современном обществе, это — «товар»⁴).

Как известно, Гильфердинг и Рубин считают, что предметом исследования у Маркса является стоимость, которую они также трактуют идеалистически, а

¹) П. Н. Ткачев. Том III, стр. 91. Издательство Всесоюзного общества политкажран и ссыльнопоселенцев. М. 1933.

²) К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 261.

³) Ленин. Соч. Т. I, стр. 38.

⁴) К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 468.

не товар. Тем самым они предметом исследования берут не реальность как единство противоположностей, а одну из противоположностей.

Маркс вскрывает вздорность попыток Вагнера и вообще немецких экономистов «присовокуплять» к анализу товара «государственные блага», «общинные блага» и т. п. «Там, где государство само капиталистический производитель, как при эксплуатации рудников, лесов и т. д., его продукт есть «товар» и обладает поэтому специфическим характером всякого другого товара»¹). По Вагнеру, из понятия стоимости следует вывести потребительную стоимость и затем меновую стоимость. Маркс замечает «тёмному мужу» (Вагнеру), что следует исходить не из «понятий», а из конкретного товара. «Я анализирую последний (товар.—А. Р.),—пишет Маркс,—и притом сначала в той форме, в которой он проявляется. Здесь я нахожу, что, с одной стороны, товар в своей натуральной форме есть предмет потребления или потребительная стоимость, а с другой стороны, носитель меновой стоимости, и с этой точки зрения он сам—меновая стоимость. Дальнейший анализ последней показывает мне, что меновая стоимость есть лишь «форма проявления», самостоятельная форма представления содержащейся в товаре стоимости, и тогда я перехожу к анализу последней»²).

Если для Маркса потребительная стоимость и стоимость являются объективными противоположностями конкретного товара, то у Вагнера они являются результатом «выведения» из понятия стоимости. На позициях Вагнера в наши дни стоят по существу Гильфердинг и Рубин. Гильфердинг писал: «Противоположность определений товара, как потребительной ценности и ценности, противоположность натуральной и ценностной формы, выступает теперь перед нами как противоположность самого товара, поскольку он, с одной стороны, является естественной вещью, а с другой стороны,—общественной вещью. Здесь таким образом мы действительно имели дело с дихотомией, когда один явлен исключает другой и наоборот. Однако это лишь противоречие способов рассмотрения»³). По Рубину, противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью «вытекает из противоположности между методом естественно-научным, изучающим товар как вещь, и методом социологическим, изучающим общественные производственные отношения, «сращенные с вещью»⁴). Более того, по Рубину, диалектика марксовских категорий представляет собой логическую эманацию категории стоимости. «Диалектика» категорий у Рубина напоминает процессию бесплотных царственных теней в шекспировском «Макбете».

Большое внимание Маркс уделяет в своих замечаниях категории потребительной стоимости, выдвигая ряд формулировок, разъясняющих трактовку этой категории в «Капитале» и в других его работах. На основании замечания Маркса в I томе «Капитала», что потребительные стоимости товаров доставляют материал особой дисциплине—товароведению, Вагнер утверждал, что у Маркса потребительная стоимость не играет никакой роли. Гильфердинг и Рубин также выбрасывают потребительную стоимость за борт политической экономии, отводя ей лишь роль вещественной предпосылки стоимости. Маркс указывает, что уже в I томе «Капитала» он писал, что товар обладает не просто потребительной стоимостью, но потребительной стоимостью для других, общественной потребительной стоимостью: «...потребительная стоимость—как потребительная стоимость «товара»—сама обладает специфически историческим характером»⁵).

Маркс также подвергает критике Родбертуса, который под общественной потребительной стоимостью понимал общепользный характер продукта вообще,

¹) К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 469. Разрядка моя.—А. Р.

²) Там же, стр. 467.

³) Гильфердинг «Бем-Баверк как критик Маркса», стр. 13, изд. 1923 г.

⁴) И. И. Рубин «Очерки по теории стоимости», стр. 28. 4-е изд. Гиз. 1929.

⁵) К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 468.

независимо от общественной формы, в которой он производится, тем самым превращая «общественную потребительную стоимость товара» в «общественную потребительную стоимость» вообще.

Выдвинув в виде примера роль потребительной стоимости в развитии стоимостной формы товара, где стоимость одного товара представляется в потребительной стоимости другого товара, а также образование прибавочной стоимости из «специфической» потребительной стоимости рабочей силы, Маркс пишет: «...У меня потребительная стоимость играет важную роль совершенно иначе, чем в прежней политической экономии, но — и это надо заметить — она принимается во внимание всегда лишь там, где такое исследование вытекает из анализа данных экономических образований, а не из умствований по поводу понятий или слов «потребительная стоимость» и «стоимость»¹⁾. Идеалистический метод «выведения» понятий привел Родбертуса к оспариванию правомерности противопоставления потребительной стоимости меновой, ибо недопустимо противопоставление исторического понятия логическому.

Маркс считает эти рассуждения Родбертуса глубоко неправильными, ибо он исходит из «понятия» стоимости, а не товара как «социальной вещи». Маркс пишет: «...Стоимость» товара лишь выражает в исторически развитой форме то, что существует также, хотя и в другой форме, во всех других исторических общественных формах, а именно общественный характер труда, поскольку последний существует как затрата общественной рабочей силы. Если, таким образом, «стоимость» товара есть лишь определенная историческая форма чего-то существующего во всех общественных формах, то это же относится к «общественной потребительной стоимости», поскольку она характеризует «потребительную стоимость» товара²⁾. Итак, оба фактора товара — и потребительная стоимость и стоимость — обладают специфически историческим характером, родбертовское деление категорий на исторические и логические представляет собой игру в дефиниции. Отметим также высказывание Маркса по вопросу о роли производства и обмена в образовании стоимости: «...В современном обороте, конечно, имеет место образование меновой стоимости, как это известно всякому грюндеру, фальсификатору товаров и т. п., которое не имеет ничего общего с образованием стоимости, но зорко следит за уже «образованными» стоимостями»³⁾. Заслуживает большого внимания замечание Маркса по вопросу о стоимости рабочей силы: «Я... при определении стоимости рабочей силы исхожу из того, что ее стоимость действительно оплачивается, что фактически не имеет места»⁴⁾.

В ответ утверждению, приписываемому «темным мужем» Марксу, что будто прибавочная стоимость, производимая только рабочими, представляет собой «грабеж» рабочего, Маркс пишет: «...Товарное производство на известном пункте неизбежно становится «капиталистическим» товарным производством и... согласно господствующему в нем закону стоимости, «прибавочная стоимость» причитается капиталисту, а не рабочему»⁵⁾. Таким образом для Маркса товарное производство — это не модель исследователя, желающего осознать мир хозяйственных явлений, как это полагают Зомбарт, Рубин и другие, а исторический и логический *prius* по отношению к капитализму.

Концепция Рубина стирает всякие грани между капиталистическим производством и товарным; по Рубину, простой товаропроизводитель, по существу, является капиталистом. Так например мы у него читаем: «Если при капитализме закон количественных пропорций обмена видоизменяется по сравнению с простым товарным обращением, то качественная сторона обмена одна и та же, и только

¹⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 469.

²⁾ Там же, стр. 475.

³⁾ Там же, стр. 458.

⁴⁾ Там же.

⁵⁾ Там же, стр. 482.

ее анализ дает возможность придти к пониманию количественных пропорций»¹⁾. Таким образом, для Рубина нет принципиального отличия между обменом в условиях простого товарного производства и капиталистического. Здесь Рубин ничем не отличается от любого капиталиста, который «любит в своем представлении смешивать свой вид собственности и присвоения, покоящийся в своем дальнейшем развитии на присвоении чужого труда и в своем начале на экспроприации непосредственного производителя, с тем способом производства, который, наоборот, предполагает частную собственность непосредственного производителя на его условия производства,—предпосылка, при которой был бы невозможен капиталистический способ производства в земледелии и в промышленности, и поэтому также изображать все нападки на последнюю форму присвоения как нападки на эту заработанную собственность, даже как на всякую собственность»²⁾. Социал-фашистская теория Рубина является питательной базой контрреволюционного троцкизма, отрицающего возможность социалистической переделки мелкого товарного производства. Гильфердинг, Рубин, а до них «легальный марксист» Сергей Булгаков, ныне облачившийся в христианскую ливрею проповедника слова божьего, утверждали, что в учении о форме стоимости проходит водораздел между Марксом и классиками, что именно учение о форме стоимости составляет наиболее своеобразную часть марксовой теории стоимости. В «Критике политической экономии», «Капитале» и «Теориях...» имеется богатейший материал по вопросу о недостатках трактовки у классиков именно содержания стоимости. В «Замечаниях на книгу Адольфа Вагнера» мы также читаем: «Г-н Вагнер мог бы как из «Капитала», так и из сочинения Зиберера (если бы он знал русский язык) увидеть разницу между мною и Рикардо, который на деле занимался трудом лишь как мерой величины стоимости и в силу этого не нашел никакой связи между своей теорией стоимости и сущностью денег»³⁾.

Таким образом, Маркс видит отличие теории стоимости Рикардо от своей теории не в учении о форме стоимости, а в субстанции стоимости, под которой он понимает труд как затрату общественной рабочей силы, что, конечно, и не исключает того обстоятельства, что, как писал Маркс, классическая школа «рассматривала форму стоимости, как нечто совершенно безразличное и даже внешнее по отношению к природе товара».

Вагнер утверждал, что теория стоимости Маркса—краеугольный камень построенной им «социалистической системы». Шеффле говорил о наличии стоимости в «социалистическом государстве». Маркс считает фантазией утверждение Вагнера, Шеффле и tutti quanti, что он является автором «социалистической системы». Схоластическому методу буржуазной науки, методу соединения понятий, когда «словами диспуты ведутся, из слов системы создаются», Маркс противопоставляет свой «аналитический метод, исходящий не из человека, а из экономически данного общественного периода...»⁴⁾.

В XV томе напечатан ряд статей Энгельса, чрезвычайно ценных как материал для истории рабочего движения той эпохи и для биографии Маркса и его семьи.

К этим статьям относятся «Женни Маркс, урожденная фон-Вестфаллен»; «Речь над могилой Женни Маркс»; «Женни Лонге, урожденная Маркс»; «Набросок надгробной речи на могиле Маркса»; «Похороны Карла Маркса»; «К смерти Карла Маркса».

XV том представляет интерес не только для узкого круга читателей, изучающих последнее десятилетие жизни К. Маркса, он должен быть объектом углубленного изучения нашим партийным активом.

А. РЕУЭЛЬ.

¹⁾ И. И. Рубин «Очерки», стр. 104. 3-е изд.

²⁾ «Из неопубликованных рукописей К. Маркса». «Правда» № 98/5263 от 8 апреля 1932 г.

³⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 456.

⁴⁾ Там же, стр. 470.

В ИЮНЕ
ВЫЙДЕТ № 3 ЖУРНАЛА
„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА“

со следующим содержанием:

- Передовая — Социализм и кадры
Богданов — Критика Лениным эклектики оппортунизма во время профсоюзной дискуссии
Магрелидзе — Н. Я. Марр и философия марксизма
Максимов А. — К. А. Тимирязев (к пятидесятилетию со дня смерти)
Переписка К. А. Тимирязева и А. М. Горького
Страницы из биографии К. А. Тимирязева
Фризен Г. — Генетика и фашизм
Покровский Г. — О втором начале термодинамики
Молодший В. — Обоснование аксиом геометрии

КОНСУЛЬТАЦИЯ

- Берестнев В. — Логика фракционной борьбы
(От оппозиции к контрреволюции)

С НАУЧНОГО ФРОНТА

- Вендровский В. — Работа Института экспериментальной биологии

БИБЛИОГРАФИЯ

- Познер В. — Пристли Джозеф. Избранные сочинения
Волков Н. — «История техники», 2-й сборник
Злотов М. — Проф. Мейстер «Критический очерк основных понятий генетики».
От Коммунистической академии

редакционная коллегия
журнала „ПЗМ“

В. В. Адоратский, М. Б. Митин, Э. Кольман, П. Ф. Юдин, А. А. Максимов, А. М. Деборин, А. К. Тимирязев.

Адрес редакции: Москва, 19, Волхонка, дом, 14, комната 328. Здание Комкадемии
Тел. 1-24-27.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПОДПИШИТЕСЬ НА ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

14-й ГОД ИЗДАНИЯ

Журнал выходит под редакцией Адоратского В. В., Митина М. Б., Кольмана Э., Юдина П. Ф., Максимова А. А., Деборина А. М., Тимирязева А. К.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксизма-ленинизма — ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» ведет неуклонную борьбу на два фронта: с механистической ревизией марксизма, с меньшевистствующим идеализмом и со всякого рода вульгаризаторством и упрощенчеством в марксистской теории.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» являются действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, освещение материалистической диалектики в работах т. Сталина, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революцией.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» объединяет для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, систематически выращая большевистски выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, материалистическая диалектика, исторический материализм, история материализма, история социализма, критика фашизма и социал-фашизма, отдел теоретической экономики, теории советского хозяйства, естествознания и техники, литературы и искусства, психологии; антирелигиозный отдел, дискуссионный отдел, отдел работы семинаров ИКП; критика и библиография; отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, научных работников общественно-экономических и естественных дисциплин, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием, и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1935 ГОД:

на 1 год — 18 руб., на 6 мес. — 9 руб., на 2 мес. — 3 руб.

Цена отдельной книжки 3 руб.

Подписка принимается повсеместно «Союзпечатью», почтой, письменносцами и организаторами подписки на предприятиях и в учреждениях. Розничная продажа журнала производится во всех киосках «Союзпечати».